

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЭКСПАНСИЯ
МОНГОЛЬСКОЙ
ИМПЕРИИ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ
СЕНТЯБРЬ 2018

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЭКСПАНСИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ

ТОМ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ

Под общей редакцией
А.А. Горского

ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Редакция

- А.Э. Титков**
главный редактор, кандидат исторических наук
- Ф.Г. Тараторкин**
зам. главного редактора, кандидат исторических наук
- И.Я. Керемецкий**
зам. главного редактора, художественный редактор, член-корреспондент Международной академии культуры и искусства
- Т. Лефко**
редактор английской версии
- Е.А. Радзиевская**
ученый секретарь

Редакционный совет

- С.П. Брюн**
сотрудник Музеев Московского Кремля
- В.З. Голдман**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Университета Карнеги-Меллона
- А.А. Горский**
доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН
- С.В. Девятов**
доктор исторических наук, профессор, советник директора ФСО России, заведующий кафедрой истории России XX–XXI вв. Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова
- Д.Р. Жангиев**
кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- С.М. Исаков**
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций
- Г. Кантор**
доктор философии Оксфордского университета, Сент-Джонс колледж
- Т.Ю. Кобищанов**
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова
- И.В. Курукин**
доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Средневековья и Нового времени Факультета архивного дела Историко-архивного института РГГУ и Учебно-научного института русской истории РГГУ
- Г.Д. Ленхофф**
Ph.D., профессор кафедры истории Исторического факультета Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе
- А.В. Марей**
кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Центра фундаментальной социологии НИУ ВШЭ
- Ф. Мартинес Мартинес**
профессор истории права, Мадридский университет Комплутенсе
- Д. Панатери**
Ph.D., доцент истории права Университета Буэнос-Айреса
- Е.И. Пивовар**
председатель редакционного совета, доктор исторических наук, президент РГГУ, профессор, член-корреспондент РАН
- А.Л. Смышляев**
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой культуры МГУ имени М.В. Ломоносова
- А.Э. Титков**
кандидат исторических наук, проректор РГГУ
- А.А. Удунян**
доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН
- Я.М. Хамеен-Анттила**
профессор арабских и исламских исследований, Эдинбургский университет

THE HISTORICAL REPORTER

Editorial Administrative Committee

- Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)
- Filipp G. Taratorkin
Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Historical Sciences (Ph.D.)
- Igor Ya. Keremetskiy
Deputy Editor-in-Chief, Art Editor, Corresponding Fellow of International Academy of Art and Culture
- Todd Lefko
Editor of the English Version
- Elizaveta A. Radzievskaya
Academic Secretary

Editorial Board

- Sergei P. Brun
Staff member at the Moscow Kremlin Museums
- Wendy Z. Goldman
Ph.D., Paul Mellon Distinguished Professor of History at Carnegie Mellon University, History Department
- Anton A. Gorskiy
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Moscow State University, Historical Faculty, Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History
- Sergey V. Deviatov
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Adviser to the Director of Federal Protective Service of Russia, Head of Russian History in XX–XXI cc. Department at Moscow State University, Historical Faculty
- Dmitriy R. Zhantiev
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Associate Professor at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Salavat M. Iskhakov
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Distinguished Researcher of Russian Academy of Sciences Institute of Russian History. Vice-Chairman of the Scientific Council of Russian Academy of Sciences on the History of Social Reforms, Movements and Revolutions
- Georgy Kantor
D.Phil. (Ancient History), St. John's College, University of Oxford
- Taras Y. Kobischanov
Associate Professor of the Department of Near and Middle Eastern History at Moscow State University, Institute of Asian and African Studies
- Igor V. Kurukin
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Professor at Russian State University for the Humanities Institute for History and Archives, Medieval and Modern History Department
- Gail D. Lenhoff
Ph.D., Professor at University of California Los Angeles, History Department
- Alexander V. Marey
Candidate of Sciences in Theory and History of Law and the State (L.D.), Distinguished Researcher of Higher School of Economics, Center of Fundamental Sociology
- Faustino Martínez Martínez
Associate Professor of Complutense University of Madrid, History of Law and Institutions Department
- Daniel Panateri
Doctor in History (Ph.D.), Lecturer at the University of Buenos Aires, History of Law
- Efim I. Pivovarov
Chairman of the Editorial Board, Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), President of Russian State University for the Humanities, Professor, Corresponding Fellow of Russian Academy of Sciences
- Alexander L. Smishliaev
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Senior Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute, Distinguished Researcher of Moscow State University, Institute of World Culture
- Alexey E. Titkov
Candidate of Historical Sciences (Ph.D.), Vice-Rector of Russian State University for the Humanities
- Arutyun A. Ulunyan
Doctor of Historical Sciences (Dr. habil.), Chief Researcher at Russian Academy of Science, Word History Institute
- Jaakko Markus Hämeen-Anttila
Professor at University of Edinburgh, Arabic and Islamic Studies

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий номер продолжает тему, начатую в № 10 («Монгольские завоевания и Русь», 2014 г.). Он посвящен особенностям власти Монгольской империи в разных регионах. Политическое образование, которое принято так именовать в науке, было создано Чингис-ханом в начале XIII в. и достигло пика могущества в середине столетия, когда под властью потомков Чингис-хана оказалась территория от Тихого Океана на Востоке до Нижнего Дуная, Малой Азии и Сирии на Западе и от сибирской тайги на Севере до Гималаев и Аравийского моря Индийского океана на Юге. Но в это же время наметились тенденции к распаду империи на отдельные улусы. Традиционно считается, что с 1260-х гг. можно говорить о самостоятельном существовании четырех крупных государственных образований под властью потомков Чингис-хана: улуса великого хана или государства Юань (занимало Монголию и Китай), улуса Чагатай (по имени сына Чингис-хана) в Центральной Азии, улуса Джучи (по имени старшего сына Чингис-хана) или Золотой Орды, занимавшего Восточную Европу, Южную Сибирь и степи будущего Казахстана, и улуса Хулагу (по имени внука Чингис-хана), располагавшегося в Иране, Закавказье и Малой Азии. Но формальное единство Монгольской империи под номинальным верховенством великого хана (императора Юань), со столицей в Даду (будущий Пекин), признавалось правителями улусов и позже¹. Окончательное падение империи произошло 650 лет назад, в 1368 г., когда Юаньская династия была свергнута и завоеватели изгнаны из Китая. Тем не менее политические традиции, сложившиеся в период существования Монгольской империи, оказывали значительное влияние на государства Азии и Восточной Европы, сформировавшиеся на бывшей ее территории, в течение длительного времени. Этой теме посвящена статья, открывающая номер — «Земля одержала верх» (о не-

¹ См.: Почekaев Р.Ю. Золотая Орда: история в имперском контексте. М., 2017.

которых закономерностях социально-политического развития Рах Mongolica)» В.В. Трепавлова. В работе А.А. Горского рассматриваются политические обстоятельства установления опосредованного, с сохранением местных князей, характера власти Монгольской империи над русскими землями после походов Батыя в Европу 1237–1242 гг. В статье С.А. Масловой изучается вопрос о месте монгольской имперской администрации в управлении Русью в 1240–1260-е гг. Б. Дашдондог анализирует отношения монголов (улуса Хулагу) с Киликийской Арменией в контексте политической ситуации на Ближнем Востоке в третьей четверти XIII в. Р. Хаутала приводит и комментирует обширный материал западноевропейских источников о деятельности Ордена францисканцев в улусе Джучи в период его максимального могущества — при хане Узбеке (первая половина XIV в.).

В разделе «Научная жизнь» впервые публикуется стенограмма Годичного собрания Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции», которое состоялось 25–26 апреля 1989 г. в стенах Института истории СССР АН СССР. Состоявшаяся тогда острая дискуссия была связана с начавшейся в 1985 г. в стране «перестройкой», которая поставила историков, изучающих революционную проблематику, перед новыми проблемами.

В разделе «Источники» продолжается начатая в № 21 публикация воспоминаний известного британского журналиста М.Ф. Прайса о 1917 г. в России, которые были изданы в 1921 г. в Лондоне. Перевод его книги был подготовлен с участием ряда известных советских историков к 1973 г., но так и не был издан в СССР.

А.Э. Титков

*главный редактор журнала
«Исторический вестник»*

EDITORIAL

This issue continues the topic begun in issue No. 10 («The Mongol Conquest and Medieval Rus'», 2014). It is dedicated to various traits of the Mongol Rule in different regions of Europe and Asia. The Mongol Empire was created by Genghis Khan in the beginning of the 13th century; it reached the height of its power in the middle of the century, when Genghis Khan controlled the territory stretching from the Pacific Ocean in the East to the Lower Danube, Asia Minor and Syria in the West and from the Siberian taiga in the North to the Himalayas and the Arabian Sea of the Indian Ocean in the South. However, at the same time, the Mongol Empire began to disintegrate into separate Uluses. Traditionally it is believed that the four large state entities under the rule of Genghis Khan's descendants began their independent existence in the 1260s: the Empire of the Great Khan or the Yuan (which occupied Mongolia and China), the Chagatai Khanate (named after Genghis Khan's son) in Central Asia, the Ulus of Juchi (named after Genghis Khan's eldest son) or the Golden Horde, which occupied Eastern Europe, South Siberia and the steppes of the future Kazakhstan, and the Ulus of Hulagu (named after Genghis Khan's grandson), which occupied Iran, Transcaucasia and Asia Minor. However, the formal unity of the Mongol Empire under the nominal rule of the Great Khan (the Yuan Emperor), with its capital in Dadu (future Beijing), was recognized by the rulers of Uluses even in the later periods. The Empire's final collapse took place 650 years ago, in 1368, when the Yuan dynasty was overthrown and the conquerors were expelled from China. Nevertheless, the political traditions established during the existence of the Mongol Empire had a significant impact on the Asian and Eastern European states that had been formed on its former territory. The article «The Earth Has Got Over (about some regularities of the sociopolitical development of Pax Mongolica)» by Vadim V. Trepavlov devoted to this topic is the main feature of the issue. Anton A. Gorsky in his works discusses the political circumstances of the establishment of

a mediated, with the preservation of local princes, nature of the power of the Mongol Empire over the Russian lands after Batu's campaigns in Europe in 1237–1242. The article by Svetlana A. Maslova examines the issue of the Mongol imperial administration in the management of the Ancient Rus' in the 1240–1260s. Dashdondog Bayarsaikhan analyzes the relations of the Mongols (Ulus of Hulagu) with Cilician Armenia in the context of the political situation in the Middle East in the third quarter of the 13th century. Roman Hautala cites and comments on extensive material from Western European sources on the activities of the Franciscan Order in the Ulus of Jochi during the period of its supreme power — under Öz Beg Khan (first half of the 14th century).

In the «Academic Life» section you will find the first ever publication of the Annual People's Council of the U.S.S.R. Academy of Science transcript, dedicated to the «History of the October Socialist Revolution» (April 25–26 1989, having taken place in the Institute of History of the Soviet Academy of Science). The rather open and tense discussion is closely tied to the «Perestroika» reforms that began in 1985 and forced the historians, studying the Revolution, face to face with new problematics.

In the «Sources» section you will find the continuation of the memoirs of the well-known British journalist M. Philips Price about the year 1917 in Russia (they were first published in 1921, and the first part of the Russian translation was published in Issue No. 21 of The Historical Reporter).

Previously the translation was prepared by several famous Soviet historians in 1973, yet it never got a chance to be published in the U.S.S.R.

Alexey E. Titkov
Editor-in-Chief

*Comments to the authors may be submitted
to the Editor — historical.reporter@gmail.com*

СОДЕРЖАНИЕ

В.В. Трепавлов. «Земля одержала верх»

(О некоторых закономерностях социально-политического
развития Рах Mongolica) 10

А.А. Горский. Установление взаимоотношений

Монгольской империи и Руси: казус Ярослава Всеволодича 30

С.А. Маслова. Роль центральной администрации

в организации монгольской власти на Руси 40

Dashdondog Bayarsaikhan. Mongol Penetration into the Near East

and the Armenians (1260–1277) 58

Р. Хаутала. Латинские источники о миссионерской

деятельности францисканцев в Золотой Орде
в правление хана Узбека (1313–1341) 76

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«Великий Октябрь и гражданская война»:

обсуждение плана работы Научного совета АН СССР (1989 г.) 120

ИСТОЧНИКИ

М.Ф. Прайс. «Мои воспоминания о Русской революции» 224

CONTENTS

EXPANSION OF THE MONGOL EMPIRE

Editor: Anton A. Gorskiy

Vadim V. Trepavlov. «The Earth Came out on Top» (about some regularities of the sociopolitical development of Pax Mongolica)	10
Anton A. Gorskiy. The Establishment of Relations between the Mongol Empire and Medieval Rus': the Case of Yaroslev II Vsevolodich	30
Svetlana A. Maslova. The Role of Central Administration in the Mongolian Reign in the Rus'	40
Dashdondog Bayarsaikhan. Mongol Penetration into the Near East and the Armenians (1260–1277) / published in English	58
Roman Hautala. Latin Sources on the Missionary Activity of the Franciscans in the Golden Horde during the reign of Khan Uzbek (1313–1341).....	76

ACADEMIC LIFE

«The Great October and Civil War»: Discussion of the Plan of Work of Academy of Sciences of the U.S.S.R. (1989)	120
--	-----

SOURCES

«My Reminiscences of the Russian Revolution» by M. Philips Price	224
--	-----

В.В. Трепавлов

«ЗЕМЛЯ ОДЕРЖАЛА ВЕРХ»

(О некоторых закономерностях
социально-политического развития *Rax Mongolica*)

ормы социальной организации кочевников Евразии оставались малоподвижными на протяжении столетий. Первые каганаты V–IX вв. и ханства позднего Средневековья были сходны по многим параметрам. Это позволяет предполагать существование определенной парадигмы кочевой потестарности-государственности, некоего набора существенных характеристик, присущих кочевникам на всем протяжении их истории (по крайней мере, с рубежа эр до XVII в.). В политическом развитии евразийских степей просматривается действие некоей матрицы, маятникового движения от разрозненных кочевых общин к каганатам/империям и обратно. Периодически возникала тенденция к объединению кочевого мира. Она парадоксально сочеталась с незыблемостью института атомизированных мелких кочевых коллективов (*улусов*), ведущих автономное скотоводческое хозяйство. Эта тенденция заметна и в периоды между существованием кочевых империй.

Известно, что кочевая экономика была нестабильной, зависела от природных изменений и политических катаклизмов. Соответственно скотоводческим социумам была присуща и стадийная цикличность¹. Существует

¹ См., напр.: Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. 4-е изд., доп. СПб., 2008. С. 280, 404.

много однотипных примеров вырастания кочевых улусов в могущественные степные державы, которые впоследствии распадались и возвращались к исходной стадии кочевого улуса. Уже а priori, до конкретного рассмотрения развития каждого из таких образований, можно предположить, что в организации улуса содержался потенциал для превращения его в кочевую империю. Такой потенциал пребывал в «летаргии», в ожидании подходящих условий.

Данное утверждение верно, очевидно, не только для кочевого общества. Но именно для него наличие черт, признаков, элементов, компонентов различных стадий развития было гораздо более актуальным, чем для оседлых цивилизаций. Когда совокупность земледельческих общин достигает уровня государственности, то черты предыдущих уровней развития (так называемые уклады) начинают постепенно отмирать за ненадобностью. Общество все жестче конституирует себя на новой стадии и совершенствует свое новое состояние. Следы предшествующей социальной истории понемногу хиреют и исчезают как пережитки.

У кочевников же все по-иному. Они, проживая, например, в раннем государстве, не допускают отмирания признаков вожества, поскольку первая же эпидемия, эпизоотия или вражеская агрессия способны уничтожить их нестабильную (по определению) политическую структуру, и им придется возвращаться на один из предыдущих этапов развития. Вся общественная организация степняков была объективно подготовлена к подобным перипетиям. Невостребованные до поры до времени схемы социального жизнеустройства откладывались в исторической памяти, обычном праве, героическом эпосе (как своде образцов для подражания предкам) и др.

В историографии хорошо изучено постепенное формирование в архаичных обществах различных властных институтов с разным предназначением (распределение ресурсов, война, поддержание порядка в социуме). В эпическом фольклоре, богатырских сказаниях, в том числе тюркских и монгольских, отчетливо просматривается диалектика военной функции власти. Сначала все обязанности правителя (обустройство и защита народа, связь с божественными силами) сосредоточены в персоне одного героя-вителя. Затем появляется мудрец-советник, который олицетворяет сакральную функцию власти (как Улуг Тюрк при Огуз-хане или Алтан Чэджи при Джангаре). Главный же герой остается правителем и воином, предводителем преданных дружинников. Следующий этап развития образа эпического героя — это хан, при котором

состоят советник и главный дружинник². Затем, наряду с ними, появляются служители ставки, чиновники, и эпос превращается в историческое предание.

Все эти явления удобно изучать на истории Монгольской империи и ее северо-западной провинции — Улуса Джучи (Золотой Орды), хорошо обеспеченных источниками. Традиционные нормы государственного строительства и организации экономики, культурные стандарты, присущие кочевникам и практиковавшиеся у монголов в начальный период создания империи, оказались наиболее жизнеспособными на ее степных территориях — в Коренном юрте (Монголии) и Джучиевом улусе. Этого нельзя сказать об улусах Чагатай (в его мавераннахрской части) и Хулагу. Оседлые цивилизации, включенные в империю Чингисидов, имели собственную развитую государственность и культуру, поэтому правление завоевателей там осуществлялось руками местных властей (Русь, Уйгурия, страна енисейских кыргызов и др.), или пришельцы-монголы сами перенимали локальные административные системы.

Нужно учитывать, что в первые десятилетия после смерти Чингис-хана его авторитет как основателя державы и сакрализованного предка регламентировал многие аспекты внутриимперских отношений. Преклонение перед создателем Еке Монгол Улуса обеспечило на первых порах сохранение освященных им политических структур и идеологических конструктов. Однако со временем, по мере развития социальных процессов в улусных ханствах и аккультурации центральноазиатских мигрантов на завоеванных землях, постепенно складывались иные формы политической, хозяйственной и культурной жизни. В улусных ханствах набирали силу мощные традиции, которые существовали в поработанных странах до завоевания. Их правящие элиты вынуждены были приспосабливаться к местным условиям. Джучиды и Хулагуиды приняли ислам и вместе с ним ориентацию на городское мусульманское чиновничество и купечество; юаньские императоры китаизировали двор и все государство, установив налогообложение, провинциальное деление и чиновничий аппарат в традиционно китайских формах.

Улус Джучи существовал в относительно более многомерном цивилизационном пространстве, чем чингисидские ханства в Средней Азии, Иране и Китае. Опора верховной власти не только на квалифицированных бюрократов

² См. об этом: *Трепавлов В.В.* Вождь и жрец в эпическом фольклоре тюркских и монгольских народов // *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 1. Улан-Удэ, 2004. С. 76–100; *он же.* Улусный субстрат и имперский суперстрат: поиск «ядра» кочевой государственности // *Монгольская империя и кочевой мир*. Кн. 2. Улан-Удэ, 2005. С. 71–84.

Монгольская империя во второй половине XIII в.

тов, но и, в равной степени, на сотни тысяч рядовых степняков — основную массу налогоплательщиков и основу армии, — которые сохраняли привычный и престижный кочевой образ жизни, придавала этому государству своеобразие, порождала сосуществование кочевых и оседлых традиций и институтов. В зависимости от разнообразных политических перипетий, экономических трансформаций и природных катаклизмов, локальный оседло-земледельческий цивилизационный субстрат (подпитывавшийся в основном из Хорезма и отчасти из Крыма и бывшей Волжской Булгарии) то усиливал свой удельный вес в государстве, то ослабевал, уступая место кочевническим нормам жизни.

К началу XIV в. в основном закончилась первичная «этническая» (на уровне племен-элей) консолидация тюркских кочевников Золотой Орды. Сумятица, внесенная монгольским завоеванием и отстранением от власти прежней кипчакской знати, уступила место стабильному существованию в могущественной и богатой империи. На просторах бывшего половецкого Дикого поля установилась жесткая и стройная улусная система с десятичным делением населения. Ордынское правительство не допускало самовольных переходов из одного улуса в другой, чтобы не нарушать стройной организации налогообложения и военной мобилизации. Относительно мирная и сытая жизнь на протяжении десятилетий имела благоприятные

демографические последствия. Степные племена множились, делились и ветвились, и их предводители-беки (*эмиры*) обретали все больше подданных. В кочевом мире это означало повышение социальной значимости и политического влияния нединастической знати.

Иерархия золотоордынских беков известна из оригиналов ханских ярлыков и их русских переводов, в которых (переводах) упоминаются темники, тысячники, сотники, десятники, князья улусные, ратные, полчные, людские (возможно, синоним улусных). Все эти военачальники и наместники составляли пирамиду, сходящуюся на вершине к *карачи-бекам* и *беклербеку*. В течение XIII в. они образовали своеобразную корпорацию, державшую в руках военно-административную структуру державы и практически не вмешивавшуюся в дела невоенной сферы. В XIV в. стало заметно сближение и даже определенное слияние военно-кочевой знати — хранительницы завоевательных традиций Монгольской империи — с чиновничеством.

Первые явные признаки усиления роли и влияния беков в государстве проявились при хане Тохте (1291–1312), когда неродовитые сановники были допущены на высшие административные посты. То же продолжилось при Узбеке и Джанибеке. А уже после Джанибека предводители элей выступили как самостоятельные субъекты государственной политики, которым было по силам соперничать с ханской властью.

Несомненными стимулами их выхода на политическую арену были особенности экономического развития Золотой Орды, формирование замкнутых экономических провинций. Это явление давно отмечено историками, но обычно интерпретируется как основа для сепаратизма и неповиновения центральному правительству. Однако при определенных условиях опора на ресурсы провинциальных улусов могла способствовать не только отделению от стольного Сарая, но и давлению на правительство или даже манипулированию им.

Вхождению беков во власть парадоксальным образом, очевидно, помогла и «Черная смерть» — пандемия чумы середины XIV в. Она поразила прежде всего места массового скопления оседлого населения. В условиях ослабления и уменьшения высших городских сословий, которые до того доминировали в государственном управлении, их место частично заняли представители другого социального сегмента — аристократии кочевых степей.

По мере развития (а позднее по мере ослабления) ордынской государственности все более заметное место в ней начинают занимать беки высшего ранга — беклербеки.

Это звание (беклербек, беклербеги, бейлербейи, улуг бек, улу бий) впервые появилось, очевидно, в среде тюрок-огузов и утвердилось в державе Ве-

Условный портрет Джанибека в Каталанском атласе. 1375 г.

ликих Сельджуков. Когда в 1055 г. сельджукский султан Тогрул-бек занял аббасидскую столицу Багдад, полностью покорившийся пришельцам халиф даровал ему, среди прочих почетных званий, титул беклербека.

По преданиям, распространенным среди сельджуков и родственных огузских племен, положение главного бека как второго по значению сановника после хана и главы левого крыла войска и племен было установлено еще праотцом тюрок Огуз-ханом. Сам хан, в соответствии с огузской политической традицией («согласно *төрү*», по Языджиоглу Али), считался беклербеком правого крыла³.

Вместе с тем не исключено заимствование из иранской государственной традиции и военно-административной практики позднего Халифата, где существовал полный аналог бейлербея — *амир ал-умара* (или *малик ал-умара*). Возможно, исторические корни этого титула лежат в сасанидской практике наделения армянских вассальных правителей рангом *ишхан ишханац*⁴ («предводитель предводителей»). Как известно, и сам иранский монарх носил двусоставный титул *шахانشах* (мидийского происхождения). С течением времени традиционные персидские институты наложились на социальные установки обосновавшихся в Иране тюркских (огузо-туркменских) племен, которые в позднем средневековье пользовались на Среднем Востоке огромным политическим влиянием.

³ Гордлевский В.А. Избранные сочинения. Т. I. Исторические работы. М., 1960. С. 171.

⁴ Там же.

В Улусе Джучи существование беклербеков отмечено не ранее первой четверти XIV в. Возникновение этой должности и ранга в ордынской военно-административной структуре может объясняться несколькими факторами.

1. Усиление беков-предводителей племенных объединений-элей. Оно было порождено, во-первых, благоприятными экономическими и демографическими условиями развития кочевого населения Улуса во второй половине предыдущего столетия; во-вторых, кризисами и репрессиями в правящем доме Бату во время правления Тохты и в начале правления Узбека. В то время происходили казни принцев крови, Джучиды в борьбе за власть теряли опору среди сородичей, членов династии, и находили ее у кочевых беков. Окруженные враждебной и интригующей родней, ханы зачастую предпочитали опираться на сторонников, не имевших с ними кровных династических уз. Соответственно происходило внедрение этой категории татарской аристократии в круг высшей правящей элиты. До тех пор должность, сопоставимую с беклербеком, занимал один из джучидских царевичей.

2. Сопутствующая этому процессу тюркизация двора, бюрократии, деопроизводства.

3. Проникновение иранских и огузо-сельджукских элементов государственного устройства. Этому способствовало, с одной стороны, временное замирение между традиционно враждовавшими Улусами Джучи и Хулагу; с другой — принятие ордынцами ислама как государственной религии. В державе Хулагуидов беклербек являлся старшим из четырех улусных эмиров и распоряжался «единолично в деле войсковом» (ал-Омари)⁵.

Огузо-кипчакское многовековое наследие становилось все более заметным в устройстве Джучиева улуса. В этом устройстве на беклербека возлагалась обязанность командования войсками, а в мирное время — управления западными провинциями. В последнем качестве он одновременно являлся улусбеком — одним из четырех обладателей этого ранга в Джучиевом улусе и карачи-беком — одним из четырех карачи-беков в поздней Золотой Орде и некоторых татарских ханствах.

Хотя сосуществование хана и беклербека являлось проекцией древней двухкрыльной структуры, знакомой в том числе и монгольской государ-

⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884. С. 249; *Хатиб* С. Персидские документальные источники по социально-экономической истории Хорасана XIII–XIV вв. Ашхабад, 1985. С. 21; *Das Mongolische Weltreich. Al 'Umarī's Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār*. Wiesbaden, 1958. S. 153; *Spuler B. Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350*. Berlin, 1955. S. 400.

ственности, едва ли данный институт имел монгольские корни. Близкие по значению титулы фиксируются в ранней Монгольской империи: *еке нойон-улуг нойон* у сына Чингис-хана Толуя, *улус иди-улуш иди* у другого сына — Джучи⁶. Но это всегда индивидуальные (и, возможно, сакральные посмертные) звания, не присущие имперской титулатуре в целом. Рашид ад-Дин отмечает, что у Толуя это были почетные прозвища — т.е. не официальные титулы, обозначавшие должность. Хотя типологически «улуг нойон» Толуй все-таки может быть уподоблен беклербеку как главному военачальнику, так как по завещанию Чингис-хана он возглавил основную массу монгольского войска.

Появление должности беклербека было одним из показателей развития Золотой Орды. Во-первых, развития административно-политического: в лице главного бека и его двора оформлялось специализированное военное ведомство государства. Однако давление архаичных устоев и кризис Улуса не позволил завершиться этому процессу. Во-вторых, развития социального. Беклербек появился не ранее того времени, когда в Золотой Орде полностью сформировалось аристократическое сословие беков, которое требовало ранжирования и структурирования. Хотя наука ныне отвергла известную концепцию «кочевого феодализма»⁷, в данной тенденции просматривается так и не реализовавшийся потенциал будущих сеньориально-вассальных отношений, местнических порядков, феодальной лестницы и прочих институтов классического феодализма.

Условно можно считать, что военные дела и связанная с ними улусно-удельная система находились в ведении беклербека и иерархически подчиненных ему трех карачи-беков; невоенными делами (прежде всего финансовыми) ведали *везир* и подчинявшаяся ему канцелярия-*диван*. Другими словами, кочевые жители Золотой Орды находились в основном под надзором беклербека, а оседлые — везира. Если институт беклербекства был порождением тюрко-монгольской государственной традиции, то везир и диван — это результаты заимствования мусульманских государственных институтов.

Роль хана при подобном распределении компетенции сводилась к верховному контролю над своими сановниками, арбитражу при разногласиях между ними, принятию окончательных решений в принципиальных вопросах. Не случайно средневековые наблюдатели замечали, что

⁶ Джувайни Ата Малик ибн Мохаммад. Тарих-е джехангошай. Т. 1. Техран, 1378/1999. С. 66—70, 142, 145; Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 2. М.; Л., 1960. С. 19.

⁷ Три различные интерпретации «кочевого феодализма» были разработаны в 1930—1950-х гг. Б.Я. Владимирцовым, Н.Н. Козьминым и С.П. Толстовым.

джучидский монарх «обращает внимание только на сущность дел, не входя в подробности обстоятельств, и довольствуется тем, что ему доносят, но не доискивается частностей относительно взимания и расходования»⁸. Правда, такая отстраненность хана от повседневных дел была характерна для XIV столетия и, может быть, 1270–1290-х гг. Первые же правители Улуса Джучи, Бату и Берке, досконально вникали во все детали управления, поскольку еще только налаживали действие государственной машины.

Беклербек не только являлся номинальным главой сословия беков (нойонов, эмиров) и в этом качестве выступал как верховный военачальник. Когда Орда обратилась в ислам, с ним связывалась и идеологическая основа внешней политики, обычная для средневековых мусульманских государств, — борьба (война) за веру. В этом качестве его титуловали «помощь ислама и мусульман», «поборник воителей и борцов за веру». При этом прерогативы беклербека, конечно, уступали ханским, поскольку хан возглавлял весь народ — как в мирное время, так и во время выступления на войну всеобщего ополчения. Кроме того, на беклербека как на второе лицо в государстве возлагались обязанности налаживать отношения с другими странами и, возможно, вершить правосудие в качестве высшей судебной инстанции (в тех сферах жизни и среди тех слоев населения, где пока не распространился шариат).

Под непосредственным управлением главных беков находилась западная часть государства — от Дона до Дуная, включая Крым.

Неудивительно, что в руках этих сановников сосредоточивались столь обширные прерогативы и ресурсы, что они порой могли претендовать на самостоятельность и распоряжаться троном. Самые известные и могущественные беклербеки Мамай и Едигей (зачастую неверно называемые в историографии временщиками или узурпаторами) назначали ханов по своему усмотрению и полностью контролировали все дела в государстве.

По мере ослабления Джучиева улуса в XV в., угасания ордынской административной структуры и нарастания патриархальных черт общественной жизни, идущих из кочевой старины, племенные беки прочно заняли место в управленческой системе. Они стали играть первостепенную роль в ханствах и ордах, которые сформировались при распаде Улуса Джучи.

Особенно заметны беклербеки в образованиях со слабой или отсутствующей ханской властью. Мангытский юрт (Ногайская Орда) управлялся улубием — полным аналогом беклербека, сначала в качестве главы

⁸ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 230.

правого крыла в Узбекском и Казахском ханствах, затем полностью самостоятельного.

Правители Сибирского юрта Тайбугиды с конца XV в. до 1560-х гг. обладали бекским званием и, по некоторым косвенным сведениям, управляли от имени безвластных ханов. Собственно, они были настоящими беклербеками, хотя в Восточном Дешт-и Кипчаке (в том числе у ногаев и сибирцев) вместо этого титула применялось многозначное понятие *бий* (т.е. бек). Существовало ли там что-либо подобное позднее, при ханах Ахмед-Гирее и Кучуме, сложно судить из-за недостатка сведений.

В Крымском ханстве первоначально сформировалась правящая триада, включавшая хана, калгу и бека⁹. Однако жесткое противостояние первых Гиреев с предводителями местных татарских родов, а также установившийся османский сюзеренитет привели к исчезновению формальной должности главного бека. Предводитель татарского клана Ширин утратил ее, хотя Ширины и продолжали считаться знатнейшим из крымских родов. Вмешательство их в государственные дела и даже попытки распоряжаться престолом в поздней Золотой Орде и на раннем этапе истории Крымского ханства побудили Гиреев ограничить влияние Ширинов в юрте. Кроме того, перед глазами стоял поучительный и угрожающий пример мангытских беклербеков, которые в некоторых соседних ханствах обзавелись огромными властными полномочиями, а в Ногайской Орде превратились в полновластных правителей. Постепенный приток мангытов в Крым, формирование из них очередного сплоченного и все более усиливавшегося клана Мансур-улы таили потенциальную опасность для монархии Гиреев.

Впрочем, ханская власть в Крыму имела надежную гарантию в лице османских падишахов. Возможно, турецкий пример сыграл свою роль и в угасании там роли главного бека. В соответствии с порядком, сложившимся в Османской империи к XVI в., степенью бейлербея обладал наместник одного из 21 эялетов. То есть из главнокомандующего и военного заместителя правящего государя, как этого требовала тюркская традиция, он превратился в управленца высшего звена, во всем покорного султану.

Имеются сведения о существовании беклербеков-улуغبекков и в других постордынских юртах. Известны несколько лиц с титулом, передаваемым в русских текстах как «большой карача Казанский», а также астраханский улуг-бек в начале XVI в. — Баба-Али из эля китай¹⁰.

⁹ Сыроечковский В.Е. Мухаммед-Герай и его вассалы // Ученые записки МГУ. Вып. 61. История. Т. 2. 1940. С. 32–37.

¹⁰ Зайцев И.В. Астраханское ханство. М., 2006. С. 66, 67; Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991. С. 189.

Если обратиться к периферии постордынского мира, то Тимур-Тамерлан по своему статусу в Улусе Чагатай в целом соответствовал должности беклербека, но никогда так не титуловался, оставаясь просто «эмиром». Однако в своем войске он назначал беклербеков (*амир ал-умара*) для командования, в частности, левым крылом¹¹ — в соответствии с огузской традицией (монгольская традиция отводила бы ему главенство над правым флангом войска). Сын Тимура Шахрух, «царствуя» в Герате, сделал своего сына Мухаммеда Тарагая соправителем в Самарканде с равнозначным титулом *улугбек*, который остался в истории в качестве его имени.

Наиболее наглядно выявляются статусный ранг и полномочия беклербека у Едигея из эля мангытов — могущественного золотоордынского вельможи конца XIV — начала XV в. В различных документах можно встретить разные обозначения его официальной должности: эмир, бек, бий, улуг бек, улуг бий, темник, великий князь. Принято считать, что исполнение должности беклербека ему вручил хан Тимур-Кутлуг, воцарившийся в 1391 г. Об этом говорит Кадыр Али-бек, отмечая, что Тимур-Кутлуг правил в Хаджи-Тархане вместе с Едигеем: «...один был ханом, другой беком»¹². Натанзи также пишет, будто после разгрома Тохтамыша Тимуром «султанское достоинство получил Тимур-Кутлуг, а эмирское Идигу»¹³. Должность беклербека сохранялась за мангытским сановником и при преемниках Тимур-Кутлуга. В эпоху хана Шадибека б. Кутлуга (1400–1407) он титуловался *амир ал-умара* (арабский эквивалент беклербека)¹⁴.

Впрочем, Сахави заметил, что Едигей как глава левого крыла занимал второе место после руководителя правого фланга Текины из эля ширинов (что, кстати, находилось в полном соответствии с традиционным кочевым раскладом компетенции правителей), «но (на самом деле) известность и управление принадлежали Идики»¹⁵. Именно в левом крыле, располагавшемся к востоку от Яика и менее пострадавшем от нашествия Тимура на Золотую Орду в 1395–1396 гг., сохранялось больше ресурсов и сосредоточилось больше народа.

¹¹ Manz B.F. The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1989. P. 173.

¹² Сборник летописей (Библиотека восточных историков, издаваемая И.Н. Березиным. Т. 2. Ч. 1). Казань, 1854. С. 159.

¹³ Натанзи Муин ад-Дин. Мунтахаб ат-таварих-и Муини (Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar). Тегеран, 1336/1957. С. 98.

¹⁴ Абдурраззок Самаркандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. Тошкент, 1969. С. 179.

¹⁵ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 553.

Тамерлан. Миниатюра XV в.

Восточные авторы единодушны в оценке объема полномочий Едигея. Он «самостоятельно распоряжался и управлял» в Джучиевом улусе, «занимая должность наместника» (*хюкумат*), являлся «истинным властелином страны Дешта, Сарая и Крыма», «владыкой Дешт-и Кипчака и страны узбеков»¹⁶. В источниках подчеркивается, что «дела подданных вершились в соответствии с приказаниями Идику. По своему усмотрению он вручал царствование и лишал его, и никто не смел противиться ему и переступить проведенной им черты»; «один из князей Эдига... обычно назначал и разжаловал царей»; «Едигей князь... преболши всех князей ординских, иже все царство един держаше и по своей воли царя поставляше»¹⁷. Иоанн Шильтбергер, наслушавшись рассказов о Едигее, даже посчитал, что тот занимает особую должность «делателя королей» и в соответствии со своими полномочиями «назначает и низвергает королей, которые во всем от него зависят»¹⁸. Неудивительно, что некоторые средневековые хронисты принима-

¹⁶ Абдурраззок Самаркандий. Матлаи саъдайн ва мажмаи бахрайн. С. 139; Kurat A.N. Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. S. 18; Šams al-husn. Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 von Tağ as-Salmāni. Wiesbaden, 1956. S. 83.

¹⁷ Shikhab ad-Din Ahmad ibn Muhammad ibn Arabshakh. Ajaib al-makdur fi akhbar Timur. Cairo, 1305/1887—1888. С. 62; ПСРА. Т. 11. СПб., 1897. С. 206; т. 18. СПб., 1913. С. 156; т. 21. 2-я половина. СПб., 1913. С. 450; Joannis Dlugosii seu longini canonici cracoviensis Historiae Poloniae. Vol. 12. T. 3. Libri 9, 10. Cracoviae, 1876. S. 527.

¹⁸ Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984. С. 34.

ли этого беклербека за полновластного государя и называли царем: «Идику-хан», «царь по имени Идик», «Едиг царь» и т.п.¹⁹

Концентрированное изложение пределов власти беклербека содержится у Сахави: «великий эмир... Идики, распорядившийся управлением Сарая и Дешта; султаны при нем носили только имя, но не имели никакого значения. Вот почему некоторые летописцы полагали, что он назывался “государем Дешта”»²⁰.

Русские летописи обычно передают титул верховного эмира как «великий князь»²¹, что явно служит буквальным переводом словосочетания *улуз бек* (*улу бий*). В таком случае Едигей находился на равной иерархической позиции с московскими и литовскими государями того времени. «Великий князь» ордынский, по средневековым понятиям, должен был пребывать в отношениях «братства», т.е. статусного равноправия, с великими князьями московским и литовским. Действительно, потомки Едигея и в конце XV, и в середине XVI в. напоминали российским адресатам о том, что «прадед наш Едигей князь» с правителями Москвы пребывал «в дружбе и братстве»²².

На самом же деле отношения эти были, очевидно, более сложными. Авторитет и могущество Едигея за годы его беклербекства достигли такой степени, что он стал считаться патриархом ордынской кочевой знати. Относиться к христианским данникам как к ровне уже казалось ему недостойным и неприличным. В 1537 г. ногайские мирзы вспоминали в послании Ивану IV: «Отец (т.е. предок, — В.Т.) наш Идиги князь с твоим отцем, с великим князем Иваном — один был как отец наш, а другой был как сын»²³. Конечно, в данную констатацию вкралась явная путаница (Иван III вззошел на престол через сорок два года после гибели Едигея), но норма отношений воссоздана верно. В начале XV в. Едигей Василия I «любяше... и в сына его имаше себе»; «Едигей же иногда зовый отцем великому князю Ва-

¹⁹ Девлет-и алийе иле Русйа девлети, Кырым хаккында баз малумат мюхимме ве тахрират расмийени хави маджмуа. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. СПб., 1881. С. 10; ПСРА. Т. 32. М., 1975. С. 76, 80; Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 531, 532; Тер-Мкртчян Л.Х. Армянские источники о Средней Азии VIII–XVIII вв. М., 1985. С. 82.

²⁰ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 553.

²¹ ПСРА. Т. 11. С. 173; т. 19. СПб., 1903. С. 14, 212; т. 22. 1-я половина. СПб., 1911. С. 425; т. 39. М., 1994. С. 140; Приселков М.Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 468.

²² Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала, 1995. С. 306.

²³ Там же. С. 203.

силью Дмитриевичу»²⁴. Видимо, такой же подход предлагался беклербеком и Витовту на переговорах перед сражением на Ворскле 1399 г., когда ордынский вельможа уговаривал литовского господаря признать себя сыном Едигея и выплачивать ежегодную дань²⁵. Причем Едигей обосновывал свое предложение разницей в возрасте («яз есмь стар перед тобою, а ты млад передо мною»). Может быть, преклонные годы улуг бека сказывались также и на характере его контактов с соседними государями. Во всяком случае в русских источниках попадает его эпитет «Едегей Старый»²⁶. Можно предположить, что как раз этим объясняется его обращение к великому князю московскому без всякого титула, «по-семейному» («от Едегея поклон ко Василью»²⁷), что было характерно только для ханских посланий, как верно указал А.П. Григорьев²⁸.

Типологическое соответствие золотоордынского беклербека архаичному главному дружиннику²⁹ позволяет видеть в этом институте элемент древнетюркского наследия. Следовательно, Едигей (как и один из его предшественников на этом посту, знаменитый Мамай) вовсе не являлся узурпатором верховной власти, как это зачастую трактуется в историографии. Логика исторического развития Золотой Орды привела к чрезмерному увеличению компетенции главного бека, но он отнюдь не заменил собой хана.

Наряду с возрождением социальной роли тюркских беков в Улусе Джучи XIV–XV вв., в «постордынских» ханствах был реанимирован институт *курултая* как собрания «всей земли» в Казани, Крыму и Астрахани (по терминологии русских источников), решающего принципиальные вопросы государственной политики. Это традиционное для тюрков и монголов учреждение в управленческой структуре Золотой Орды второй половины XIII–XIV в. практически не фиксируется. Номинально он, вероятно, все-таки существовал, но собирался лишь в исключительных случаях или по торжественным поводам (провозглашение нового государя). Скорее всего, в реальности курултай уступил место самодержавной воле монарха

²⁴ Татищев В.Н. История Российская. Т. 5. М.; Л., 1965. С. 211, 212.

²⁵ ПСРА. Т. 11. С. 173.

²⁶ ПСРА. Т. 19. С. 14, 212.

²⁷ Собрание государственных грамот и договоров. Ч. 2. М., 1819. С. 16.

²⁸ Григорьев А.П. «Ярлык Едигея»: анализ текста и реконструкция содержания // Источниковедение истории стран Азии и Африки. Вып. 11. Л., 1988. С. 66.

²⁹ См.: Трепавлов В.В. Дружина в бурятских улигерах (эпическая версия формирования военной знати) // Средневековые культуры Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ, 1995. С. 76–84; он же. Крылья Бумбы (кочевые потестарные структуры в эпической стране калмыков) // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 4. М., 2010. С. 55–80.

и управленческому искусству чиновной бюрократии. В «постордынском» мире, в условиях угасания инерции государственного потенциала Золотой Орды, произошла реанимация архаичных учреждений — таких, как курултай (преемник народных собраний) и совет из карачи-беков — предводителей ведущих кланов-элей (тоже ожившее наследие тюрко-монгольской старины).

По общей схеме, карачи-беков должно было бы быть четверо — по числу главных племен. В литературе последних лет распространилось убеждение, что такой совет из четырех вельмож обязательно действовал при правителях в «постордынских» юртах. Опираясь на более поздние реалии Крыма, эту идею высказал Ю. Шамильоглу в отношении поздней Золотой Орды³⁰. Задолго до него на институт «карачей» обратил внимание В.В. Вельяминов-Зернов. Но он, превосходно ориентируясь в источниках, лишь констатировал наличие карачи-беков в Казани, Сибири, Касимове и Ногайской Орде, не настаивая на непременном функционировании там структуры из четырех князей-советников³¹.

Со времени написания великого труда академика Вельяминова-Зернова прошло полтора века, но за этот срок так и не было выявлено надежных свидетельств такого рода касательно поволжских и восточных юртов. В отношении же Большой Орды мы имеем прямое указание на наличие четырех карачи-беков. Это послание хана Большой Орды Шейх-Ахмеда к живущим в Литве князьям Глинским (происходившим из эля кият), направленное летом 1502 г.: «...Тут есте подле мене, у моем царстве и справа и злева вланы князи, чотыры корачи болшы киятовъ князеи и братии ваше слугъ, а у мене нетути болшихъ и лепших»³². Хан ясно пишет о пребывающих «подле него» четырех «корачах», которые «больше» аристократического племени киятов, хотя последние и являются его «наилучшими» слугами.

Можно предполагать, что появление традиционных элементов политического устройства в Улусе Джучи было проявлением возрождения «матричных», домонгольских форм государственности, присущих данному региону Евразии. Подобным же образом происходили китаизация управле-

³⁰ Шамильоглу Ю. «Карачи-беи» поздней Золотой Орды: заметки по организации Монгольской мировой империи // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 44–60.

³¹ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. Т. 2. СПб., 1864. С. 411–437.

³² Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5. 1427–1506. Vilnius, 1994. P. 180. Мною немного изменена пунктуация данного предложения, так как мое понимание его, видимо, несколько отличается от версии публикатора. Удалены точка с запятой после слов «у моем царстве», точка после «и злева», запятые после «и справа» и «князи чотыры»; поставлена запятая после «вланы князи».

ния в империи Юань («Улусе великого хана») и иранизация у Хулагуидов. В этом отношении дополнительный смысл приобретает известное замечание ал-Омари о том, что «земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали точно кипчаки»³³. В этом смысле можно утверждать — пользуясь выражением арабского хрониста, — что китайская «земля» одержала верх над монголами в Китае, а персидская «земля» — в Иране.

Одну из причин возрождения традиционных тюрко-монгольских институтов можно видеть в примитивизации, цикличности, обратимости развития кочевых политий, о чем говорилось в начале статьи. Однако явление ренессанса традиционных институтов, вероятно, служит также проявлением некоторых общих закономерностей социальной самоорганизации, средством приспособления социума к ухудшившимся условиям существования. В критические периоды своего исторического развития кочевники возвращались к тем нормам общественной и хозяйственной жизни, которые составляли своего рода матрицу их общественного бытия, т.е. были привычны, традиционны и освящены опытом предыдущих поколений.

³³ Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. С. 235.

REFERENCES

1. *Abdurrazzok Samarkandij*. Matlai saʼdajn va mazhmai bahrajn. Tashkent, 1969. P. 139, 179.
2. Das Mongolische Weltreich. Al ʻUmari's Darstellung der mongolische Reich in seinem Werk Masālik al-abṣār fī mamālik al-amṣār. Wiesbaden, 1958. S. 153.
3. Devlet-i alijje ile Rusja devleti, Kyrym hakkynda baz malumat myuhimme ve tahrirat rasmijeni havi madzhmua. Sbornik nekotoryh vazhnyh izvestij i oficial'nyh dokumentov kasatel'no Turcii, Rossii i Kryma [Collection of some important news and official documents regarding Turkey, Russia and Crimes]. St. Petersburg, 1881. P. 10.
4. *Dzhuvajni Ata Malik ibn Mohammad*. Tarih-e dzhekhgoshaj. Vol. 1. Tehran, 1378/1999. P. 66–70, 142, 145.
5. *Gordlevskij V.A.* Izbrannye sochineniya [Selected writings]. Vol. I. Istoricheskie raboty [Historical works]. Moscow, 1960. P. 171.
6. *Grigor'ev A.P.* «Yarlyk Edigeya»: analiz teksta i rekonstrukciya sodержaniya [«Yarlyk from Edigey»: analysis of the text and reconstruction of contents]. Istochnikovedenie istorii stran Azii i Afriki [Studies of Asian and African Sources]. Issue 11. Leningrad, 1988. P. 66.
7. *Hazanov A.M.* Kochevniki i vneshnij mir [Nomads and the Outside World]. 4th edition. St. Petersburg, 2008. P. 280, 404.
8. Joannis Dlugosii seu longini canonici cracoviensis Historiae Poloniae. Vol. 12. T. 3. Libri 9, 10. Cracoviae, 1876. S. 527.
9. *Khatibi S.* Persidskie dokumental'nye istochniki po sotsial'noy i ekonomicheskoy istorii Khorasana XIII–XIV vv. [Persian Documentary Sources on the Social and Economic History of Khorasan of the 13th–14th centuries] Ashkhabad, Ylym, 1985. P. 21.
10. *Khudyakov M.G.* Ocherki po istorii Kazanskogo khanstva [Essays on the History of the Kazan Khanate]. Moscow, 1991. P. 189.
11. *Kurat A.N.* Topkapı Sarayı Müzesi Arşivindeki Altın Ordu, Kırım ve Türkistan hanlarına ait yarlık ve bitikler. İstanbul, 1940. S. 18.
12. Lietuvos Metrika. Knyga Nr. 5. 1427–1506. Vilnius, 1994. P. 180.
13. *Manz B.F.* The Rise and Rule of Tamerlane. Cambridge; New York; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1989. P. 173.

14. Natanzi Muin ad-Din. Muntahab at-tavarikh-i Muini. Extraits du Muntakhab al-tavarikh-i Mu'ini (Anonyme d'Iscandar). Tehran, 1336/1957. P. 98.
15. Polnoe sobranie russkikh letopisei [A Complete Collection of the Russian Chronicles] (PSRL). Vol. 11. P. 173; St. Petersburg, 1903. P. 14, 212; Vol. 22. 1-st half. St. Petersburg, 1911. P. 425; Vol. 39. Moscow, 1994. P. 140.
16. Polnoe sobranie russkikh letopisei [A Complete Collection of the Russian Chronicles] (PSRL). Vol. 11. St. Petersburg, 1897. P. 206; Vol. 18. St. Petersburg, 1913. P. 156; Vol. 21. 2-nd half. St. Petersburg, 1913. P. 450.
17. Polnoe sobranie russkikh letopisei (PSRL). Vol. 19. P. 14, 212; Vol. 32. P. 76, 80. Moscow, 1975.
18. Posol'skie knigi po svyazyam Rossii s Nogajskoj Ordoj [Ambassadorial writings about relations of Russia and Nogai Horde]. 1489–1549. Makhachkala, 1995. P. 306, 203.
19. *Priselkov M.D.* Troickaya letopis'. Rekonstrukciya teksta [Troitskaya Chronicle. Reconstruction of the text]. Moscow; Leningrad, 1950. P. 468.
20. *Rashid ad-Din*. Sbornik letopisej [Collection of Chronicles]. Vol. 2. Moscow; Leningrad, 1960. P. 19.
21. *Šams al-husn*. Eine Chronik vom Tode Timurs bis zum Jahre 1409 von Tağ as-Salmani. Wiesbaden, 1956. S. 83.
22. Sbornik letopisej [Collection of Chronicles. Biblioteka vostochnyh istorikov, izdavaemaya I.N. Berezinyim [Library of Eastern Historians, published by I.N. Berezinyim]. Vol. 2. Part 1 Kazan, 1854. P. 159.
23. Sbornik materialov, otnosyashchih'sya k istorii Zolotoj Ordy [Collection of materials relating to the history of the Golden Horde]. St. Petersburg, Print. House of the Imperial Academy of Sciences, 1884.
24. *Schamiloglu Yu.* «Karachi bei» pozdney Zolotoy Ordy: Zametki po organizatsii mongol'skoy mirovoy istorii [«Karachi-Beys» of the Late Golden Horde: Notes on the Organization of the Mongol World History]. Iz istorii Zolotoy Ordy [From the Golden Horde History]. Kazan, Fond im. M. Sultan-Galieva, 1993. P. 44–60.
25. *Shikhab ad-Din Ahmad ibn Muhammad ibn Arabshakh*. Ajaib al-makdur fi akhbar Timur. Cairo, 1305/1887–1888. P. 62.
26. *Shil'tberger I.* Puteshestvie po Evrope, Azii i Afrike s 1394 goda po 1427 god [Journey across Europe, Asia and Africa. 1394–1427]. Baki, 1984. C. 34.
27. Sobranie gosudarstvennyh gramot i dogovorov [Collection of state certificates and treaties]. Part 2. Moscow, 1819. P. 16.
28. *Spuler B.* Die Mongolen in Iran. Politik, Verwaltung und Kultur der Ilchanzeit 1220–1350. Berlin, 1955. S. 400.

29. *Syroechkovskij V.E.* Muhammed-Geraj i ego vassal [Mohammed-Giray and his vassals]. *Uchenye zapiski MGU [Scientific notes of Moscow State University]*. Issue 61. History. Vol. 2. 1940. P. 32–37.
30. *Tatishchev V.N.* *Istoriya Rossijskaya [Russian History]*. Vol. 5. Moscow; Leningrad, 1965. P. 211, 212.
31. *Ter-Mkrtychyan L.Kh.* *Armjanskije istochniki o Sredney Azii VIII–XVIIIvv. [Armenian Sources on the Central Asia of the 8th–18th centuries]*. Moscow, Nauka Publ., 1985. P. 82.
32. *Trepavlov V.V.* *Druzhina v buryatskikh uligerakh (epicheskaya versiya formirovaniya voennoy znati) [Military Squad in the Buryat Uligers (Epic Version of the Formation of Military Nobility)]*. *Srednevekovye kul'tury Tsentral'noy Azii: pis'mennye istochniki. [Medieval Cultures of Central Asia: Written Sources]*. Ulan-Ude, Buryatsky Institute Obshchestvennykh Nauk Publ., 1995. P. 76–84.
33. *Trepavlov V.V.* *Kryl'a Bumby (kochevyje potestarnye struktury v epicheskoy strane kalmykov) [The Wings of Bumba (Nomadic Potestary Structures in the Epic Country of Kalmyks)]*. *Istoriya narodov Rossii v issledovaniyakh i dokumentakh [History of the Peoples of Russia in the Research and Documents]*, Vol. 4. P. 55–80. Moscow, 2010.
34. *Trepavlov V.V.* *Ulusniy substrat i imperski superstrat: poisk «ydra» kochevoy gosudarstvennosti [Ulus substrate and Imperial superstratum: searching for «core» of nomadic state]*. *Mongolskaya imperia i kochevoi mir [Mongolian Empire and the nomadic world]*. Ulan-Ude. Vol. 2. P. 71–84.
35. *Trepavlov V.V.* *Vozhd' i zhrec v ehicheskom fol'klоре tyurkskikh i mongol'skikh narodov [A priest and a leader depicted in Mongolian and Turkic folklore]*. *Mongolskaya imperia i kochevoi mir [Mongolian Empire and the nomadic world]*. Ulan-Ude. Vol. 1. 2004. P. 76–100.
36. *Vel'yaminov-Zernov V.V.* *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh [Study on the Kasimov Tsars and Tsareviches]*. Part I. St. Petersburg, 1864. P. 411–437.
37. *Zajcev I.V.* *Astrahanskoe hanstvo [Astrakhan Khanate]*. Moscow, 2006. P. 66, 67.

Ключевые слова:

кочевники, цикличность, Улус Джучи, беклербек, карачи-бек.

Vadim V. Trepavlov

«THE EARTH CAME OUT ON TOP»

(about some regularities of the sociopolitical development of
Pax Mongolica)

he history of nomad societies has a cyclical pattern, characterized by periodic reversibility in development and the temporary revival of traditional institutions. During crucial periods in their history, the nomads turned back to the traditional principles of their social and economic life, which formed a kind of matrix of their existence. In the 14th — 15th centuries the state principles established by the Mongol Empire in the time of its foundation were set aside in the Ulus of Juchi, which revived the pre-Mongolian institutions and social organization. The article considers these processes in the context of the strengthening of Turkic Beks in the Golden Horde. The first obvious signs of their influence was manifested in the reign of Khan Tokhta, when state officials of humble origin were appointed to the highest administrative positions. The same principles were sustained in the reign of Öz Beg and Jani Beg. After the death of Jani Beg, the Bek leaders began acting as independent state entities, challenging the Khan's power. Their entrance to the political arena was made possible due to the specific traits of the Golden Horde's evolution, most notably — the formation of contained economic provinces. The plague pandemic of the mid-14th century apparently contributed to the Beks' rise to power. The upper urban classes, which previously dominated the state administration, were diminished; this, in turn, paved the way for the rise of another social segment — the aristocracy of the nomad steppe. The development (and later — the decline) of Horde statehood allowed the high-ranking Beks — the Beklerbeks and the Karrachi-Beks — to steadily occupy more prominent places of power.

Key words: nomads, cyclical nature, Ulus of Jochi, beklerbek, karachi-bek.

Trepavlov Vadim Vintserovich — Doctor of Historical Sciences, Head of the Center for the History of the Peoples of Russia and Inter-Ethnic Relations, Chief Researcher at the Institute of Russian History of RAS.

 Трепавлов Вадим Винцерович

доктор исторических наук, руководитель Центра истории народов России
и межэтнических отношений, главный научный сотрудник Института
российской истории РАН

А.А. Горский

УСТАНОВЛЕНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ И РУСИ: КАЗУС ЯРОСЛАВА ВСЕВОЛОДИЧА

Великий князь Суздальской земли Ярослав Всеволодич стал первым из русских князей, кто был вызван в ставку Батыею после возвращения правителя улуса Джучи из Западного похода. Вызов поступил в конце 1242 г.¹ При дворе Батыея Ярослав оказался в 1243 г. Здесь, по словам его приближенного половца Соногура (Сангора), сказанным в ставке Батыея волынскому и галицкому князю Даниилу Романовичу в 1245 г., он вынужден был «кланяться кусту», т.е. пройти некий неподобающий христианину обряд². Итог визита, согласно владимирскому летописанию, был благоприятен для Ярослава: «Великыи князь Ярославъ поѣха в Татары к Батыеву... Батыи же почти Ярослава великого честию и мужи его, и отпусти, и рече ему: “Ярославе, буди ты старѣи всѣм князем в Русском языке”»³. Это «старейшинство» среди всех русских князей выразилось во владении, помимо Суздальской земли, Киевом — номинальной общерусской столицей: когда Даниил Ро-

¹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 79: «того же лѣта князь Ярослав Всеволодичъ позванъ цесаремъ татарьскымъ Батыемъ, иде к нему въ Орду».

² ПСРА. Т. 2. М., 2001. Стб. 807.

³ Там же. Т. 1. М., 1997. Стб. 470.

манович по пути к Батыю в 1245 г. проезжал город, «обдержажоу Киевъ Ярославю бояриномъ своимъ Еиковичемъ Дмитромъ»⁴.

В целом данные о визите Ярослава к Батыю скупы, особенно в сравнении с красочными рассказами Галицко-Волынской летописи о поездке в ставку правителя улуса Джучи волынского и галицкого князя Даниила Романовича (1245–1246 гг.)⁵ и Жития Михаила Всеволодича Черниговского о визите к Батыю сильнейшего (в период до нашествия) князя Юго-Восточной Руси, закончившемся его трагической гибелью (1246 г.)⁶. Эта скудость сведений порождает иногда фантазийные версии, подобно точке зрения о союзе Ярослава с Батыем с 1238 г., времени похода последнего на Северо-Восточную Русь; соответственно получение «старейшинства» в 1243 г. трактуется как следствие этого союза⁷. Попробуем проследить ход событий, предшествующих происшедшему в 1243 г.

Владимирский стол, главный в Суздальской земле, Ярослав занял летом 1238 г., после гибели брата Юрия (4 марта) и ухода войск Батыя в степи⁸. Никаких сведений о санкции на его вокняжение со стороны Батыя уже в то время источники не содержат.

3 марта 1239 г. монголы взяли Переяславль-Русский⁹. Последнее время перед нашествием он был владением владимирских князей¹⁰. Причем после захвата Переяславля монголы стали владеть им непосредственно¹¹. Эти акции завоевателей означают, что Батый оставался в состоянии войны с Суздальской землей, никакой договоренности с ее правителем не было.

18 октября 1239 г. монголы взяли Чернигов, затем подходили к Киеву и предлагали правившему там Михаилу Всеволодичу и горожанам сдаться

⁴ Там же. Т. 2. Стб. 806.

⁵ Там же. Стб. 805–808.

⁶ *Серебрянский Н.Н.* Древнерусские княжеские жития. М., 1915. Тексты. С. 49–96.

⁷ *Сахаров А.Н.* Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV века // История внешней политики России. Конеч XV–XVII век. М., 1999. С. 77; *Чернышевский Д.В.* Русские союзники монголо-татар // Проблемы истории российской цивилизации. Саратов, 2004. Вып. 1; критику подобных построений см.: *Горский А.А.* Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 207–209.

⁸ ПСРА. Т. 1. М., 1997. Стб. 464–467.

⁹ Там же. Стб. 469; Т. 2. Стб. 781–782.

¹⁰ *Кузнецов А.А.* Владимирский князь Георгий Всеволодич в истории Руси первой трети XIII века. Н. Новгород, 2006. С. 50–133; ср.: *Хрусталева Д.Г.* Русь и монгольское нашествие (20–50-е гг. XIII в.). СПб., 2013. С. 205–206.

¹¹ Даниил Романович, едучи в 1245 г. к Батыю через Киев и Переяславль, встретил в последнем татар, князя здесь в то время не было (ПСРА. Т. 2. Стб. 806; см. также: *Егоров В.А.* Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 38; *Коринный Н.Н.* Переяславская земля: X — первая половина XIII века. Киев, 1992. С. 67–68).

(это требование было отвергнуто)¹². Вскоре после этого Ярослав отправился в поход на Юг Руси. Михаил бежал из Киева, Ярослав¹³ преследовал его до Каменца (на пограничье Киевской и Волынской земель)¹⁴. Очень вероятно, что занявший киевский стол после бегства Михаила Ростислав Мстиславич (из смоленской княжеской ветви)¹⁵ был посажен Ярославом¹⁶. Ярослав также освободил от литовцев захваченный ими было Смоленск¹⁷, посадив там брата Ростислава — Всеволода Мстиславича¹⁸.

В чьих интересах действовал Ярослав в конце 1239-го — начале 1240 г.? Если на момент захвата монголами Переяславля у него не было с ними договоренности, может быть, она имела место позже и он действовал как союзник Батые? Однако зимой 1239/40 г. монголы разоряют Мордовскую землю и Муром, воюют по Клязьме (это уже территория не Муромской, а Суздальской земли) и сжигают Гороховец — «град святыя Богородицы» (т.е. считавшийся принадлежностью владимирского Успенского собора — главного храма земли)¹⁹. Это мало походит на услугу союзнику, а вот как кара неподчиняющемуся правителю выглядит вполне подходяще. Согласно владимирскому летописцу, в результате этих событий «бѣ пополохъ золь по всеи земли и сами не вѣдаху и гдѣ хто бѣжитъ»²⁰. То есть население Суздальской земли (под «всеи землей» владимирский летописец имел в виду, разумеется, всю Суздальскую землю, а не всю Русь) восприняло происходящее как начало нового нашествия. Вряд ли такое было бы возможно, если бы ее правитель уже установил отношения с завоевателями.

Таким образом, действия Ярослава на Юге Руси гораздо вероятнее трактовать как попытку взять контроль над Киевом (которым он владел

¹² ПСРА. Т. 2. Стб. 782; Т. 1. Стб. 469.

¹³ Они с Михаилом были давними врагами, во второй половине 1220-х — начале 1230-х гг. боролись за княжение в Новгороде; в 1236–1238 гг. Ярослав княжил в Киеве, и после того, как он ушел на владимирский стол, Киев занял именно Михаил (см.: Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. СПб., 2016. С. 32–34).

¹⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 469; Т. 2. Стб. 782–783.

¹⁵ Там же. Т. 2. Стб. 782.

¹⁶ Горский А.А. Русские земли... С. 34.

¹⁷ Последовательность событий 1239 г. не вполне ясна. Лаврентьевская летопись (передающая владимирское летописание) говорит об освобождении Смоленска после сообщения о Каменце, но в ней и взятие монголами Чернигова помещено ниже последнего, хотя произошло несомненно раньше — на момент падения Чернигова и некоторое время спустя Михаил находился еще в Киеве.

¹⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 469.

¹⁹ Там же. Стб. 470.

²⁰ Там же.

Князь Ярослав Всеволодич. Миниатюра из царского титулярника XVII в.

до Михаила, в 1236–1238 гг., прежде чем ушел в Северо-Восточную Русь на освободившийся владимирский стол²¹) накануне нападения на него монголов, чем как выполнение мифических союзнических обязанностей перед Батыем.

Но контроль над Киевом вскоре после водворения там Ростислава Мстиславича захватывает Даниил Романович²², и именно под его властью находилась древняя столица Руси во время ее осады и разрушения Батыем в конце 1240 г. Далее монголы вторгаются в Центральную Европу, а Ярослава в конце 1240-го — начале 1242 г. больше заботят западные рубежи Новгородской земли, где княжил его сын Александр — из-за агрессии туда немецких крестоносцев.

После возвращения Батыя из Западного похода в Нижнее Поволжье, в конце 1242 г., последовал вызов Ярослава в ставку правителя улуса Джучи²³. Что мог ожидать Ярослав и его окружение от этого шага?

После нашествия Батыя прогнозировать дальнейшее развитие событий современники могли исходя из реалий своего времени. Между тем все страны, которые завоевывались монголами до Руси, подвергались не-

²¹ Новгородская первая летопись... С. 74; ПСРА. Т. 2. Стб. 777.

²² ПСРА. Т. 2. Стб. 782.

²³ Новгородская первая летопись... С. 79.

посредственной оккупации. Так было в Северном Китае, в Средней Азии, Иране, Волжской Булгарии, Половецкой земле — везде местная знать лишалась власти, ее заменяли монгольские правители. Другая модель отношений с завоеванными странами — управление через посредство местных правителей — стала осуществляться в ряде регионов (Закавказье, Дунайская Болгария, Корея) одновременно с покорением Руси или несколько позже. То есть перед глазами русских современников была только первая модель — непосредственная оккупация. Вполне естественно, что на Руси должны были опасаться того же. И некоторые действия монголов после походов Батыя должны были создать впечатление, что данный путь начинает реализовываться. В 1240-е гг. под непосредственной властью монгольской администрации находилась южная часть Киевской земли²⁴ и, как говорилось выше, Переяславль-Русский. По-видимому, и Киев с момента взятия монголами в конце 1240 г. и до передачи его Батыем Ярославу Всеволодичу (1243 г.) управлялся монгольским наместником: именно этим можно объяснить тот факт, что в 1241 г. Михаил Всеволодич Черниговский, вернувшись туда после ухода завоевателей из Руси, жил не в городе, а «подъ Киевомъ во островѣ»²⁵. Вполне естественно, что подобной судьбы должны были ожидать и для земли Суздальской²⁶.

Чего могли ожидать современники от поездки князя в стан завоевателей, видно из событий 1246 г. Тогда Ярослав умер (30 сентября) близ ставки великого хана Гуюка в Монголии, куда приехал от Батыя для присутствия на официальном возведении Гуюка на престол монгольского императора²⁷. Посол римского папы Плано Карпини, общавшийся с людьми Ярослава, отмечает в своем сочинении-отчете о поездке, что «все верили, что его там (в ставке Гуюка. — А. Г.) опоили, чтобы свободнее и окончательнее завладеть его землею» («Quare credebatur ab omnibus quod potionatus esset ibidem, ut suam terram libere et plenarie possiderent»)²⁸. Под «всеми» имеются в виду, несомненно, люди из окружения Ярослава; таким образом, они не сомневались, что монголы умертвили великого князя, чтобы непосредственно вла-

²⁴ Посол римского папы к монгольскому великому хану Плано Карпини зафиксировал, что в 1246 г. расположенный на Днепре ниже Киева Канев был «под непосредственной властью татар» (*Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Spoleto, 1989. P. 305; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 67–68).

²⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 789; ср.: Вернадский Г.В. Монголы и Русь. Тверь, 2006. С. 165.

²⁶ Посол, привезший вызов, вероятно, говорил о возможности передачи ее под власть Ярослава, но основания верить этому у князя и его окружения вряд ли имелись.

²⁷ ПСРА. Т. 1. Стб. 471.

²⁸ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 323; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 77–78.

Михаил Всеволодич Черниговский. Миниатюра из Лицевого летописного свода

деть Суздальской землей²⁹. Далее Плано Карпини упоминает о послании матери Гуюка Туракины (именно ее считали виновной в отравлении Ярослава) к Александру Ярославичу с требованием явиться в Монголию, чтобы получить землю отца, но, отмечает францисканец, «все («все», разумеется, те же самые — люди Ярослава, с которыми общался Плано Карпини. — А. Г.) верили, что если он явится, она умертвит его или даже подвергнет вечному плену» («Credebatur tamen ab omnibus quod eum occideret si veniret, vel etiam perpetuo captivaret»)³⁰. И такие настроения существовали после милости, оказанной Ярославу Батыем в 1243 г.! Что же говорить о 1242 г. — перспектива гибели Ярослава, с 1238 г. ведшего самостоятельную политику, несмотря на завоевание Суздальской земли Батыем, и последующей оккупации Северо-Восточной Руси должна была казаться наиболее вероятной.

С другой стороны, отказ от поездки неминуемо, с точки зрения современников, должен был обернуться новым нашествием. В том, что вернувшееся из Центральной Европы войско может такое вторжение осуществить, вряд ли кто-то мог тогда усомниться.

²⁹ Подробно см.: Горский А.А. Об обстоятельствах гибели великого князя Ярослава Всеволодича // «По любви, въ правду, безо всякие хитрости»: Друзья и коллеги к 80-летию В.А. Кучкина. М., 2014.

³⁰ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 323; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 78.

Ярослав рискнул и преуспел. У Батыя не было намерений затевать новый крупный поход. Помимо усталости войск, он был озабочен проблемой вероятного избрания на великоханский престол (после смерти в декабре 1241 г. Угедая) Гуюка, с которым не ладил. В этой ситуации правитель улуса Джучи предпочел выстраивать отношения зависимости с сильнейшими русскими князьями.

Выбор Ярослава в качестве «старейшего» над всеми русскими князьями, с точки зрения Батыя, тоже понятен. Он не побеждал суздальского князя в бою, а победы сына Ярослава Александра над шведами и особенно над знакомыми монголам немецкими рыцарями придавали Ярославу значимости. К тому же немцы оказывались общим врагом — ведь монголы бились с ними под Легницей в 1241 г. Убийство же Ярослава не решало ничего — в Северной Руси оставались его братья и сыновья, в том числе Александр, и такое решение предполагало бы обострение конфликта. Батый предпочел обязать Ярослава поклониться перед приемом идола Чингисхана³¹ (что заставляли делать далеко не всех знатных лиц, приезжавших к хану³²) и признать зависимость, после чего передал ему не только Суздальскую землю, но и верховенство над всей Русью³³.

Другие сильнейшие русские князья двигались по проторенной Ярославом дороге. Когда Даниил Романович в конце 1245 г. приехал к Батыю, человек Ярослава Соногур предупреждал его: «брат твои Ярославъ кланялся коустоу и тобѣ кланятися»³⁴. Но, как подчеркивает галицкий летописец, «избавленъ бысть Богомъ и злого их бѣшения и кудѣшства»³⁵, т.е. наиболее унижительного для христианина обряда — поклонения идолу Чингис-хана — от Даниила не потребовали³⁶. У галицко-волинского князя не было серьезной вины перед Батыем — в 1240 г. он бежал, не оказав сопротивления. В результате его права на Волынь и Галичину были подтверждены ханом³⁷.

³¹ Именно этот обряд на Руси, по-видимому, называли «поклонением кусту» (см.: Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского в контексте первых контактов русских князей с Ордой // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 140–142).

³² *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. P. 236–237; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 29.

³³ Последующая гибель Ярослава в Монголии в 1246 г., куда он приехал на коронацию Гуюка в качестве великого хана, была, по-видимому, связана с противостоянием Гуюка и Батыя, чьим ставленником выглядел великий князь.

³⁴ ПСРА. Т. 2. Стб. 807.

³⁵ Там же.

³⁶ Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского... С. 142–143.

³⁷ ПСРА. Т. 2. Стб. 808.

Михаил Всеволодич Черниговский думал также избежать поклонения идолу, но, с точки зрения Батыя, у него, как и у Ярослава, была вина перед завоевателем. Если Ярослав не сдал Переяславль-Русский и пытался водворить своего ставленника в Киеве, которому монголы уже предлагали до этого сдаться, то Михаил отверг это требование завоевателей, а в 1241 г., бежав в Польшу, собирався присоединиться к войскам Генриха Благочестивого, готовившимся сразиться с монголами³⁸. К тому же он породнился с непокорившимся монголам (несмотря на разгром его страны) венгерским королем Белой IV, который выдал дочь за сына Михаила Ростислава (1243 г.)³⁹. И Батый предъявил Михаилу в сентябре 1246 г., как и тремя годами ранее Ярославу, максимальные этикетные требования — с поклонением идолу Чингис-хана. Отказ Михаила повлек за собой его казнь⁴⁰.

Поездка Ярослава Всеволодича в ставку Батыя в 1242–1243 гг., таким образом, предопределила установление над Русью модели опосредованного, с сохранением местных правителей, владычества Монгольской империи.

³⁸ См.: Майоров А.В. Михаил Черниговский в Силезии и битва под Легницею // Древняя Русь. 2015. № 2 (60).

³⁹ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 794.

⁴⁰ Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. P. 236–237; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. С. 29; Горский А.А. Гибель Михаила Черниговского...

REFERENCES

1. *Vernadskij G.V. Mongoly i Rus'. Tver', 2006.*
2. *Gorskiy A.A. Rus': Ot slavyanskogo Rasseleniya do Moskovskogo carstva. M., 2004.*
3. *Gorskiy A.A. Gibel' Mihaila Chernigovskogo v kontekste pervykh kontaktov russkikh knyazey s Ordoj // Srednevekovaya Rus'. Vyp. 6. M., 2006.*
4. *Gorskiy A.A. Ob obstoyatel'stvakh gibeli velikogo knyazya Yaroslava Vsevolodicha // «Po lyubvi, v pravdu, bezo vsyokie hitrosti»: Druz'ya i kollegi k 80-letiyu V.A. Kuchkina. M., 2014.*
5. *Gorskiy A.A. Russkie zemli v XIII–XIV vekah: puti politicheskogo razvitiya. SPb., 2016.*
6. *Egorov V.L. Istoricheskaya geografiya Zolotoj Ordy v XIII–XIV vv. M., 1985.*
7. *Korinnyj N.N. Pereyaslavskaya zemlya: X — pervaya polovina XIII veka. Kiev, 1992.*
8. *Kuznecov A.A. Vladimirskij knyaz' Georgij Vsevolodich v istorii Rusi pervoj treti XIII veka. N. Novgorod, 2006.*
9. *Majorov A.V. Mihail Chernigovskij v Silezii i bitva pod Legnicej // Drevnyaya Rus'. 2015. № 2 (60).*
10. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov. M.; L., 1950.*
11. *Polnoe sobranie russkikh letopisej. Vol.1. Moscow, 1997 (Lavrent'evskaya letopis').*
12. *Polnoe sobranie russkikh letopisej. Vol. 2. Moscow, 2001 (Ipat'evskaya letopis').*
13. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka. M., 1957.*
14. *Saharov A.N. Osnovnye ehtapy vneshnej politiki Rusi s drevnejshih vremen do XV veka // Istoriya vneshnej politiki Rossii. Konec XV–XVII vek. M., 1999.*
15. *Serebryanskij N.N. Drevnerusskie knyazheskie zhitiya. M., 1915.*
16. *Hrustalev D.G. Rus' i mongol'skoe nashestvie (20–50-e gg. XIII v.). SPb., 2013.*
17. *Chernyshevskij D.V. Russkie soyuzniki mongolo-tatar // Problemy istorii rossijskoj civilizacii. Saratov, 2004. Vyp. 1.*
18. *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989.*

Ключевые слова:

Русь, Монгольская империя, великий князь Ярослав Всеволодич, Батый, установление взаимоотношений.

Anton A. Gorskiy

ESTABLISHMENT OF RELATIONS BETWEEN THE MONGOL EMPIRE AND THE ANCIENT RUS': A SPECIAL CASE OF YAROSLAV II VSEVOLODICH

The article examines the relations of the Grand Prince Yaroslav Vsevolodich, father of Alexander Nevsky, with the Mongol conquerors. The assumption that Yaroslav's cooperation with Batu began during his campaigns against the Ancient Rus' in 1238–1240, expressed in a number of works, is critically evaluated. Analysed are the sources depicting the summoning of Yaroslav to Batu's headquarters in 1242 and the Prince's journey to the Khan in 1243. It is shown that in the context of the policy of the Mongol Empire of that time and the ideas about conquerors that existed in the Rus', mediated, with the preservation of local princes, dominion did not seem predetermined, since contemporaries knew one option — immediate occupation. Another model of relations with the conquered countries — control through the local rulers — began to be carried out in a number of regions (Transcaucasia, Danube Bulgaria, Korea) only simultaneously with the conquest of the Ancient Rus or somewhat later. The trip of Yaroslav Vsevolodich to Batu's headquarters in 1242–1243, thus, predetermined the establishment of the form of power over the Ancient Rus, which later became a tradition.

Key words: the Rus', the Mongol Empire, the Grand Prince Yaroslav II of Vladimir, Batu, establishment of relations.

Anton A. Gorskiy — Doctor of Historical Sciences, Head of the Centre of Sources Studies at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Faculty of History at the Lomonosov Moscow State University.

 Антон Анатольевич Горский

доктор исторических наук, руководитель Центра источниковедения
Института российской истории РАН, профессор Исторического
факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

С.А. Маслова

РОЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ МОНГОЛЬСКОЙ ВЛАСТИ НА РУСИ

результате похода монгольской армии на запад 1236—1242 гг. Русь оказалась под властью завоевателей. Присоединенные к Монгольской империи русские земли вошли в состав улуса Джучи и оказались под управлением улусного хана Бату. При этом до 60-х гг. XIII в. верховным правителем единого государства являлся великий хан.

Русско-монгольские отношения нередко становились объектом исследования специалистов¹. В своих трудах ученые обращали внимание на факт участия Каракорума в политической жизни русских земель, однако специальных работ этой теме не посвящали. Оценка деятельности центральной администрации в процессе организации системы управления русскими землями позволит лучше понять характер монгольской власти на Руси. О роли великого хана в этом процессе позволяет судить комплекс административных мероприятий, проведенных монголами до выхода улуса Джучи из состава Монгольской империи.

Первые свидетельства административной деятельности монголов на Руси относятся к 40-м гг. XIII в. В 1243 г. великий князь Ярослав Всеволо-

¹ См.: Золотая Орда: библиографический указатель. Казань, 2013.

Возвращение князя Ярослава Всеволодовича во Владимир после нашествия Батыя.
Миниатюра из Лицевого летописного свода

дович был признан «старейшим» на Руси: «Великий князь Ярославъ поѣха в Татары к Батыеву а сына своего Костянтина посла къ Канови Батыи же почти Ярослава великого честию и мужи его и отпусти и рече ему Ярославе буди ты старѣи всѣм князем в Русском языцѣ Ярослав же възвратися в свою землю с великою честию»². Выражением «старейшества» Ярослава Всеволодовича стало владение Киевом, не утратившим после нашествия своего политического значения³. Утвердил великого князя хан Бату. Сын Ярослава Константин отправился в Каракорум, откуда вернулся через два года «с честию»⁴. Делами Монгольской империи в это время ведала вдова хана Угедая Туракина (1241–1246). Решение Бату она не оспорила.

Монгольский обычай требовать от местных владетельных лиц явиться к представителям новой власти не единожды упомянут в источниках⁵. В ряде случаев монголов вполне устраивали визиты представителей местных правителей⁶. Русские князья довольно часто бывали у «татар», однако зафиксированные факты их вызова великим ханом единичны. Вполне вероятно, что Константин Ярославич привез своему отцу приказ лично явиться в Каракорум⁷.

² ПСРЛ. Т.1. М., 1997. Стб. 470.

³ Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV веках: пути политического развития. М., 1996. С. 28–29.

⁴ ПСРЛ. Т.1. Стб. 470–471.

⁵ Там же. С. 167; Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957. С. 55.

⁶ Allsen T. Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands, 1251–1259. Berkeley, 1987. P. 66–67.

⁷ Егоров В.А. Александр Невский и Чингизиды // Отечественная история. 1997. № 2. С. 49.

Недаром сразу по возвращении Константина Ярослав Всеволодович отправился в Орду, а далее в столицу Монгольской империи⁸. Непосредственный вызов в Каракорум последовал после кончины Ярослава его сыну Александру Невскому. Туракина пообещала Александру «землю отца», однако князь избежал визита⁹. В Каракорум Александр Ярославич отправился только после распоряжения Бату¹⁰. В столице Александр Невский был признан великим князем, его брат Андрей получил владимирское княжение¹¹.

Вслед за Ярославом Всеволодовичем у Бату побывали и другие русские князья — Владимир Константинович, Борис Василькович, Василий Всеволодович, Даниил Романович. Они получили права на свои княжения без визита в Каракорум¹². Так стала складываться принципиально новая для Монгольской империи модель управления покоренными странами — посредством местных правителей.

Подобным образом монголы действовали в Закавказье, завоевание которого было завершено примерно в то же время, что и русские земли. По распоряжению Чингисхана все земли к западу от Иртыша должны были отойти Джучи и его потомкам, однако фактически Армения и Грузия стали одной из ханских областей под названием «Джурджистанский вилайет»¹³. В регионе власть сохранила царица Русудан. По свидетельству Киракоса Гандзакеци, ее визита требовал Бату, а также военачальник Бачу. Она не решилась предстать перед ними и в итоге посадила на трон своего сына Давида. Он отправился к Бату, а затем по приказу Бату в Каракорум¹⁴. Там же оказался другой претендент на престол — сын грузинского царя Георгия IV, предшественника Русудан, также носящий имя Давид. Решение их спора застал в Каракоруме Плано Карпини. Старшинство отдали сыну Георгия¹⁵. Как и на Руси, в Закавказье была сохранена власть местных князей. С изъявлением покорности в Каракоруме побывал князь Аваг. Признали монгольскую власть и тем самым сохранили свои владения князья Шахиншах, Ваграм, Хасан-Джалал¹⁶.

⁸ ПСРА. Т.1. Стб. 471.

⁹ Путешествия в восточные страны... С. 77–78; *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*. Spoleto, 1989. P. 323.

¹⁰ ПСРА. Т.1. Стб. 471.

¹¹ Там же. Стб. 472.

¹² Там же. Стб. 470. ПСРА. Т. 2. М., 2001. Стб. 805–806.

¹³ Татаро-монголы в Азии и Европе. 2-е изд. М., 1977. С. 177–178; *Dashdondog B. The Mongols and the Armenians (1220–1335)*. Leiden, Boston, 2011. P. 102.

¹⁴ *Киракос Гандзакеци*. История Армении. М., 1976. С. 195.

¹⁵ Путешествия в восточные страны... С. 56–57.

¹⁶ *Киракос Гандзакеци*. С. 168.

Бату на средневековом китайском рисунке XIV в.

В регионах, захваченных монголами до Руси, применялся совершенно иной принцип организации власти. В Северном Китае, Средней Азии, Иране местные династии теряли свои полномочия, управление переходило монгольским представителям.

Некоторые элементы политики оккупации прослеживаются в землях Южной Руси. По свидетельству Плано Карпини, в 1245 г. «под непосредственной властью татар» находился город Канев, расположенный в 120 км от Киева¹⁷. В том же году Даниил Романович застал татар в Переяславле-Русском: «и прииде Переяславлю и стрѣтоша Татаровѣ»¹⁸. Также в 1245 г. полководец Моуци потребовал у Даниила Романовича стольный Галич: «Приславшоу же Могоучѣви посолъ свои к Данилови и Василкови боудущю има во Дороговьскыи да и Галичъ бысть в печали велицѣ»¹⁹. Возможно, и Киев до утверждения Ярослава Всеволодовича в качестве великого князя находился под управлением монгольского наместника²⁰. В городе Бакоте на окраине Галицкой земли монгольский представитель, баскак, находился до 1255 г.: «приѣхаша Татарѣ ко Бакотѣ и приложися Милѣи к нимъ Данилови же пошедшоу на воину на

¹⁷ Путешествия в восточные страны... С. 67–68, 217.

¹⁸ ПСРА. Т. 2. Стб. 806.

¹⁹ Там же. Стб. 805; верное деление речи посла на слова: «даи Галичъ» см.: Галицко-Волинський літопис. Київ, 2002. С. 109.

²⁰ Горский А.А. Утверждение власти Монгольской империи над Русью: региональные особенности // Исторический вестник. Т. 10 (157). М., 2014. С. 60.

Литвою на Новѣгородокъ бывшую раскалью посла сына си Лва на Бакотоу посла Левъ дворяского перед собою изѣхавше яша Милѣя баскака и приведе Левъ Мѣлѣя отцю си и бысть паки Бакота королева отца его»²¹. На территории Северо-Восточной Руси практика оккупации городов монголами не наблюдается, так же как и ее дальнейшее развитие в землях Южной Руси.

Традиционно в завоеванных областях монголы оставляли своих наместников, называемых в китайских источниках даругачи²², а в персидских баскаки²³. Их основной задачей являлось восстановление мирной жизни регионов, обеспечение порядка и соблюдение интересов монгольского хана²⁴. Можно предположить, что и в оккупированных монголами русских городах наместниками также являлись баскаки. По летописному свидетельству, баскак Милей находился в Бакоте. Однако существует разночтение списков Ипатьевской летописи. В Хлебниковском и Ермолаевском списках перед словом «баскака» стоит союз «и»²⁵. Ряд исследователей считает верным именно этот вариант²⁶. Это прочтение отражено в киевском издании Галицко-Волинской летописи под ред. Н.Ф. Котляра: «изѣхавше яша Милѣя и баскака»²⁷.

Баскаками называет монгольских наместников в покоренных регионах Плано Карпини: «Bascakos sive prefectos suos ponunt in terries illorum quos redire permittunt, quibus oportet ut nutum tam duces quam alii debeant obedire. Et si homines alicuius civitatis vel terre non faciunt quod volunt, isti bascaki opponunt eis quod sint Tartaris infideles, et sic civitatem illam vel terram destruunt et homines qui sunt in ea occidunt per manum validam Tartarorum, qui ex mandato principis illius cui obedit terra illa veniunt, eis nescientibus, et subito irruunt super eos; sicut nuper contigit, cum adhuc in terra Tartarorum essemus, de cuadam civitate quam

²¹ ПСРА. Т. 2. Стб. 828–829.

²² Золотая Орда в источниках. Т. 3. М., 2009. С. 159; The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century. Transl. by I. de Rachewiltz. Leiden, Boston, 2006. Vol. 1. P. 194.

²³ The History of the World-Conqueror. Transl. by J.A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. I. P. 105, 107; Vol. II. P. 480, 482, 508 etc.

²⁴ О соотношении должностей см.: Маслова С.А. Даруги и баскаки: соотношение должностей // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2014. № 4 (58). С. 23–36.

²⁵ ПСРА. Т. 2. Стб. 829–830, прим. 5.

²⁶ Молчановский Н.В. Очерк известий о Подольской земле до 1434 года (преимущественно по летописям). Киев, 1885. С. 150–151; Грушевский М.С. Історія України-Руси. Т. III. Львов, 1905. С. 84–85, прим. 2; Насонов А.Н. Монголы и Русь (история татарской политики на Руси). 2-е изд. СПб., 2006. С. 233.

²⁷ Галицько-Волинський літопис. С. 117.

ipsimet de Rutenis in terra fecerant Comanorum»²⁸. Наместник провел перепись на Руси: «Nam cum essemus in Ruscia, missus fuit unus sarracenus ex parte Cuyuccan, ut dicebatur, et Bati; et ille prefectus a quolibet homine qui habebat tres pueros unum accipiebat, ut postea nobis dicebatur; et quicumque viri non habebant uxores, illos deducebat; et faciebat de mulieribus etiam illud idem, que viros legitimos non habebant. Pauperes etiam, qui mendicando suum victum querebant, similiter deportabat. Reliquos autem, secundum eorum cosuetudinem, numeravit, precipiens ut unusquisque, tam parvus quam magnus, etiam infans unius diei, sive pauper esset sive dives, tale tributum preberet: ut scilicet daret unam pellem albi ursi et unum nigrum castorem et unum nigrum zabulum et unam nigram pellem cuiusdam animalis, quod in terra latibulum habet, cuius nomen in latinum transferre nescimus (Poloni autem et Ruteni illam bestiam appellant dochori), et unam nigram pellem vulpinam. Et quicumque ista non dat, inter Tartaros debet duci et in eorum redigi servitutem»²⁹. По рассказу Плано Карпини, баскак провел перепись русского населения. Очевидно, это мероприятие затронуло не все русские земли. Источники не содержат сведений о переписи на территории Галицко-Волынского княжества, в землях Суздальской, Рязанской и Муромской ее провели в 1257 г., а в Новгороде — два года спустя. Похоже, в середине 40-х гг. XIII в.

²⁸ *Giovanni di Pian di Carpine*. Р. 287. Ср. «Башафов (Baschathos), или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуются упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле Татар, с одним городом, который они сами поставили над Русскими в земле Команов» (Путешествия в восточные страны... С. 56).

²⁹ *Giovanni di Pian di Carpine*. Р. 285–286. Ср. «в бытность нашу в России, был прислан сюда один Саррацин, как говорили, из партии Куйюк-кана и Бату, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно, чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, и по-немецки оно называется ильтис (iltis), поляки же и русские называют этого зверя дохорь (dochori), и одну черную лисью шкуру. И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к Татарам и обращен в их раба» (Путешествия в восточные страны... С. 55).

перепись прошла в Киевской земле. Произошло это событие в конце 1245-го — начале 1246 г.³⁰ Чиновник, руководивший переписью, относился к администрации великого хана и действовал с согласия улусного хана Бату. Переписи подлежало все мужское население.

Перепись являлась одним из основных инструментов управления монголами покоренных земель. Великий хан Мунке (1251–1259) инициировал целый ряд подобных мероприятий по всей Монгольской империи с целью упорядочения сбора дани³¹. Не остались в стороне и русские земли.

Зимой 1257/58 г. состоялась перепись в землях Суздальской, Рязанской и Муромской: «тое же зимы приехаша численици исцетоша всю землю Сужальскую и Рязанскую и Мюромьскую и ставиша десятники и сотники и тысящники и темники и идоша в Ворду»³². В летописном сообщении нет указания на административную принадлежность численников, осуществивших перепись. Однако в тексте китайской летописи Юань-ши есть указание о назначении в 1257 г. «Китая, сына зятя каана Лачина, даругачи по умиротворению и охране порядка у русских, в связи с чем пожаловал ему 300 коней и 5000 овец»³³. Приезд монгольского чиновника Китая русские источники не фиксирует. Похоже, представителю великого хана не обязательно было лично присутствовать при проведении переписи. Он мог контролировать процесс, не находясь на территории русских княжеств. Сообщение Юань-ши прямо указывает на то, что перепись на Северо-Востоке Руси была проведена в интересах прежде всего Монгольской империи.

Не ясен принцип учета населения Суздальской, Рязанской и Муромской земель. В практике проведения переписей монголы применяли различные подходы. В Китае учитывались дворы, в Армении — мужское население в возрасте от 11 до 60 лет³⁴. Относительно Руси ученые склонны считать единицей учета дворы³⁵. А.А. Горский на основе сведений о «тьмах», наиболее крупных единицах десятичного деления податного населения, установленного переписью 1257 г., и размерах дани с великого княжения пришел к выводу об учете на Северо-Востоке Руси мужского населения ра-

³⁰ Горский А.А. Утверждение власти... С. 64.

³¹ Allsen T. Mongol imperialism... P. 116–143.

³² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 474–475.

³³ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 195.

³⁴ Allsen T. Mongol imperialism... P. 119, 125–130; Dashdondog B. The Mongols and the Armenians... P. 108.

³⁵ Насонов А.Н. Монголы и Русь... С. 224–226; Allsen T. Mongol census taking in Rus'. 1245–1275 // Harvard Ukrainian Studies. 1981. Vol. 5. № 1. P. 49.

Хан Мункэ на троне. Миниатюра из «Тарих-и-джехангуша»

ботоспособного возраста³⁶. Тот же принцип был применен в Армении, перепись в которой прошла при участии представителя Бату³⁷.

Зимой 1259/60 г. монгольская перепись прошла в Новгороде. Первые свои требования монголы предъявили новгородцам в 1257 г.: «Тои же зимы приѣхаша послы татарьскыи съ Олександромъ, а Василии побѣже въ Пльсковъ; и почаша просити послы десятины, тамгы, и не яшася новгородьци по то, даша дары цесареви, и отпустиша я с миромъ»³⁸. Похожее требование было предъявлено в 1237 г. рязанским князьям: «В то лѣто придоша иноплемьнищи, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множество бещисла, аky пружи; и первое пришедше и сташа о Нузлѣ, и взяша ю, и сташа станомъ ту. И оттолѣ послаша послы своя, жену чародѣицу и два мужа с нею, къ княземъ рязаньскимъ, просяче у нихъ десятины во всемъ: и в людехъ, и въ князехъ, и въ конихъ, во всякомъ десятое»³⁹. Монголы предложили Новгороду признать власть кочевников и выплатить им налог с городского населения, тамгу, в размере десятины. Это требование было мягче условий, предъявленных рязанским князьям, от которых хотели десятины «во всем». Город, избежавший разорения монгольскими войсками, платить завоевателям не захотел. Новгородцы вполне могли перебить посланцев.

³⁶ Горский А.А. Утверждение власти... С. 68–71.

³⁷ Киракос Гандзакец. С. 221.

³⁸ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А.Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 82.

³⁹ Там же. С. 74.

Понадобилось прямое участие Александра Невского, чтобы избежать возможного конфликта. Он сопровождал послов и смог решить дело миром. Новгородцы отпустили послов, откупившись дарами. Через два года дело приняло более серьезный оборот: «приѣха Михаило Пинещиничъ из Низу со лживымъ посольствомъ, река тако: “аже не иметеса по число, то уже полкы на Низовьской земли”; и яшася новгородци по число. Тои же зимы приѣхаша оканьнии татарове сырядци Беркаи и Касачикъ с женами своими, и инѣхъ много; и бысть мятежь великъ в Новѣгородѣ, и по волости много зла учиниша, беруче туску оканьнымъ татаромъ»⁴⁰. В городе начались волнения, монголы обратились за помощью к Александру Невскому. Вмешательство князя позволило предотвратить восстание, и новгородцы «яшася по число ... И почаша ѣздити оканьнии по улицамъ, пишуче дома христьяньския ... и отѣхаша оканьнии, взявше число»⁴¹.

Летопись свидетельствует о возможном подворном характере новгородской переписи. На основе ее известий нельзя сделать вывод об административной принадлежности Беркая и Касачика. А.Н. Насонов и Т. Олсен видят в Беркае, приехавшем в 1259 г. в Новгород, чиновника Берке — представителя центрального аппарата⁴². В 1253 г. писец (битекчи) Берке «внес в реестр количество дворов и населения русских»⁴³. Между двумя событиями прошло значительное время. Это обстоятельство Т. Олсен объясняет рядом факторов, способствовавших затягиванию процесса проведения переписи русского населения. Среди них — кончина правителей улуса Джучи Бату и Сартака, а также отсутствие на Руси квалифицированных административных кадров⁴⁴. Проведение переписи находилось под контролем не только представителей великого хана, но также улусных правителей. На этом основании можно предположить, что если Беркай представлял интересы великого хана Мунке, то второй упомянутый летописью чиновник, Касачик, являлся представителем золотоордынского хана Берке⁴⁵.

Одна из основных задач переписи — установление системы сбора дани. Судя по летописному сообщению о восстаниях в Ростове, Владимире, Суздале и Ярославле в 1262 г., дань собиралась по системе откупов мусульманами — «бессерменами»: «Избави Бог от лютаго томленья бесурменьскаго

⁴⁰ Там же. С. 82.

⁴¹ Там же. С. 82–83.

⁴² Насонов А.Н. Монголы и Русь... С. 223–224; Allsen T. Mongol census... P. 44.

⁴³ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 190.

⁴⁴ Allsen T. Mongol census... P. 43–44.

⁴⁵ Ibid. P. 48.

Хан Угедей. Средневековое изображение

люди Ростовскія земля вложи ярость въ сердца крестьяномъ не терпяще насилья поганыхъ изволиша вѣчь и выгнаша из городовъ из Ростова изъ Володимеря ис Суждаля из Ярославля окупахуть бо ти оканьнии бесурмене дани и от того велику пагубу людемъ творяхуть работяще рѣзы и многы души крестьянскыя раздно ведоша видѣвше же человеколюбець Бѣг послуша моленья Матерня избави люди своя от великыя бѣды»⁴⁶.

Существование системы откупов в Монгольской империи зафиксировано уже при великом хане Угедее (1229–1241). В 1239–1240 гг. «торговый человек Абд-ар-Рахман» предложил великому хану откуп серебром налогов в Северном Китае, Угедей согласился⁴⁷. Купцы-мусульмане еще до завоеваний Чингисхана вели торговлю с монголами, а после занимали высокие посты в административной структуре новой власти. Их национальный состав был разнообразным: персы, арабы, туркмены, кипчаки и т.д.⁴⁸ Скорее всего, и «сарацин», установивший систему обложения в Киевской земле, являлся мусульманским купцом. Чиновники-откупщики, изгнанные из городов Северо-Восточной Руси, принадлежали, скорее

⁴⁶ ПСРА. Т. 1. Стб. 476.

⁴⁷ Золотая Орда в источниках. Т. 3. С. 175.

⁴⁸ Якубовский А.Ю. Феодалное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. // Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССЗ. Ч. 1. А., 1932. С. 38–42.

всего, имперской администрации. На это указывает то обстоятельство, что после расправы с откупщиками никаких санкций со стороны Золотой Орды не последовало⁴⁹. А.Н. Насонов убедительно обосновал тезис о том, что поездка Александра Невского в Орду имела причиной не избежание откупщиков, а происходивший в то время на Руси воинский набор⁵⁰. Ю.В. Кривошеев считает этот набор как раз наказанием Руси со стороны золотоордынской администрации за восстание⁵¹. Однако набор войск имел для Золотой Орды вполне прагматичные причины — война с Хулагу за спорные кавказские территории. Улус Джучи нуждался в дополнительном воинском контингенте и хотел пополнить его за счет покоренной Руси. Другим подтверждением принадлежности откупщиков-«бесерменов» не имперской, а золотоордынской администрации Ю.В. Кривошеев называет рассказ Московского летописного свода конца XV в.: «Умре царь Татарски Беркаи, и бысть ослаба христьяном от насилия Бесеремен»⁵². Но это обстоятельство легко объяснимо покровительством Берке мусульманским купцам-откупщикам. Мусульманское купечество являлось одной из тех сил, на которые хан в свое время опирался в борьбе за власть⁵³. Неудивительно, что во время правления Берке мусульмане-откупщики чувствовали себя особенно свободно. Дружественные отношения между правителем улуса Джучи Берке и великим ханом Мунке отнюдь не мешали злоупотреблениям откупщиков, ведь часть доходов шла в казну Золотой Орды. Начавшаяся в 1259 г. после кончины Мунке борьба за престол могла поспособствовать бесчинствам откупщиков, лишившихся строгого контроля из центра.

В летописном рассказе о городских восстаниях 1262 г. содержится упоминание некоего титяма: «томъж лѣтъ оубиша Изосиму преступника то бѣ мнихъ образомъ точю сотонѣ съсудъ бѣ бо пьяница и студословець празнословець и кощюньникъ конечно же отвержеся Христа и быс бесурменинъ вступивъ в прелестъ лжаго пророка Ма[х]меда бѣ бо тогда титям приѣхаль от цесаря Татарьского именем Кутлублии золь сыи бесурменинъ того поспѣхом оканныи лишенікъ творяше хръсяном велику досаду крсту

⁴⁹ В это время в Монгольской империи шла борьба за великоханский престол между Ариг-Бугой и Хубилаем. Золотоордынский хан Берке поддерживал Ариг-Бугу, а следовательно, мог оставить безнаказанным нарушение интересов своего противника.

⁵⁰ Насонов А.Н. Монголы и Русь... С. 255–256.

⁵¹ Кривошеев Ю.В. Русь и монголы: исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIII вв. СПб., 2003. С. 214.

⁵² ПСРА. Т. 25. М.; Л., 1949. С. 146.

⁵³ Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды (1236–1313). Волгоград, 2003. С. 78; Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 47–48.

и святымъ церквам поругаяся егда же люди на врагы своя двигшася на бесурмены изгнаша иных избиша тогда и сего незаконного Зосиму оубиша в городѣ Ярославли бѣ тѣло его ядь псом и вороном»⁵⁴.

Статус чиновника летописи определяют по-разному. Сведения Лаврентьевской летописи повторяются в летописях Симеоновской и Троицкой⁵⁵. Софийская I летопись старшего извода определила чиновника послом, термин «титям» восприняла как его имя, а слово «Кутлубий» — как имя хана: «Бѣ бо того лѣта приѣхалъ Титямъ посломъ на Русь ото ц(а)ря татарьскаго именемъ Кутлубѣя»⁵⁶. То же читается в Московском летописном своде конца XV в., Типографской и Воскресенской летописях⁵⁷. Никоновская и Ермолинская летописи также толкуют термин «титям» как имя собственное, но при этом слово «Кутлубий» не звучит. В этих летописях приезжий чиновник назван послом: «пріятъ поспѣхъ отъ посла царева Титяка»⁵⁸ и «пріятъ поспѣхъ отъ посла царева Тетяка»⁵⁹.

А.Н. Насонов и Г.А. Федоров-Давыдов вслед за поздними летописями посчитали слово «титям» личным именем представителя монгольской власти⁶⁰, однако большинство исследователей склонны считать термин «титям» названием должности монгольского чиновника. Ученые расходятся во мнении, чьи интересы он представлял — золотордынского хана Берке⁶¹ или великого хана Хубилая⁶². Нет единства в трактовке значения термина «титям». А.П. Григорьев и И.В. Зайцев возводят термин к древнетюркским словам со значением «противиться, сопротивляться»⁶³ и «умный, расторопный»⁶⁴. А.П. Григорьев определил титяма ханским доверенным лицом,

⁵⁴ ПСРА. Т. 1. Стб. 476.

⁵⁵ ПСРА. Т.18. М., 2007. С. 72; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 327.

⁵⁶ ПСРА. Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 336.

⁵⁷ ПСРА. Т. 25. М., 2004. С. 144; Т. 24. М., 2000. С. 98; Т. 7. М., 2001. С. 163.

⁵⁸ ПСРА. Т. 10. М., 2000. С. 143.

⁵⁹ ПСРА. Т. 23. М., 2004. С. 85.

⁶⁰ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь... С. 238, прим. 1, 255; *Федоров-Давыдов Г.А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 28, прим. 10.

⁶¹ *Кривошеев Ю.В.* Русь и монголы... С. 209–210; *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков русским митрополитам. Источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб., 2004. С. 183; *Зайцев И.В.* Кто такой *тетъ* // Золотоордынская цивилизация. Вып. 4. Казань, 2011. С. 29.

⁶² *Насонов А.Н.* Монголы и Русь... С. 255; *Рыкин П.О.* Титямъ: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // А.Б.-60: сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб., 2007. С. 484.

⁶³ *Григорьев А.П.* Сборник ханских ярлыков... С. 183.

⁶⁴ *Зайцев И.В.* Кто такой *тетъ*. С. 30.

выполнявшим особые поручения и наделенным чрезвычайными полномочиями⁶⁵. По мнению И.В. Зайцева, титям — дипломатическая должность второго лица в посольстве, своего рода советник посла⁶⁶. Наиболее обоснованной представляется трактовка значения термина П.О. Рыкиным на основе среднекитайского и среднемонгольского языкового материала⁶⁷. Он возводит термин «титям» к китайскому «тидянь». Ученый приводит тексты монгольских документов XIII—XIV вв., где встречается должность «титяма». Он отмечает, что в Китае при монгольской династии Юань тидянь служил начальником бюро, казначейства или другого органа особого управления. Этот титул использовался как префикс или суффикс с названием какого-либо ведомства или функции в среднем звене административной структуры, обозначая что-то вроде управляющего или инспектора, и обычно соответствовал должности, которая находилась вне регулярной бюрократической иерархии. Нередким было использование тидяней в качестве послов и исполнителей каких-либо поручений императора.

Нельзя однозначно сказать, какую администрацию, имперскую или золотоордынскую, представлял приехавший на Русь титям. Факт пребывания на Руси титяма зафиксирован только в русских летописях. Указание Лаврентьевской летописи «ото ц(а)ря татарьскаго» может относиться и к великому хану, и к правителю улуса Джучи. Употребление Лаврентьевской летописью царского титула применительно к монгольским правителям до выхода Золотой Орды из состава Монгольской империи допускает двойственное толкование: «В то же лѣтъ здума Андрѣи княз Ярославич с своими бояры бѣгати нежели цсремъ служити»⁶⁸. Только слова: «тоеж зимы приеха Глебъ Василкович ис Кану земли от цсря и оженися в Вордѣ»⁶⁹ — можно достаточно уверенно отнести к правителю Каракорума. В пользу принадлежности титяма имперской администрации говорит тот факт, что после отделения улуса Джучи подобные чиновники более не появлялись на территории Руси.

Титям приехал на Русь не для того, чтобы разобраться в обстоятельствах конфликта 1262 г. Он прибыл не после городских восстаний и не в 1262 г., а до начала восстаний. Иначе Изосима, убитый в результате народного гнева, не успел бы «творить досаду» «поспехом» титяма. Бывший монах и принял

⁶⁵ Григорьев А.П. Сборник ханских ярлыков... С. 183.

⁶⁶ Зайцев И.В. Кто такой *тетя*. С. 33.

⁶⁷ Рыкин П.О. Титямъ: об одном китайском титуле в средневековых русских летописях // А.Б.-60: сборник статей к 60-летию А.К. Байбурина. СПб., 2007. С. 475–492.

⁶⁸ ПСРА. Т. 1. Стб. 473.

⁶⁹ Там же. Стб. 474.

ислам «бѣ бо тогда титям приѣхалъ». В зависимости от того, сколько времени потребовалось на получение назначения, поездку на Русь и некоторое пребывание на ее территории, по-видимому в Ярославле, титям мог выступить представителем интересов Хубилая, ставшего великим ханом в 1260 г., или его предшественника, великого хана Мунке, скончавшегося в 1259 г. «Кутлубий» — личное имя чиновника, тюркское по происхождению⁷⁰. К великому хану Хубилаю оно отношения не имеет.

Вероятно, деятельность титяма была связана со сбором дани, так как основной интерес монгольской власти на Руси представляла именно дань. Титям мог следить за ходом переписи развернувшейся в русских землях в конце 50-х гг. XIII в. Должность титяма предстает вне регулярной бюрократической системы.

В середине 60-х гг. XIII в. улус Джучи вышел из состава Монгольской империи. До фактического распада империи Каракорум играл определяющую роль в управлении русскими землями. Все административные мероприятия по установлению монгольской власти на Руси проходили с ведома или по инициативе имперского центра. Наиболее вероятно, руководили проведением этих мероприятий представители великого хана. Изначально в южных землях Руси наблюдались элементы традиционной монгольской системы непосредственного управления — некоторые русские города оказались в руках монголов. Однако вскоре завоеватели отказались от подобной практики. Власть над регионом они оставили местным правителям — князьям. Для назначения удельных князей было достаточно решения улусного хана. Вступление в права верховного правителя требовало санкции великого хана. В отношениях между улусным ханом и местными правителями великий хан не вмешивался, однако решение спорных вопросов являлось его прерогативой.

Улус Джучи полностью подчинялся политике Монгольской империи, в том числе и фискальной. Русские летописи свидетельствуют, что Золотая Орда соблюдала субординацию. Русские князья не ограничивались визитами к Батю, некоторые из них совершали путешествия в далекий Каракорум, в том числе и по велению Батя. До кончины великого хана Мунке Золотая Орда чеканила монеты с его именем⁷¹.

⁷⁰ Рыкин П.О. Титямъ... С. 486.

⁷¹ Мыськов Е.П. Политическая история Золотой Орды... С. 69–70.

REFERENCES

1. *Allsen T.* Mongol census taking in Rus'. 1245–1275 // *Harvard Ukrainian Studies*. 1981. Vol. 5. No. 1.
2. *Allsen T.* Mongol imperialism: The policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and Islamic lands, 1251–1259. Berkeley, 1987.
3. *Dashdondog B.* The Mongols and the Armenians (1220–1335). Leiden, Boston, 2011.
4. *Egorov V.L.* Aleksandr Nevskij i Chingizidy [Alexander Nevsky and Chingissids]. *Otechestvennaya Istoriya* [1997. No. 2. Russian History].
5. *Fedorov-Davydov G.A.* Obshchestvennyj stroj Zolotoj Ordy [Social System of the Golden Horde]. Moscow, 1973.
6. *Galic'ko-Volins'kij litopis* [Galician–Volhynian Chronicle]. Kyiv, 2002.
7. *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli. Spoleto, 1989.
8. *Gorskij A.A.* Russkie zemli v XIII–XIV vekah: puti politicheskogo razvitiya [Russian lands in the 13th–14th centuries: the path of political development]. Moscow, 1996.
9. *Gorskij A.A.* Utverzhdenie vlasti Mongol'skoj imperii nad Rus'yu: regional'nye osobennosti [Consolidation of the Power of the Mongol Empire over Russia: Regional Peculiarities]. *Istoricheskij vestnik* [The Historical Reporter]. Vol. 10 (157). Moscow, 2014.
10. *Grigor'ev A.P.* Sbornik hanskih yarlykov russkim mitropolitam. Istochniko-vedcheskij analiz zolotoordynskih dokumentov [Collection of yarlyks of Khan to Russian metropolitans. Historiographic analysis of the Golden Horde documents]. Saint Petersburg, 2004.
11. *Grushevskij M.S.* Istoriya Ukraïni-Rusi [History Of Ukraine-Rus']. Vol. III. Lvov, 1905.
12. *Kirakos Gandzaketsi.* Istoriya Armenii [The History of Armenia]. Moscow, 1976.
13. *Krivosheev Yu.V.* Rus' i mongoly: issledovanie po istorii Severo-Vostochnoj Rusi XII–XIII vv. [The Rus' and the Mongols: a Study of the History of North- Eastern Rus in 12th–13th centuries]. Saint Petersburg, 2003.

14. *Maslova S.A.* Darugi i baskaki: sootnoshenie dolzhnostej [Darugha and Basqaq: the ratio of posts]. *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki* [Ancient Rus' Medieval History Questions]. 2014. No. 4 (58).
15. *Molchanovskij N.V.* Ocherk izvestij o Podol'skoj zemle do 1434 goda (preimushchestvenno po letopisyam) [Essays about the Podolsk land until 1434 (mainly according to the chronicles)]. Kiev, 1885.
16. *Mys'kov E.P.* Politicheskaya istoriya Zolotoj Ordy (1236–1313) [Political History of the Golden Horde (1236–1313)]. Volgograd, 2003.
17. *Nasonov A.N.* Mongoly i Rus' (istoriya tatarskoj politiki na Rusi) [The Mongols and the Rus (History of the Tatar Policy in the Rus)]. 2nd edition. Saint Petersburg, 2006.
18. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [The Novgorod First Chronicle — the Older and Younger Recensions]. Pod red. A.N. Nasonova [Ed. by A.N. Nasonov]. Moscow; Leningrad, 1950.
19. *Polnoe sobranie russkikh letopisej*. Vol. 1. Moscow, 1997; Vol. 2. Moscow, 2001; Vol. 6, 10, 24. Moscow, 2000; Vol. 7. Moscow, 2001; Vol. 18. Moscow, 2007; Vol. 23. Moscow, 2004; Vol. 25. Moscow; Leningrad, 1949.
20. *Priselkov M.D.* Troickaya letopis'. Rekonstrukciya teksta [Trinity Chronicle. Reconstructed text]. Moscow; Leningrad, 1950.
21. *Puteshestviya v vostochnye strany Plano Karpini i Rubruka* [The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis]. Moscow, 1957.
22. *Rykin P.O.* Tityam: ob odnom kitajskom titule v srednevekovyh russkikh letopisyah [Tithyam: about one Chinese title in medieval Russian chronicles]. A.B.-60: sbornik statej k 60-letiyu A.K. Bajburina [Collection of articles dedicated to the 60's anniversary of A.K. Bajburina]. Saint Petersburg, 2007.
23. *Safargaliev M.G.* Raspad Zolotoj Ordi [Collapse of the Golden Horde]. Saransk, 1960.
24. *Tataro-mongoly v Azii i Evrope* [The Tatar-Mongols in Asia and Europe]. 2nd edition. Moscow, 1977.
25. *The History of the World-Conqueror*. Transl. by J.A. Boyle. Manchester, 1958.
26. *The Secret History of the Mongols. A Mongolian epic chronicle of the thirteenth century*. Transl. by I. de Rachewiltz. Leiden, Boston, 2006.
27. *Yakubovskij A.YU.* Feodal'noe obshchestvo Srednej Azii i ego trgovlya s Vostochnoj Evropoj v X–XV vv. [Feudal Society of Central Asia and its Trade with Eastern Europe in the 10th–15th centuries]. Materialy po istorii Uzbekskoj, Tadžikskoj i Turkmenskoj SSZ [Materials on the history of the Uzbek, Tajik and Turkmen SSR]. Part 1. Leningrad, 1932.

28. *Zajcev I.V.* Kto takoj tet'? [Who is teth?]. Zolotoordynskaya civilizaciya [The Golden Horde]. Issue 4. Kazan, 2011.
29. Zolotaya Orda: bibliograficheskij ukazatel' [The Golden Horde: bibliographic index]. Kazan, 2013.
30. Zolotaya Orda v istochnikah.

Ключевые слова:

Русь, улус Джучи, Монгольская империя, монголы, система власти, хан, князь.

Svetlana A. Maslova

THE ROLE OF CENTRAL ADMINISTRATION IN THE MONGOLIAN REIGN IN THE RUS'

The article is dedicated to the process of establishment of the Mongol reign in Russia. In the spotlight are the actions of the Central Mongolian administration aimed to organize the management system of the Russian lands. Chronologically the study focuses on the first decades of the rule of the Mongols over the Russian lands. The research objective is to assess the degree of Karakorum participation in the political life of the region. Examination of the complex of administrative measures carried out by the Mongols before the withdrawal of the Ulus of Jochi from the Mongol Empire allows to judge upon the role of the Great Khan in the process of the establishment of the Mongolian reign in the Rus'. At that time, the main administrative activity of the Mongols in the Russian lands was limited to conducting censuses and approving the power of the princes.

The analysis showed that before the actual disintegration of the empire, Karakorum played a decisive role in the management of the Russian lands. All administrative measures to establish the Mongolian reign in the Rus' were held with the knowledge or on the initiative of the imperial center. The Ulus of Jochi was completely subordinate to the policy of the Mongol Empire, including fiscal.

Key words: the Rus', Jochi Ulus, the Mongol Empire, the Mongols, the system of power, Khan, Prince.

Svetlana A. Maslova — Candidate of Historical Sciences, Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences.

Светлана Алексеевна Маслова

кандидат исторических наук, научный сотрудник Института российской истории РАН

Dashdondog Bayarsaikhan

MONGOL PENETRATION INTO THE NEAR EAST AND THE ARMENIANS (1260–1277)

In 1256–58, when the Ismā'īlī and the 'Abbasid powers were subjugated by the Mongols, the Mongol army under Il-khan Hülegü carried out the Mongol conquering programme in the region. The Mongols were drawn into Syria and Palestine. Among many political reasons of Mongol incursion into the Near East the Armenian influence can be taken into account.¹ In this paper, I shall propose that the Armenian interest should not be discount among the motives of the Mongols penetration to Syria, which is attested in the contemporary Armenian sources strongly.

There was no Mongol court mandate to control Syria and Palestine. Remarkably, the first appeal to march on Syria addressed to the Mongols was expressed by the Armenian King Het'um (r. 1226–70). The Cilician monarch appealed his interest twice to the Mongol Khans in freeing the Holy Land from the Muslims, once visiting Mönkge Khan in Qara-Qorum in 1253/54, and the second time visiting Hülegü (r. 1256–65) in Maragha in 1258.² Het'um Patmich' (d. ca. 1314), the contemporary Armenian historian known as Hayton, has brought us

¹ Amitai-Preiss, 2004, 17, n. 57; Jackson, 1980, 482-83.

² Het'um Patmich', 1951, 49-50.

some intriguing details about the agreement sealed by the Mongol Khan Mönkge (r. 1251–59) and King Het‘um I in 1254. The existence of such an agreement and thus a treaty is issue for debate. However, the reference to such a document stands for the contemporary view of the Armenians to convince the Pope and other western rulers to cooperate with the Mongols. The so-called ‘agreement’ comprises seven points or requests mostly related to the Armenians, and Armenian Churches to be freed from taxation. Two of these are more essential: the Great Khan and his people should accept baptism, and the Mongols should free the Holy Land from the Muslims and restore it to the Christians.³ Although the existence of such a document is uncertain, and some scholars criticise Het‘um Patmich‘ for his sentiments towards the pro-Mongols’ Christian policy,⁴ I can assume that it illustrates the perception of the Armenian historian as to how he would like to see this historical episode of King Het‘um’s visit to Mongolia. Moreover, the request of receiving baptism was not unprecedented: the western traveller of the 13th century, friar Rubruck mentioned that the Armenian monk Sergius (Sargis) played a very active role at the court of Mönkge khan in Qaraqorum, attempting to baptise the Great khan in 1254.⁵ Therefore, we cannot ignore the notion that the Armenians were keen to see the Mongols converted to Christianity and the visit of King Het‘um to Mongolia was not a ‘sheer fantasy of Hayton.’

King Het‘um tried to win the Latin princes over to the idea of a Christian-Mongol alliance, and convince the Crusader States to follow his example, but their trust in the Mongols was deteriorated largely due to the Golden Horde invasion of Hungary (1241, 1284) and Poland (1259, 1287). The Cilician monarch could convince only Bohemond VI, the prince of Antioch (1252–68), who to some degree was Het‘um’s vassal through his marriage to his daughter Sybille and the Count of Tripoli (1252–75).⁶

Before Hülegü’s march on Syria, the Armenian king visited Hülegü in Edessa to assert once more his Christian interest in the Mongol conquest of Palestine and the liberation of the Holy Land from the Sultan of Aleppo.⁷ This fact asserts that the Armenians appealed the Mongols into a real joint action to regain Jerusalem.

It is worth noting that in addition to the Cilician Armenian interest, there was a certain interest on the part of some Ayyubid leaders in bringing the

³ Het‘um Patmich‘, 1951, 45.

⁴ Jackson, 1980, 486. However, Kirakos clearly referred to the visit and to a certain document being issued, Kirakos Gandzakets‘i, 1961, 367.

⁵ Rubruck in Komroff, 1989, 138–46.

⁶ Boase, 1978, 25; Der Nersessian, 1969, 49.

⁷ Het‘um Patmich‘, 1951, 49–50.

Mongols to Syria. Badr al-Dīn Lu'lu' of Mosul had greatly aided the Mongols in invading Iraq and overthrowing 'Abbasid's rule earlier on,⁸ there was a Muslim appeal against the Ayyubids as well. On the eve of the Mongol invasion, Egypt and Syria experienced a period of internal political conflict, civil disorder and conspiracies.⁹ Three major important Ayyubid figures: al-Nāṣir Yūsuf b. al-'Azīz Muḥammad, the Sultan of Aleppo and Damascus, al-Manṣūr Muḥammad b. al-Muz'affar Maḥmud, the ruler of Ḥamā, and al-Mughīth 'Umar b. al-'Ādil Abu Bakr, the ruler of Karak, had all shown their willingness to co-operate with the Mongols. Another Ayyubid, al-Ashraf Mūsā, the former Prince of Ḥomṣ, had maintained a correspondence with the Mongols since 651 H. (1253–54).¹⁰ In fact, al-Ashraf Mūsā encouraged Hülegü to invade Syria in order to be reinstated.¹¹ Besides these, the other Ayyubid amirs, merchants and the chief chamberlain, as well as the Kurdish amirs, promoted a submissive policy towards Hülegü.¹² There was also sectarian conflict between the Sunnis and the Shi'as, which might have encouraged Hülegü's determination to march on Syria.¹³

Hülegü set out from Azerbaijan in September 1259, having sent ahead his general Ket-Buqa with the advance forces. According to Grigor Aknerts'i, Hülegü picked two out of every ten men of the assembled army for the march on Syria.¹⁴ Hülegü demanded that the Georgian King David Ulu support his conquest of Syria and Egypt. Unexpectedly, David refused. One might have thought that the Georgian king would have been more than interested in liberating the Holy Land. However, David was not only disinterested in this venture but also bold enough to refuse Hülegü's order. In addition, he sought a revolt, which was suppressed by Arghun Aqa in Southern Georgia in 1260.¹⁵ David Ulu's refusal to participate in the Mongol campaign in Syria can be explained by his huge loss of men in the battle for Baghdad. In these circumstances, Hülegü had only the Cilician Armenians' support to set out for Syria.

⁸ Patton, 1991, 3.

⁹ Amitai-Preiss, 2004, 17.

¹⁰ Humphreys, 1977, 341–42; Amitai-Preiss, 2004, 19–21.

¹¹ Al-Ashraf Mūsā was received by Hülegü at Aleppo and retained Ḥomṣ and the title of the ruler over all Syria. Hülegü also granted him an *iqṭā'*, revenues of land assignment; Amitai-Preiss, 2004, 20, 31.

¹² *Ibid*, 22.

¹³ Besides the conflicts, palace intrigues reached a high level, which contributed to the decision of Hülegü; Rashīd al-Dīn, 1954, 698–703.

¹⁴ Grigor Aknerts'i, 1974, 49. Estimates of the size of Hülegü's army range from 15,000 to 120,000; Smith, 1975, 274–78; Allsen, 1987, 203–07.

¹⁵ Kirakos Gandzakets'i, 1961, 390.

The Hülegü's army passed through Ala-Tagh, Akhlāt and the Hakkārī mountains into Diyārbakr or Amida, which was captured by the son of Badr al-Dīn Lu'lu'.¹⁶ Hülegü himself captured Edessa, Dunaysir, Nisībīn/ Nisibin and Ḥarrān.¹⁷ After crossing the Euphrates, the Mongols surrounded Aleppo, where they were joined by the troops of the Cilician Armenian king Het'um and his son-in-law, Bohemond VI, the Prince of Antioch (1252-68) and the Count of Tripoli (1252–75).¹⁸ Among those who arrived, was the Armenian Catholicos Kostandin (Constantine) I (1221–67), who came to bless Hülegü's march, as the Armenian chronicler attests, in order to 'free all the Christians, clerics and people from death.'¹⁹ This account reinforces the importance of this conquest for the Christian Armenians and how they were looking upon Hülegü as the providential saviour from the Muslims. The following episode of the siege of Aleppo is documented by Armenian commander Smbat Sparapet:

“In the year 1260, Khan Hulagu and his mighty host advanced like a spring torrent, seizing the forts of the infidels wherever they passed, some peacefully, some by fighting. Thus he advanced as far as Aleppo, surrounded the city, and sent word to King Het'um to join him; and the latter immediately came to the Khan with his army, and the Khan received him joyfully. And the victorious Khan harassed Aleppo with numerous engines, and in seven days he opened a way for the invaders in spite of the great width of the ramparts and the depth of the ditch. Then they all raised such a loud cry that the earth shook and trembled at the sound; entering, they marched on the citadel.”²⁰

For many days and nights, the Mongols battled against the defenders in the citadel of Aleppo where catapults and arrows were used by both sides.²¹ As Syriac source of Bar Hebraeus relates, the greater number of the Christians were gathered in the church of the Greeks. The Armenian noble T'oros and the monk Kūrāk liberated them and brought them to the Syriac church in Maragha.²² Ibn Shaddād and other Arab historians stress the reprehensible role of Het'um in the

¹⁶ The army killed many Kurds in Akhlāt and in the mountains of Hakkārī; Rashīd al-Dīn, 1954, 719.

¹⁷ *Ibid.*, 719.

¹⁸ Boyle, 1968, 350. The conquest of Aleppo signified the entrance of the Mongols into the principality of Antioch and the county of Tripoli. In return for his military support, Bohemond retained the districts in the Orontes valley which he restored to the principality of Antioch.

¹⁹ Vardan Arevelts'i, 1991, 151.

²⁰ Smbat Sparapet *Chronicle* cited in Der Nersessian, 1973, 370.

²¹ Rashīd al-Dīn, 1954, 719.

²² Bar Hebraeus, 2003, 436.

siege, who allegedly set fire to the Great mosque of Aleppo.²³ In Muslim historiography, the theme of the plunder of mosques by the Armenians continued until Il-khan Ghazan's reign. Ibn Shaddād states that Hülegü, having learned what Het'um had done to the mosque, became angry and had a large number of Armenian troops massacred.²⁴ To my knowledge, the contemporary Armenian sources say nothing about setting fire to the mosque, the massacre, the conversion of the mosque into a church, nor the execution of the Armenians by Hülegü. But there is a reference to similar actions in Damascus, but this time attributed to Bohemond VI, is found in the *Deeds of the Cypriots*, saying:

“The king of Armenia and the prince of Antioch [Bohemond VI] joined the Tartar host and were at the taking of Damascus. When Damascus fell, the prince had a most lovely Church purified and censed... This was originally the church of the Greeks (that had been turned into a mosque)... And in other Mohammedan mosques, where the Saracens worshipped, he had *roncins* and donkeys stabled, and he splashed wine on the walls and smeared them with pork, both salt and fresh. And where he commanded his men to commit one act of defilement, they did ten.”²⁵

When the city was conquered, many artisans were made prisoner. After the long siege of Ḥārim fortress near Aleppo, the defenders asked for mercy.²⁶ But Hülegü was extremely angry with them and ordered them to be killed. Interestingly enough, only an Armenian goldsmith was spared.²⁷ By this time, the notables of Ḥamā and Ḥomṣ had come to Hülegü and submitted their cities to him.²⁸ After Ḥārim fortress, the citadel of Aleppo was taken, and Hülegü installed a Mongol *shahna* in Aleppo.²⁹

Hülegü ordered Ket-Buqa to take Damascus. In 14 February 1260, the dignitaries and grandees of Damascus came to the camp of Hülegü bearing all sorts of gifts and the keys to the city gates.³⁰ Without having to lay siege, Ket-Buqa

²³ Boyle, 1968, 350; Ibn Shaddād, 1984, 42–43.

²⁴ Ibn Shaddād al-Ḥalabī, ‘Izz al-Dīn Muḥammad b. ‘Alī (1217–85), *Description de la Syrie du Nord*, tr. by Anne-Marie Edde-Terrasse, Damascus: Institut Français de Damas, 1984, 42–43.

²⁵ According to the *Gestes des Chiprois*, Bohemond converted one mosque into a Latin church and plundered many others; RHC/DA, 2, 171, 751; Crawford, 2003, 34–35. Modern scholarship doubts this or any similar behaviour; see Jackson, 1980, 486–87.

²⁶ On the siege of Ḥārim fortress, see Ibn Shaddād, 1984, 42–43.

²⁷ Rashīd al-Dīn, 1954, 720. It is a blacksmith in Bar Hebraeus, 2003, 436.

²⁸ Kirakos Gandzakets‘i, 1961, 388.

²⁹ Rashīd al-Dīn, 1954, 720.

³⁰ Grigor Aknerts‘i, 1974, 49–50; Kirakos Gandzakets‘i, 1961, 388; The local notables decided to submit with the help of Zayn al-Ḥāfiz □ī who had fostered a pro-Mongol policy for a long time; Amitai-Preiss, 2004, 30.

made a triumphal entry into Damascus on March 1, accompanied by the Armenian King Het'um and Bohemond VI.³¹ According to Kirakos Gandzakets'i, the contemporary Armenian historian, after Damascus, Hülegü sent troops to the city of Mardin.³² From Damascus, Ket-Buqa raided Hebron, Ascalon, Jerusalem and Nablus.³³ Interesting reference found in Grigor Aknerts'i: Hülegü in person took Jerusalem and prostrated himself before the Holy Sepulchre.³⁴ Although scholars dispute the siege of Jerusalem by Hülegü, they agree that Hülegü was bound for the Holy Land.³⁵ The reason why Hülegü was interested in the controlling of the Holy Land, which is stressed by Armenian historians, could be explained by the fact that the place was contested by the Christian and Muslim powers. By controlling the Holy Land, the Mongols could manipulate the sensitivities of both parties. However, Hülegü did not actually make any special arrangements for Jerusalem. The sack of Aleppo and Damascus was implemented by Mongol-Cilician Armenian military joint actions, which brought a certain benefit to the Armenians. After the capture of Syria and Palestine, King Het'um received territory in western Cilicia along with several fortresses taken from the Armenians by the Muslims.³⁶ In fact, Het'um expanded his territories on the Cappadocian, Mesopotamian and Syrian borders where the trade routes passed.³⁷ Hülegü gave Bohemond the port of Latakia in return for his reinstatement of the Greek patriarch of Antioch.³⁸

In a short time in early 1260, Syria and Palestine were conquered and brought under Hülegü's control. Now Hülegü confronted the last power of the Islamic states: Egypt. The Mongols attempted to ally with the remnants of the Crusader Kingdom of Jerusalem, now centred in Acre, but Pope Alexander IV (1254–61) forbade this.³⁹ This action was reasonable, since a ten-year peace had been concluded between the Franks of Palestine and Damascus in 1254, and Egypt in 1255,⁴⁰ and the neutral position of the Franks towards the Mamluks was renewed at Acre in 1260.⁴¹ Moreover, in September 1260, the Mediterranean Latin states allowed

³¹ Boase, 1978, 26

³² Kirakos Gandzakets'i, 1961, 388; Sebastats'i in Hakobyan, 1956, 143.

³³ Jackson (The Mongols and the West), 2005, 116.

³⁴ Grigor Aknerts'i, 1974, 50.

³⁵ Spuler, 1943, 254. On the Mongol raid into Palestine, see Amitai, 1987 (2), 236–55.

³⁶ Het'um Patmich, 1951, 50–51; Burger, 1988, xviii.

³⁷ Stewart, 2001, 46.

³⁸ Bohemond restored the districts in the Orontes valley (Kafr Bilmīs, Dayrkūsh and Kafr Dubbīn) to the principality of Antioch which remained in his hands until it fell to Baybars in 1268; Jackson (The Mongols and the West), 2005, 117.

³⁹ Jackson (The Mongols and the West), 2005, 119.

⁴⁰ Thorau, 1987, 142.

⁴¹ Jackson (The Mongols and the West), 2005, 121.

Mamluk troops to march through Latin Palestine against a joint force of Armenians and Mongols.⁴² The reason why the Franks remained resistant towards Mongol assistance was simple: this was the only rational assessment in those circumstances.⁴³ As the Franks believed that one day the Mongols would wipe them out as well, they were not in favour of helping them.⁴⁴ They did not want the Mamluks to turn against them, so they agreed that the Egyptian army could cross their territories although they ended up delivering supplies for the sultan's troops.⁴⁵ It was a perfect moment for Sultan Qutuz (r. 1259–60), who decided to march north on Syria and confront the occupying army left under the command of Ket-Buqa Noyan, confident that even in defeat he could still withdraw to Egypt for reinforcements. In addition, he was sure that, as the Mongol troops had just finished their exhausting ride through the desert, there was no hope that Hülegü would return with his full army.⁴⁶ He believed that defeating this force would not only protect the holy places, such as Jerusalem, Mecca and Medina, but also would drive the Muslims into a rage against the resolute Mongols. Essentially, he accomplished all these goals.

The war between the Mongol Il-khans and the Mamluk Sultans of Egypt and Syria lasted until 1320 in various forms of confrontation, commencing with the battle of 'Ayn Jālūt in 1260.⁴⁷ This battle had very important consequences for all its participants, Mongols, Mamluks and Armenians. The Mamluk and Mongol armies encamped in Palestine in July 1260,⁴⁸ finally met at 'Ayn Jālūt near Zar'in on September 3, with both sides numbering about 20,000 men.⁴⁹ Arme-

⁴² The notion that Ket-Buqa, disobeying the instructions of Hülegü to remain in the newly-conquered region, waged war with Egypt having a reinforcement of 500 soldiers from Cilicia, is found only in Smbat Sparapet's *Chronicle* in Der Nersessian, 1973, 370. By such a statement, Smbat possibly tried to justify the defeat.

⁴³ Jackson, 2005, 121.

⁴⁴ Rashīd al-Dīn mentions a certain Amir Baydar, a subordinate of Ket-Buqa, who was informed about the advance of Egyptian troops via the Latin coast; Rashīd al-Dīn, 1954, 722. According to the scholars quoting the Mamluk sources, Baydar was a commander of the Mongol force dispatched to Gaza in order to prevent the Egyptians from sending assistance to the Franks on the coast; Amitai-Preiss, 2004, 33; Jackson, 1980, 496.

⁴⁵ Under the Mamluks, the principality of Antioch fell in 1268, the county of Tripoli in 1289, and the kingdom of Jerusalem in 1291; Jackson, 2005, 118–19.

⁴⁶ Amitai-Preiss, 2004, 38.

⁴⁷ Amitai-Preiss, 1999, 57.

⁴⁸ Qutuz had at first agreed to wait for Ket-Buqa at Šālihiyya to get the *amirs* to mobilise; however, knowing that a prolonged wait would not be in his favour, he convinced the *amirs* to follow him speedily; Amitai-Preiss, 2004, 37.

⁴⁹ Het'um Patmich gives the number of Ket-Buqa's army as 10,000 men; Het'um Patmich, 1956, 70. For different figures on both sides, see Amitai-Preiss, 1992, 119–50; 2004, 36–37; Smith, 1984, 308–44.

nian sources name the place of the battle as the plain of Mount Tabor⁵⁰ or the locality called Prr.⁵¹ The Mamluks drew out the Mongol mounted archers with a feigned retreat. The Mongols were almost unable to withstand the assault from the Egyptian ambush; they were forced to retreat and Ket-Buqa was captured and executed.⁵² Many Armenians and Georgians were killed with Ket-Buqa.⁵³ The Armenian source attributes the failure of the Mongols to the excessive heat and the sickness among their horses.⁵⁴ In a letter to the French King Louis IX dated 1262, Hülegü himself explained his withdrawal from Syria as being due to the exhaustion of grazing land and provisions, and the discomfort of heat in summer.⁵⁵ Also, the timely desertion of al-Ashraf Mūsā, the governor of Ḥomṣ who previously had been allied with the Mongols, and who was on the Mongol left flank in this battle, contributed to the Mamluk victory.⁵⁶ Furthermore, the Mamluk heavy cavalymen were masters of close combat, a form of warfare never previously experienced by the Mongols. Besides, the bulk of the Mamluks were Inner Asian nomads of Turkic [or Circassian /Qipchak] origin sold via Constantinople in Cairo to the Sultan of Egypt.⁵⁷ It is important to note that both the Mamluks and Mongols were the military elites of the Eurasian Steppe.⁵⁸ The Mamluks were not only great equestrians themselves, familiar with steppe warfare, but very well aware of Mongol tactics and weapons.⁵⁹ Until 1517, the Mamluks were the unchallenged masters of military force in Egypt.⁶⁰

For the Mongols, this failure marked the end of the unity of the Mongol Empire, though some parts of it would last another 250 years. ‘Ayn Jālūt represented a similar situation to that of Hakata Bay [Iki Island], where the fleet of Qubilai Khan (1260–94) was defeated by the Japanese Shogunate in 1274 and 1281, ending Mongol expansion to Japan. For the Crusaders, it was a missed opportunity to obtain the Holy Land. As for the Armenians, the defeat of Ket-

⁵⁰ Kirakos Gandzakets‘i, 1961, 389.

⁵¹ Der Nersessian, 1973, 370.

⁵² Rashīd al-Dīn, 1954, 723.

⁵³ Kirakos Gandzakets‘i, 1961, 389.

⁵⁴ Der Nersessian, 1973, 370. Although the hot climate of Palestine and Egypt did not suit the Mongols, they left these lands only after their defeat by the Mamluks; Halperin, 1985, 48.

⁵⁵ Meyvaert, 1980, 258; Jackson (The Mongols and the West), 2005, 120.

⁵⁶ Amitai-Preiss, 2004, 43.

⁵⁷ Smith, 1984, 314.

⁵⁸ Amitai-Preiss, 2004, 2.

⁵⁹ Ayalon, 1963, 49.

⁶⁰ Chahin, 1987, 286. On the way back to Cairo after the victory at ‘Ayn Jālūt, Baybars killed Qūṭuz and became Sultan himself. His successors would go on to capture the last of the Crusader states in Palestine by 1291.

Buqa had a serious effect: their desire to free the Holy Land was quashed. The Mamluks ravaged much of Antioch and Cilician Armenia in the following year.⁶¹ Nevertheless, even after the Mongol failure in battle against the Mamluk army, the Armenian Kingdom of Cilicia maintained its territorial integrity and Het'um was able not only to hold his own, but also to expand his territories during the first half of the Il-khanid period.

One more attempt by a joint Mongol-Armenian advance on Syria was made in 1264–65. Hülegü sent Turba, one of his commanders, together with a large army to the impregnable fort of al-Bīra, which was in the hands of the Muslims. Turba managed to demolish the walls of the tower and asked King Het'um to join him. Het'um sent 200 cavalrymen ahead to Turba and then followed himself. When Turba received news that Baybars al-Bunduqdārī (r. 1260–77), the Sultan of Egypt was coming against him, he left al-Bīra, leaving Het'um no choice except to return home.⁶² The series of expeditions by Het'um into northern Syria during 1262–64 provoked the Mamluks to undertake further incursions into Cilician Armenia.

The next round of Mongol intrusion into the Near East was happened when the Sultan Baybars advanced through Syria to Cilicia. Caesarea, Haifa, Arsuf, Tibnin and Şafad (Safeth) fell to Sultan in 1265–1266, signifying the beginning of the end for the Franks in Syria. It was clear that the Sultan would turn on Cilicia, the main ally of the Mongols.⁶³ Most important port was Ayas, where spices and food of all sorts, silk and woollen goods and other rich commodities were traded.⁶⁴ Therefore, control over Ayas would challenge the Egyptian Sultans constantly.⁶⁵ Seeing the growing aggression of the Mamluks, King Het'um I tried on his own to negotiate a peace treaty with Baybars, for which, as Smbat Sparapet records, some embassies were exchanged, but the Sultan was too demanding.⁶⁶

Het'um refused to accept the conditions surrounding certain frontier holdings. This can be explained for two reasons. Firstly, the Armenian monarch was afraid of the anger of the Mongols, who would blame him for having fallen under the influence of the Sultan if he give him the fortresses the Mongols had captured. Secondly, the Sultan wanted Het'um to give him a less ruined frontier holding called Shih with a view to making it a marketplace for trade. Het'um could not

⁶¹ Burger, 1988, xviii.

⁶² *Ibid*, 58.

⁶³ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 59; Der Nersessian, 1973, 373.

⁶⁴ Marco Polo, 1987, 20.

⁶⁵ Stewart, 2001, 187.

⁶⁶ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 59; Der Nersessian, 1973, 374.

accept these conditions, because allegedly “he had been a victorious and famous King for many years, while the Sultan who had been the servant of disreputable servants had later become so powerful that all feared him”.⁶⁷ As Grigor Aknerts‘i suggests, there was another motive as well. Muslim advisers at the court of Abaqa Khan were secretly seeking ways to undermine Mongol trust in the Cilician Armenians. These advisers wrote to the Sultan of Egypt telling him to obtain at least one village from the Armenian King, which would be sufficient reason to claim that the Armenian King had breached his vow with the Mongols.⁶⁸

Seeing the situation intensify, Het‘um rushed to seek Mongol help in 1266.⁶⁹ In his absence, Baybars sent the Mamluk army under the command of his *amirs* to cross the Amanus Mountains and enter Cilicia as far as Sis, Adana and Bardz-raberd.⁷⁰ Smbat Sparapet with the two young princes, T‘oros and Lewon, led the Armenian forces against the Mamluks at Mari, but were routed. T‘oros was killed; Lewon and Smbat’s Mongol son Vasil were captured and sent to Egypt.⁷¹ T‘oros’ death and Lewon’s capture led Het‘um to seek help from the Papacy. This was one of five appeals by the Cilician Armenian kings written to western kings and the Papacy for aid and support against Egypt.⁷² Pope Clement IV (1265–68), who had encouraged Het‘um to assist the Syrian crusaders earlier on, expressed his condolences and asked the Byzantine Emperor to help the Cilician Armenians, but Michael VIII Palaeologus was not remotely interested in doing so.⁷³

Lewon’s capture prompted Het‘um to initiate a series of diplomatic interactions with Baybars in order to negotiate conditions for Lewon’s return.⁷⁴ In 1266, the Armenian ambassador was received by Baybars in Cairo. In 1267, the second mission of Het‘um was sent to meet the Sultan in Syria.⁷⁵ According to the Armenian and Mamluk sources, it is likely that Het‘um at the outset offered both money and several landholdings to Baybars, who in his turn also demanded the forts taken by the Mongols in 1260 along with the release of his friend Sonqur al-

⁶⁷ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 59–60.

⁶⁸ Grigor Aknerts‘i, 1974, 59.

⁶⁹ Grigor Aknerts‘i says that King Het‘um went with a small detachment to the Mongols who were stationed between Abulistan and Kokoson; Grigor Aknerts‘i, 1974, 54.

⁷⁰ Het‘um Patmich‘, 1956, 73; King Het‘um II, 1962, 73; Der Nersessian, 1973, 373–74; Cf. Thorau, 1992, 192–93.

⁷¹ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 60–61; Het‘um Patmich‘, 1956, 73; Boase, 1978, 26.

⁷² Lloyd, 1988, 25.

⁷³ Mikaelean, 1952, 344; Richard, 1992, 516–17.

⁷⁴ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 61.

⁷⁵ *Ibid*, 62; Amitai-Preiss, 2004, 118.

Ashqar who was in Mongol captivity.⁷⁶ Now the Mongols were the only supporters of Het'um's deal. Het'um had no difficulty in convincing Abaqa because the Il-khan himself was interested in establishing a good relationship with Baybars. Earlier on, in 1265–66, Abaqa sent his first embassy to the Sultan with a present and 'calling for peace', which meant a peaceful submission.⁷⁷ Seemingly, this act had no result. However, in 1267, Het'um himself went to Abaqa's court but was told that the Mamluk prisoner Sonqur al-Ashqar was not to be found.⁷⁸ In 1268, Lewon, the son of Smbat Sparapet, was sent to the Mongols to ask Abaqa's permission to look for Sonqur al-Ashqar among the soldiers stationed in remote garrisons.⁷⁹ Finally, Sonqur al-Ashqar was found, married to a Mongol wife with several children.⁸⁰ With the help of Abaqa Khan and agreeing to give the Mamluks six important fortresses in addition to an exchange of prisoners, Het'um finally secured the release of his son Lewon, who had been held for one year and ten months in captivity in Egypt.⁸¹ Ironically enough, the Armenians brought two adversaries, Abaqa Khan and Sultan Baybars into diplomatic contact.⁸² Earlier on, Hülegü had taken prisoner some other Baḥrī Mamluks. Baybars kept other Armenian prisoners in captivity. The children of Sonqur al-Ashqar were left with the Mongols. Het'um, knowing this and realising that he could reinstate his weakened authority only if the Mamluks and the Mongols, two equal powers in the region, ended their mutual hostilities, offered himself as an intermediary, peacemaker and negotiator with the Mongols in his letter to Baybars written in 1268.⁸³ The Sultan permitted the Armenian King to deal on behalf of Sonqur al-Ashqar with the negotiations concerning only the children. Het'um somehow misled Abaqa Khan about the Sultan's message, and Abaqa understood that the Sultan agreed to submit to the Mongols and agreed to the release of the Baḥrī Mamluks.⁸⁴ The Il-khan sent his verbal message through the official envoy via

⁷⁶ Sonqur, whose name is spelled in Armenian texts as Sghur, (Grigor Aknerts'i, 1974, 61), or Sngurashkhar (Smbat Sparapet in Galstyan 1962, 62), was a colleague (*khushdāsh*) of Baybars who helped the latter to escape from the Mongols in the battle for Aleppo, giving him his fine horse while himself mounting a poor horse of Baybars'; Grigor Aknerts'i, 1974, 61; Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 61; Amitai-Preiss, 2004, 118.

⁷⁷ Amitai-Preiss, 2004, 120.

⁷⁸ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 62.

⁷⁹ *Ibid*, 62.

⁸⁰ Amitai-Preiss, 2004, 120.

⁸¹ Grigor Aknerts'i, 1974, 61; Het'um Patmich', 1956, 74.

⁸² The involvement of Het'um in the exchange of envoys and letters between Abaqa and Baybars, based on Mamluk sources, was examined by Amitai-Preiss, 2004, 120–22.

⁸³ Amitai-Preiss, 2004, 120–21.

⁸⁴ *Ibid*, 121–22.

Cilicia. A letter written in December 1268, in Baghdad followed. In his answer, Baybars stated that the Armenian king had no right to deal with any other matters except Sonqur's children, and having reminded Abaqa about Ket-Buqa's defeat in 'Ayn Jalūt, he refused to submit.⁸⁵ The Armenian monarch and the Mongol Il-khan were taught a lesson that their opponent was more powerful than they thought. Consequently, Abaqa did not achieve any peace-treaty with Baybars.

When in 1271, Lewon III (r. 1269–89) was anointed king in the church of St. Sophia at Tarsus,⁸⁶ Baybars set out for Cilicia again to challenge the new king; however, King Lewon, proving that he was a capable ruler, sent a mission to negotiate, and Baybars returned to Egypt.⁸⁷ Meanwhile, Lewon rushed to Abaqa Khan, who offered him 20,000 men to safeguard Cilician Armenia and promised that he would himself come to Cilicia a few months later. Apparently, Lewon returned home taking with him Abaqa's soldiers.⁸⁸

In 1274, King Lewon sought the help of the Mongols again. The wealthy Greek princes of his kingdom plotted against the Armenian kingship in Cilicia, demanding that the latter profess their faith. King Lewon seized some of them and dispatched them to Abaqa Khan who executed them.⁸⁹ Next year, in 1275, the Mamluks again attacked the coastal plain of Cilicia.⁹⁰ The Arab sources, Ibn Shaddād and Mufaddal, justify this invasion as a response to provocation by Mu'īn al-Dīn Sulaymān Pervāne, the Rūmi Seljuk, who invited Baybars to take his chance over Rūm, but suggested the Mamluk Sultan neutralise the Cilician Armenian Kingdom first.⁹¹ Bar Hebraeus records that Lewon understood that Baybars would be interested in invading Rūm [in 1277] and in having access to Caesarea via Cilicia. Therefore, he repeatedly warned the Mongols about this threat but without any success.⁹² Another motive for this incursion was the discontinuation of the tributes paid by the Armenians to the Sultan. Baybars considered this as a breach of the Armenian-Mamluk treaty, the exact conditions of which are not known.⁹³ The Mongol support to the Armenians continued until 1303 by different Mongol khans with different effects.

⁸⁵ *Ibid.*, 122.

⁸⁶ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 64. In one of the colophons written in 1275 in southern Armenia, the Cilician King Lewon III was considered as the King of all Armenians; RHC/DA, 1869, v.1, 606; Mikaelian, 1952, 348.

⁸⁷ Smbat Sparapet in Galstyan, 1962, 64.

⁸⁸ *Ibid.*, 64.

⁸⁹ Grigor Aknerts'i, 1974, 66.

⁹⁰ Sebastats'i in Hakobyan, 1956, 146.

⁹¹ Stewart, 2001, 50–51. On Pervāne's activity in Anatolia, see Melville, 2008, (in press).

⁹² Bar Hebraeus, 2003, 456–57.

⁹³ Amitai-Preiss, 2004, 134; Stewart, 2001, 50.

In conclusion, the implementation of the Mongols' conquest of the Syrian coast to fulfil their imperial ideology was supported by the Armenians, whose interest was based not only on the idea of the liberation of the Holy Land but also on their need to safeguard their lands. Mamluk interest in controlling the Syrian coast was far more than for purely geographical or religious reasons: there was great economic concern to control the resources and trade routes of the region. With the end of the Crusader epoch, the threat from Europe became meaningless, enabling Mamluks to reinforce their Egyptian power-base against the Mongols.

The Cilician Armenians were enthusiastic in appealing directly to the Il-khans to liberate the Syrian coast from the Muslims. The Cilician Armenian interest in this venture was obvious. The question of the liberation of the Holy Land by the Mongols is still intriguing. The Latin hesitation in assisting the Mongols was also understandable. However, Mongol raids into Syria allowed the Armenian kingdom of Cilicia to reclaim lands lost to the Mamluks, although these repossession had a temporary character. Through this collaboration with the Mongols, the Cilician Armenians became a direct target of the Mamluk Sultans.

REFERENCES

1. *Allsen T.* Mongol Imperialism: The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia and the Islamic Lands, 1251–1259, Berkeley: University of California Press, 1987.
2. *Amitai-Preiss R.* Mongols and Mamluks. The Mamluk-Īlkhānīd War, 1260–1281, Cambridge: Cambridge University Press, 2004
3. *Ayalon, D.*, “The European Asiatic Steppe: A Major Reservoir of Power for the Islamic World”, Proceedings of 25th Congress of Orientalists-Moscow 1960, Moscow, (1963) 2: 47–52.
4. *Bar Hebraeus* (d. 1286). The Chronography of Gregory Abū’l Faraj, vol. 1, New Jersey: Gorgias Press, 2003.
5. *Bar Hebraeus* (d. 1286), The Chronography of Gregory Abū al-Faraj, tr. by Ernest A. Wallis Budge, vol. 2, London: Oxford University Press, 1932.
6. *Boase T. (ed.).* The Cilician Kingdom of Armenia, Edinburgh: Scottish Academic Press, 1978.
7. *Boyle J.A. (ed.).* The Cambridge History of Iran. The Saljuq and Mongol Periods, 8 vols., vol. 5, Cambridge: Cambridge University Press, 1968Burger, 1988, xviii.
8. *Chahin M.* The Kingdom of Armenia, London: Croom Helm, 1987.
9. *Der Nersessian, S.*, “The Armenian Chronicle of the Constable Smbad or of the ‘Royal Historian’ ”, Byzantine and Armenian Studies vol. 1, Louvain: Imprimerie Orientaliste, 1973, pp. 353–377.
10. *Der Nersessian, S.*, The Armenians, London: Thames and Hudson, 1969.
11. *Ibn Shaddād al-Ḥalabī, ‘Izz al-Dīn Muḥammad b. ‘Alī* (1217–85). Description de la Syrie du Nord, tr. by Anne-Marie Edde-Terrasse, Damascus: Institut Français de Damas, 1984.
12. *Crawford P.* The ‘Templar of Tyre’; Part III of the ‘Deeds of the Cypriots’. Aldershot: Ashgate, 2003.
13. *Galstyan A.G. (ed.).* Armjanskije Istochniki o Mongolakh, (Armenian Sources for the Mongols), Moscow: Vostochnaja Literatura, 1962.
14. *Smbat Sparapet*, Datastanagirk‘ (Sudebnik), Erevan: Haipetrat, 1958.
15. *Grigor Aknerts’i* or Grigor of Akanc‘ (1250–1335). History of the Tatars. History of the Nation of the Archers, Jerusalem: St. Jacob Press, 1974.

16. *Grigor Aknerts'i*. History of the Nation of the Archers (1271/73), R. P. Frye and R. N Blake (trs. and eds.), Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1954.
17. *Hakobyan, V.A. (ed.)*. Minor Chronicles of the 13th–18th centuries, vol. 1, Erevan: Academy of Sciences Press, 1951, vol. 2, Erevan: Academy of Sciences Press, 1956.
18. *Halperin C.* Russia and the Golden Horde, the Mongol Impact on Medieval Russian History, London: I. B. Tauris, 1985.
19. *Het'um Patmich'/Hayton* (d. 1311?), "La Flor des Estoires de la Terre d'Orient" in E. Dulaurier (ed.), RHC /DA, Paris: Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, 1869.
20. *Het'um Patmich'/Hayton* (d. 1311?), La Flor de las Ystorias de Orient, W. R. Long et al. (eds.), Chicago: University of Chicago Press, 1934.
21. *Het'um Patmich'/Hayton* (d. 1311?), Liber Historiarum Partium Orientis, Siue Passagium Terræ Sanctæ, tr. by N. Salcon, M. Moltherus et al. (eds.), Haganoæ, 1529.
22. *Het'um Patmich'/Hayton* (d. 1311?), A Lytell Cronycle, tr. by Richard Pynson, Glenn Burger (ed.), Toronto: University of Toronto Press, 1988.
23. *Het'um Patmich'/Hayton* (d. 1311?), History of the Tatars, tr. by M. Awgerean, Venice: St. Ghazar Press, 1842, second edn., 1951.
24. *Het'um Patmich'/Hayton* (d. 1311?), "Chronicle" in Hakobyan (ed.), Minor Chronicles of the 13th–18th centuries, vol. 2, 1956, pp. 33–93.
25. *Humphreys R.* From Saladin to the Mongols; the Ayyubids of Damascus, 1193–1260, New York: State University of New York Press, 1977.
26. *Jackson P.* The Mongols and the West, 1221–1410, London: Pearson / Longman, 2005.
27. *Jackson, P.*, "The Crisis in the Holy Land in 1260" in G. Holmes and A. Macintyre (eds.), The English Historical Review, vol. 95, London: Longman, 1980, pp. 481–513.
28. *Kirakos Gandzakets'i* (1200–1271), History of the Armenians, Melik'-Ohanjanyan (ed.), Erevan: Academy of Sciences Press, 1961.
29. *Komroff, Manuel* (ed.), Contemporaries of Marco Polo: Consisting of the Travel Records to the Eastern Parts of the World of William of Rubruck [1253–1255]; the Journey of John of Pian de Carpini [1245–1247]; the Journal of Friar Odoric [1318–30] and the Oriental Travels of Rabbi Benjamin of Tudela [1160–1173], New York: Dorset Press, 1989.
30. *Komroff, Manuel* (ed.), The Travels of Marco Polo [the Venetian], New York: Liveright Publishing Group, 2003.
31. *Lloyd, S.*, English Society and the Crusades, Oxford: Clarendon Press, 1988.

32. *Marco Polo* (1254–1324). *The Diversity of the World*, S. Badamkhatan (ed.), Mongolian tr. by B. Dorj, A. Ochir, and S. Idshinnorov, Ulaanbaatar: State Press, 1987.
33. *Marco Polo*, (1254–1324), *The Description of the World*, New York: AMS Press, 1976.
34. *Meyvaert P.* “An Unknown Letter of Hulagu, Il-Khan of Persia, to King Louis IX of France”, *Viator* 11 (1980): 245–61.
35. *Mikaelean G.* *Istoriia Kilikiiskogo Armjanskogo gosudarstva* (History of Cilician Armenian Kingdom), Erevan: Academy of Sciences Press, 1952.
36. *Patton D.* *Badr Al-Din Lu’lu’: Atabeg of Mosul, 1211–1259*, Seattle and London: University of Washington Press, 1991.
37. *Rashīd al-Dīn, Faḍl Allāh* (ca 645/1247–718/1318), *Jāmi’ al-Tavārīkh* (704/1306–710/1311), B. Karīmī (ed.), Tehran: Āqḡāl, 1954.
38. *Richard J.* *Croisades et Etats Latins d’Orient*, Aldershot: Variorum Reprints, 1992.
39. RHC/DA. *Recueil des Historiens des Croisades. Documents Arméniens*, E. Dulaurier (ed.), 2 vols., Paris: Imprimerie Impériale, 1869, 1906.
40. RHC/OR. *Recueil des Historiens des Croisades. Historiens Orientaux*, vol. 1, Paris: Imprimerie Impériale, 1972.
41. *Rubrouck, Guillaume de*, *The Mission of Friar William of Rubruck: His Journey to the Court of Great Khan Möngke, 1253–1255*, tr. by P. Jackson, London: Hakluyt Society, 1990.
42. *Sebastats’i* (fl. 13th century), “Annals of Anonymous Sebastats’i” in Hakobyan (ed.), *Minor Chronicles of the 13th–18th centuries*, vol. 2, 1956, pp. 115–151.
43. “Annals of Anonymous Sebastats’i” in Galstyan (ed.), *Armjanskije Istochniki o Mongolakh*, 1962, pp. 23–33.
44. *Smbat Sparapet* (1208–1276). “Chronicle” in Galstyan (ed.), *Armjanskije Istochniki o Mongolakh*, 1962, pp. 47–64; in Dédéyan(ed.), *La Chronique Attribuée au Connétable Smbat*, 1980.
45. *Smbat Sparapet* (1208–1276), “Letter of Smbat Constable to King of Cyprus, Henry Lusignan from Samarqand” in Galstyan (ed.), *Armjanskije Istochniki o Mongolakh*, 1962, 64–66.
46. *Smbat Sparapet* (1208–1276), *Datastanagirk’ (Sudebnik) (The Lawcode)*. A. G. Galstyan (ed.), Erevan: Haipetrat, 1958.
47. *Smbat Sparapet* (1208–1276), “Chronicle” in RHC/DA, E. Dulaurier (ed.), 1869, 643–672.
48. *Smith, J. (Jr.)*. “‘Ayn Jālūt: Mamlūk Success or Mongol Failure?”, *HJAS* 44, no. 2 (1984): 307–45.

49. *Smith, J. (Jr.)*, “Mongol Manpower and Persian Population”, *JESHO* 18 (1975): 270–99.
50. *Spuler, B.*, *History of the Mongols: Based on Eastern and Western Accounts of the Thirteenth and Fourteenth Centuries*, New York: Dorset Press, 1972.
51. *Spuler, B.*, *The Mongols in History*, London: Pall Mall Press, 1971.
52. *Spuler, B.*, *Die Golden Horde. Die Mongolen in Russland*, Leipzig: O. Harrassowitz, 1943.
53. *Stewart A.* *The Armenian Kingdom and the Mamluks: War and Diplomacy during the Reigns of Het’um II (1289–1307)*, Leiden: Brill, 2001.
54. *Thorau, Peter*, *The Lion of Egypt; Sultan Baybars I and the Near East in the Thirteenth Century*, tr. by P.M. Holt, London and New York: Longman, 1992.
55. *Spuler, B.*, *Sultan Baibars I. von Ägypten. Ein Beitrag zur Geschichte des Vorderen Orients in 13. Jahrhundert*, Wiesbaden, 1987.
56. *Vardan Arevelts’i* (ca.1200–1271), *Universal History*, completed in 1267, G. B. T’osunyan (ed.), Erevan: Erevan University Press, 2001.
57. *Vardan Arevelts’i* (ca.1200–1271), *Chronicle*, int. by R. W. Thomson, Delmar, New York: Caravan Books, 1991.

Key words:

expansion of the Mongol Empire, Cilician Armenia, Mamluk Egypt, Ilkhan Hulagu, Hetum, the struggle for Syria and Palestine.

Дашдондог Баярсайхан

ЭКСПАНСИЯ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК И РОЛЬ АРМЯНСКОГО ГОСУДАРСТВА (1260–1277)

В статье рассматриваются отношения монгольских завоевателей и Киликийской Армении в 1260–1277 гг.: в период, когда после завоевания ханом Хулагу Багдадского халифата монголы вели активное наступление на Сирию и Палестину. Армянское государство Северо-Восточного Средиземноморья поддержало экспансию Монгольской империи, стремясь использовать ситуацию для обеспечения безопасности своих территорий от соседей-мусульман и реализации идеи освобождения Святой земли. С другой стороны, мамлюкские правители Египта стремились к контролю над Сирийским побережьем, где проходили важные торговые пути. С окончанием эпохи Крестовых походов мамлюки имели возможность сконцентрировать силы против натиска монголов. Если армяне поддерживали монголов, то латиняне проявляли колебания в этом отношении. Монгольские походы в Сирию позволили Киликийской Армении отобрать некоторые территории у мамлюков, хотя и на время. В то же время из-за своего подчинения монголам Киликия стала прямой военной целью мамлюкских султанов.

Ключевые слова: экспансия Монгольской империи, Киликийская Армения, мамлюкский Египет, ильхан Хулагу, Хетум, борьба за Сирию и Палестину.

Дашдондог Баярсайхан — доктор философии, профессор истории Монгольского Государственного Университета.

 Dashdondog Bayarsaikhan

DPhil, a professor of history, National University of Mongolia.

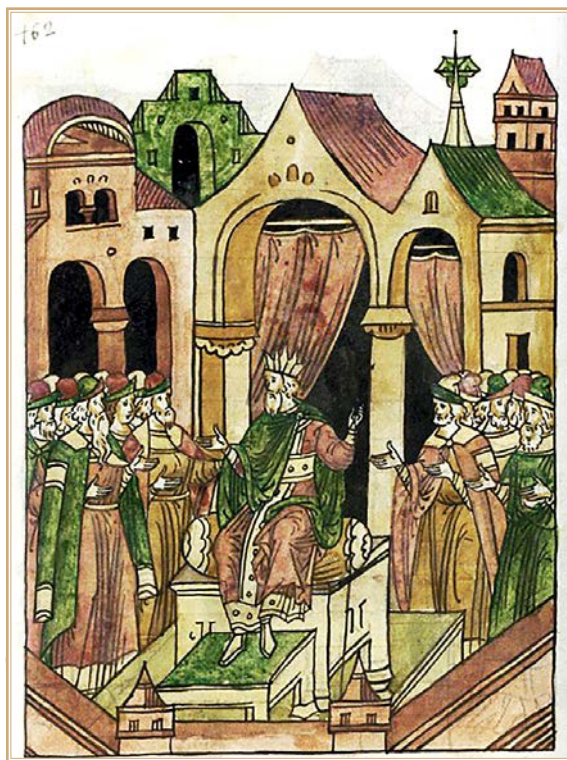
Роман Хаутала

ЛАТИНСКИЕ ИСТОЧНИКИ О МИССИОНЕРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФРАНЦИСКАНЦЕВ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ В ПРАВЛЕНИЕ ХАНА УЗБЕКА (1313–1341)

Правление хана Узбека в Золотой Орде (1313–1341), совпавшее с периодом усиления влияния ислама в ее городских центрах, было изобильно описано многочисленными персидскими и арабскими источниками, предоставляющими подробные сведения о внутренних политических событиях в улусе Джучи. Данная статья фокусируется на рассмотрении содержания латинских источников, известных только узкому кругу исследователей католической миссионерской деятельности на средневековом Востоке. Тем не менее они содержат ценные сведения о повседневной жизни в Золотой Орде, которые в первую очередь касаются авторов этих источников, а именно, братьев-францисканцев, прилагавших свои усилия для проповедования евангелия в улусе Джучи параллельно с мусульманским прозелитизмом. Как будет показано далее, эта деятельность была не в последнюю очередь связана с контактами между золотоордынскими правителями и Авиньонской курией.

Однако первейшей и наиважнейшей предпосылкой для развертывания западной миссионерской деятельности в Золотой Орде была политика религиозной толерантности, практикуемая джучидскими правителями и не ускользнувшая от внимания католических авторов. В частности, в своей пети-

Хан Узбек. Миниатюра из Лицевого летописного свода

ции, адресованной в 1294 г. папе Целестину V, известный каталанский теоретик католического миссионерства Раймунд Луллий призывал понтифика и римских кардиналов приложить усилия к интенсификации проповедования евангелия среди «тартар» и указывал на вероятные последствия того, что могло случиться, если бы его призыв не был услышан: «тартары» могли создать свой «закон, как это сделал Магомет», или, что хуже, сарацины или иудеи смогли бы обратить их в свою религию, что обернулось бы «великой опасностью для христианства». Луллий оптимистично предвещал этот мрачный прогноз уверением в том, что обращение татар в христианство не должно было вызвать особых трудностей у западных миссионеров в связи с отсутствием у татар своей религии и, что важнее, благодаря тому, что они позволяли «проповедовать в своей земле веру Христа», и всякий, кто захотел бы среди них стать христианином, мог сделать это «без страха перед властью»:

«Также было бы уместным, чтобы церковь сделала все возможное для завоевания тартар путем диспута, и это завоевание было бы простым, поскольку у них нет закона, и так как они позволяют в своей земле проповедовать веру Христа, и также всякий, кто захочет, может стать христианином без страха перед властью: и организация этого крайне необходима, поскольку если тартары создадут закон, как это сделал Магомет, или сара-

цины либо иудеи смогут обратить их в свой закон, то все христианство окажется в великой опасности»¹.

В свою очередь, венгерский францисканец Иоганка, описывавший в послании 1320 г. свою шестилетнюю миссионерскую деятельность на территории современной Башкирии, указывал на отсутствие у татар особого интереса к тому, к какой религии относились подчиненные им народы. Вследствие этого, по словам Иоганки, татары позволили местным христианским жителям «оставаться в соблюдении своих закона и веры» при условии выплаты надлежащих податей и налогов и исполнения воинской повинности:

«Ибо тартары подчинили военной силой различные народы из христианского люда, которым позволяют оставаться в соблюдении своих закона и веры, совсем не заботясь или умеренно о том, кто какой секты придерживается, при условии, что в светских повинностях, податях и налогах, как и военном сопровождении они исполняли те свои обязанности перед господами, к которым их обязывает предписание закона»².

На соблюдение татарами принципов религиозной толерантности указывали и францисканцы Каффы, отправляя свое послание в Европу в 1323 г., где крымские минориты подчеркивали, что татары допускали существование в своих владениях «всех сект, религий и духовников»³. На этот же аспект внутренней политики хана Узбека указывал тринадцатью годами позже умбрийский францисканец Джованни Элемозина, объяснявший в своей «Книге многочисленных историй» (*Liber ystorie plurime*) толерант-

¹ «Etiam esset conveniens, quod Ecclesia faceret suum posse ad conquiendum Tartaros per disputationem; quae conquisitio esset facilis, quia non habent legem, et quia permittunt in illorum terra praedicari fidem Christi, et etiam quicumque vult, potest esse Christianus absque timore dominii: et ista ordinatio est multum necessaria, quia si Tartari faciunt legem sicut fecit Mahomet, vel Saraceni vel Iudaei poterunt illos convertere ad illorum legem et tota Christianitas erit in magno periculo» [*Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. I. Il secolo decimoterzo (1215–1300). Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906, p. 374*].

² «Nam diuersas naciones sibi potencia prelii de populis xristianis Tartari subiecerunt, quos permanere sinunt in sue legis et fidei obseruanciis, non curantes vel modicum quis quam sectam tenuerit: sic vt in temporalibus seruiciis, tributibus et vectigalibus ac sequelis bellicis suis faciant dominis, ad que obligantur secundum edictam legis» [*Bibl M.; Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 66*].

³ «Ибо они терпимо разрешают у них все секты, законы (то есть религии. — Р. Х.) и духовников, так, чтобы те исполняли в своих земных делах то, к чему их обязывает закон этой земли» («omnes enim sectas et leges inter se sinunt pacienter et spirituales, ita quod in temporalibus suis faciant in quibus iure terre illius religantur») [*Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 111*].

ность татар вмешательством Божественного провидения и воспринимавший их конфессиональную терпимость как знак особенно благосклонного отношения к христианству по сравнению с другими мировыми религиями:

«И после того, как эти тартары подчинили многие царства индийцев, армян, туркоманов, персов, турок, сарацин и других народов, Божьим провидением, исполнившиеся некой естественной мягкостью, они были настолько преобразены от своего неистовства и свирепости и обращены к доброте, что начали с любовью и заботой управлять и лелеять народы, которые они подчинили. И они позволили народам беспрепятственно соблюдать свои законы и продвигать свою культуру согласно обряду своих предков, и владеть в мире своими землями, лишь бы повиновались господину тартар и выплачивали ему подушный налог. Но в особенности они позволили делать это христианам и обращались с ними с большим радушием, позволив им беспрепятственно проповедовать повсюду веру Иисуса Христа и всякому, желающему стать христианином, делать это свободно»⁴.

Безусловно, утверждения об особой предрасположенности хана Узбека к христианству и католическим миссионерам вызывают обоснованные сомнения, поскольку в правление этого золотоордынского хана распространение ислама значительно опережало успехи западных миссионеров, в особенности в местных городских центрах. Тем не менее мусульманские симпатии Узбека и его персональное обращение в ислам не препятствовали золотоордынскому правителю придерживаться той же линии конфессиональной терпимости, которой следовали его предшественники, и пожаловать местных францисканцев ярлыком (дословно «привилегией») с тем же позволением свободного передвижения по своему домену и беспрепятственного проповедования «христианского закона» его подданным, которое ранее предоставили католическим миссионерам ханы Менгу-Тимур и Токта:

«Обладающие этой привилегией латинские священники, которые зовут себя по собственному обыкновению меньшими братьями, дабы, именно,

⁴ «Et postquam ipsi Tartari regna plura gentium Yndiarum, Armenorum, Turchomanorum, Persarum, Turchorum, Sarracenorum et aliarum nationum subiugaverunt, Deo providente, quadam naturali mansuetudine eis infusa, adeo commutati fuerunt a furia sua et feritate, et in bonitatem conversi, gentes quas submiserant, caritate et curialitate regere et fovere ceperunt. Et libere concesserunt nationibus leges suas servare, et culturam suam agere secundum ritum antiquorum suorum, et terras suas possidere in pace, solum quod domino Tartarorum obedirent et censum ei persolverent. Sed precipue Christianis concesserunt ista, et benignitate multa tractabant eos, concedendo eis ut fidem Yhesu Christi libere predicarent ubicumque, et quicumque christianus vellet fieri, libere possit» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 120].

шествовали они с безмятежной душой, молясь Богу, верша благословение, привилегию, которую предоставил Кулук⁵, наш родоначальник, как и его преемник, наш старший брат⁶, император, мы также теперь даем в соответствии с тем же содержанием, то есть привилегию, чтобы, моля своего Бога, рабы Христа, названные латинские священники, ходили, преподавая многим христианский закон»⁷.

Католические миссионеры в Золотой Орде немедленно воспользовались позволением хана Узбека. В частности, венгерский францисканец Иоганка сообщал в своем послании генеральному министру своего ордена о том, что он отправился для проповедования евангелия на территорию современной Башкирии в том же 1314 г.⁸ Описывая обстоятельства

⁵ Хан Менгу-Тимур [*Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar». Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique, Vol. II. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949, p. 58–60; Richard J. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998, p. 93, nota 104; DeWeese D.A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994, p. 97].*

⁶ Хан Токта [*Pelliot P. Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar». Ouvres posthumes de Paul Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique, Vol. II. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949, p. 60; Richard J. Missions to the North of the Black Sea: Thirteenth and Fourteenth Centuries. The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions. Ryan, James D. (ed.). Farnham: Ashgate Publishing, 2013, p. 350; DeWeese D.A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994, p. 97, nota 61].*

⁷ «Istud priuilegium tenentes sacerdotes latini qui suo more se fratres minores appellant, vt videlicet animo tranquillo consistentes, deum rogando, benedictionem faciendo incedant, priuilegium quod dederat Culuk progenitor noster et successor eius, frater noster senior, inperator, nos eciam nunc dedimus secundum eundem tenorem, priuilegium scilicet quod deum suum orando xristi servi, dicti sacerdotes latini, legem xristianam multos docendo ambulent» [*Bibl M.; Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 65].*

⁸ В своем послании, написанном в 1320 г., брат Иоганка сообщал: «Итак, после того как я, брат Иоганка, с двумя венгерскими братьями и одним английским поднялись вплоть до Баскардии к большому народу, подчиненному тартарам, и два венгерских брата вернулись по делам веры от нас назад, я с названным английским братом по имени Виллельм пребывали там беспрерывно уже в течение шести лет» («Cum enim ego frater Iohanca cum duobus fratribus hungaris et vno anglico ascendissemus vsque in Baschardiam, nacionem mangnam Tartaris subiectam, duobus fratribus Hungaris pro fidei negociis a nobis recedentibus, ego cum dicto anglico, nomine Willelmo per 6 annos

развертывания католического миссионерства по всей территории улуса Джучи, Иоганка превозносил тех своих собратьев по ордену, которые прилагали свои усилия для проповедования евангелия в степи, следуя «за лагерями тартар»:

«Да станет известно вам, наш благочестивый отец, что желающим трудиться во имя Христа следование за лагерями тартар приносит наивысший приплод душ. Так что, крестя и приобщая к церкви, проповедуя и наставляя, исповедуя и укрепляя, мы почти беспрестанно заняты, чаще всего и обычно вплоть до глубокой ночи, поскольку в некоторых краях христианский люд настолько увеличивается, что с трудом теперь, по нашему мнению, остается неверных немногим больше половины»⁹.

При этом брат Иоганка не упоминал каких-либо препятствий со стороны золотоордынской администрации. На столь же обширную свободу действий указывало и другое послание францисканцев, описывая в 1323 г. значительные миссионерские успехи миноритов в Крыму и за его пределами, которым способствовало ежедневное проповедование евангелия среди местных кочевников:

«мы верим, что почти треть упомянутой выше империи — не нашими заслугами, но божьей помощью вместе с приложением нашего попечения (что мы утверждаем не из какого-нибудь — Боже упаси! — хвастовства, но только из стремления к истине) — благосклонно принимает свет нашей веры и получает его изо дня в день ... но у часто следующих за [кочующими] лагерями, из-за постоянного усердия в столь многих занятиях у нас нет времени отведать еды до сияния звезд на небе»¹⁰.

continue conmorati sumus» [*Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 67*]).

⁹ «Nouerit pia paternitas vestra quod pro nomine xristi laborare volentibus, castra Tartarorum sequendo, fructus est maximus animarum, ita quod baptizando et confirmando, predicando et informando, confessando et confortando quasi continue vacamus, crebribus et comuniter vsque ad profundam noctem, quoniam in aliquibus partibus populus xristianus in tantum multiplicatur, quod vix modo, iudicio nostro, parum ultra medietatem de infidelibus extant» [*Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 66*].

¹⁰ «ut credimus, pars tertia fere inperii prelibati non nostris meritis set dei ausiliis et nostris interpositis curis, quod non iactantia quadam, quod absit, set solo veritatis asserimus zelo, lucem nostre fidei benigne suscepit et indies sic recepit ... set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupacionis gustare victum non vacat usque ad lucentes stellas» [*Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 107*].

В свою очередь римские понтифики не преминули выразить свою признательность Узбеку, и, в частности, в своем первом послании хану от 28 марта 1318 г. папа Иоанн XXII горячо благодарил золотоордынского правителя за радушную благосклонность, выказываемую христианам в его империи, и настойчиво призывал его придерживаться этого отношения и в дальнейшем вместе с особым побуждением благожелательно относиться к проповедникам «слова Бога»:

«С радостью мы услышали, что ты не без особого божественного побуждения в почитание Иисуса Христа, божественного спасителя, почитателей христианской религии, пребывающих в пределах твоей империи, удостоиваешь радушной благосклонностью и с ней же с ними обходишься ... Мы умоляем твое величество в Господе, чтобы приверженцев христианской веры, которые проживают в земле под твоим владычеством, и особенно тех, кто проповедуют там слово Бога, ты продолжил в твоём благожелательном расположении удостоивать такой действенной благосклонностью, что, предохраняемые щитом твоей защиты, они не страшились преодолевать любые преткновения и даже, скорее, могли постоянно прославлять сладость безопасности»¹¹.

Пятью годами позже папа Иоанн XXII воспроизводил почти без изменений содержание этого послания¹², а через 20 лет его преемник, папа Бенедикт XII, благодарил хана за такое же благосклонное отношение как в своем послании, адресованном Узбеку 13 июня 1338 г.¹³, так и в булле от 31 октября 1338 г.:

¹¹ «Laetanter audivimus, quod tu non absque speciali motione divina ob reverentiam Christi Ihesu divini Salvatoris religionis christianae cultores infra imperii tui terminos constitutos benigno favore prosequeris et pertractas ... Celsitudinem tuam in Domino deprecamur, quatenus ad christianae fidei professores, qui dominationis tuae terram inhabitant et maxime qui praedicant inibi verbum Dei, sic tuae benignitatis affectum continues ipsos operosis favoribus prosequendo, quod tua protecti defensionis clypeo cuiuscunque offensionis molimina non formident, quin potius assidue securitatis dulcedine valeant gloriari» [Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 5. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898, no. 318, p. 148].

¹² *Caesaris S.R.E. Card. Baronii Annales ecclesiastici*. Tomus XXIV. 1313— 1333. Rinaldi, Odorico; Laderchi, Giacomo (eds.). Barri—Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: Ex typis Consociationis Sancti Pauli, 1880, a. 1323, § 2, p. 202.

¹³ *Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa*. Tomus 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902, no. 91, p. 60.

Папа Иоанн XXII. Средневековое изображение

«Недавно нам стало известно из принесенного нам приятного сообщения, что, вдохновленный Господом, никогда не перестающим наделять милостями благословений, ты обходился с доброжелательной и мягкой благосклонностью с христианами, проживающими в твоей империи и туда также прибывающими, выказывая им, кроме того, чрезвычайное расположение и предоставляя благоприятные привилегии. В нашем письме твоему величеству мы упоминали благодарности твоему высочеству за эти и другие благие деяния, благосклонно свершенные тобой по отношению к тем же христианам, и настойчиво призывали к их продолжению»¹⁴.

В своем следующем послании Узбеку от 17 августа 1340 г. папа Бенедикт XII снова благодарил хана за доброжелательное отношение к «католическим христианам, повинующимся Римской церкви», как и за позволение «строить церкви и церковные местопребывания, как и проповедовать сло-

¹⁴ «Dudum ad notitiam nostram placida relatione perducto, quod tu inspiratus a Domino, qui numquam cessat a benedictionibus gratiarum, christianos in tuo degentes imperio et ad illud etiam accedentes favore benignitatis et mansuetudinis pertractabas, multos eis impendendo favores nihilominus et opportuna privilegia concedendo: Nos haec et alia bona per te eisdem christianis gratiose impensa regratiando tuae celsitudini et ad ea continuanda exhortando attentius per litteras nostras magnificentiae tuae scripsisse meminimus» [Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902, no. 97c, p. 64].

во Бога», предоставленное миссионерам, по словам понтифика, в ответ на его «призывы и мольбы»:

«благосклонно приняв наши предшествовавшие призывы и мольбы, которыми мы препоручили твоему доброжелательству католических христиан, повинующихся Римской церкви, обитающих в твоей империи, ты расширил свободу и милости твоего величества в отношении этих же христиан, предоставив им, кроме того, щедрое позволение восстанавливать заново и строить церкви и церковные местопребывания, как и проповедовать слово Бога католическим первосвященникам и монахам и служить церковные таинства согласно ритуалу и обычаю святой Римской церкви, матери всех правоверных и наставнице»¹⁵.

Эта папская булла содержала ответ на единственное известное посольство хана Узбека в Авиньон, возглавленное бывшим консулом Каффы (дословно «господином Каффы») Петрано дель Орто и его спутником Альберто, как и францисканцем Илией из Венгрии, который выступал в роли посланника старшего сына хана Узбека, Тинибека. По словам Бенедикта XII, послы золотоордынского правителя известили понтифика о неудавшемся покушении на Узбека неких «негоднейших людей», осадивших хана в его «дворце, подожженном в ночное время», как и о столь же неудачной попытке безымянных заговорщиков возложить вину за это покушение на местных христиан. Далее папа горячо благодарил хана за то, что тот, «вдохновленный мудростью Бога», посчитал это обвинение «ложным и клеветническим» и отпустил христиан «в мире и на волю как в этом преступлении невиновных» (за исключением трех из них, чья вина, вероятно, была доказана в ходе расследования):

«после того как некоторые негоднейшие люди, исполнители нечестивейшего преступления, предательскими и безрассудными дерзновениями угрожали тебе смертью, осадив тебя в твоём дворце, подожженном в ночное время, и стремились ложно возложить на вышеназванных христиан совершение этого преступления, ты, божественной помощью благополуч-

¹⁵ «exhortationibus et precibus nostris, quibus christianos catholicos et Romanae obedientes ecclesiae in tuo degentes imperio benevolentiae tuae commendavimus, favorabiliter annuens, erga christianos eosdem tuae magnitudinis liberalitatem et gratias ampliasti, eis reparandi nihilominus et aedificandi ecclesias et loca ecclesiastica necnon antistitibus et religiosis catholicis praedicandi verbum Dei et sacramenta ecclesiastica iuxta ritum et morem sanctae Romanae ecclesiae, matris omnium fidelium et magistrae, ministrandi licentia liberali concessa» [Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902, no. 124, p. 78].

но избавленный от этой опасности, помня о наших мольбах и призывах, упомянутых выше, и поняв, вдохновленный мудростью Бога, что упомянутое обвинение было ложным и клеветническим, свершив правосудие над другими исполнителями этого же преступления, в конце концов в милости твоей светлости безмятежно отпустил упомянутых выше христиан в мире и на волю как в этом преступлении невиновных (за исключением лишь троих, о которых говорилось, что, соvrащенные гибельным духом, они присоединились к нечестивейшим исполнителям этого же преступления)»¹⁶.

Однако более весомой подоплекой дипломатического посольства, отправленного Узбеком к Авиньонской курии, вероятно, послужило стремление золотоордынского правителя уладить мирным путем назревавший конфликт с Польшей и Венгрией, вызванный намерением польского короля Казимира III Великого присоединить к своим владениям Галичину¹⁷. В частности, папа упоминал в своей булле беспокойство хана по поводу возросшего числа столкновений между подчиненными и подданными хана и королей Венгрии и Польши и уверял Узбека в том, что он использовал бы свое влияние для приостановки пограничных конфликтов и возмещения убытков хана в случае причинения Узбеку «вреда или ущерба» обоими христианскими монархами:

«И, сверх того, поскольку, как мы узнали, между твоими служивыми и подданными и возлюбленнейших во Христе сыновей наших, королей Венгрии и Польши, на границах твоей империи и королевств упомянутых королей часто случается возникновение распрей и войн, следствием которых являются гибель людей, ущерб имуществу и еще более горько оплакиваемая опасность для душ, да благоволит твое величество воздержаться от вторжения в упомянутые королевства, так как, если упомянутые короли

¹⁶ «cum aliqui nequissimi homines sceleris nefandissimi patratores, proditoriis et temerariis ausibus intentata tibi morte, te in tuo palatio igne supposito nocturno tempore obsedissent et christianis praedictis falso imponere patratiorem huiusmodi sceleris niterentur, tu, divino auxilio feliciter ab huiusmodi periculo liberatus et recordatus precum et exhortationum nostrarum praedictarum ac impositionem praedictam esse falsam et calumniosam Dei sapientia inspiratus attendens, praefatos christianos tamquam de huiusmodi scelere innocentes (tribus tantum exceptis, qui maligno seducti spiritu se cum nequissimis patratoribus sceleris eiusdem immiscuisse dicebantur) tandem, facta de aliis eiusdem facinoris patratoribus iustitia, sub tuae serenitatis gratia in pacis et libertatis dimisisti quiete» [Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 6. Benedicti XII, Clementis VI, Innocenti VI, Urbani V., Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902, no. 124, p. 78].

¹⁷ Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, UK, Pearson Longman Publishing, 2005, p. 213–214.

причинят тебе или твоим людям незаслуженные вред или ущерб, и ты поведаешь нам об этом, мы позаботимся, насколько мы сможем это сделать с помощью Бога, чтобы эти короли сделали тебе и твоим людям разумное возмещение»¹⁸.

Таким образом, апостолат францисканцев развивался в домене хана Узбека на фоне дипломатических сношений между Золотой Ордой и папской курией, и католические миссионеры не упускали случая подчеркнуть геополитическую значимость их деятельности на Востоке. Уже Раймунд Луллий, советуя в 1294 г. в упомянутой выше «Петиции» папе Целестину V учредить на постоянной основе всеевропейскую церковную десятину для «завоевания земель неверных и заморской Святой земли», рассматривал миссионерскую деятельность настолько же важной для европейской территориальной экспансии, насколько ей должна была способствовать подготовка всеевропейского крестового похода:

«Телесная сокровищница является тем, что вы, святой отец папа, и вы, господа кардиналы, назначили бы постоянную десятину церкви и обнародовали бы декрет о завоевании земель неверных и заморской Святой земли, и это — посредством вооруженной силы. И из этой десятины давалось бы миссии господина кардинала, который заведовал бы обучением [миссионеров], а оставшееся давалось бы другому господину кардиналу, который организовывал бы военные миссии; и так — постоянно, до тех пор пока весь мир не стал бы христианским»¹⁹.

¹⁸ «Et insuper, cum, sicut intelleximus, inter tuos et carissimorum in Christo filiorum nostrorum Hungariae et Poloniae regum officiales et subditos in confiniis imperii tui et regnorum regum praedictorum quandoque suscitari contingat dissensiones et guerras, ex quibus strages hominum, lapsus rerum et animarum amarius deploranda pericula subsequuntur, velit tua sublimitas ab invasione regnorum praedictorum desistere, quia, si reges praedicti inferrent tibi vel tuis inuiurias indebitas vel offensas et id nobis duxeris intimandum, haec per reges ipsos praecabimur facere, quantum cum Deo poterimus, tibi et tuis rationabiliter emendari» [Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902, no. 124, p. 78].

¹⁹ «Thesaurus corporalis est, quod vos sancte Pater Papa, et vos Domini Cardinales assignaretis semper decimam Ecclesiae, et quod fieret Decretum ad conquirendum terras infidelium, et Sanctam Terram ultramarinam, et hoc per vim armorum; et de hac decima daretur missio Domino Cardinali, qui tractaret studia, et residuum daretur alteri Domino Cardinali, qui faceret missiones guerris, et hoc continuo, usque dum totus mundus esset Christianorum» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. I. Il secolo decimoterzo (1215–1300). Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906, p. 374].

В свою очередь францисканцы Каффы указывали в своем письме, адресованном в 1323 г. авиньонским кардиналам и руководству своего ордена, на все те стратегические выгоды, которые могли быть почерпнуты христианством из «совершенного обращения» империи Узбека и последующего использования военного потенциала нового союзника Латинского мира в борьбе с сарацинами:

«Да обратится, следовательно, в своих мыслях всякий ревнитель Христа к тому, сколько добра будет всему христианству, если Господь продолжит оказывать изначальную милость. Поскольку после совершенного обращения этой империи не будет более никакого веса у силы сарацин, запертых и окруженных между этой [империей], с одной стороны, и греческой и итальянской или латинской — с другой, и другими христианскими королевствами»²⁰.

При этом францисканцы подчеркивали, что обращение Золотой Орды было делом ближайшего будущего благодаря тем успехам, которых они уже достигли в ходе развертывания своей миссионерской деятельности в домене Узбека. Так, упомянутый брат Иоганка утверждал в своем послании 1320 г., что количество христиан «в некоторых краях» улуса Джучи составляло почти половину местного населения²¹, а в выше-названном письме 1323 г. францисканцы Каффы заявляли, что благодаря их деятельности почти треть империи Узбека «приняла свет» христианской веры:

«мы верим, что почти треть упомянутой выше империи — не нашими заслугами, но божьей помощью вместе с приложением нашего попечения (что мы утверждаем не из какого-нибудь — Боже упаси! — хвастовства, но

²⁰ «Mente igitur quilibet xristi zelator aduertat, quantum bonum xristianitati toti proueniat, si dominus hanc inceptam gratiam continuet, cum, illo inperio perfecte conuerso, nullius momenti foret potentia saracenica, que inter illud ex vna parte et grecum ac ytalicum siue latinum ex alia et regna alia xristiana interclusa est et vallata» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 109].

²¹ «так что, крестя и приобщая к церкви, проповедуя и наставляя, исповедуя и укрепляя, мы почти беспрестанно заняты, чаще всего и обычно вплоть до глубокой ночи, поскольку в некоторых краях христианский люд настолько увеличивается, что с трудом теперь, по нашему мнению, остается неверных немногим больше половины» («ita quod baptizando et confirmando, predicando et informando, confessando et confortando quasi continue vacamus, crebribus et comuniter vsque ad profundam noctem, quoniam in aliquibus partibus populus xristianus in tantum multiplicatur, quod vix modo, iudicio nostro, parum vltra medietatem de infidelibus extant» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 66]).

только из стремления к истине) — благосклонно принимает свет нашей веры и получает его из дня в день»²².

Данные заявления, несомненно, содержали очевидные преувеличения успехов миссионеров, на что указывала констатация факта, содержащаяся в этом же письме, что францисканцы были вынуждены покинуть «двадцать два своих постоянных местопребывания по причине малочисленности братьев»²³.

Нехватка католических миссионеров на Востоке, вероятно, была первейшей причиной, предрешившей в итоге общую неудачу христианского апостолата среди кочевников Золотой Орды: брат Иоганка подтверждал в 1320 г. уход францисканцев из Крыма²⁴ и призывал своих собратьев по ордену, остававшихся в Европе, применить на Востоке свою «книжную мудрость, приобретенную со столь многочисленными стараниями и в бессоннице», дабы она не оказалась «похороненной дома» без всякой пользы:

«Но пусть Христос вдохновит вас, отец²⁵, и Римскую церковь на исцеление этого недуга. И пусть направят свои помыслы братья к этому правдивейшему [посланию], чтобы обратили на него внимание ради Христа в особенности те, кто, сколько бы выдающимися ни были в знаниях, там, в их провинциях, почти нисколько не нужных, столь же большими здесь будут применение и выдающееся положение тем именно, кто в большей степени отличается умственными способностями. Поэтому пусть они увидят, что делать, чтобы их книжная мудрость, приобретенная со столь многочисленными стараниями и в бессоннице, не оказалась крайне часто почти похороненной дома, тогда как здесь, то есть среди нас, она была бы как горящий светильник»²⁶.

²² «ut credimus, pars tertia fere inperii prelibati non nostris meritis set dei ausiliis et nostris interpositis curis, quod non iactantia quadam, quod absit, set solo veritatis asserimus zelo, lucem nostre fidei benigne suscepit et indies sic recepit» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 107].

²³ «Loci autem mansionum viginti et duo dimisimus propter fratrem paucitatem» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 111].

²⁴ «Ибо мало нас, чтобы служить в местопребываниях, и некоторые из них мы оставили» («pauci enim sumus pro locis seruandis et aliqua dimisimus» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 70]).

²⁵ Генеральный министр ордена меньших братьев Микеле да Чезена.

²⁶ «set xristus vobis, pater, inspiret et ecclesie romane de remedio tanti defectus; et aduertant hec fratres verissima, et quid pro xristo attemptent illi precipue, qui quanto

О том, насколько незначительный отклик нашел призыв Иоганки на Западе и насколько немногочисленные подкрепления получали францисканцы из Европы, можно судить по позволению папы Иоанна XXII, предоставленному в ноябре 1321 г. латинскому епископу Каффы Иерониму Каталонскому, взять и «отвезти с собой в те края трех братьев, желающих прибыть в те края, из ордена миноритов»:

«Поскольку в северной Тартарии, в которой находится твоя утвержденная епархия Каффы, жатвы много, а делателей мало, и по этой причине ты не в состоянии способствовать спасению душ в соответствии с пылом твоего желания, тебе, нашему брату, мы предоставляем содержанием настоящего полномочия, дабы ты мог взять ради вышесказанного и отвезти с собой в те края трех братьев, желающих прибыть в те края, из ордена миноритов, чьим приверженцем ты являешься, которых ты можешь избрать из любой провинции по совету генерального министра этого же ордена или провинциального министра той провинции, из которой будут избраны эти братья. И, находясь в повиновении тебе, да смогут они исполнять служение проповедования и другое, что будет относиться к божественному культу и касаться преуспеяния душ, и верно и искусно помогать тебе в том, что относится к пастырским обязанностям (лишь бы, однако, они были для того пригодными, достаточно сведущими в священном писании и отличающимися похвальным образом жизни, по поводу чего мы налагаем бремя на твою совесть и вышеназванных генерального и провинциального министров)»²⁷.

sunt excellencioris sciencie, qua in suis prouinciis quasi parum curantur, maioris ibi essent vtilitatis et eminencie, qui magis eximie scilicet sunt intelligencie: ideo videant quid facto opus sit, ne eorum literalis sapiencia, tot laboribus vigiliisque conquisita, domi rectissime quasi sit sepulta, cum ibi, scilicet apud nos, foret velud ardens lucerna» [*Bibl M., Moule A.C.* Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 70].

²⁷ «Cum in Aquilonari Tartaria, in qua episcopatus tuus Caphensis constitutus existit, multa sit messis, operarii vero pauci, et propter hoc iuxta desiderii tui fervorem circa salutem proficere nequeas animarum, fraternitati tuae, quod recipiendi tres fratres ordinis Minorum, cuius professor existis, quos de quacunque provincia de consilio [ministri] generalis eiusdem ordinis vel provincialis illius provinciae, de qua fratres ipsi fuerint, duxeris eligendos, volentes ad partes illas accedere, qui sub tua degentes obedientia ministerium praedicationis et alia, quae ad cultum divinum pertineant et profectum respiciant animarum, exercere, tibi in iis, quae pastoralis incumbunt officii, fideliter et solerter assistere valeant (dum tamen ad hoc idonei, in scriptura sacra sufficienter instructi et laudabilis existant conversationis in vitae, super quibus tuam et generalis et provincialis praedictorum intendimus conscientias onerare), recipere et tecum pro praemissis ad partes illas adducere possis, plenam tibi concedimus tenore praesentium postestatem» [*Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus*

Также и в следующем году генеральный министр ордена меньших братьев Микеле да Чезена предоставил позволение «брату Генриху из Саксонии провинции викариата Северной Тартарии» взять с собой «двух итальянских братьев, годных для краев вышеназванной Тартарии, и четырех из любой трансальпийской провинции»:

«Дражайшему во Христе брату Генриху из Саксонии провинции викариата Северной Тартарии, брат Микеле, генеральный министр и раб ордена меньших братьев, с пожеланием спасения и вечного мира в Господе. Для преуспевания возвеличивания веры и уменьшения язычества в вышеназванном викариате ордена, с отрадой в душе и в соответствии с тем, что мне приличествует, содержанием настоящего я позволил и хочу, чтобы двух итальянских братьев, годных для краев вышеназванной Тартарии, и четырех из любой трансальпийской провинции, добровольно желающих [отправиться] с тобой из самоотверженной любви, ты мог взять с собой»²⁸.

Несомненно, столь малочисленные пополнения не могли удовлетворить возросшую потребность в катехизации неофитов на Востоке, и францисканцы Каффы ясно указывали в своем послании 1323 г. на недостаток кадров «для исполнения таинств и преподавания первооснов веры, доктрины и поучительных примеров, как и для крещения»²⁹. Очевидно, что именно это соображение побудило францисканцев Каффы обратиться к

ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 5. Benedicti XI, Clementis V., Ioannis XXII. monumenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898, no. 448, p. 213].

²⁸ «In xristo sibi karissimo fratri Henrico de Saxonia in provincia vicarie Tartarie aquilonaris, frater Michael, ordinis fratrum minorum generalis minister et seruus, salutem et pacem in domino sempiternam. Profectibus exaltacionis fidei et diminucioni paganitatis in vicaria ordinis predicta, libenti animo, vt condecet me cooptans, tenore presentis duxi concedendum et volo, quatinus duos fratres ytalicos pro partibus Tartarie predictae ydoneos et quatuor de qualibet [ultra] montana prouincia, ex deuocionis affectu voluntarios ad eundem possis assumere» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 70].

²⁹ «нас, увы, из-за нашего ничтожного числа до сих пор пребывающих здесь едва ли в десятой части [империи], хоть и собранных из многих стран, никоим образом недостаточно для исполнения таинств и преподавания первооснов веры, доктрины и поучительных примеров, как и для крещения» («heu nostre paruitati in decima vix parte nos adhuc ibi existentes, licet multis ex terris collecti, nequaquam sufficimus pro ministrandis sacramentis atque fidei rudimentis, doctrinis et exemplis docendo ac baptizando» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 107]).

кардиналам Авиньонской курии с призывом способствовать притоку новых миссионеров на Восток в заботе о «местных неофитах» и их постоянстве в вере:

«Мы молим в Господе вас — о наши святые господа, прелаты латинской церкви, как и все монахи и все клирики — дабы в ваших публичных и тайных молитвах, которые вы изливаете с нежными слезами за нас и за весь народ, вы подумали о краткосрочности нашей жизни (поскольку мы знаем, насколько бесчисленным опасностям она постоянно подвержена, и именно поэтому мы так горячо желаем прибытия других, дабы не пришло в упадок начатое дело), как и сочли достойным прочить местных неофитов в вере и их [в ней] постоянство»³⁰.

Несомненно, что одной из главных целей составления францисканцами отчетов о своей деятельности в Золотой Орде и отправления их на Запад было стремление побудить всеми возможными способами своих собратьев прибыть к ним на помощь. И поэтому их утверждения о масштабных миссионерских успехах и радужных перспективах будущей деятельности не обязательно соответствовали действительности и вполне могли служить цели мотивировать европейских францисканцев в принятии ответственного решения отправиться за пределы Латинского мира³¹. Таким образом, к утверждению об обращении «почти трети» империи Узбека следует относиться с осторожностью. Однако не следует и недооценивать достижений францисканцев в Золотой Орде, поскольку они добились определенных успехов, заслужив, во всяком случае, явные симпатии среди джучидской элиты или даже сумев обратить в свою веру некоторых ее представителей.

Так, в своей булле от 31 октября 1338 г. папа Бенедикт XII хвалил францисканца Илию Венгра, называя его «приближенным великолепного мужа Тинибека, первенца величественного правителя Узбека, императора тартар», за то, что тот всеми способами показывал наследнику Узбека «путь спасения» и побуждал его «выказывать благосклонность» местным христианам:

³⁰ «Vos in domino rogamus, o sancti domini nostri Ecclesie latine prelati et religiosi omnes atque cuncti clerici, ut in vestris puplicis et orationibus secretis, quas cum dulcibus lacrimis pro nobis et toto populo effunditis, breuitatem vite nostre [cogitetis] quam scimus, quia innumeris iugiter exposita periculis, et propter quam aduentum sic affectamus aliorum, ne pereat opus inceptum, ac eciam ibi neoffitos in fide et eorum constanciam dingnemini recomendare» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 112].

³¹ Jackson P. The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, UK, Pearson Longman Publishing, 2005, p. 261.

«Мы узнали из приятного сообщения достойных доверия лиц, что ты, как один из приближенных великолепного мужа Тинибека, первенца величественного правителя Узбека, императора тартар и великого сына Чингизхана³², остаешься в повиновении тому же первенцу и, насколько можешь, надлежащим образом показываешь ему путь спасения, и усердными стараниями и в непрерывной заботе побуждаешь его выказывать благосклонность христианам, проживающим в тех краях, как и к свершению других благоугодных дел»³³.

Брат Илия оставался в приближении Тинибека и двумя годами позже и был направлен первонаследником Узбека в Авиньон в качестве своего личного посланника, о чем сообщал папа Бенедикт XII в своем послании, адресованном Тинибеку 17 августа 1340 г. с призывом внимать и в дальнейшем «спасительным указаниям и целительным наставлениям» брата Илии:

«Поскольку же, ликуя в Господе по поводу этих твоих добродетельных поступков, мы страстно желаем твоего спасения, как и того, чтобы ты делал их и довел до конца, чтобы заслужить благодать в этой настоящей жизни и славу вечного блаженства в будущей, мы настойчиво вопрошаем твое благородство и призываем в Господе, дабы, неутомимо стремясь к исполнению этого и другого, благотворного для спасения твоей души, ты внял спасительным указаниям и целительным наставлениям упомянутого Илии, твоего посланника, который тебя искренне, как мы поняли, любит, и чтобы этим не угасающим духом благоговения, который дал тебе в добродетель Господь, ты подлинно выказывал упомянутым христианам благоприятное расположение и доброжелательность, так чтобы сам Бог, от кого исходят все блага и кто не оставляет никакого блага без награды, обратился к тебе оком сострадания, осветив светом истинной веры твой разум, и направил твои действия к тому, что ему самому любезно и что благотворно для твоего спасения»³⁴.

³² То есть прямого потомка Чингизхана.

³³ «Fide dignorum placido relatu percepimus, quod tu familiaribus spectabilis viri Tynybech, primogeniti magnifici principis Usbech imperatoris Tartarorum et magni filii Chyscam, insistens obsequiis eidem primogenito, quantum potes commode, viam salutis ostendis et ipsum ad favores christianis in partibus illis commorantibus impendendos et alia pia opera exercenda diligentibus studiis et sollicitis curis inducis» [Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902, no. 97e, p. 65].

³⁴ «Cum autem de his tuis virtuosis actibus in Domino exultantes tuam salutem teque illa operari et perficere, quibus in hac vita praesenti gratiam et in futura

В свою очередь, Джованни Элемозина писал около 1335 г. в своей «Книге историй святой Римской церкви» (*Liber Historiarum S. Romane Ecclesie*), что изначально развитию католического апостолата в Золотой Орде способствовало обращение в христианство «одного великого царя из тартар, поверившего в Христа вследствие великого чуда, сотворенного там Богом», и крещенного меньшими братьями вместе со многими другими татарами:

«И благодаря меньшим братьям ордена святого Франциска, пребывающим среди тартар и им проповедующим, один великий царь из тартар вследствие великого чуда, сотворенного там Богом, поверил в Христа и был крещен, как и многие другие. Упроченные его благосклонностью, братья построили 10 местопребываний в той Тартарии: 5 постоянных огражденных в городах тартар и 5 подвижных в шатрах или палатках среди множества тартар»³⁵.

Со своей стороны, анонимные «Сообщения о мучениках и конвентах меньших братьев на Востоке» (*Relationes de Martytibus et de Conventibus*

beatitudinis aeternae merearis gloriam, cupiamus, nobilitatem tuam rogamus attentius et in Domino exhortamus, quatenus circa haec et alia tuae salutis animae utilia vigilanter intendens praefati Eliae nuncii tui, qui te sincere ut intelleximus diligit, salutaribus monitis et persuasionibus salubribus acquiescas, devotionis huiusmodi spiritum, quem dedit tibi virtutum Dominus, non extinguens, christianos vero praedictos opportunis favoribus et benevolentis habeas commendatos, ut ipse Deus, a quo bona cuncta procedunt quique nullum bonum irremuneratum relinquit, te oculo pietatis irradiando verae fidei lumine mentem tuam respiciat et ad ea, quae sibi sunt placita tuaeque salutis utilia, dirigat actus tuo» [*Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V., Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902, no. 126, p. 79*].

³⁵ «Et propterea fratres Minores ordinis s. Francisci, inter Tartaros conversantes et predicantes, quidam Rex magnus de Tartaris propter magnum miraculum quem Deus ibi operatus est, Christo credidit et baptizatus fuit, et plures alii. Cuius favore fratres muniti, X loca in illa Tartaria construxerunt, V stabilia munita in civitatibus Tartarorum, et V mobilia in papilonibus sive tendis infra multitudines Tartarorum» [*Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 107*]. См. также схожее место у Элемозины в его «Книге многочисленных историй» 1336 г.: «Превосходнейший Бог же, единственный, кто творит великие чудеса, наполнил своим светом разум многих тартар, и один великий царь из тартар поверил в Христа и был крещен, оказав много добра христианам» («Deus autem optimus qui facit mirabilia magna solus, infudit lumen suum in mentibus plurimorum tartarorum, et Rex unus magnus de tartaris Christo credidit et baptizatus fuit, qui multa bona prestitit christianis» [*Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 120*]).

fratrum Minorum in Oriente), написанные между 1314 и 1329 гг., называли этого «царя тартар» Коктоганом и сообщали, что он был крещен меньшими братьями «вместе с царицей, своей матерью, по имени Тодотелия, и женой по имени Керлей, и тремя сыновьями, то есть Георгием, Курамасом и Абустой»:

«Эти дети императоров³⁶ были крещены меньшими братьями. А именно, Коктоган вместе с царицей, своей матерью, по имени Тодотелия, и женой по имени Керлей, и тремя сыновьями, то есть Георгием, Курамасом и Абустой, который до сих пор жив. И всех жен, и детей этих сыновей также крестили меньшие братья»³⁷.

Сравнение этих сведений с «Шуаб-и панджгана» Рашид ад-дина позволяет утверждать, что этим «царем тартар» был младший брат хана Токты и дядя хана Узбека по имени Кутукан. В то время как анонимный францисканец указывал в своих «Сообщениях», что именами сыновей Коктогана были Георгий, Курамас и Абуста, «Шуаб-и панджгана» в свою очередь упоминает следующие имена сыновей Кутукана: Курмас, соответствующий Курамасу; Кункиз или Куркиз — тюркский и монгольский эквивалент Георгию; и Апшеке или Абушке, очевидно соответствующий латинскому написанию Абуста/Абуска³⁸.

Согласно этому же сообщению анонимного францисканца, ко времени его написания, т.е. в течение первой половины правления хана Узбека, единственным остававшимся в живых из потомства Кутукана был его сын по имени Абуска. В свою очередь, письмо францисканцев Каффы, отправленное на Запад из Крыма в 1323 г., уточняло, что другие сыновья Кутукана погибли в ходе борьбы за власть во время воцарения хана Узбека, но сам Абуска, остававшийся «постоянным и верным христианином», пользовался

³⁶ Помимо сообщения в данном отрывке о крещении сына золотоордынского хана Менгу-Тимура, анонимный францисканский автор упоминает далее и крещенного в детском возрасте Олджейту, сына ильхана Аргуна.

³⁷ «Isti filii Imperatorum fuerunt per fratres Minores baptizati. Videlicet Coktoganus cum regina matre sua nomine Thodothelia, et uxore nomine Kerley, et tribus filiis videlicet Georgio, Curamas, Abusta qui adhuc vivit, cuius etiam uxores et filios baptizaverunt fratres Minores» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 73].

³⁸ Хамидова Ч.И. Рашид ад-дин. Шуаб-и панджгана. 2. Монголы и тюрки. Золотоордынское обозрение. Т. 4. № 4. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, 2016, с. 873; DeWeese D.A. Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba T kles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994, p. 98, nota 65.

высоким положением при хане Узбеке и рассматривался его потенциальным наследником на момент написания этого письма:

«Каким же образом недавно усопший император³⁹ умер христианином, оставив после себя также трех сыновей-христиан, и из них двое отступились от веры, чтобы на них пал выбор быть преемником, что не допустил Бог, но после того, как они были умерщвлены преемником, по воле Бога, третий, кто остается христианином постоянным и верным, является при нем⁴⁰ высокочтимым, и считается, что он станет после него императором; [сообщается] в письме, [которое], длинное само по себе, мы переслали господину папе и генералу ордена вместе с содержанием покровительственной привилегии, предоставленной нам прежним императором и подтвержденной этим⁴¹, хоть он и до сих пор язычник, прилежно переведенной из слова в слово с тартарского на латинский. Причиной же и поводом для смерти двух сыновей императора был заговор, составленный ими против настоящего избрания, а также их непостоянство, поскольку они покинули веру Христа, домогаясь почести императора: это избрание делается язычниками»⁴².

Папа Иоанн XXII со своей стороны адресовал Абуске послание от 28 февраля 1322 г., где, ссылаясь на слова латинского епископа Каффы,

³⁹ Здесь, очевидно, идет речь о кончине хана Токты в августе 1312 г. и разгоревшейся затем борьбе за власть в Золотой Орде. Вероятно, в связи с тем, что речь здесь шла о событиях почти одиннадцатилетней давности, анонимный францисканский автор ошибочно называет Токту отцом сыновей Кутукана, хотя на самом деле он приходился им дядей.

⁴⁰ То есть при нынешнем императоре, под которым, очевидно, имеется в виду хан Узбек.

⁴¹ По всей видимости, здесь имеется в виду ярлык хана Узбека, пожалованный францисканцам Золотой Орды 20 марта 1314 г. и воспроизводивший содержание предыдущего ярлыка, предоставленного миноритам ханами Токтой и Менгу-Тимуром (*Moule A.C. Textus trium novorum documentorum e Tartaria Aquilonari an. 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 65*).

⁴² «Quomodo autem inperator nuper defunctus obiit xristianus, relinquens post se eciam tres filios xristianos et illorum duo a fide apostatarunt, vt super unum illorum electio caderet successoris, quod non permisit deus, set ipsis a successore peremptis, agente deo, tertius qui rimanet xristianus constans et stabilis, cum isto stat egregie et creditur post eum fore inperator, [ut habetur] in litera [quam] per se mangna domino pape transmisimus et ordini[s] generali simul cum tenore priuilegi protectiui pro nobis a pristino inperatore concessi et ab isto confirmati, licet adhuc pagano, de verbo ad uerbum a tartarico in latinum diligenter translati. Causa autem et ratio perempcionis duorum inperatoris filiorum, erat conspiracionis inpositio eis contra presentem electionem et eciam instabilitas eorumdem, quia fidem xristi reliquerunt ex ambitione honoris inperialis; que electio fit a paganis» [*Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 111*].

францисканца Иеронима из Каталонии, он выражал свою радость по поводу его возрождения «в источнике священного крещения» и единения «со святой Римской, Апостольской и католической церковью» и призывал его далее приобщить своих непосредственных подчиненных «к живому и неделимому телу той же католической церкви и к познанию истинной веры»:

«Неудивительно, что мы получили огромный повод для радостей от того, что Господь Иисус Христос — этот главнейший краеугольный камень, на котором все здание, слагаясь стройно, возрастает в святой храм в Господе, и кто тех, кому желает спасения, не прекращает постоянно просвещать в познании себя изобильнейшим даром, непрерывно расширяя распространение христианского рода по всему миру в своей непередаваемой милости, — тебя, как мы узнали из радостного отчета преподобных братьев наших Иеронима, епископа Каффы, и его спутника, залитым светом истинной веры, вновь рожденным в источнике священного крещения и напитанным апостольской доктриной и евангелической истиной, приобщил к единению со святой Римской, апостольской и католической церковью. Итак, поскольку вечному Отцу-Богу и апостольским заветам окажет безмерную радость, если род нашего спасителя расширится в этих краях, которые прежде были покрыты мраком грехов, мы вопрошаем твое благородство и призываем в том же нашем наидобродетельнейшем спасителе, дабы, рассудительно поразмыслив о том, что среди прочего, что может направить на путь истинный к радости вечной жизни, преимущественным представляется то, чтобы ты приобщил твоих подчиненных к живому и неделимому телу этой же католической церкви и к познанию истинной веры»⁴³.

⁴³ «Ingentem, nec mirum, materiam gaudiorum suscepimus quod summus ille lapis angularis Dominus Jesus Christus, in quo omnis aedificatio constructa crescit in templum sanctum in Domino; quodque quos salvos vult fieri, ad cognitionem sui non desinit semper abundantissimo beneficio erudire, per inenarrabilem gratiam suam toto orbe diffusam augens continue familiam Christianam, te sicut venerabilis fratris nostri Hieronymi episcopi Caphensis et socii ejus relatione jucunda percepimus, verae fidei luce perfusum et sacri Baptismatis fonte renatum, ac imbutum doctrina Apostolicae et Evangelicae veritatis, unitati sanctae Romanae ac Apostolicae et Catholicae Ecclesiae aggregavit. Quia igitur Deo patri aeterno, et Apostolicis votis ad gaudium cedit immensum, si Redemptoris nostri familia in ipsis partibus, quas dudum caecitas errorum obduxerat, dilatetur; nobilitatem tuam rogamus et hortamur in eodem nostro piissimo Redemptore, quatenus prudenter attendens, quod inter caetera, quae de recto calle dirigere poterunt ad vitae gaudia sempiterna, hoc est praecipuum, si subditos tuos vivido et individuo ejusdem Catholicae Ecclesiae corpori, et cognitioni verae fidei aggregabis; ad hoc praestes opem, et ad hoc totis studiis elaborares, ut ejus obtentu, qui fidelibus suis iter aeternae vitae demonstrans, paradisi januas, quas primi parentis inobedientia clauserat, ineffabili misericordia reseravit, eosdem subditos per te et alios cognitione fidei Catholicae illustratos unitati ejusdem fidei studeas aggregare» [*Caesaris S.R.E. Card. Baronii Annales ecclesiastici*. Tomus XXIV. 1313–1333. Rinaldi, Odorico; Laderchi, Giacomo (eds.). Barri–Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: Ex typis Consociationis Sancti Pauli, 1880, a. 1322, § 44, p. 186].

Покровительство правителей Золотой Орды оказывало францисканцам неоценимую услугу в их нередких конфликтах с мусульманскими резидентами городов улуса Джучи, с которыми отношения католических миссионеров складывались не самым лучшим образом. В частности, в своем письме от 11 апреля 1287 г. Ладислав, кустодий Газарии, т.е. предводитель францисканцев в Северном Причерноморье, сообщал, как в августе предыдущего года мусульманские жители Солхата в Крыму напали на местную церковь францисканцев и снесли ее колокол, раздраженные его звоном. По словам Ладислава, францисканцы подали жалобу золотоордынским правителям (буквально «императорам») Тула-Буге и Ногаю, направившим в ответ на нее своих представителей в Солхат, которые вошли «с военной силой» в будущую столицу Крыма, строго наказали обидчиков францисканцев и повесили три колокола на их церкви вместо одного снесенного:

«Ибо императоры Телебуга и Ногай направили каждый по одному из наиболее выдающихся из своих баронов и третьего особого посла с той целью, чтобы, если первые обвинили бы кого-либо в разрушении церкви или сносе колокола, то тот третий без всякого исключения или денежного заступничества наказал бы того своей собственной рукой вне зависимости от каких-либо обстоятельств. И так, прибыв на второй день после праздника Святого Доминика в августе⁴⁴ и неся крест с регалиями⁴⁵ императоров и знаменами, тот третий вошел с военной силой в город Солхат в сопровождении всех латинян и других бесчисленных христиан и с торжественной процессией, как и вместе с поющими литанию братьями, и прошел через все улицы и площади упомянутого города. И хотя он был сарацином, поразил всех сарацин словно собак. Даже самые выдающиеся из сарацин, видя нависшую над ними угрозу их жизни, бежали, бросив все, что имели, в соседний с городом лес, где они и прятались в течение добрых семи дней. Названный же посол повесил на место колокола, который они незаконно сняли, три колокола с величайшим почетом и к бесконечной радости христиан»⁴⁶.

⁴⁴ 4 августа 1286 г. [Starzer A., Redlich O. (eds.). Eine Wiener Briefsammlung zur Geschichte des Deutschen Reiches und der österreichischen Länder in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts. Mittheilungen aus dem vaticanischen Archive. Vol. II. Wien: In Commission bei F. Tempsky, 1894, s. 250, nota 3].

⁴⁵ То есть тамгами [Brătianu G.I. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noir au XIIIe siècle. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1929, p. 232].

⁴⁶ «Imperatores enim Thelebuga et Nohay et singuli singulos de baronibus suis pociore transmiserunt et tercium ad hoc ambasiatorem specialem, ut quosunque isti pro destructione ecclesie et campane deposicione condempnassent, ille tercius sine aliqua excepcione et peccunie intervencione manu propria casu aliquo non obstante iugulasset.

Позже, в своем ярлыке 1314 г. хан Узбек строго воспрещал нападения на церковь францисканцев в Каффе и позволял им звонить на ней в колокол⁴⁷. Папа Иоанн XXII, очевидно, считал, что это позволение Узбека распространялось, помимо Каффы, на все города Золотой Орды, напоминая хану в своей булле от 28 марта 1318 г., что тот «позволял вышеназванным христианам иметь и беспрепятственно стучать в колокола, на звон которых они могли собираться на божественные службы». Однако, по словам понтифика, через год после этого Узбек, «свораченный обманчивой настойчивостью врагов Христа, которые (насколько могут, хоть и бесполезно) не перестают метать в него дротики своих беззаконий», запретил францисканцам стучать в колокола:

«В остальном, поскольку, как мы узнали, прежде, на протяжении некоторого промежутка времени, из почтения к божественному имени ты позволял вышеназванным христианам иметь и беспрепятственно стучать в колокола, на звон которых они могли собираться на божественные службы, хотя впоследствии, свораченный обманчивой настойчивостью врагов Христа, которые (насколько могут, хоть и бесполезно) не перестают метать в него дротики своих беззаконий, ты отказал им в праве стучать в вышеназванные колокола в течение трех только что истекших лет»⁴⁸.

Veniens itaque ille tercius secundo die sancti Dominici de Augusto crucem portans cum insigniis imperatorum et vexillis potenter intravit civitatem Solhatensem cum comitantibus ipsum omnibus Latinis et aliis Christianis infinitis; cum processione admirabili, fratribus quoque letaniam precinentibus pertransiit omnes vicos et plateas civitatis memorate. Et cum esset Sarracenus, faciebat omnes Sarracenos percuti velut canes. Pociores etiam Sarracenorum videntes sibi periculum mortis imminere, dimissis omnibus que habebant ad silvam vicinam civitati confugerunt ibique bene per septem dies latuerunt. Dictus vero nuntius pro campana, quam deposuerant cum iniuria, suspendit tres campanas cum maxima gloria et Christianorum infinita leticia» [Starzer A., Redlich O. (eds.). Eine Wiener Briefsammlung zur Geschichte des Deutschen Reiches und der österreichischen Länder in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts. Mittheilungen aus dem vaticanischen Archive. Vol. II. Wien: In Commission bei F. Tempsky, 1894, no. 250, s. 248].

⁴⁷ «Дабы никто им не чинил насилия или притеснения, разрушая церковь или уничтожая их дома или местопребывания; но чтобы, сооружая церковь или колокола, они управляли людьми христианского закона» («Nemo eis violenciam inferat aut oppressionem, ecclesiam frangendo vel domos aut loca destruendo eorum; set faciendo ecclesiam aut campanas xristiane legis homines regant» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 65]).

⁴⁸ «Ceterum cum, prout accepimus, ob divini reverentiam nominis christianos praedictos campanas, ad quarum pulsationem ad divina convenire possent officia, dudum per aliquod temporis spatium habere ac libere pulsare permisisses, quamvis postmodum inimicorum Christi, qui (quantum possunt, licet supervacue) non desinunt suae iniquitatis iacula iacere contra ipsum, fraudulenta seductus instantia campanas pulsandi praedictas eis interdicti fecisti a tribus annis proxime praeteritis facultatem» [Bullarium Franciscanum: Sive

Каффа. Гравюра конца XVIII в.

Вероятно, этот запрет на колокольный звон не затрагивал города Каффы, но распространялся на христианские церкви Солдайи и был напрямую связан с противостоянием местного греческого населения с наместником Узбека в Крыму по имени Тулук-Тимур. Две синхронные записи в «Судакском синаксаре» показывают, что это противостояние привело к открытому конфликту и что Солдайя подверглась нападению военных сил Тулук-Тимура в августе 1322-го и январе 1323 г.⁴⁹ В свою очередь папа Иоанн XXII, извещенный об этих нападениях, был вынужден повторно обратиться к золотоордынскому хану, с сожалением констатируя, что христианские жители Солдайи были «прогнаны из этого города сарацинами, и после того, как с их церковей были сняты колокола, сами церкви были превращены в мечети». В связи с этим понтифик призывал Узбека разрешить местным христианам «вернуться на проживание в названный город, вернув им упомянутые церкви и колокола»:

«И наконец, поскольку мы не можем не терзаться в тревоге о бедствиях, мучениях и тяготах христиан, мы услышали с болью, что христиане,

Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 5. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898, no. 318, p. 148].

⁴⁹ Антонин, архимандрит (Капустин). Заметки XII–XV в., относящиеся к крымскому городу Судгее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре (Notes of the 12th–15th centuries Related to the Crimean Town of Sugdeya (Sudak) Added to the Greek Synaxarion). Записки Одесского общества истории и древностей. Том 5 (Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. Vol. 5). Одесса: в городской типографии, 1863, № 30, 181, с. 600, 621.

вновь проживающие в городе Солдайа, были вновь прогнаны из этого города сарацинами, и после того, как с их церковей были сняты колокола, сами церкви были превращены в мечети. Мы же, испытывающие к этим христианам, как отец к детям, душевную нежность сочувствия, к тем мольбам прилагаем новые, и твое высочество, которому мы желаем расти в глазах Бога и людей благодаря подобным благочестивым деяниям, мы просим в почитание того, кто благое дело любого вознаграждает обильной наградой, дабы упомянутым выше и изгнанным, как сказано ранее, христианам ты разрешил вернуться на проживание в названный город и, вернув им упомянутые церкви и колокола, позволил им безбоязненно почитать и служить Господу нашему Иисусу Христу, которого мы чтим; зная без сомнения, что с чем более многочисленными деяниями благочестия и милосердия ты будешь обращаться очами твоего умилоствления к этим христианам, тем более благоуханные усилия ты будешь воскуривать Господу и тем более приятные преподнесешь ему пожертвования»⁵⁰.

Тем не менее ходатайство понтифика по данному вопросу не возымело никакого действия, и свидетельство Ибн Баттуты того, что в 1334 г. Солдайа была в основном заселена «тюрьками»⁵¹, указывает на то, что просьба папы Иоанна не была услышана. Однако в генуэзской Каффе, по словам того же Ибн Баттуты, христиане продолжали звонить в колокола, в то время как в Солхате, вероятно, под влиянием Тулук-Тимура звон колоколов был воспрещен, поскольку Ибн Баттута ни разу его не упоминает⁵².

⁵⁰ «Demum quia in Christianorum angustiis, tribulationibus et pressuris non possumus anxie non torqueri, dolenter audivimus, Christianos in civitate Soldaye noviter degentes, esse noviter de civitate ipsa per Saracenos ejectos, et campanis de Ecclesiis ipsorum depositis, Ecclesias ipsas factas esse mesquitas. Nos autem ad Christianos ipsos, tanquam pater ad filios praecordialis habentes compassionis affectum, adhuc preces adjicimus precibus; et a celsitudine tua, quam per hujusmodi pietatis opera penes Deum et homines crescere cupimus, petimus et ob reverentiam ejus, qui bona uniuscujusque opera cum mercede compensat opima, praelibatos Christianos, ut praefertur, ejectos facias in dictam civitatem ad inhabitandum inibi regredi, et restitutis eis dictis Ecclesiis et campanis, ipsos Domino nostro Jesu Christo, quem colimus, intrepide obsequi et servire permittas; sciturus indubie, quod quanto per plura pietatis et charitatis opera ad Christianos ipsos oculos tuae propitiationis extends, tanto suaviores intentiones thurificabis Domino, et gratiora sibi offeres holocausta» [*Caesaris S.R.E. Card. Baronii Annales ecclesiastici*. Tomus XXIV. 1313–1333. Rinaldi, Odorico; Laderchi, Giacomo (eds.). Barri–Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: Ex typis Consociationis Sancti Pauli, 1880, a. 1323, § 3, p. 203].

⁵¹ The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354. Vol. II. Gibb, Hamilton Alexander Rosskeen (tr.). Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1959, p. 499.

⁵² The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354. Vol. II. Gibb, Hamilton Alexander Rosskeen (tr.). Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1959, p. 470–472.

Таким образом, спорный вопрос о праве христиан звонить в колокола в правление Узбека был определенно решен с учетом мнения мусульман, что, несомненно, являлось косвенным свидетельством усиления позиций ислама в Золотой Орде. По словам францисканца Иоганки, описывавшего в 1320 г. религиозную ситуацию в улусе Джучи, на его территории широко распространились суфии (буквально «факиры»), носившие мечи и готовые «немедленно убить говорящих против закона [Магомета]». Тем не менее мусульманские аскеты терпимо относились к христианам, позволяя им, по словам Иоганки, «восхвалять наш закон, и Христа, и Марию, и святых при условии, чтобы они не порочили Магомета»:

«Со своей стороны, у сарацин, имеющих собственный закон Магомета, есть некая секта, считающаяся монашескующей. Ее братья зовутся факирами и носят наготове мечи, чтобы немедленно убить говорящих против закона [Магомета]. Однако они терпимо позволяют христианам восхвалять наш закон, и Христа, и Марию, и святых при условии, чтобы они не порочили Магомета»⁵³.

Сам Иоганка имел несчастье удостовериться в их возросшем влиянии, когда во время религиозного диспута, организованного «правителем Бакардии» (на современной территории Башкирии), он с привычным для францисканцев пылом попытался доказать, что мусульманская религия являлась «нелепой и нечестивой», и представить ее «дьявольской и предусмотрительно смешавшей в себе добро и зло, чтобы устранить подозрения и таким образом вернее обмануть простоватых». После чего Иоганка был брошен в тюрьму по требованию мусульман и избежал смертной казни только благодаря вмешательству дзаргучи, т.е. светских татарских судей, назначенных из Сарая и питавших симпатии по отношению к христианству:

«Но правителя всей Бакардии с большей частью его семейства мы нашли совершенно зараженными заблуждением сарацин. Когда мы им проповедовали, они сказали: “Наверняка, если бы вы пришли раньше, мы, несомненно, приняли бы эту веру. Но для правителей постыдно после того, как они приняли один закон, с легкостью отдаляться от него, чтобы перейти в другой”. Однако, когда мы стали повторять доктрину веры и когда мы дока-

⁵³ «Saraceni autem qui propriam legem makometi habent, sectam quamdam habent religiosam reputatam, cuius fratres falcharios vocant, gladios in promptu ferentes, vt statim interminant contra legem loquentes. Sinunt tamen pacienter xristianos legem nostram et xristum et mariam ac sanctos commendare, sic quod makometum non contempnant» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 66].

зали в присутствии сведущих сарацин всеми возможными для нас способами — святым писанием, знамениями, умозаключениями и поучительными примерами, — что их закон является нелепым и нечестивым, у которого нет никакого смысла и наглядного обоснования чудесами, в отличие от христианского закона, который в тех краях, как я скоро сообщу, явил себя в ясных чудесах; и когда мы выставили тот закон дьявольским и предусмотрительно смешавшим в себе добро и зло, чтобы устранить подозрения и таким образом вернее обмануть простоватых, они, обратившись в ярость, стали требовать нас убить. Однако нас, схваченных и безжалостно брошенных в тюрьму, отягощенных оковами и мучимых голодом и тюремной грязью, ужасом от червей и смертоносным смрадом, ожидавших с радостью смерти, они, охваченные страхом перед тартарами⁵⁴, не посмели отважиться [убить]. Ибо тартары любят христиан, а их ненавидят и преследуют»⁵⁵.

Вероятно, такая же протекция светской власти Золотой Орды позволяла испанскому францисканцу Пасхалию из Виттории беспрепятственно проповедовать в Сарае в 1336 г. «слово Божье как сарацинам, так и христианам — схизматикам и еретикам»⁵⁶. Однако эта протекция не смогла

⁵⁴ Очевидно, это «тартары, судьи баскардов», упомянутые ранее Иоганкой, которые, по его словам, «хоть и не были крещены, были, однако, исполнены ересью несториан» («Et ibi erant Tartari iudices Baschardorum, qui licet baptizati non essent, heresi tamen nestorianorum inbuti» [*Bibl M., Moule A.C.Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 67*]).

⁵⁵ «set principem totius Bacardie cum maiori parte familie inuenimus errore Saracenorum totaliter infectum. Quibus cum predicarem, dixerunt: si vos vtique primum venissetis, suscepissemus vtique fidem istam, set turpe est principibus cum vnam legem susceperint, ab illa leuiter discedere ad aliam transeundo. Frequentantibus autem nobis fidei doctrinam, et cum coram peritis Saracenorum probauimus omnibus modis nobis possibilibus, scripturis, singnis, rationibus et exemplis, eorum legem friuolam et prophanam, que nulla ratione nec euidencia miraculi fulta, sicut est lex xristianorum, cuius in partibus illis, vt cito referam, patuerunt miracula clara, ac ostendimus illam legem esse diabolicam et ab ea cautelose bonis et malis esse admixtam, vt suspicio tolleretur et sic magis simplices deciperet, ipsi in furorem uersi interficere nos querebant. Nobis autem captis et atrociter incarceratis, ferris onustis et fame cruciatis ac carceris squalore, vermium horrore et mortali fetore, mortem cum gaudio prestolantibus, ipsi Tartarorum timore attoniti, presumere non audebant [nos interficere]. Xristianos enim Tartari diligunt et illos odiant atque persequuntur» [*Bibl M., Moule A.C.Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 67–68*].

⁵⁶ «поскольку я знал язык благодатью Бога, я часто проповедовал без переводчика слово Божье как сарацинам, так и христианам — схизматикам и еретикам» («ex quo scivi linguam per Dei gratiam, saepius praedicavi sine interprete verbum Dei tam Saracenis quam etiam Christianis schismaticis et haereticis» [*Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica*]).

спасти его собрата, Иштвана из Надьварада, казненного мусульманской общиной Сарая 22 апреля 1334 г.⁵⁷ после того, как он, сначала обратившись в ислам, чтобы избежать наказания своего ордена, позже раскаялся в своем поступке, публично выразив мусульманам в местной кафедральной мечети свое намерение вернуться во францисканский орден.

Казнь брата Иштвана была зафиксирована рядом францисканских источников⁵⁸, и популярность описания его мученичества на Западе объяс-

XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897, p. 533]).

⁵⁷ «...процесс прославленного мученичества брата Иштвана из Венгрии, уроженца города Варада, которое он принял самым выносливым образом и стойко в год Господень 1334, 22 апреля, в городе Сарая империи великого царя Узбека, императора тартар в северном крае» («...processum gloriosi martyrii fratris Stephani de Hungaria de civitate Narodin oriundi quod accepit patientissime et constanter anno Domini MCCCXXXIV, XXII. die mensis Aprilis, in civitate Saray imperii magni regis Osbeth, imperatoris Tartarorum in parte aquilonari» [Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897, p. 515]).

⁵⁸ Как, например, «Каталогом святых меньших братьев» (Catalogus sanctorum fratrum minorum) около 1335 г. [Fragmenta Minora. Catalogus Sanctorum Fratrum Minorum. Quem scriptum circa 1335 edidit notisque illustravit fr. Leonardus Lemmens O.F.M. Romae: typis Sallustianis, 1903, p. 41]; братом Джованни Элемозиной в его «Книге многочисленных историй» (Liber ystorie plurime) 1336 г. [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 137]; братом Пасхалием из Виттории в его письме 1338 г. [Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897, p. 533]; швейцарским францисканцем Иоанном из Винтертура в его «Хронике», составленной до 1349 г. [Chronica Iohannis Vitodurani = Die Chronik Johannis von Winterthur. Baethgen, Friedrich; Brun, Carl (eds.). Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1924, p. 147–149]; анонимным аквитанским автором в его длинном описании мученичества, содержащемся в его «Хронике 24 генеральных министров ордена миноритов» (Chronica XXIV Generalium Ordinis, написана между 1360 и 1374 гг.) [Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897, p. 515–524]; Бартоломеем Пизанским в его трактате «О подобии жизни святого Франциска с жизнью Господа Иисуса» (De conformitate vitae beati Francisci ad vitam Domini Iesu, написан между 1385 и 1390 гг.) [Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus IV. De conformitate vitae Beati Francisci ad vitam Domini Iesu auctore Fr Bartholomaeo de Pisa. Liber 1, Fructus I–XII. Firenze, Quaracchi: Collegii

нялась заложенной в этом сюжете возможностью противопоставления слабости человеческой природы, склонной к грехопадению, необоримой силе Христа, делающей «грешников святыми», по словам аквитанского автора «Хроники 24 генеральных министров ордена миноритов» (*Chronica XXIV Generalium Ordinis minorum*):

«желая приступить к описанию, я в первую очередь призываю слушающих и читающих, дабы они не пренебрегли его окончанием из-за его начала, но еще больше прославляли Господа, кто, единственный, делает грешников святыми. В противном случае пусть они осудят наставителя язычников⁵⁹ за причиненные церкви гонения, глумятся над наживой в сборе податей Матвея Евангелиста, осудят Магдалену за предыдущие проступки, высмеют главу апостолов за тройное отрицание и отвергнут Давида, выдающегося из пророков, за различные злодеяния; однако велика бездна богатства и премудрости и непостижимы судьбы Его, и изумит их тот, кто, кого хочет, милует, а кого хочет, ожесточает»⁶⁰.

Следует, однако, отметить, что это был не единственный случай веротступничества католических миссионеров в Золотой Орде, о чем свидетельствует три одновременных освобождения от приговора отлучения от церкви, предоставленные 31 июля 1334 г. папой Иоанном XXII двум доминиканцам по имени Бонакурсио и Филиппо⁶¹ и францисканцу Джакомо из Пистойи. В частности, в отношении последнего папа писал, что брат Джакомо «бросился в смертоносную бездну отчаяния и предался власти

S. Bonaventurae, 1906, p. 333–334]; Мариано из Флоренции в его «Сжатом изложении хроник меньших братьев» (*Compendium Chronicarum Fratrum Minorum*, составлено около 1480 г.) [*Compendium Chronicarum Fratrum Minorum scriptum a patre Mariano de Florentia. Archivum Franciscanum Historicum. No. 2/4. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventurae*, 1909, p. 641].

⁵⁹ То есть апостола Павла.

⁶⁰ «volens describere primum audientes et legentes exhortor, ne finem propter principium contemnant, sed Dominum potius glorificent, qui solus de peccatoribus facit sanctos. Aliter propter Ecclesiae illatas persecutiones gentium Doctorem condemnent, Matthaеum Evangelistam propter telonei lucra subsannent, Magdalenam propter prima facinora iudicent, principem Apostolorum propter trinam negationem irrideant et abiiciant propter varia scelera David, eximium Prophetarum; magis tamen altitudinem divinae sapientiae et scientiae et eius incomprehensibilia iudicia admirentur, qui cui vult miseretur et quem vult indurat» [*Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae*, 1897, p. 515].

⁶¹ *Caesaris S.R.E. Card. Baronii Annales ecclesiastici. Tomus XXIV. 1313–1333. Rinaldi, Odorico; Laderchi, Giacomo (eds.). Barri–Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: Ex typis Consociationis Sancti Pauli*, 1880, a. 1333, § 44, p. 528.

сарацин», «как будто лишенный человечности утратой благоразумия и ослепленный ментально», но позже он «пришел в себя» и раскаялся, прося позволить ему вернуться к единству с церковью:

«В этой связи мы были извещены о Джакомо из Пистойи, брате твоего⁶² ордена и проповеднике того же ордена, что этот Джакомо — который в те времена пребывал с другими братьями упомянутого ордена в империи Узбека, императора тартар, для промысла своей души и душ неверных в тех краях для Господа нашего Иисуса Христа, и где он обитает и сейчас, — дабы избежать наказания этого ордена за определенные проступки, совершенные им тогда под влиянием губительного наития, из-за слабости своей плоти, одержавшей верх над его духом, бросился в смертоносную бездну отчаяния и предался власти сарацин, обитающих в тех же краях, и, как будто лишенный человечности утратой благоразумия и ослепленный ментально, принял отвратительный и безнравственный ритуал этих сарацин и публично объявил исповедание проклятейшего Магомета, и сделал себе обрезание по обычаю тех же сарацин или обещал сделать, публично отступившись от указанной выше наиправдивейшей веры. Также упомянутый Джакомо, который перед этим прилагал усилия для того, чтобы взять верх над выше-названными сарацинами посредством правдивейших доводов и обратить их в упомянутую веру, бросившись в грязь грехов, стал силиться смутить своими лживыми и софистическими аргументами правоверных Христа, пребывающих в упомянутых краях и также внимающих вере, и привести их постыдным образом к этим неверным, из-за чего эти правоверные подверглись многим и различным поношениям. Недавно, однако, упомянутый Джакомо, придя в себя и также раскаявшись в совершенном, просил нас смиренно в желании снова воплотиться в единстве со святой церковью, от которой он был отрезан как гнилая часть тела, дабы мы соизволили открыть ему дверь милосердного прощения»⁶³.

⁶² То есть министра францисканской провинции Туский, откуда был родом раскаявшийся вероотступник.

⁶³ «Pro parte siquidem Iacobi de Pistorio, fratris tui ordinis eundem ordinem professi, nobis extitit intimatum, quod ipse Iacobus, qui tunc temporis cum aliis fratribus praefati ordinis in imperio Usbechi Tartarorum imperatoris, ut suam et aliorum infidelium illarum partium animas domino nostro Ihesu Christo lucrifaceret, morabatur et nunc etiam inibi commoratur, pro certis culpis tunc ab eo instinctu maligno commissis ob fragilitatem suae carnis eius spiritum superantis, ut evaderet ipsius ordinis disciplinam, in mortiferae desperationis abyssum corruit et se in Saracenorum easdem partes colentium transtulit potestatem et tanquam exominatus ex privatione nobilis intellectus et mentaliter occaecatus ritum ipsorum Saracenorum abominabilem et obscoenum assumpsit cultumque professus expresse fuit execratissimi Machometi et se more eorundem Saracenorum circumcidi fecit seu permisit, supradicta fide verissima

Католические миссионеры, таким образом, не чувствовали себя в безопасности в городах Золотой Орды, и, в частности, францисканцы Каффы считали «невозможным изложить коротко» в своем письме 1323 г., сколько братьев погибло «в своих местопребываниях и сожженных местопребываниях, и в других пытках, узниках и неволе»⁶⁴. Однако, согласно тому же посланию, францисканцы встречались с абсолютно противоположным обращением в степи и находили у кочевников более явное «проявление набожности», чем даже у христиан, поскольку, как поясняли францисканцы из Каффы, кочевники охотно давали миссионерам «еду, и пригодные для нас одеяния, которые у них имеются из конопли и льна, и некоторые, смешанные с отходами от шелка и сотканые с волосами коз»⁶⁵.

Содержание францисканских отчетов из Золотой Орды оставляет впечатление, что западные миссионеры чувствовали себя в бо льшей сохранности в степи, нежели в местных городах, и, кроме того, рассматривали проповедование евангелия среди кочевников наиболее перспективным направлением миссионерской деятельности. Так, францисканец Иоганка сообщал в 1320 г. генеральному министру своего ордена, что «желающим трудиться во имя Христа следование за лагерями тартар

publice abnegata; praefatus quoque Iacobus, qui antea satagebat infideles praedictos rationibus veracissimis superare et ad fidem convertere praelibatam, iacens in volutabro peccatorum, Christi fideles in dictis partibus existentes et ad eas etiam attendentes suis falsis et sophisticis argumentis confundere ac prosequi coram ipsis infidelibus dampnabiliter est molitus, ex quo fideles ipsi multas et diversas contumelias pertulerunt. Nuper autem praedictus Iacobus ad cor suum rediens et poenitens etiam de commissis a nobis fecit humiliter postulari, desiderans reincorporari sanctae ecclesiae unitati, de qua sicut membrum putridum est praecisus, ut sibi misericordiae indulgentiae aperire ianuam dignemur» [Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 5. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898, no. 1069, p. 573–574].

⁶⁴ «Quot eciam alii in suis locis, et locis combustis, et aliis cruciatibus, carceribus et vinculis et tandem sunt morti commodati, per alios breue non foret explicare» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 108].

⁶⁵ «sciatis quod maioris sepe deuocionis reperimus apparenciam in ipsis paganis quam nos in multis xristianis cum et victualia nobis libenter conferunt et indumenta nobis apta qualia ipsi possident de canabe et lino et quibusdam a serico relictis mixta ac pilis caparum texta» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 108].

приносит наивысший приплод душ»⁶⁶, а францисканцы Каффы, описывая тремя годами позже достижения своей ежедневной проповеди евангелия среди кочевников, упоминали успех одного безымянного германского францисканца, вырвавшего, по их словам, «93 идола (т.е. онгона. — Р. Х.) из рук язычников» и крестившего и наставившего в вере «все их семейства»:

«но у часто следующих за [кочующими] лагерями, из-за постоянного усердия в столь многих занятиях у нас нет времени отведать еды до сияния звезд на небе. И неудивительно, что в один выход⁶⁷ некий немецкий брат вырвал 93 идола из их рук, крестил все их семейства и наставил их в вере в настолько полной мере, насколько смог»⁶⁸.

По словам Джованни Элемозины, францисканцы учредили среди кочевников «пять подвижных местопребываний в шатрах, покрытых войлоком», и круглогодично проповедовали им христианство, крестили некрещеных и исполняли церковные таинства уже крещеным, «перевозя на повозках местопребывания, книги и утварь»:

«Среди этих тартар пастухи скота, меньшие братья святого Франциска, имеют пять подвижных местопребываний в шатрах, покрытых войлоком. И когда тартары передвигаются с места на место, перевозя на повозках местопребывания, книги и утварь, они проповедают тартарам, крестят их и исполняют верующим таинства»⁶⁹.

По словам францисканцев из Каффы, языковой барьер был одним из главных препятствий в развертывании апостолата среди кочевников. Несмотря на наличие и готовность местных переводчиков оказывать свою помощь миноритам, незнание кипчакского языка рядом миссионеров

⁶⁶ «pro nomine xristi laborare volentibus, castra Tartarorum sequendo, fructus est maximus animarum» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 66].

⁶⁷ То есть в ходе выезда в степь с целью проповедования евангелия среди кочевников.

⁶⁸ «set crebro castra sequentes ob diligenciam meram tante occupacionis gustare victum non vacat usque ad lucentes stellas. Nec mirum, cum exitu vno frater quidam almannus 93 paganorum ydola de eorum manibus surripuit et omnes familias baptizauit et in fide quo potuit plenius instruxit» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 107].

⁶⁹ «Inter istos Tartaros pastores gregum, fratres Minores Sancti Francisci habent quinque loca mobilia in papilionibus filtro coopertis, et cum Tartaris moventur de loco ad locum, in curribus portantes loca et libros et utensilia, qui Tartaris predicant et baptizant et administrant credentibus sacramenta» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 125].

(в особенности средиземноморского происхождения) препятствовало полноценному преподаванию христианской доктрины; хотя крымские миссионеры указывали также, что среди них были «некие венгерские братья, а также и некоторые немецкие и английские, которые в течение небольшого времени уже достаточно хорошо и сведуще изучили язык»:

«И вследствие чего они постоянно здесь ведут между собой войны с войсками и лагерями, где наши братья приносят наивысшую пользу, неустанно за ними следуя, ежедневно по множеству раз им проповедуя; также посредством всегда имеющихся наготове переводчиков с латыни [поступают] и те [братья], которые до сих пор не освоили того языка, и они мало преуспевают таким образом или в поучении на самом языке либо народном наречии. Однако среди нас есть некие венгерские братья, а также и некоторые немецкие и английские, которые в течение небольшого времени уже достаточно хорошо и сведуще изучили язык. Но французы и итальянцы вряд ли когда-нибудь смогут хорошо выучить этот язык, мы не знаем, чем воспрепятствованные»⁷⁰.

Очевидно, поэтому францисканец Иоганка призывал генерального министра своего ордена направлять в Золотую Орду братьев «в особенности из англичан, венгров и тевтонцев», которым легче было освоить язык местных кочевников:

«вашей осмотрительности, отец, следует позаботиться как можно быстрее предназначить для разных провинций и войск тартар годных братьев из различных и многих королевств, вдохновленных на это, и направить их сюда же, в особенности из англичан, венгров и тевтонцев, кто легче познают язык»⁷¹.

Как видно из этих отчетов, западные миссионеры прибывали в Золотую Орду без предварительной лингвистической подготовки и принимались за

⁷⁰ «Quare et ibi bella sunt continua mutue exercitus et castra, in quibus nostri summe prosunt, illos sequendo seditate, cotidie pluries predicando, etiam per semper promptos interpretes ex latino qui adhuc illam linguam non norunt, et parum refert sic in profectu vel in propria seu populari ydiomate doctrinare. Sunt tamen apud nos fratres quidam Hungari, aliqui etiam Teutonici et Anglici, qui infra modicum tempus bene satis et competenter iam linguam didicerunt. Set Gallici et Ytali vix vncquam linguam illam bene discunt, quo nescimus prepediti» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 109].

⁷¹ «conuenit vestre paternitati et prudencie prouidere, quo cicius valueritis, pro provinciis Tartarorum et exercitibus variis, de diuresis reingnis et multis, fratres ydoneos prouidere ad hoc inspiratos et ibidem destinare, de Anglicis, Hungaris et Teutonicis precipue, qui leuius linguam scient» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 67].

изучение кипчакского языка на месте. В частности, Пасхалий из Виттории, подробно описавший в 1338 г. свое путешествие из Испании в Золотую Орду, указывал, что прежде чем начать проповедовать католическую веру местным мусульманам и христианам, он потратил значительное время на изучение «куманского языка и уйгурской письменности», поскольку, по его словам, кипчакский язык и уйгурица широко использовались «в империях тартар, персов, халдеев, медийцев и Катая»:

«Я, конечно, хотел пойти с ними⁷², но, посоветовавшись, я захотел сначала научиться языку той земли. И благодатью Бога я изучил куманский язык и уйгурскую письменность, поскольку на деле эти язык и письменность широко используются во всех этих царствах, то есть в империях тартар, персов, халдеев, медийцев и Катая ... По этой причине, мои отцы⁷³, поскольку я знал язык благодатью Бога, я часто проповедовал без переводчика слово Божье как сарацинам, так и христианам — схизматикам и еретикам»⁷⁴.

Судя по описанию мученичества брата Иштвана из Надьварада в апреле 1334 г., францисканцы Сарая довольно свободно общались с местными «сарацинами» на их языке⁷⁵. Тем не менее не всем миссио-

⁷² С другими своими собратьями в Ургенч.

⁷³ Главы францисканского конвента и кустодии Виттории в Кастилии, которым адресовалось письмо.

⁷⁴ «Ego vero volebam secum ire, sed consilio habito, prius linguam terrae illius volui addiscere et per Dei gratiam didici linguam Camanicam et litteram Vinguricam, qua quidem lingua et littera utuntur communiter per omnia ista regna seu imperia Tartarorum, Persarum, Chaldaeorum, Medorum et Cathay ... Idcirco patres mei, ex quo scivi linguam per Dei gratiam, saepius praedicavi sine interprete verbum Dei tam Saracenis quam etiam Christianis schismaticis et haereticis» [Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897, p. 532–533].

⁷⁵ «Тогда брат Гийом из Аквитании сказал: “Может быть, он вас плохо понимает, но, если ему кто-нибудь говорил бы на его языке, он бы лучше ответил”. И тогда этот же брат Гийом, обратившись к брату Иштвану, сказал ему: “Почему ты им не отвечаешь?” Он же, узнав голос, взглянул на него, стоящего у ворот, и на гвардиана, стоявшего совсем рядом с ним. И тогда брат Иштван ответил сарацинам: “Зачем вы меня допрашиваете? Я сказал вашим старшим, что вы прокляты вместе с вашим неверным Магометом и что закон ваш лживый, и только закон христиан даст своим приверженцам спасение» («Tunc frater Gulielmus de Aquitania dixit: “Forte non vos bene intelligit, sed si quis sibi in lingua propria loqueretur, melius responderet”. Et tunc idem frater Gulielmus conversus ad fratrem Stephanum dixit sibi: “Quare non respondes eis?” Ille vero vocem intelligens respexit eum iuxta portam existentem et Guardianum magis sibi propinquum. Et tunc frater Stephanus respondit Saracenis: “Quid me interrogatis? Ego maioribus vestris dixi, quod estis damnati cum vestro iniquo Machometo et quod lex vestra est falsa et sola lex Christianorum suis observatoribus dat salutem”» [Analecta

нерам удавалось освоить местный язык, и францисканцы Каффы указывали в 1323 г. на более эффективный способ преодоления препятствий в общении с местными кочевниками, состоявший в покупке местных мальчиков, «выставленных на продажу», для того чтобы «образовать из них духовников». Данная мера, несомненно, должна была в то же время частично решить и крайне актуальную проблему нехватки персонала. И действительно, крымские минориты указывали в том же письме, что многие из этих обученных мальчиков стали «братьями и превосходными проповедниками», поскольку они знали местный язык лучше, чем миссионеры с Запада⁷⁶.

Возможно, что определенный успех, которого католические миссионеры добились среди части кочевников Золотой Орды, был обусловлен тем, что эти кочевники исповедовали христианство до появления среди них миссионеров с Запада. Во всяком случае брат Иоганка объяснял благоволение «тартар, судей баскардов» (на территории современной Башкирии) тем фактом, что они были «исполнены ересью несториан» и с радостью приняли веру францисканских проповедников, поскольку сами они, очевидно, были лишены компетентного клира⁷⁷.

Вполне возможно, что теплый прием, оказанный францисканцам кочевниками, был непосредственно связан с тем, что католические миссионеры восполнили нехватку несторианского клира для освящения жизненно важных ритуалов местных христианских общин. Так, Джованни Элемозина указывал в своей «Книге многочисленных историй», что меньшие братья с самого начала своего появления в улусе Джучи стали освящать браки мест-

Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897, p. 521).

⁷⁶ «Cotidie multos baptizamus atque confirmamus ac de elemosinis datis pueros emimus venales sexus vtriusque, et in fide ac literis leniter instruimus, et masculos clericos facimus, quorum aliqui sunt modo fratres et optimi conuersores, ut pote linguam scientes et nos illam addiscentes» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 109].

⁷⁷ «И там были тартары, судьи баскардов, которые, хоть и не были крещены, были, однако, исполнены ересью несториан. После того как мы проповедовали им нашу веру, они с радостью ее приняли» («Et ibi erant Tartari iudices Baschardorum, qui licet baptizati non essent, heresi tamen nestorianorum inbuti, cum eis fidem nostram predicaremus, cum gaudio susceperunt» [Bibl M., Moule A.C. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 67]).

ных кочевников, способствуя заметному росту «набожности среди тартар»⁷⁸. И в своей более ранней «Книге историй святой Римской церкви» он уточнял, что францисканцам приходилось освящать множество свадеб «по множеству раз в день», но в особенности свадьбы тех, «кто стали христианами»:

«Когда они устраивают свадьбы, справляют большие праздники и пиршества. И поэтому меньшим братьям, среди них пребывающим, часто нужно идти на эти свадьбы и есть вместе с ними, иногда по множеству раз в день на множестве свадеб; в особенности на свадьбы тех, кто стали христианами, чьих жениха и невест братья благословляют»⁷⁹.

Как бы то ни было, следствием тесного общения европейских миссионеров с кочевниками являются ценные, хоть и фрагментарные сведения о повседневной жизни последних, сохранившиеся в отчетах францисканцев. Так, письмо францисканцев Каффы 1323 г. сообщает некоторые подробности о их питании и, в частности, то, что местные кочевники не пекли хлеб, а готовили «тщательным толчением и смешанным с яйцами и подобным». Помимо упоминания медовухи, приготовляемой смешением «воды, проса и разных фруктов», францисканцы дают относительно подробное описание изготовления кумыса, называя его «напитком благотворным, вкусным и весьма живительным, почти как вино вернача»:

«Но чтобы угодить не совсем напрасному любопытству некоторых, дабы они знали о конечной цели пути; знайте, что земля, где мы пребываем, пригодна для пастбищ и болотистая, и обильна мясом и рыбой. Она, хоть и пригодна для земледелия, возделывается только наполовину. Отчего здесь немного земли, на которой выращивают зерновые. Хлеб здесь, однако, приготовленный тщательным толчением и смешанный с яйцами и подоб-

⁷⁸ «И поскольку эти братья с самого начала стали благословлять жениха, невесту и свадьбы и, по примеру нашего спасителя, есть с ними, по этой причине настолько стала расти эта набожность среди тартар, что братьям часто нужно благословлять свадьбы и есть с ними» («Et quia ipsi fratres a principio sponsum et sponsam et nuptias benedicere ceperunt, et exemplo Salvatoris nostri cum eis manducare, ideo tantum inolevit ista devotio inter Tartaros, ut fratres oporteat sepius nuptias benedicere et cum eis manducare» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 125]).

⁷⁹ «Quando faciunt nuptias, celebrant magna festa et convivia. Et propterea oportet fratres Minores, qui inter eos morantur, ad nuptias sepius ire et comedere cum eis, aliquando pluries in die in pluribus nuptiis, et maxime illorum qui facti sunt christiani, quorum sponsum et sponsas benedicunt fratres» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 107].

ным, очень питателен. Вина здесь привозные из Италии, Греции и земли обетованной, но их мало из собственной земли по причине сурового климата области. Но местные жители потребляют некие смеси из воды, проса и разных фруктов, наподобие пива или медовухи, но в особенности из смеси молока коров, овец, коз, косуль, оленей, здесь одомашненных, буйволов и прежде всего ослов и кобыл. Но сначала его вспенивают, и подмешиванием некоторых измельченных семян получается напиток благотворный, вкусный и весьма живительный, почти как вино верначча»⁸⁰.

В отношении одежды, которую носили кочевники, этот же францисканский отчет сообщал, что католические миссионеры получали в качестве милостыни «одеяния, которые у них имеются из конопли и льна, и некоторые, смешанные с отходами от шелка и сотканные с волосами коз». Но сами кочевники, по словам францисканцев, носили знаменитые «шелковые тартарские ткани», весьма ценившиеся в Европе, но имевшие «незначительную ценность» в Золотой Орде:

«Знайте, что мы часто находили проявление большей набожности у самих язычников, чем у христиан, поскольку они охотно давали нам и еду, и пригодные для нас одеяния, которые у них имеются из конопли и льна, и некоторые, смешанные с отходами от шелка и сотканные с волосами коз. Но сами они одеты в шелковые ткани, шитые золотом, которые мы зовем тартарскими тканями и которые, хоть среди вас являются ценнейшими, у нас, однако, незначительной ценности, которые носят с разной пушиной из ценных мехов»⁸¹.

⁸⁰ «Vt autem curiositati quorundam non penitus vane, qua sciant terminos vie, placeamus; sciatis quod ubi sumus, est terra pascuosa et paludosa, carnibus et piscibus fecunda, semiculta, licet culture apta, vnde non multum bladosa; ibi tamen panis [cum] bone pynsacionis et parature cum ouis mixtus et similiter multum nutritiens. Ibi vina sunt aduenticia de Ytalia, Grecia et terra promissionis, set pauca de terra propria propter regionis severa clymata. Set terre communitas quibusdam utitur confecturis ex aqua blado et fructibus variis ad modum ceruisie uel medonis, et precipue ex lactibus mixtis vaccarum, ouium, carparum, capriolarum, ceruarum ibi domesticarum, bubalorum et potissime asinarum et iumentorum; set primitus expumantur et admixtura seminum quorundam tritorum efficitur potus sanus et sapidus ac multum resumptius, vt quasi vinum vernacinum» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 110].

⁸¹ «sciatis quod maioris sepe deuocionis reperimus apparenciam in ipsis paganis quam nos in multis xristianis cum et victualia nobis libenter conferunt et indumenta nobis apta qualia ipsi possident de canabe et lino et quibusdam a serico relictis mixta ac pilis caparum texta, set ipsimet pannis sericis et aurifrigiatis, quales nos vocamus pannos Tartarorum, qui licet apud vos sint presiosissimi, apud nos tamen valoris exigui, quod cum pelliceis variis ex preciosis pellibus sunt induti» [Moule A.C. Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 108].

Папа Иннокентий IV посылает доминиканцев и францисканцев к татарам.
Средневековая миниатюра

Очевидно, в последнем случае францисканцы Каффы допускали определенное искажение реальности в отношении низкой цены на дорогостоящие парчовые ткани в Золотой Орде. Вероятно, крымские минориты пытались таким образом представить в еще более выгодном свете условия пребывания в улусе Джучи, чтобы еще более мотивировать прибытие своих собратьев по ордену из Европы. Однако Джованни Элемозина опровергает утверждение францисканцев Каффы в своей «Книге историй святой Римской церкви» и ясно дает понять, что в Золотой Орде «шелковые ткани, шитые золотом и утепленные мехами лис и белок, и горностаев, и соболей» были уделом «знати и достаточно для того богатых»⁸². Умбрийский минорит прибавляет к этому короткое описание устройства жилищ кочевников, их повседневных занятий и питания вместе с утверждением, что кочевнические женщины были «в наивысшей степени верны своим мужьям и очень трудолюбивы»:

«И поэтому тартары постоянно задерживаются на тех равнинах, где они находят лучшие пастбища. И они делают дома из толстых и отполированных шестов и покрывают их изрядно уплотненным войлоком; и эти дома — переносные. И есть у них телеги с колесами, на которых они перевозят домашнюю утварь и слабых домочадцев. Мужья заняты охотой и вой-

⁸² «Nobiles et divites tantum vestiuntur pannis sericis, et auratis, foderatis pellibus vulpium et variorum, et armelinorum et gamberlinorum» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 107].

ной, а жены делают все, что делается по дому. Они едят любое мясо, кроме человеческого. И пьют молоко выючных животных. Заботятся о себе хорошо и чутко и строго следят за тем, чтобы ни один из них не обижал другого или причинял вреда собственным женам или дочерям. Их женщины в наивысшей степени верны своим мужьям и очень трудолюбивы. Они имеют столько жен, сколько могут содержать, но первая является госпожой»⁸³.

Кроме того, повествование Джованни Элемозины представляет собой особый интерес в связи с содержащимся в нем описанием правосудия среди кочевников улуса Джучи. Так, среди множества других интересных подробностей брат Джованни утверждает, что смертный приговор, выносимый в Золотой Орде за убийство или воровство лошадей, исполнялся расчленением живота преступника, «там, где пупок»:

«Они вершат правосудие таким образом. Убийца никак не может искупиться, но его убивают. Угрожающий другому [смертью] ... чтобы он ударил (?), теряет руку. За нанесение ранения получает такое же ранение от его получившего. За небольшое воровство вор получает в суде 7 ударов палкой, и чем больше воровство, тем более увеличивается число ударов. Однако при воровстве лошади или ... вора убивают. Однако, если он хочет отдать украденное, прибавив другого столько же, сколько он украл, его отпускают. Умерщвляемого рассекают посередине, там, где пупок. Они, как видно, следуют натуральному праву, согласно тому, как говорит апостол: “Ибо когда язычники, не имеющие закона, по природе законное делают”»⁸⁴.

⁸³ «Et propterea Tartari semper morantur in campestribus ubicumque inveniunt pascua meliora. Et faciunt domos de perticis rotundis politis, et cooperiunt filtro bene condempato, et sunt portatiles. Et habent careptas cum rotis, ubi portant superlectiles et familiam debilem. Viri occupantur in venationibus et preliis, et uxores faciunt omnia facta domus. Omnem carnem comedunt preter quam humanam. Et bibunt lac yumentorum. Cavent sibi bene et sollicite, et custodiunt ne unus offendat alium, vel iniuriam faciat uxoribus et filiabus propriis. Femine eorum sunt fidelissime viris suis et bene industrie. Tot habent uxores, quot possunt regere, sed prima est domina» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 107].

⁸⁴ «Iustitiam servant ita. Homicida nunquam potest redimi, sed occiditur. Minans alteri [mortem] ... d... ut percutiat, manum perdit. Pro vulnere illato, vulnus simile recipit a percusso. Pro levibus furtis, recipit fur vii percussiones cum baculo a curia, et sicut furtum maius, ita percussiones multiplicantur. Si autem furatur equum, vel rempre tiosam, occiditur fur. Si autem velit reddere, novo addens tantum quantum rapuerat, liberatur. Occidendus, per medium scinditur per umbilicum. Isti videntur servare quasi legem nature, sicut dicit Apostolus: Cum enim gentes que legem non habent, naturaliter ea que legis sunt faciunt» [Golubovich G. Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913, p. 107].

Суммируя это описание латинских источников о деятельности западных миссионеров в Золотой Орде, следует констатировать несомненную ценность их сведений о контактах папской курии с джучидскими правителями, как и о взаимоотношениях францисканцев с мусульманскими резидентами в городах Золотой Орды и кочевниками в ее степных регионах. Очевидно, что латинские источники, отображающие обстоятельства этих контактов и взаимоотношений, не предоставляют той подробной информации о внутренней политической жизни Золотой Орды, которую содержат ориентальные источники. Тем не менее сведения этих источников, написанных внутри Золотой Орды или на основе синхронных отчетов францисканцев, отображают условия повседневной жизни в улусе Джучи и религиозную политику его правителей, которым не было уделено внимание во «внешних» источниках — сочинениях персидских и мамлюкских (египетских) хронистов.

REFERENCES

1. *Antonin, arhimandrit (Kapustin). Zametki XII–XV veka, otnosyashchiesya k krymskomu gorodu Sugdee (Sudaku), pripisannye na grecheskom Sinaksare* [Notes of the 12th–15th centuries Related to the Crimean Town of Sugdeya (Sudak) Added to the Greek Synaxarion]. Zapiski Odesskogo obshchestva istorii i drevnostej. Tom 5 [Notes of the Odessa Society of History and Antiquities. Vol. 5]. Odessa: city printing house, 1863, p. 595–624.
2. *Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus III. Chronica XXIV Generalium Ordinis Minorum cum pluribus appendicibus inter quas excellit hucusque ineditus Liber de laudibus S. Francisci fr. Bernardi a Bessa edita a patribus Collegii S. Bonaventurae. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1897. XXVII, 748 p.*
3. *Analecta Franciscana: sive chronica aliaque varia documenta ad historiam fratrum minorum spectantia. Tomus IV. De conformitate vitae Beati Francisci ad vitam Domini Iesu auctore Fr Bartholomaeo de Pisa. Liber 1, Fructus I–XII. Firenze, Quaracchi: Collegii S. Bonaventurae, 1906. XXXV, 668 p.*
4. *Bihl Michael, Moule Arthur Christopher. Tria nova documenta de missionibus Fr. Min. Tartariae Aquilonaris annorum 1314–1322. Archivum Franciscanum Historicum. No. 17. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1924, p. 55–71.*
5. *Brătianu Georghe Ioan. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noir au XIIIe siècle. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1929. XII, 359 p.*
6. *Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 5. Benedicti XI., Clementis V., Ioannis XXII. monumenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1898. XLII, 643 p.*
7. *Bullarium Franciscanum: Sive Romanorum pontificum constitutiones, epistolae, diplomata tribus ordinibus Minorum, Clarissarum, Poenitentium ... a sancto Francisco institutis ab eorum originibus ad nostra usque tempora concessa. Tomus 6. Benedicti XII., Clementis VI., Innocenti VI., Urbani V.,*

- Gregorii XI documenta. Eubel, Conrad (ed.). Romae: Typis Sacrae Congregationis de Propaganda Fide, 1902. liv + 687 p.
8. Caesaris S.R.E. Card. Baronii Annales ecclesiastici. Tomus XXIV. 1313–1333. Rinaldi, Odorico; Laderchi, Giacomo (eds.). Barri–Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: Ex typis Consociationis Sancti Pauli, 1880. VI, 540 p.
9. Chronica Iohannis Vitodurani [Die Chronik Johannis von Winterthur]. Baethgen, Friedrich; Brun, Carl (eds.). Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1924. xxxvii + 332 p.
10. Compendium Chronicarum Fratrum Minorum scriptum a patre Mariano de Florentia. Archivum Franciscanum Historicum. No. 2/4. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1909, p. 626–641.
11. *DeWeese Devin A.* Islamization and Native Religion in the Golden Horde. Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition. University Park, PA: Pennsylvania State University Press, 1994. XVII, 638 p.
12. Fragmenta Minora. Catalogus Sanctorum Fratrum Minorum. Quem scriptum circa 1335 edidit notisque illustravit fr. Leonardus Lemmens O.F.M. Romae: typis Sallustianis, 1903. XVI, 54 p.
13. *Golubovich Girolamo.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. I. Il secolo decimoterzo (1215–1300). Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1906. VII, 479 p.
14. *Golubovich Girolamo.* Biblioteca bio-bibliografica della Terra santa e dell'Oriente francescano. Vol. II. Addenda al sec. XIII e fonti pel sec. XIV. Quaracchi, Firenze: Collegio di S. Bonaventura, 1913. IV, 641 p. *Hamidova CH.I. Rashid ad-din. SHuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (2)* [Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and the Turks (2)]. Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review]. T. 4. № 4. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Scinces, 2016. P. 868–880.
15. *Hamidova CH.I. Rashid ad-din. SHuab-i pandzhgana. 2. Mongoly i tyurki (2)* [Rashid al-Din. Shu'ab-i Panjganah. 2. The Mongols and the Turks (2)]. Zolotoordynskoe obozrenie [Golden Horde Review]. T. 4. № 4. Kazan: Sh. Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Scinces, 2016. P. 868–880.
16. *Jackson Peter.* The Mongols and the West, 1221–1410. Harlow, UK, Pearson Longman Publishing, 2005. XXXIV, 414 p.
17. *Moule Arthur Christopher.* Textus duarum epistolarum Fr. Minorum Tartarie Aquilonaris an. 1323. Archivum Franciscanum Historicum. No. 16/1–2. Quaracchi, Firenze: Collegio S. Bonaventura, 1923, p. 104–112.
18. *Pelliot Paul.* Notes sur l'histoire de la Horde d'Or: suivies de quelques noms turcs d'hommes et de peuples finissant en «ar». Ouvres posthumes de Paul

- Pelliot publiées sous les auspices de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres et avec le concours du Centre National de la Recherche Scientifique. Vol. II. Paris: Librairie d'Amérique et d'Orient, Adrien Maisonneuve, 1949. 292 p.
19. *Richard Jean*. La Papauté et les missions d'Orient au Moyen Age (XIIIe–XVe siècles). Rome: École Française de Rome, 1998. XXXIV, 331 p.
 20. *Richard Jean*. Missions to the North of the Black Sea: Thirteenth and Fourteenth Centuries. The Spiritual Expansion of Medieval Latin Christendom: The Asia Missions. Ryan, James D. (ed.). Farnham: Ashgate Publishing, 2013, p. 343–356.
 21. *Starzer A., Redlich O.* (eds.). Eine Wiener Briefsammlung zur Geschichte des Deutschen Reiches und der österreichischen Länder in der zweiten Hälfte des XIII. Jahrhunderts. Mittheilungen aus dem vaticanischen Archive. Vol. II. Wien: In Commission bei F. Tempsky, 1894. LV, 422 s.
 22. The Travels of Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354. Vol. II. Gibb, Hamilton Alexander Rosskeen (tr.). Cambridge: Published for the Hakluyt Society at the University Press, 1959. XII, 266 p.

Ключевые слова:

взаимоотношения между Монгольской империей и средневековой Европой, история Золотой Орды, католическое миссионерство на средневековом Востоке, францисканский апостолат среди кочевников, средневековые миссионерские источники, папские буллы.

Roman Hautala

LATIN SOURCES ON THE MISSIONARY ACTIVITY OF THE FRANCISCANS IN THE GOLDEN HORDE DURING THE REIGN OF KHAN UZBEK (1313–1341)

The author of this article examines the details of the interaction between the heterogeneous population of the Golden Horde and Catholic missionaries who aimed their most intense activity at converting local nomads to Christianity during the reign of Uzbek Khan (1313–1341). The details of this contact come to light by analyzing the little-known missionary reports from the Golden Horde as well as Papal letters to its rulers, and narratives of the Franciscan chroniclers in Europe who received information about the development of missionary work in Jochid ulus from their fellows in the East. These, for the most part, synchronous sources point to a continuation of the policy of religious tolerance which was traditional for Chinggisids even during the apparent strengthening of Islam in the Golden Horde. Uzbek Khan's tolerance earned praise from the Avignon curia and promoted active diplomatic relations with Pope John XXII and his successor Benedict XII. A more important consequence of the Golden Horde khan's favor of Christians was an intensification of missionary activity in his domains leading to close contacts between the Franciscans and the local population, which are reflected in the Latin sources considered in this study. These sources, hitherto known only to a narrow circle of specialists in the history of Catholic missionary work in the Middle Ages, contain valuable information about the circumstances of this contact and deserve a detailed analysis by researchers of Golden Horde history since, in contrast to "external" Persian and Arab chronicles (undoubtedly containing important information about internal policy of Uzbek Khan), missionary sources reflect the views "from within" the Jochid ulus and contain information about the daily life of its inhabitants.

Keywords: relations between the Mongol Empire and Latin Christendom, Golden Horde history, Catholic missionary work in the medieval East, Franciscan apostolate among nomads, medieval missionary sources, Papal bulls.

Roman Hautala – Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Sh.Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation); Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu.

 Роман Хаутала

Ph.D. (история), старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу.

«ВЕЛИКИЙ ОКТЯБРЬ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА»:

обсуждение работы и планов
Научного совета АН СССР (1989 г.)

Во второй половине 1950-х гг. в целях координации работы в Академии наук СССР были созданы различные научные советы, в том числе — по ряду проблем всемирной и отечественной истории. Один из них, Научный совет по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» (председатель — академик И.И. Минц), был образован в конце 1957 г. Основные функции и задачи Совета состояли в подведении итогов изучения истории этой революции в СССР и за рубежом; в координации деятельности как научных институтов и кафедр, так и отдельных ученых, в выявлении актуальных, слабо разработанных или совсем не изученных проблем. В задачи Совета входило объединение усилий ученых для создания коллективных так называемых обобщающих трудов.

Начавшаяся в 1985 г. «перестройка» в СССР поставила их перед новыми проблемами. Ситуация в Совете стала принципиально меняться после того, как 15 сентября 1988 г. Бюро Отделения истории АН СССР назначило председателем Совета П.В. Волобуева. Изменились состав Совета и его организационная деятельность. К концу 1988 г. была подготовлена Комплексная программа исследований до 2000 г., которая отражала стремление отойти

от традиционных представлений и побудить историков показать без искажений жизнь страны во время революции и гражданской войны, обновить исследовательскую тематику. О том, как в Совете проходило обсуждение изменившейся общественно-политической обстановки и ее воздействия на ситуацию в исторической науке, можно судить по впервые публикуемой стенограмме Годичного собрания Совета, которое состоялось 25–26 апреля 1989 г. в стенах Института истории СССР АН СССР в Москве.

Публикуемая ниже стенограмма этого заседания хранится в архиве Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций — преемника прежнего Совета в изучении соответствующих проблем. В подготовке данного источника к публикации принял участие член Бюро этого Совета к.и.н. В.В. Поликарпов. Работа академического Совета, начатая в 1957 г., продолжается.

Стенограмма

Годичного собрания Научного совета АН СССР

«История Великой Октябрьской социалистической революции»

25 апреля 1989 г.

Председатель — П.В. Волобуев¹.

П.В. Волобуев: Товарищи! Позвольте приветствовать всех участников очередного Годичного собрания Научного совета по истории Великой Октябрьской социалистической революции. Как известно, традиционно в течение деятельности Совета ежегодно, через год-два, проводились пленарные заседания, на которых подводились итоги деятельности Научного совета за отчетный период, определялась и ближайшая перспектива, а также традиционной являлась постановка научных докладов по актуальным проблемам. Этой традиции мы будем следовать и сегодня. Я думаю, что все присутствующие здесь отдают себе отчет, что наша работа сегодняшнего Годичного собрания и вообще историков, специалистов по Октябрьской революции и гражданской войне, проходит в особых условиях, предъявля-

¹ Павел Васильевич Волобуев (1923–1997) — доктор исторических наук, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «Исторический опыт Великого Октября», в 1988–1997 гг. председатель Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции» (с 1991 г. получившего название «История революций в России»), в январе 1999 г. последний вошел в созданный тогда Научный совет РАН по истории социальных реформ, движений и революций, который возглавил академик Г.Н. Севостьянов.

ющих к нам повышенные требования. Эти условия определяются двумя моментами.

Первый — это продолжающийся вот уже четвертый год рост интереса к отечественной истории и истории Октябрьской революции и гражданской войны. Это можно только приветствовать. В порядке самокритики (завтра мы будем говорить об этом больше) можно сказать, что мы не успеваем за этим растущим интересом широкой общественности к отечественной истории, к узловым ее проблемам. И не успеваем, в частности, за исторической публицистикой, хотя некоторые из нас в ней принимают активное участие.

Вторая особенность переживаемого нами момента заключается в том, что вместо старых, низвергаемых мифов, легенд и стереотипов очень быстро рождаются новые мифы. Мифологизация нашей революции идет довольно быстрыми темпами.

Новые стереотипы столь же далеки от исторической правды, как и те, которые отвергнуты. Ко мне все время обращаются товарищи с вопросами, предложениями: почему вы не даете отпор? Что можно сказать? Конечно, эти требования звучат на языке недавнего прошлого времени. Все-таки нам надо отказываться и от таких понятий. Но то, что мы обязаны вести полемику с ошибочными взглядами, — это бесспорно.

У нас есть только одно оружие, которым мы располагаем, — это оружие правды. Я не открою вам большого секрета, что в выступлениях некоторых публицистов и Октябрьская революция, и герои гражданской войны предстают не иначе как со знаком минус. И если обращение к исторической правде где нужно, то именно здесь, но эта историческая правда, конечно, должна пониматься как многомерное явление, а не так, как мы ее толковали и преподносили раньше, поэтому она и оказалась скомпрометированной.

Третий момент, который бы мне хотелось отметить: все-таки мы, историки, не бездействовали все это время и определили, по крайней мере, свои ближайшие задачи. В октябре мы провели «круглый стол» по проблемам Октябрьской революции. Материалы его изданы в невиданные для издательства «Наука» сроки. Не знаю, сумеем ли мы их сегодня-завтра получить, но, во всяком случае, в ближайшее время они появятся в магазинах.

В этом издании налицо широкий плюрализм мнений, различные подходы, в том числе новаторские, и стремление наметить перспективы. Исследовательская программа, которая разработана Научным советом, учитывает соображения, высказанные на этом «круглом столе». Она нуждается

ся в дальнейшей доводке. Присутствующие товарищи еще выскажутся по этой программе.

Как и раньше, наша работа будет складываться из двух компонентов. В первый день, сегодня, мы заслушаем научные доклады и обсудим их. Завтрашний день предполагается посвятить обсуждению научно-организационных вопросов. Будет заслушан доклад или сообщение об итогах работы Научного совета за отчетный период, а затем сообщения руководителей и представителей региональных и республиканских секций, затем обменяемся мнениями по проблемам дальнейшего совершенствования нашей работы. Такой порядок, наверное, не вызовет возражений. Если так, то позвольте открыть наше пленарное заседание.

Мы сегодня включили в повестку дня четыре доклада: доклад Ю.И. Кораблева² «К вопросу о причинах и характере гражданской войны 1918–1920 гг.», доклад В.И. Старцева³ «Вопросы истории Октябрьской революции», В.П. Булдакова⁴ «Октябрьская революция и современность: кризис исторического сознания и пути его преодоления», Ю.П. Шарапова⁵ «О дате приезда В.И. Ленина из Выборга в Петроград в 1917 г.»

Второй доклад сегодня снимается. У Старцева случилось семейное несчастье, он не сможет сегодня выступить. При первом же удобном случае он сделает этот, безусловно, интересный доклад, а сегодня мы заслушаем только три доклада.

Порядок работы: с 10 до 14 часов, затем до 16 часов — перерыв, и с 16 до 18 часов — обсуждение научных докладов. Что касается регламента для докладов, то докладчики должны будут уложиться в 40–45 минут.

Ю.И. Кораблев: Уважаемые товарищи! Вряд ли кто из историков мог предполагать, что такие, казалось бы, ясные для нас вопросы, как причины гражданской войны, ее характер, станут предметом острой постановки и обсуждения в нашей публицистике.

Историческая публицистика дает толчок и исторической мысли, и деятельности историков. Но вместе с тем мы и критикуем многих публици-

² Юрий Иванович Кораблев (1918–1996) — доктор исторических наук, МГПИ им. В.И. Ленина, заместитель председателя Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

³ Виталий Иванович Старцев (1931–2000) — доктор исторических наук, Ленинградский педагогический институт им. А.И. Герцена, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

⁴ Владимир Прохорович Булдаков (р. 1944) — кандидат исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

⁵ Юрий Павлович Шаронов (1920–2005) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

стов и за дилетантизм, и за часто проявляющееся неуважение к документам и фактам, за популяризацию отнюдь не научных и несостоятельных версий и т.д. Вместе с тем, повторю, мы не можем не признать, что именно публицистика вытаскивала на свет божий ряд вопросов, к которым историки раньше не решались подступиться.

В самом деле, именно в публицистике поставлен вопрос об осмыслении гражданской войны не только как периода сплошной героики, но и страшной трагедии народа, как братоубийственной войны и о последствиях этой войны не только в экономике, но и в политике, в практике, в стиле руководства, работы партийных и советских работников. Поднят вопрос о виновниках гражданской войны, о причинах ее особенно кровопролитного характера, о продразверстке, о военном коммунизме и т.д.

Многие публицисты ищут в этом периоде причины невероятнейших деформаций, которые имели место, корни массового сталинского террора в период коллективизации и в 30-е годы, и т. д. Другой вопрос, насколько основательны и правомерны аналогии и прямые связи, которые тут проводят публицисты. С ними нужно спорить. Историки и спорят. Правда, надо сказать, спорят еще очень мало, мало их поправляют. Но, повторяю, публицистика обнажила ряд болевых точек. И дело историков давать квалифицированные ответы на эти поставленные вопросы.

Можем ли мы научные, убедительные ответы дать теперь? Мне кажется, мы еще не готовы, потому что ряд проблем, таких, например, как красный террор, крестьянские восстания (не только кулацкие бунты, но и крестьянские восстания) в 1918–1919 гг., практика леваков в деревне, на Дону особенно, являлся запретной зоной. Если отдельным специалистам и давали ознакомиться с документами, то всегда без права публикации.

Что же касается вопроса о причинах и характере гражданской войны, то нам со времен «Краткого курса» (говоря «нам», я имею в виду основную массу историков) эти вопросы представлялись настолько ясными, что считалось, в общем-то, излишним их разъяснять и что-либо доказывать. Я сейчас не могу назвать специальной монографии или работы, посвященной именно этим проблемам. Есть четкие марксистские понятия классовой сущности гражданской войны. Есть высказывания Ленина о причинах и виновниках гражданской войны, которыми мы оперировали. От этих определений, оценок мы не отказываемся и теперь. Они не устарели, но безнадежно устарел наш «цитатный» метод доказательств и полемики. Конечно, мы еще больше будем обращаться к Ленину. Но не только за отдельными цитатами, как раньше, а с целью усвоения глубины и широты ленинских идей, методологии изучения истории революции и гражданской войны.

Раскрывая и защищая сейчас ленинскую концепцию революции и гражданской войны, восстанавливая правду о них, мы обязаны заново разобраться в причинах гражданской войны, ответить на вопрос, который ставится довольно часто: возможно ли было ее предотвратить, например, отказом от роспуска Учредительного собрания?

Бушуют страсти вокруг такого явления, как террор в гражданской войне. Причем в статьях, касавшихся этой темы, как правило, ни слова, или, скажем, почти ни слова не сказано о белом терроре, а все эмоции только в адрес красного террора. Журналист Е. Лосев в журнале «Москва» пишет, что красный террор прошел как смерч по всей России. Эти слова повторил В. Пикуль в беседе с корреспондентом «Нашего современника».

Активное вмешательство историков гражданской войны еще более, чем раньше, требуют и персоналии. В последнее время часто приводятся имена Троцкого, Сталина, Свердлова, Думенко, Миронова и некоторых других. Причем в оценке этих лиц нередко имеет место предвзятость, одни легенды заменяются другими, правда заменяется или полуправдой, или просто неправдой. Например, историки, доктора наук, Яковлев⁶ (Москва) и Осадчий⁷ (Краснодар) поддержали легенду о Троцком, пущенную в ход писателем Знаменским, заключающуюся в том, что в годы гражданской войны (может быть, я немножко огрубляю, но суть верная) действовал как главарь масонской клики, ставившей целью захват власти. Подтверждая авторитетом историков, мягко говоря, антинаучную, с очень нехорошим душком версию, Осадчий пишет, что именно Троцкий, его фракция, «когорта славных», как он пишет, принесли неисчислимые беды трудовому народу и трудовому казачеству, и что якобы только опасение, что казачество отвергнет диктаторский план (план именно масонского характера), побудило Троцкого и его подручных прибегнуть к экстремистской акции. И эта чушь распространяется тиражом в 3 миллиона экземпляров. Эту чушь освящают историки своими рецензиями, послесловиями к этому роману. Надо ставить более открыто и решительно вопрос об ответственности историков, представляющих читателю тот или иной роман.

Меня очень огорчил субъективизм в отношении Троцкого со стороны такого серьезного, уважаемого ученого, как И.В. Бестужев-Лада. Его книжку «История твоих родителей» выпустили тиражом полмиллиона экзем-

⁶ Николай Николаевич Яковлев (1927–1996) — доктор исторических наук, Институт социально-политических исследований АН СССР, МГИМО.

⁷ Иван Павлович Осадчий (р. 1927) — доктор исторических наук, Кубанский государственный университет.

пляров. Он там пугает детей и вместе с тем родителей образом Троцкого, используя исключительно черную краску. Если верить ему, то Троцкий был исключительно злобен, мстителен, унижал и оскорблял каждого, кто осмелился противоречить ему, стремился подчинить своему диктату всех членов Политбюро, был политическим авантюристом и т.д. В качестве примера злобности Троцкого в брошюре приводится драматическая судьба Ф.К. Миронова. В представлении Бестужева-Лады Троцкий мстил Миронову за то, что тот обвинил его в политическом авантюризме. Между тем документы Политбюро, которые имеются в распоряжении историков и моем распоряжении, говорят о другом.

Я знаю только одну статью Ю.А. Полякова⁸ «В кроссовках по истории»⁹, которая прямо отмечает разные несуразности публицистов; интервью в «Советской культуре» П.В. Волобуева и еще нескольких товарищей. Но у нас или не хватает времени большей частью или по другим соображениям.

Позвольте теперь обратиться к вопросу о причинах гражданской войны в России. Но прежде надо поставить другой вопрос общетеоретического характера, а именно: является ли гражданская война неизбежным спутником социалистической революции, есть ли это закономерность классовой борьбы?

Во второй половине 1970-х гг. — начале 1980-х этот вопрос стал у нас предметом полемики, в которой участвовали видные историки гражданской войны. Как мне помнится, В.Д. Поликарпов¹⁰ отстаивал точку зрения о гражданской войне, как неизбежном явлении в условиях 1917–1918 гг. России, как продолжении и развитии Октябрьской революции в вооруженной форме. Оппоненты обвиняли его за абсолютизацию гражданской войны, за то, что он считает ее якобы закономерностью социалистической революции. Причем в этой полемике, как мне кажется, понятие «неизбежность» классифицировалось как «закономерность», а закономерность как фатальная предопределенность. Но марксизм, как известно, считает, что закономерность присуща деятельности людей, что люди историю творят сами, опираясь на предпосылки, на предшествующий опыт, что общественная закономерность определяет основную линию развития, но не предо-

⁸ Юрий Александрович Поляков (1921–2012) — председатель Научного совета АН СССР по исторической демографии и исторической географии, Институт истории СССР АН СССР.

⁹ Поляков Ю. В кроссовках по истории // Неделя. 1989. Март. № 10.

¹⁰ Василий Дмитриевич Поликарпов (1918–2008) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

Статья председателя Научного совета АН СССР «История Великой Октябрьской социалистической революции» члена-корреспондента АН СССР П.В. Волобуева. «Советская культура». 18 июля 1989 г.

пределяет всё, что в ходе истории имеет место множество отклонений и случайностей.

Мне вспоминается, как трудно шел сборник наших статей с материалами Всесоюзной конференции о 60-летию гражданской войны и в издательстве «Наука», и в Отделе науки. Дело дошло и до Старой площади. Я был ответственным редактором этого сборника, и главная редакция издательства «Наука» и директор этого издательства доказывали мне очень решительно, что в наших изданиях «Науки» не должно быть никаких точек зрения. Должна быть одна, взвешенная, принятая точка зрения и никакой полемики. Пусть ученые полемизируют где-то в журналах, журналы для этого и существуют, но отнюдь не сборники и не монографии.

А в Отделе науки была верстка статьи В.Д. Поликарпова, он излагал ленинскую концепцию гражданской войны. Мне пришлось там доказывать, что каждый пункт обоснован ленинскими положениями и высказываниями. Да, у Ленина все можно найти, но это не значит, что все надо вставлять и тащить в статью. Был очень трудный разговор, в результате все-таки этот сборник появился с двумя статьями и с полемикой по вопросу о закономерности, характере и периодизации гражданской войны.

Исторический опыт свидетельствует, что гражданская война не является закономерностью всех социалистических революций. Спро-

тивление свергнутых классов неизбежно, но форма, в какую оно выливается, зависит от соотношения сил внутри страны и на международной арене.

В.И. Ленин на примере Венгерской революции убедился в справедливости своего предвидения о возможности мирной уступки власти буржуазией в маленькой стране, когда соседние большие страны уже совершили социальную революцию. В 1919 г. он делает вывод, что в государствах, где буржуазия не окажет такого бешеного сопротивления, как в России, задачи советской власти будут легче, она сможет работать без того насилия, без того кровавого пути, который нам навязали господа Керенские и империалисты.

В 1940-е гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы победа мирным путем социалистических революций, как мы знаем, произошла и благодаря разгрому фашизма, созданию единого фронта внутри страны и такому внешнему благоприятному фактору, как СССР с его армией. Это помогло избежать гражданской войны.

Отдельные авторы утверждают, даже не заглядывая в программу, что якобы гражданская война была запрограммирована Лениным, большевиками задолго до Октябрьской революции и после Октября они эту программу, эти принципы стали проводить в жизнь. В программе партии 1903 г., в работах Ленина и других партийных документах указаний на будущую гражданскую войну я не помню. Но мы помним один из важнейших уроков 1905 г., сформулированный Лениным: рабочий класс должен готовиться к самой ожесточенной и беспощадной борьбе. Да, такое предупреждение было. Но Ленин не отменял этим и ранее высказанное предположение — о том, что рабочий класс предпочел бы, конечно, мирно взять в свои руки власть. Я имею в виду статью Ленина еще 1899 г., в 4-м томе. При этом Ленин уточнял: наиболее вероятно, что буржуазия не сделает мирной уступки, а прибегнет в решительный момент к защите своих привилегий насилием.

Блестяще реализованные в Октябре возможности, за которые большевики боролись, — возможности мирной победы революции Ленин и советская власть стремились использовать для того, чтобы к новым общественным отношениям перейти наименее болезненно, с наименьшей, как отмечал Ленин, ломкой старого. В этом духе Ленин и разрабатывал программу преобразований.

Однако действительность оказалась другой. Первой начала стрелять контрреволюция в Петрограде, под Петроградом, в Москве. И Ленин писал тогда, что военное сопротивление буржуазии мы должны будем подавлять

теми же военными средствами, которые нам навязывают, ибо другие средства не изобретены¹¹.

Некоторым авторам публицистических статей кажется, что гражданской войны, ее жертв могло бы и не быть, если бы большевики сумели договориться с правыми эсерами (прежде всего с ними), с другими партиями об Учредительном собрании. Да, если гадать и предполагать, можно допустить, что гражданской войны могло и не быть. Но ведь не большевики, а именно Учредительное собрание избрало путь борьбы, а не сотрудничества. Ибо оно отказалось даже обсуждать декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Оно отказалось утвердить декреты II съезда Советов, — декреты, выражавшие коренные чаяния и интересы народа. Конечно, роспуск Учредительного собрания подвинул в сторону неприятия советской власти, в сторону гражданской войны мелкобуржуазные партии. Но не рабочих и не крестьян, ибо к тому времени судьба «учредилки» их не волновала: все концентрировалось вокруг Советов. И недаром Ленин метко сказал, что Учредительное собрание — это вчерашний день.

После того как не получилась первая попытка мирных преобразований, советская власть сделала и вторую попытку после заключения Брестского договора. Ведь тяжелейшая цена Бреста и была заплачена для того, чтобы обеспечить возможность мирного труда, мирного развития. И верилось в то, что после этого этот период может наступить. Казалось, как говорил Ленин, что уже военные задачи решены.

Конечно, нам необходимо заново, мне кажется, исследовать момент начала большой гражданской войны летом 1918 г. Какую роль сыграли интервенция и интервенты в развязывании гражданской войны? Я бы не сказал, что на эти вопросы у нас есть ответы в наших даже самых солидных трудах. А ведь раскрывать этот вопрос начал еще в 1937 г. И.И. Минц в своей первой работе об английской интервенции в России. Ведь, по-моему, именно в эти дни Черчилль сказал фразу о том, что лучше задушить большевистскую насадку, чем охотиться за коммунистическими цыплятами по всей Европе.

Кровопролитная длительная гражданская война развязана была внутренней и внешней контрреволюцией. Роспуск Учредительного собрания подтолкнул непролетарские партии к борьбе с советской властью, но, конечно, не мог быть причиной гражданской войны. И хотя мы говорим, что надо поменьше сейчас оперировать цитатами, но одну ленинскую цита-

¹¹ Генрих Зиновьевич Иоффе (р. 1928) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

ту — о начале гражданской войны и ее зачинщиках — напомним. Ленин говорил: «В начале 1918 года мы старую войну кончили и новой не начинали; все знают, что против нас пошли белогвардейцы на западе, на юге, на востоке только благодаря помощи Антанты» (т. 38, стр. 51).

Требует серьезного исследования вопрос о середняке, о его колебаниях, о восстании среднего крестьянства летом и осенью 1918 г. и в 1919 г., связанном и с принудительной мобилизацией, с переходом от добровольной к принудительной мобилизации, и с продразверсткой. Некоторые авторы видят причины гражданской войны в продразверстке и военном коммунизме. Хотя хронологически это не очень совпадает. И продразверстка, и военный коммунизм введены были именно для того, чтобы продержаться в этой уже развязанной, разгоревшейся, трудной войне — войне, развязанной помещиками и капиталистами.

Тов. А. Воскресенский, автор статьи «1921 год: урок правды» («Знание — сила», 1988 г., № 10), заявляет, что гражданская война во многом (правда, смягчает) на совести леваков, тех ультра-революционеров, которые, не жалеючи, кидали ворох сухих поленьев в тлеющий, готовый вот-вот вспыхнуть костер братоубийственной войны. А главный поджигатель гражданской войны А. Троцкий, если поверить Воскресенскому, совершал на своем знаменитом поезде многочисленные реквизиционные наезды на деревни, отобрал около 2 млн пудов продовольствия и тем самым провоцировал крестьян на восстание и мятежи.

В печати пока что завуалированно, открыто чаще на встречах и диспутах различных неформальных организаций, вину за гражданскую войну, за огромные потери, которые понесло население, сваливают на большевиков и на Ленина.

В «Возрождении», органе «Саюдиса» (литовского Союза), на целую страницу дана подборка ленинских высказываний: всё о насилии, о терроре, и вывод, что Ленин всегда, днем и ночью, только и говорил о терроре.

У нас, в нашем обществе, есть люди, которых не устраивает идеология Октября, они предпочитают капитализм социализму, любому социализму. И с этой позиции трактуют всю нашу последующую историю. Но эти обвинения, эти лозунги, мы знаем, не новы. С ними кадеты и их идеологические прислужники выступали 70 лет назад, Ленин и ленинцы разоблачали их весьма убедительно.

Еще раз скажу, справедливо критикуя отдельных публицистов, мы, конечно, должны видеть причины новых искажений, о чем говорил и Павел Васильевич во вступительном слове, неверных трактовок в том, что в трудах историков нет ответа на многие вопросы, которые возникли и которые ста-

вятся. В освещении проблем гражданской войны у нас много еще осталось, к сожалению, от «Краткого курса» истории партии, хотя многие из нас десятилетиями не держали эту книгу в руках. Мы, например, избегали говорить и писать о левацких искривлениях советской власти, в лучшем случае лишь упоминали о них (есть упоминание в III томе, второй части «Истории КПСС»).

Искривления, которые нередко толкали или подталкивали крестьян и казаков на мятежи, вступать в армии Колчака и Деникина, в зеленую армию, в банды, способствовали расширению и обострению вспыхнувшей гражданской войны. Почти все крестьянские восстания 1918–1919 гг. у нас оценивались как кулацкие, с оговоркой о том, что иногда кулакам удавалось втягивать и колеблющихся середняков. В действительности именно колебания среднего крестьянства давали силу восстаниям, которыми руководили кулаки, правые, левые эсеры и белогвардейцы. В исследованиях Т.В. Осиповой¹² показано, что да, действительно в 1918 г. летом и осенью, да и в 1919 г. военными руководителями крестьянских восстаний выступали часто белогвардейские офицеры, и действовали со знанием дела. Но опять-таки не крестьянские восстания вызвали гражданскую войну. Неверно, что все крестьянство восстало против советской власти. А такие утверждения еще можно встретить. Опять обращусь к Ленину. Он подчеркивал, что там, где помощи иноземных штыков не было, продолжительность власти белогвардейцев измерялась днями, если не часами.

Конечно, к причинам обострения и даже возникновения гражданской войны в ряде местностей надо отнести ошибки в деятельности многих продотрядов, комбедов, которая в нашей литературе долгое время освещалась лишь в позитивном плане. Но я думаю, также вряд ли можно разделить то суровое, прямо-таки гневное отношение ко всем продармейцам со стороны публицистов. Ведь имела место и политическая неопытность, и ослепленность идеями классовой борьбы, и другие субъективные и объективные факторы, которые нельзя снимать со счета.

Итак, и прежний и новый подход к причинам развязывания гражданской войны не дает оснований для пересмотра ленинского научного анализа и ленинских выводов. Вместе с тем мы должны серьезно проанализировать те факторы, события, которые способствовали возникновению, обострению и расширению гражданской войны в отдельных регионах и

¹² Таисия Васильевна Осипова (1927–2013) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

местностях, не умалчивая о допущенных партийными и советскими органами и деятелями ошибках.

Для нас совершенно ясен приоритет классового подхода в определении характера гражданской войны. Но сейчас он многими публицистами или не признается, или отбрасывается. Наиболее резко, мне кажется, выступил писатель Б. Васильев. Он писал в «Известиях» 17 января: «...Официальная история более полувека оболванивает поколение за поколением, утверждая, что гражданская война есть война трудящихся с белогвардейцами, интервентами, бандами, националистами и пр. и пр.». В его представлении гражданская война — это «бессмысленное, безудержное и безнравственное взаимное уничтожение инакомыслящих и столь же безудержное, бессмысленное и безнравственное уничтожение нашей культуры». Такое же определение дано в интервью Пикуля, о котором я говорил.

В публицистике гражданская война именуется однозначно — братоубийственная, причем с оттенком безусловного и безоговорочного осуждения, т.е. гражданская война рассматривается лишь с нравственной точки зрения, с позиции общечеловеческой морали, заповеди «не убий». Б. Васильев поучает, что участники гражданской войны забыли пять заповедей Толстого, в том числе и «не убий», и «не противиться злу насилем» и т.д. Такие рассуждения есть, например, у писателя Ю. Полякова, у других.

Относительно характеристики гражданской войны как братоубийственной. Думаю, что, как правильно сказал один товарищ, здесь нет криминала. Ибо не только отечественные войны, но и войны империалистические, а тем более гражданские — братоубийственные: в них убивают братьев по классу, братьев по крови. И хотя мы от этой характеристики не отказываемся, но она не отменяет главной характеристики гражданской войны — классовой ее сущности. И с нее следует начинать.

В публицистике эта война представляется по существу как бессмысленная мясорубка. А поскольку гражданская война — продолжение политики революции, то выходит, что и революция — это лишь братоубийственная война, а не взрыв классовой борьбы.

В таком подходе к гражданской войне можно видеть реакцию на осуждение ее нами, историками, как сплошной героики. Да, это было героическое чудо, как подчеркивал Ленин. Но вместе с тем это была и трагедия, которую мы в развернутом, так сказать, виде почти не показываем. Поэтому один из разделов нашей Комплексной программы исследований по истории Октябрьской революции и гражданской войны так и озаглавлен: «Гражданская война — народный подвиг и народная трагедия».

Тот факт, что гражданская война — братоубийственная, — это ведь не откровение, не открытие публицистов для нас. Это открыла и описала художественная литература в 1920–1930-е гг. Правда, историки примеру писателей, которые описали гражданскую войну, не следовали.

Тут нам надо серьезно поговорить о сочетании принципа классового подхода с принципами общечеловеческими. Конечно, историки грешили абсолютизацией классового подхода, сведением всех человеческих отношений только к отношениям классов. Это было в гражданскую войну. Но имеем ли мы право сегодняшнее наше видение, наш приоритет нравственных, общечеловеческих начал переносить на гражданскую войну и требовать от ее участников высокого гуманизма, требовать, чтобы они не убивали, потому что этого требует Библия, потому что это противоречит общечеловеческим принципам и нормам? Думаю, что требуется специальное исследование и в этом отношении. Гражданская война с нравственной точки зрения, социальное сознание и психология участников гражданской войны. Неразрывно с этим связан вопрос о белом и красном терроре. Исследование его — еще впереди.

Может быть, Б.И. Каптелов¹³ скажет нам на этой нашей встрече, насколько готовы архивы удовлетворить сейчас запросы историков в освещении красного и белого террора. Конечно, мы не можем забывать, что в гражданской войне классовая ненависть разделила народ на два враждующих лагеря; что оба этих лагеря, обе стороны проявляли друг к другу жестокость и непримиримость, что классовый зов оказался сильнее сострадания, человеческого чувства жалости, рассудительности. В ней сосуществовали вещи, поистине несовместимые: высокая нравственность революции с ее высоким идеалом (другое дело, что с ним стало потом); и в то же время кровавый хаос, бунт.

И несколько слов по вопросу периодизации гражданской войны. Этот спор начался давно, в годы перестройки немножко затих, сейчас возобновляется. Я не думаю, что он очень актуален. Актуальны те вопросы, о которых мы говорим. Но факт налицо, что у нас существуют две периодизации: периодизация 1917–1920 или 1917–1922 и периодизация 1918–1920. И если тут доказывать ленинскими цитатами, то и с той стороны цитаты, и с другой стороны цитаты. Значит, вопрос этот надо дальше исследовать.

Вот, товарищи, те отдельные моменты, которые мне хотелось выдвигать, далеко не новые, но хочется, чтобы товарищи высказались, и мы в це-

¹³ Борис Иванович Каптелов (1935–1991) — в 1984–1991 гг. директор ЦГАОР СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

лом, наш Научный совет, чтобы нам скорее дать ответы на вопросы, которые у нас поставлены и обсуждаются довольно широко.

П.В. Волобуев: Какие вопросы будут к Юрию Ивановичу? Пока вы думаете, я задам вопрос. Юрий Иванович, как вы знаете, подводя итоги периода гражданской войны, примерно в 1921 г. В.И. Ленин писал, что надо видеть и громаднейшие ошибки с нашей стороны. Какие? Вы назвали часть из них. А вот какие, вы думаете, крупные ошибки были совершены, я имею в виду военно-политического характера, которые способствовали затягиванию гражданской войны, или вообще, были ли такие с нашей стороны ошибки, которые способствовали затягиванию гражданской войны?

С места: Можно один вопрос? Вы сказали о периодизации гражданской войны в целом как таковой, а внутри гражданской войны? Одно время по походам Антанты разбивали, потом отказались; затем какие-то другие критерии. Есть у вас соображения свои?

П.В. Волобуев: Прошу еще.

С места: Как вы представляете себе социальную природу, основу антоновщины?

Ю.И. Кораблев: Ни одна война не обходится без ошибок, было множество фронтов, часто приходилось сражаться вкруговую и определять, куда направлять главные силы. Вопрос этот интересный, и в прямой постановке у нас в литературе его нет. Речь идет об ошибках, связанных с отдельными кампаниями. И я вряд ли смогу сейчас дать обобщающий ответ, но отдельные примеры могу сказать. Например, я думаю, историки правы, утверждая, что Главное командование Красной армии не сумело определить главную опасность своевременно в начале 1919 г., считая, что главная опасность с запада, а восток пока не вызывает серьезных опасений. Стремительное наступление Колчака оказалось в значительной степени неожиданным. Затем, возьмите стремительное продвижение Деникина, когда связь политики и стратегии — наши невероятные ошибки на Дону и огромное восстание казачества, несомненно, способствовали успехам Деникина, что, конечно, тоже не учитывалось, когда вырабатывалась соответствующая политика. Или возьмите советско-польскую войну. Несомненные ошибки в стратегии повлекли очень большие потери. Вопрос этот спорный до сих пор, нуждается в исследовании, но несомненно, что тут были серьезные ошибки со стороны нашего Главного командования. Есть замечательная публикация Института военной истории — «Директивы командования фронтов Красной армии» и «Директивы Главного командования Красной армии». Они дают возможность этот вопрос исследовать. Н.Г. Павленко пишет большую работу по истории военной стратегии.

Но главное то, что все-таки приходится удивляться тому, как Ленин и наше Главное командование сумели от начала и до конца гражданской войны в основном правильно каждый раз определять главную опасность и сосредоточивать свои силы.

Вопрос: Я хочу получить ответ о политических ошибках, не столько военно-стратегических, а политических.

Ю.И. Кораблев: Если говорить о советско-польской войне, то тут и переоценка огромных возможностей польского пролетариата, ставка на мировую революцию, на то, чтобы взять не только Варшаву, но и Берлин, надежда на то, что поднимется польский пролетариат, и недооценка патриотизма, национального сознания польского народа. Политические ошибки сомкнулись с ошибками стратегическими.

Относительно внутренней периодизации. Тут у нас особых споров не было. Мы три похода Антанты отвергаем. Не было таких походов, которые изобретены Сталиным в его известных статьях: объединенная, комбинированная, распланированная по дням и по часам и по силам. Если бы такой комбинированный, объединенный поход хоть один получился, то, конечно, советской власти бы не сдобровать. Да и хронологически не получается, и с точки зрения участия сил Антанты. Например, «третий поход Антанты» вряд ли мы имеем основание признать, потому что и у Антанты была особая позиция, и у Врангеля, и у Пилсудского тоже была особая позиция.

В новом учебнике, по-моему, выделяются такие четыре этапа: начало гражданской войны, развертывание военной интервенции Антанты, лето 1918 г. — октябрь 1918 г. Усиление интервенции и крушение попыток разгрома Советской республики собственными силами: ноябрь 1918 г. — апрель 1919 г. Решающие победы над силами внутренней и внешней контрреволюции. 1919 г. Советско-польская война и разгром белогвардейских войск Врангеля. Как видите, тут никакой новизны нет, но вот такая периодизация была принята. Видимо, надо специально к этому вопросу вернуться. Есть ленинская периодизация. А критерии периодизации, конечно, могут быть разные. И каждый будет по-своему прав.

Относительно социальной сущности антоновщины. Я специально этим предметом не занимался. Есть у нас об антоновщине серьезная работа Донкова¹⁴. В том, что касается антоновщины, мы все-таки грешили классовым подходом — больше «педалировали» на кулацкие, белогвардейские элементы в развязывании, разжигании этой борьбы и меньше анализировали

¹⁴ Игорь Петрович Донков — кандидат исторических наук, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

позицию основных масс крестьянства, середняка. А именно она, конечно, определяла и размах, и продолжительность антоновщины. Это во-первых. И во-вторых, влияли политические факторы, связанные с разверсткой, с военным коммунизмом, насаждением коммун и другими извращениями, которые вызывали недовольство не только, конечно, кулака, но и среднего крестьянина и создавали на время единый фронт.

Из зала: Еще один вопрос, касающийся периодизации. Гражданская война, интервенция на Дальнем Востоке закончилась в 1922 г., и Ленин говорил, что только сейчас, наконец, мирное строительство началось, было пять лет войны. Как вписать эту периодизацию региональную в общесоюзную?

Ю.И. Кораблев: Думаю, что вписать можно в рамки той периодизации, которую мы имеем: гражданская война не как период в истории всего государства и общества, а как проявление классовой борьбы, которая продолжалась вплоть до конца 1922 г.

Г.З. Иоффе: В сообщении было сказано, что гражданскую войну начали кадеты. Было бы интересно шире услышать аргументацию этого положения.

Ю.И. Кораблев: Когда Ленин неоднократно писал, что кадеты начали гражданскую войну, по-моему, он имел в виду факт открытого выступления кадетов в Петрограде, во всяком случае, организованные ЦК партии кадетов выступления в связи с Учредительным собранием 28 ноября 1917 г. и, в общем-то, хотя и небольшие, но вооруженные стычки в связи с этим выступлением, и декрет Совнаркома об аресте главарей партии кадетов. Думаю, что этот конкретный факт имеется в виду.

Т.В. Осипова: Не была ли в целом ошибочной политика продовольственной диктатуры, принятая в мае 1918 г.? Вот Р. Медведев прямо считает, что гражданская война, собственно, является результатом продовольственной политики. Она разрушила в течение нескольких недель союз рабочих и трудящихся крестьян.

Ю.И. Кораблев: Да, я вспоминаю, что Медведев в интервью «Юности» писал о том, что продразверстка и военный коммунизм, по существу, вызвали гражданскую войну.

Т.В. Осипова: Я говорю не о продразверстке, а о продовольственной диктатуре.

Ю.И. Кораблев: Дело в том, что у нас многие публицисты путают продразверстку с продовольственной диктатурой. Речь идет о хронологическом моменте. Мы, историки, должны оперировать периодом времени и датами, для нас и месяцы важны. Таисия Васильевна, честно говоря, я не занимался исследованием этого вопроса, он требует исследования. Но давайте поста-

вим вопрос таким образом: можно ли было в тех конкретно сложившихся условиях, в условиях наступления интервентов, мятежей и выступлений крестьян по разным поводам, можно ли было иным путем избежать голода? Ведь хлебная монополия нарушалась и при Временном правительстве, еще больше наступила эта анархия — нарушение хлебной монополии — при советской власти. Другой выход вряд ли мог быть. Ведь это в итоге даже и крестьянство поняло, хотя оно и не принимало продразверстку, тем не менее оно ее исполняло, и благодаря этому мы выдержали гражданскую войну. Мне кажется, если проанализировать конкретную обстановку, то другие пути разрешения продовольственной проблемы вряд ли были.

П.В. Волобуев: Спасибо. Кто еще желает задать вопрос, можете сформулировать, и в заключительном слове Юрий Иванович ответит. Слово для доклада имеет В.П. Булдаков.

В.П. Булдаков: Я думаю, что словосочетание «кризис исторического сознания» ни у кого не вызовет сомнения. За годы перестройки мы привыкли уже к этому и поняли, более того, что современный кризис исторического сознания — это явление не только наше, но и явление мировое. Связанное с опытом национальных историй, национальных историографий. В историографии вообще этот кризис включает два основных компонента. Это господство умозрительной схемы, с одной стороны, и, с другой стороны, ползучий эмпиризм, которым все более грешат историки, он никак не стыкуется с этими общими схемами. Этими моментами отмечена и наша историография, и прежде всего историография Октябрьской революции.

В нашем обществе кризис исторического сознания целиком и полностью сконцентрировался вокруг проблематики Октябрьской революции. В нынешней революционной ситуации наше общество в целом, пожалуй, не принимает ценностей Октября, а историки, все мы, в этом отношении занимаем позицию, недостаточно последовательную и во многом своей нерешительностью даже усугубляем этот кризис.

Наше общество все более и более поляризуется, и у той части общества, которая принимает Октябрь, его ценности, то они сводятся к простым, хотя и заслуживающим внимания лозунгам: заводы — рабочим, земля — крестьянам и власть — Советам. Но этого, к сожалению мало. Эти тезисы ничего не могут противопоставить тем, в общем, знакомым псевдоконцепциям революции, о которых сегодня Юрий Иванович.

В наших нынешних представлениях об Октябрьской революции поражает потребительский подход к этому событию мировой и отечественной истории. За годы застоя установилось потребительское, изживенческое отношение ко всему. И общественное сознание очень основательно разби-

делось на Октябрьскую революцию. И, разобидевшись, конечно, пытается революцию толковать и так и сяк, и вкривь и вкось, при полном непонимании исторической психологии народа революционной эпохи, исторической обусловленности нашей революции. Сейчас все более распространяется представление о том, что Октябрьская революция навязала России чуждый ей тупиковый путь общественного развития, целиком и полностью загнала наше общество в тот тупик, в котором мы сейчас находимся.

Ясно, что такие представления не имеют ничего общего с действительностью, что не Октябрьская революция открыла тупиковый путь развития России, а те могильщики революции, прежде всего Сталин, который все, что можно было сделать худшее с величайшей в мире революцией, пользуясь тем, что революционная волна спадала, он все это проделал. Сталин, конечно, явился подлинным могильщиком революции.

Существует и такая наивная точка зрения, что Октябрьская революция уничтожила демократию, точнее, те ростки демократии, которые были в России, и многопартийности. Эта наивная точка зрения имеет весьма широкое хождение.

Особо останавливаюсь на той персональной ответственности, которую общественное сознание возлагает на известных борцов революции, прежде всего на Троцкого. Вина историков в освещении личности Троцкого особенно велика, и до тех пор, пока мы не реабилитируем Троцкого как выдающегося деятеля революции, пока не примем Троцкого, как одного из творцов революции, мы не примем до конца и Октябрьскую революцию, и результаты этого будут самые отрицательные. Если мы принимаем Октябрьскую революцию, нужно до конца сказать все о Троцком, сказать, что личность Троцкого и личность Ленина в Октябрьской революции были связаны неразрывно. Вчера по программе Ленинградского телевидения прошла весьма интересная передача. Участвовал в этой передаче Г.А. Соболев¹⁵, которого я здесь почему-то не вижу. Речь шла в основном о Троцком. Интересно было и то, что монитор постоянно упирался в брошюрку Троцкого «Ленин как национальный тип». В этой брошюре квинтэссенция не Ленина, конечно, а взаимоотношений Ленина и Троцкого. В определенной степени это — ключ к личности Троцкого, который он дает сам. Троцкий в этой брошюре признает, что сила Ленина в особой такой крестьянской сметке, умении подойти к трудящимся массам, понять их, какового качества у себя Троцкий, очевидно, не видел.

¹⁵ Геннадий Леонтьевич Соболев (р. 1935) — доктор исторических наук, Ленинградский государственный университет.

Отталкиваясь от этой посылки Троцкого, мы можем построить и определенную схему взаимодействия этого великого исторического тандема, если можно так выразиться, — Ленин-Троцкий.

Наш долг перед этим деятелем революции тем более велик, что на Западе еще в 50-е гг. вышел трехтомник Дойчера¹⁶ о Троцком. Правда, он, на мой взгляд, излишне апологетичен. Заметки Дойчера о Троцком, которые вышли в 1980-е гг., во многом глубже этого трехтомника. Внимание к личности Троцкого весьма велико, хотя среди советологов в целом оно ослабло. Мы же к личности Троцкого подходим чрезвычайно опасно. Я бы назвал наш подход к Троцкому и многим другим деятелям революции тем, что Ленин называл, пользуясь выражением Салтыкова-Щедрина, «применительно к подлости» — оцениваем Троцкого применительно к заведомо заниженному нравственному и историческому критерию — той самой подлости, которой было предостаточно в борьбе Сталина с Троцким.

В сущности вся фальсификация Сталиным истории Октябрьской революции начинается в 1924 г. с борьбы с троцкизмом и под видом борьбы с троцкизмом. Пока мы не разберемся в реальных взаимоотношениях Ленина и Троцкого, трудно будет говорить о создании объективной историографии Октябрьской революции.

И наконец, учитывая, что самые отсталые слои нашего общества, да и не только отсталые, к сожалению, и не только необразованные, упорно ведут такую линию: масоны, сионисты, Троцкий и Ленин — мы должны с этим представлением четко разобраться.

В той ситуации, которая сегодня существует, чрезвычайно велика вина историков. Можно говорить об объективной обусловленности развития нашей историографии, но нельзя сбрасывать и субъективную ответственность. Нельзя не признать, что в свое время, особенно в годы застоя, часто в нашу историографию шли люди с гибким позвоночником, которые действовали по принципу: чего изволите, пыльным цветом расцвела так называемая историография различных проблем Октябрьской революции. При 2—3 серьезных книгах по истории Октябрьской революции — дикий поток кандидатских и докторских диссертаций по самым узким проблемам — по сути, паразитический нарост.

Как человек, непосредственно занимавшийся анализом западной историографии Октябрьской революции, я не могу не сказать о том, что в целом это направление нашей научной деятельности тоже было паразитическим. Тот факт, что на тему «Критика буржуазной фальсификации» и т.д. и т.п.

¹⁶ Исаак Дойчер (1907–1967) — польский и британский историк.

писалось в изобилии кандидатских диссертаций, конечно, нельзя признать нормальным, хотя, разумеется, здесь были свои исключения.

Если говорить о путях преодоления того кризиса, в котором находится наша историография, то нужно начинать с вопросов теории. До сих пор мы имели дело не с марксизмом как научной теорией, а с вульгаризацией, примитивным представлением о марксизме. Дело в том, что марксизм давно уже принят всей мировой общественной мыслью, принят как нормальное, естественное, научное и революционное течение. В марксизме разделяются его чисто научная сторона и некоторые революционно-утопические элементы. Мы до сих пор считали, что революционно-утопические элементы марксизма нуждаются в какой-то защите от посягательств буржуазных социологов. Я полагаю, что ничего подобного делать не следует: всякая революционная теория necessarily содержит в себе утопический компонент. Он гарантирует возможность развития, дает связь теории с массами, возможность восприятия этой теории массами.

Следует отметить преемственный характер марксизма со всем предыдущим теоретическим достоянием человечества, он вырос из гуманистических традиций прошлого. Маркс и Энгельс, как известно, никогда не отвергали ценности так называемого буржуазного либерализма. Более того, лозунги «свобода, равенство и братство» всегда признавались ими тем, к чему они стремятся. Они видели свою задачу лишь в том, чтобы подвести под эти лозунги реальную социальную базу. Анализируя капиталистическое общество как системное целое, они обратили внимание на основное противоречие этого общества и на класс, который способен это общество перевернуть и качественно преобразовать.

Марксизм несет в себе черты технологической утопии. Если идеологическую сторону Великой французской революции Э. Фромм называл религией разума, подчеркивал его организующую технократическую и технологическую стороны, то в наше время, в конце XX в., человечество все-таки пришло к мысли о том, что общество не может быть организовано из одного центра, по какому-то принципу управления сверху.

Стоило бы обратить особое внимание на особенности восприятия марксизма российским обществом. Ленин не случайно говорил о том, что Россия выстрадала марксизм. А там, где теория выстрадана, восприятие этой теории приобретает характер некой истовой приверженности, как к своего рода религиозной доктрине. Об этом говорилось уже не раз так называемыми философами-идеалистами. Но мы почему-то напрочь их игнорируем, хотя на самом деле они выносят наше сознание в совершенно иную плоскость, которую ни один разумный человек не должен игнорировать.

Россия особая страна и в мире и особая страна в смысле характера восприятия радикальных и прочих идей. Расположенная между Востоком и Западом, Россия — это своего рода страна-маргинал, промежуточный тип своей особой политической культуры она не выработала на протяжении всей тысячелетней истории, здесь как бы напластовывались различные типы политической культуры. Образованное общество тяготело к западному типу политической культуры, а трудящиеся массы, прежде всего крестьянство, воплощали в себе другой тип политической культуры. Между этими типами политической культуры существовали ножницы. Интеллигенция, при выдающейся ее роли в революции, восприняла марксизм, как подвижнически выстраданную теорию и потому наделенную чертами религиозности. Российская интеллигенция определила весь ход, характер Октября, без усилий интеллигенции не пришли бы в движение многомиллионные слои российского общества.

В настоящее время мы, кажется, договорились, что Россия все-таки была многоукладной страной. Но я хотел бы обратить внимание на ленинские слова о том, что Россия — страна, где сочетается самый передовой капитализм и самая дикая, отсталая деревня. По-моему, в этих словах ключ ко всему нашему пониманию Октябрьской революции, хода гражданской войны, трудностей, трагедий последующих лет и тех трудностей, которые мы имеем сегодня.

В нынешних условиях политической реформы следует особенно остановиться на политических предпосылках Октябрьской революции. Прошел уже большой срок со дня смерти К.Н. Тарновского¹⁷. И как-то до сих пор мы не можем до конца понять его простую и гениальную мысль о том, что партийно-политическая структура российского общества складывалась в обратном порядке и была своим острием направлена на разрушение всего самодержавного строя.

Сначала в России формировалась социал-демократия, пролетарская партия, потом партии мелкобуржуазные и крестьянские, затем партии либеральные, затем консервативные и реакционные партии. Порядок формирования этих партий определял направленность всей политической жизни страны. Партийно-политическая структура российского общества по тем временам была уникальна. Несколько десятков политических партий — это свидетельство не столько особой развитости, многообразия политической жизни России, сколько того, что политическая жизнь нахо-

¹⁷ Константин Николаевич Тарновский (1921–1987) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

дилась в зачаточном состоянии, в процессе становления, порядок складывания партий, порядок размещения организаций различных партий имеет точное сходство с партийно-политической картой современного мира. Достаточно посмотреть соответствующий справочник; лучше смотреть не политиздатовский справочник «Политические партии», где приводится 800 партий мира, а английский 1984 г., где указаны примерно 2,5 тысячи политических партий. Этот сборник дает возможность их группировать и убедиться в том, что те типы политических партий, которые существовали в России, в дальнейшем получили развитие и выделились особые группы политических партий.

Партии отражали интересы определенных классов. Но во всех партиях без исключения господствующие позиции в их руководстве занимала радикальная интеллигенция, особенно в верхних эшелонах. Мы же этот момент стыдливо обходим, предпочитая говорить о классовом характере партий.

У руководства партиями были представители в общем-то одного и того же социального слоя. Представители интеллигенции (я их условно называю маргинализированным, пограничным слоем общества) — это выходцы из самых различных классов, в основном, конечно, образованных классов, которые порвали со своей средой. У нас почему-то не учитывается, что руководство партий в значительной степени определяло характер действий этой самой партии.

П.В. Волобуев: В последней статье Коэна¹⁸ это как раз подчеркивается.

В.П. Булдаков: В вопросе о том, как мы понимаем роль в революции народных масс, общая картина выглядит просто ужасной. Западные историки, это мое твердое убеждение, основываясь на принципах так называемой социальной истории, и здесь нас обошли. Дело в том, что у нас в подходе к массам, по известной традиции, господствует какая-то высокомерная, элитарная позиция. Какой класс ни взять, мы делим массы на сознательные и несознательные, на передовых, скажем, рабочих и на отсталые слои рабочих. Это никуда не годится! То, что рабочий или крестьянин был не образован, не означает, что он хуже нас с вами ориентировался в своем тогдашнем мире. В ряде случаев он, руководствуясь нормальным инстинктом, ориентировался гораздо лучше, чем теперешние интеллигенты, которым образование, так сказать, только в тягость.

Современные социально-социологические исследования установили, что рабочие крупных предприятий, там, где остались крупные массы пролетариата — докеры, судостроители и шахтеры, — обладают особой чертой

¹⁸ *Стивен Коэн* (р. 1938) — американский историк, специалист по истории СССР.

психологии. Общество они воспринимают не по иерархическому принципу, а по принципу более простому: мы, пролетарии, — и они, все остальное общество. Вот эта самая психология «мы и они» в пролетарской массе господствовала. Это во многом предопределило пролетарский характер российской революции.

Социальные историки считают, что серьезные изменения в общественном сознании возможны только при том условии, если они охватят всю толщу крестьянских масс. Западная социология давно усвоила, что хотя крестьянство исчезающий класс, образ жизни крестьянства, психология крестьянства на самом деле на многие столетия определяют психологию уклада жизни общества в целом.

Мы между тем, подходя к крестьянству, упорно делим его на беднейшее, среднее, сельскую буржуазию, кулачество, забывая о том, что принцип системного подхода требует взгляда на крестьянство как на некое взаимосвязанное целое, класс, который стремится сохранить свое место в системе общественных отношений.

Мне хотелось бы еще обратить внимание вот на какой момент в движении масс в Октябрьской революции. В годы мировой войны в России произошли колоссальные перемещения народных масс, колоссальные миграционные процессы, кроме того, под оружие было мобилизовано, по некоторым данным, в общей сложности 15,5 миллиона человек. У нас к солдатским массам подходят по-разному. Кое-кто говорит, что это просто слепок российского общества, другие — что армейские массы обладали своей особой психологией.

Другой момент заключается в том, что солдатские массы, как бы ни специфична была армейская среда, это все-таки маргинализованный элемент социальной структуры. А маргинальные элементы общества таят в себе колоссальное социальное напряжение, и армия была одним из его источников.

Была еще и другая громадная маргинальная масса — беженцы, тыловики, масса эвакуированных рабочих, наконец, военнопленные, рабочие, завезенные из Китая, и т.п. 6,5 миллиона, по некоторым подсчетам, составляла эта часть населения, в основной своей массе здоровая, работоспособная. Это была если не самостоятельная сила, то посредник, который распространял социальное напряжение во все слои общества.

Современный подход к проблемам Октябрьской революции требует умения анализировать политическое сознание, движение политических масс общества, чему на протяжении десятилетий мы совсем разучились. Сейчас, когда только что прошли первые нормальные выборы в народные

депутаты, мы никак не откликнулись на это событие, а стоило бы, наверное, написать, как проходили муниципальные выборы в 1917 г., что такое было Государственное совещание, Демократическое совещание, что такое принцип корпоративного представительства, который широко использовался в нынешних выборах, в чем его плюсы, в чем минусы, что можно сделать с его помощью, имея в виду, с одной стороны, допустим, Государственное совещание, с другой стороны — съезды Советов.

Великое дело сделал Л.М. Спирин¹⁹, опубликовав в своей книжке результаты выборов в Учредительное собрание. Леонид Михайлович почему-то (видимо, потому что компьютерную технику не освоил) сам неохотно занимается анализом этих результатов. Но и никто из наших исследователей почему-то не желает основательно проанализировать эти данные, опубликованные впервые. 220 списков — это колоссальный материал для анализа, и тут работы на целую бригаду.

Конечно, самый важный для нас сейчас вопрос — это вопрос о путях преодоления того кризиса, в котором мы находимся. Хотя и много сегодня было сказано о публицистах, мы должны воспринимать их публицистическую деятельность как естественное явление, как нормальную среду, в которой должны развиваться наши исторические исследования. В общем и целом, публицистика, несмотря на все издержки, порой совершенно дикие, работает на нас. Рано или поздно сенсационные открытия, которыми грешит эта публицистика, наскучат, и народ обратится к подлинному, научному знанию, важно не упустить этот момент.

Мы, к сожалению, из-за нашей узкой специализации, с одной стороны, из-за нашей теоретической беспомощности, с другой стороны, а также из-за организационных причин, что имеет в нашем бюрократизированном обществе немаловажное значение, потеряли связь с нашими коллегами — всеобщниками, востоковедами, в значительной степени — с латиноамериканистами. Стоило бы всерьез приглядеться к их исследованиям. Помогите, несмотря на то, что почин был вроде бы обязывающий, до сих пор, кроме П.В. Волобуева, этим никто не занимался.

Мы должны в настоящее время сказать откровенно и об организационной стороне нашего дела. Да, конечно, создан очень неплохой план работы нашего Совета — неплохой прежде всего потому, что он цельный, органичный и в то же время допускает возможность альтернативных

¹⁹ Леонид Михайлович Спирин (1917–1993) — доктор исторических наук, Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

мнений, т.е. это настоящий исследовательский, творческий план работы, который определяет перспективные направления и в то же время ничего не навязывает.

Стоило бы в рамках этого плана особо выделить региональные проблемы. Ведь сегодня с организационными задачами всего нашего направления Москва не справляется. А может быть, этого и не надо? Может быть, в нынешних условиях большую, может быть, даже наибольшую роль могут сыграть региональные школы. С такими феноменами я сталкивался, и они на меня произвели самое обнадеживающее впечатление.

И, наконец, последнее. Наш Совет не только общесоюзный, но еще и международный. В нынешних условиях западные историки идут на контакт с нами. Понятно, почему: они рассчитывают на архивы, их здесь понять можно, и препятствовать не стоит. Во всяком случае, это просто нехорошо было бы с нашей стороны. Но мы эту возможность сотрудничества используем чрезвычайно слабо. Речь, прежде всего, идет об организации международных конференций, стажировке наших исследователей, аспирантов, надо им давать возможность стажироваться в западных исследовательских центрах. Без этого на должный уровень, на мировой уровень развития науки мы не выйдем.

Кроме того, мы испытываем трудности в издании наших работ. Я не знаю, кто таких трудностей не испытывает. Я, во всяком случае, на себе их испытал. Надо вести дело к тому, чтобы наши работы издавались на Западе. Издание книг Р. Медведева на Западе показывает, что западный рынок далеко не насыщен литературой об Октябрьской революции, и я думаю, что интерес к Октябрьской революции, как и ко всей нашей истории, будет расти. У нас книги об Октябрьской революции издаются тиражом в полторы тысячи экземпляров в среднем. На Западе книги о русской и советской истории издаются университетскими издательствами, в твердой обложке, тиражом в 4,5 тысячи экземпляров. Эти западные университетские издательства ведут основательный отбор нашей литературы. Если они чувствуют, что книга представляет собой научную ценность и содержит какие-то идеи, фактические материалы, они готовы ее запустить в производство. Другое дело, что у нас есть ВААП, который нам в этом деле мешает.

В заключение — о соотношении революции и гражданской войны. В конце-то концов надо рассматривать революцию и гражданскую войну как нечто единое целое. Иначе мы не выберемся из определенного «заколдованного круга». Наша гражданская война была во всемирно-историческом масштабе своего рода продолжением Октябрьской революции как часть мировой социалистической революции. Это был восходящий этап

революции. Другое дело, что можно периодизировать этот восходящий этап. А в том, как мы это периодизируем, есть нечто тупиковое. Спасибо за внимание.

П.В. Волобуев: Благодарю вас. Какие есть вопросы?

*В.Д. Оскоцкий*²⁰: У меня два вопроса. Вопрос первый. Возвращаясь к тезису вашего доклада о кризисе общественного исторического сознания, не могли бы вы конкретизировать типологические проявления этого кризиса (помимо неприятия ценностей Октября, о чем вы тоже говорили).

Второй вопрос — о роли интеллигенции в революции. Как вы относитесь к концепции, которая сейчас становится все более распространенной (об этом, например, говорится в статьях философа Ципко²¹ в журнале «Наука и жизнь»), — концепции, выводящей сталинизм именно из умонастроений радикальной интеллигенции?

*М.Е. Найденов*²²: Я тоже хотел бы два вопроса поставить. Во-первых, хотелось бы уточнить само понятие кризиса исторического сознания. В чем смысла этого понятия? Какое содержание вкладывает в него автор?

И второй вопрос, связанный с этим. Об историческом сознании кого речь идет в докладе? Историков ли? Общества ли? Публицистов ли? Или, по мнению докладчика, этот кризис охватывает общество в целом, в том числе и специалистов-историков?

*А.М. Ментешаишвили*²³: Что вы думаете сегодня о буржуазной концепции случайности Октября? Есть же советологи, которые такую концепцию выдвигают.

В.П. Булдаков: Я с ходу могу ответить: их нет уже! Их просто не осталось. Это только наше дурачье... Кстати, если говорить о понятии кризиса исторического сознания, то мы, наше дурачье, целиком и полностью повторяем стереотипы западной историографии, от которых сами-то они уже отказались! Это стереотипы времен «холодной войны». Наше общественное сознание целиком и полностью «проигрывает» те аргументы против Октябрьской революции, которые уже окончательно сошли со сцены во всем цивилизованном мире. Вот и все!

²⁰ Валентин Дмитриевич Оскоцкий (1931–2010) — кандидат филологических наук, зав. отделом прозы в журнале «Знамя».

²¹ Александр Сергеевич Ципко (р. 1941) — доктор философских наук, в 1986–1990 гг. консультант отдела социалистических стран ЦК КПСС, в 1988–1990 гг. помощник секретаря ЦК КПСС А.Н. Яковлева.

²² Михаил Емельянович Найдёнов (1918–2007) — кандидат исторических наук, МГУ.

²³ Автандил Михайлович Ментешаишвили (1939–2000) — кандидат исторических наук, Тбилисский государственный университет.

А.М. Ментешаивили: Простите, но в 1980-х гг. вышли монографии, где как раз утверждается, что Октябрьская революция была случайной.

В.П. Булдаков: Какие это монографии, скажите, пожалуйста?

А.М. Ментешаивили: Пожалуйста. На русском языке вышла, например, книга Р. Пайпса.

В.П. Булдаков: Я могу привести вам другой пример. В 1987 г. на конференции в Иерусалиме собрались 40 виднейших советологов. Из 40 присутствовавших там советологов Р. Пайпса не поддержал никто! Так что, считаю, концепция случайности Октябрьской революции полностью себя дискредитировала, сошла со сцены. Это не значит, что Пайпс сошел со сцены. Он, как человек чрезвычайно гибкий, прежние свои концепции связывает с какими-то другими, модернизирует их. А в целом вопрос о случайности Октябрьской революции уже не стоит. Во всяком случае, те историки, с которыми я сталкивался и сталкиваюсь, просто не ставят этот вопрос. Революция произошла. Она была, конечно, не случайна, она была народной революцией. В общем, все это признают в настоящее время.

Вопрос об историческом сознании, о каких слоях общества идет речь? Общество — это целостная система, и те идеи, которые сегодня высказаны в образованных, грубо говоря, слоях общества, завтра найдут свое отражение в менее образованных, менее подготовленных его слоях, конечно, в несколько иной форме. И в данном случае нужно говорить о кризисе общественного сознания в целом, применительно к проблемам Октябрьской революции.

Другое дело, вопрос о типологии этого кризиса. Над этим не то чтобы не думали, я полагаю, что нет и материала о том, чтобы типологию этого кризиса описать, не знаю, обладает ли кто-нибудь таким материалом.

Вообще кризис — с одной стороны, это естественное состояние всякого живого организма; всякое общество проходит стадии кризисов, включая и общество социалистическое, включая и отдельные подсистемные элементы этого общества. Кризис — это вовсе не конец; кризис — это констатация неблагоприятного положения в прошлом, и в то же время это возрождение, выздоровление. Я вот так понимаю кризис.

Что касается специфики кризиса исторического сознания, то мне кажется, это то, что называется разрывом связи времен — утрата определенной духовной, интеллектуальной точки опоры в прошлом, явление, характеризующее нездоровое состояние всего общественного организма. И мне представляется, что наша роль в преодолении этого кризиса состоит в возвращении к реальным ценностям Октябрьской революции. Реальные ценности революции, как я считаю, носили общечеловеческий характер.

Другое дело, что путь к этим общечеловеческим ценностям мыслился через насилие, и эскалация насилия приняла колоссальные масштабы.

Далее, вопрос об интеллигенции в революции. К своему стыду, должен сказать, что я до сих пор не прочитал статью Ципко, хотя читал отклики на эту статью, слышал мнения, но самой статьи не читал. Мысль о том, виновато ли настроение радикальной интеллигенции в утверждении сталинизма (я не знаю, как это сказано у Ципко), думаю, в том, что он сказал, есть доля истины. Хотя в принципе в результате Октябрьской революции и гражданской войны Россия свою традиционную интеллигенцию утратила, и сталинизм утвердился в значительной степени оттого, что этот тонкий культурный слой был ликвидирован.

П.В. Волобуев: Ципко даже брежневщину и ту из левого радикализма выводит.

В.П. Булдаков: Я этого не воспринимаю. Я думаю, что такие заявления, скорее, способствуют преодолению кризиса исторического сознания, нежели его углублению. Меня больше беспокоит тенденция совсем другого рода — это тенденция масонского или сионистского заговора, тенденция валить всё на Ленина, отождествлять Октябрьскую революцию с ленинщиной, мне кажется это диким, самым худшим, что может быть в историческом сознании.

Ю.П. Шаранов: Сюжет, на котором я хочу остановиться, уже по своей формулировке частный вопрос истории Октябрьской революции. Но это вопрос острый, актуальный, и не только методологически, но и политически.

Есть специальная точка зрения, выраженная в Биохронике между 3 и 10 октября по старому стилю. Давайте коснемся одного источника, который известен был, и сейчас известен, может быть, не так широко доступен, но существует. Вчитаемся сначала в текст ленинского письма членам ЦК, которое вам всем известно. Датировал Ленин это письмо вполне определенно. «Я пишу эти строки, — писал он, — вечером 24-го».

На мой взгляд, в этом письме помимо чисто практических указаний по подготовке и реализации плана вооруженного восстания есть положение, которое теоретически обосновывает ленинский призыв немедленно взять власть.

Если сопоставить это письмо Ленина вечера 24-го с его же письмом в ЦК, МК, ПК, членам Советов Питера и Москвы, большевикам от 1 октября 1917 г., т.е. написанным почти за месяц до письма от 24-го, то увидим ту же принципиальную постановку вопроса. 24-го эти вопросы были поставлены еще резче.

Не вправе ли мы считать, что в этой части ленинского письма от 24 октября 1917 г., в отличие от практической, деловой постановки вопроса о вооруженном восстании, в другой его части этот вопрос трактуется теоретически, методологически, что является отголоском, продолжением разговора Ленина с цекистами, начиная с того момента, когда Владимир Ильич констатировал на заседании ЦК 10 октября тот факт, что «с начала сентября замечается какое-то равнодушие к вопросу о восстании»?

На наш взгляд, вправе. И не только после 10 октября, но и гораздо раньше. Мы не поймем всей резкости и последовательности ленинской постановки вопроса о вооруженном восстании, если датой возвращения Ленина из Выборга в Петроград примем 7 октября 1917 г.

Я не буду касаться историографии вопроса, коснусь лишь солидной работы Е.И. Тепляшиной «Октябрьская Лениниана: научные исследования, поиски, задачи» и работы Л.И. Семенниковой «Партия большевиков во главе Октябрьского вооруженного восстания (Современная советская историография)», которые обосновывают дату приезда Ленина в Петроград 7 октября.

Как вы сами понимаете, в советской историографии Великого Октября ведущее, почетное место занимают труды И.И. Минца²⁴. В лекции «Октябрьская социалистическая революция и тактика большевиков», опубликованной в 1939 г., и других публикациях Исаака Израилевича существовала дата 7 октября. Найден дневник Ялавы, в котором под датой 7 октября помечено: «Старик приехал». В дневнике жены Латукки зафиксировано, что Ленин уехал 7 октября таким-то поездом в такой-то час в Петроград. Дневник жены Латукки я не видел, должен честно признаться. А вот дневник Ялавы видел, и не один, а вместе с Исааком Израилевичем. Это было в конце 1959-го — начале 1960 г. в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС еще в старом здании на Волхонке. Я работал там заведующим библиотекой института, и мне приходилось часто быть по делам у директора института. Во время очередного визита секретарь доложил Геннадию Дмитриевичу, что пришел академик Минц, которого Геннадий Дмитриевич тут же принял, а меня попросил остаться. Когда Исаак Израилевич вошел, поздоровался с ним, Обичкин вынул из ящика своего стола записную книжку — дневник Ялавы, открыл его на заложенной странице, и мы все втроем увидели записи. Исаак Израилевич сказал:

²⁴ Исаак Израилевич Минц (1896–1991) — академик, в 1957–1988 гг. председатель Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», затем «Исторический опыт Великого Октября».

«Старик приехал». Но мы все обратили внимание на то, что дата сверху была тщательно подчищена.

А теперь перенесемся в тот же 1960 г., только в конец его. Там тов. Михрин²⁵ выступал на совещании 15–17 ноября 1960 г. Говоря о том, что главный довод для тех, кто признает дату 7 октября, это запись в дневнике Ялавы, он сказал, что эту запись надо читать не «старик приехал», а «старик пришел». И разъяснил: эта запись отражает не день приезда, т.е. возвращения Ленина из Финляндии в Петроград, а день, когда на квартире Ялавы происходило под руководством Ленина перед историческим заседанием ЦК 10 октября предварительное заседание некоторых членов ЦК.

Для решения вопроса о дате прибытия Ленина в Петроград в канун Октябрьского вооруженного восстания мы обладаем серьезными источниками.

Известное письмо И.Т. Смильге многое объясняет в трактовке предоктябрьских размышлений и поведения Владимира Ильича. Письмо наполнено практическими и тактическими советами и прямыми указаниями Ленина Смильге как председателю областного Комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Но там есть другие ленинские рассуждения, общие и частные. Например: «По-моему, для правильной подготовки умов надо сейчас же пустить в обращение такой лозунг: власть должна немедленно перейти в руки Петроградского совета, *который передаст ее* съезду Советов». Ленин просит Смильгу приехать, но предварительно известить Хуттунена через Ровио, «ибо я могу уехать внезапно», «на случай, что я долго останусь здесь, надо наладить нам почту».

Письмо написано 27 сентября. Какой же вывод? Ленин в очень серьезных стесненных обстоятельствах. Он понимает, что ему необходимо быть в Питере во что бы то ни стало: в письме Смильге он просит организовать ему официальное удостоверение на имя Константина Петровича Иванова. И добавляет: «Мне это необходимо на *всякий* случай, ибо возможен и “конфликт” и “встреча”».

Какой внезапный «случай» имел в виду Владимир Ильич? Ясно какой — отъезд в Петроград. Какой «конфликт»? Ясно какой — между ним и цекистами, упорно не желавшими немедленно и практически ставить вопрос о восстании.

Какая «встреча»? Опять ясно какая. Ленин мог предполагать любой поворот событий по возвращении в Питер — ему нужен был официальный документ. И всё это написано, повторяю, 27 сентября 1917 г.

²⁵ Павел Николаевич Михрин (1912–1963) — кандидат исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

Наконец, главный источник, который был в обороте при рассмотрении этого сюжета, это стенограмма совещания 15–17 ноября 1960 г. в Институте марксизма-ленинизма. Высказывавшиеся там люди открыто, свободно говорили в пользу одной даты, другой даты, в пользу третьей даты. Тогдашний заведующий сектором произведений Ленина Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС перечислил все документы, которые поступили в Институт марксизма-ленинизма по этому вопросу, статью М.В. Фофановой за 1958 г., расширенную записку ее же, представленную в институт, материалы П.Н. Михрина и все другие материалы. Как известно, Михрин обосновывал дату 29 сентября. Заклучая свое выступление, Зевин²⁶ заявил, что нужно очень веское обоснование того, почему ЦК понадобилось принимать такое решение после приезда Ленина, т.е. задним числом.

С большой речью выступила на совещании М.В. Фофанова. Она затронула в своей речи самый острый вопрос, которого как черт лаdana боялись догматики. Что ж, может быть, тогда, в прошлом, и вправду не стоило обо всем этом говорить. Но теперь-то, в наши дни, не пора ли?

Прямо, поименно назвала Фофанова тех, кто искажал подлинную картину предоктябрьских событий: «Вначале кому было выгодно закрывать все это? Зиновьеву и Каменеву. Каменев делал это в Москве, а Зиновьев — в Ленинграде. А потом историки, которые воспользовались этим, руководствовались только одним подхалимством, [доказывая] что все делал Сталин».

Попробуем подвести некоторые итоги. Первое. Вопрос о дате возвращения Ленина из Выборга в Петроград в канун Октябрьского вооруженного восстания — это вопрос не хронологии, это не арифметический. Это вопрос методологии и политики.

Второе. Этот вопрос нельзя рассматривать в отрыве от контекста событий: он тесно взаимосвязан с позицией тогдашнего ЦК по отношению к восстанию. Пора, наконец, честно и откровенно заявить, что члены ЦК по разным причинам вначале были против восстания. Некоторые недооценивали его как средство захвата политической власти. Другие же просто боялись, ссылаясь на противоречивость обстановки.

Третье. Мы не усвоим до конца суть «штрейкбрехерства» Зиновьева и Каменева, оценки их поступков Лениным несколько лет спустя в «Политическом завещании», если не свяжем это с той борьбой, которая велась Лениным перед пленумом ЦК 10 октября.

²⁶ Владимир Яковлевич Зевин (1918–1976) — доктор исторических наук, зам. директора (1971–1976) ИМЭЛ/ИМЛ, консультант, зав. Отделом ЦК КПСС (1966–1971).

Четвертое. Мы не поймем всей сложности предоктябрьской ситуации, если не будем учитывать, что Владимир Ильич был много выше своих соратников и там, где они ничего не видели, он видел всё.

Наконец, пятое, Ленин приехал из Выборга в Петроград 29 сентября 1917 г. и впервые участвовал в работе пленума ЦК 10 октября, посвятив весь этот промежуток времени, будучи на нелегальном положении, беседам с членами ЦК, убеждая в необходимости скорейшего вооруженного восстания.

Последняя записка, которую оставил Ленин М.В. Фофановой, уходя из ее квартиры вместе с Э. Рахья в Смольный, опять-таки самовольно: «Ушел туда, куда Вы не хотели, чтобы я уходил». Конечно, не Фофанова не хотела, чтобы Ленин появился в Смольном, а те, кто в нем находился.

В ночь с 24 на 25 октября (с 6 на 7 ноября) Ленин в Смольном непосредственно руководит вооруженным восстанием.

Вот таковы наши соображения по поводу даты возвращения В.И. Ленина из Выборга в Петроград. Я считаю, что он приехал 29 сентября 1917 г.

П.В. Волобуев: Спасибо. Какие вопросы?

*И.Б. Берхин*²⁷: У меня вопрос. Если он с 29 сентября в Петрограде, почему он не участвовал в заседаниях 3 и 5 октября, а 10-го участвовал?

Ю.П. Шаранов: Я очень коротко изложил, я говорил 30–33 минуты, мог бы говорить еще столько же. Он просто не был еще в большинстве в ЦК. Какой политический лидер пойдет в ЦК партии в полной уверенности, что его там забаллотируют, что он останется в меньшинстве?

И.Б. Берхин: Для этого он приехал в Петроград, чтобы бороться. (*Ю.П. Шаранов:* Он это и делал.) А где он тогда боролся, на квартире?

Ю.П. Шаранов: А что, на квартире нельзя бороться? Нельзя поодиночке убеждать членов ЦК? (*И.Б. Берхин:* А в ЦК нельзя бороться?) В ЦК тоже можно бороться, но в ЦК сразу поставят вопрос на голосование, а так он побеседует с одним, с другим, с третьим.

А.М. Спири: Ленин приехал 29 сентября, а 10 октября, мы констатируем, что он был уже 12 дней. Фактически никто не знал, где и что делал Ленин 12 дней перед вооруженным восстанием. Человек, который готовил вооруженное восстание, потом руководил им. 12 дней ничем не подтверждается, что он делал. Вероятно это или нет с точки зрения математики?

Ю.П. Шаранов: Тут вопрос решается алгебраически, а не арифметически. Возникает еще такой вопрос: почему, скажем, Фофанова говорила, слава

²⁷ *Илья Борисович Берхин* (1908–1992) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, автор многочисленных учебников.

богу, что она дожила до 1960 г., говорила в своих воспоминаниях Сулимова, говорила Фофанова, говорила Шульга, а почему не те, кто присутствовал на заседании ЦК, потом, в своих мемуарах? Вы встаньте на их позицию: о чем бы они писали свои мемуары? Свердлов, Сталин, Троцкий, Зиновьев, Каменев? О том, что их Владимир Ильич уговаривал, что они не были согласны с Лениным по вопросу о скорейшем вооруженном восстании? Да какой же политический лидер будет потом в своих воспоминаниях так писать?

Реплика: Быть этого не может. Ведь Ленин общался с большим количеством людей. Прямо или косвенно, и вдруг все пропало. Это невероятно.

Из зала: Мой вопрос связан с предыдущим. Я хотел бы узнать, а почему вы не ссылаетесь на известную статью, или, вернее, речь Зиновьева о Ленине, опубликованную в сентябре 1918 г., где он прямо говорит о том, что Ленин приехал в сентябре. Затем воспоминания Крупской об этом же говорят. То есть круг источников достаточно велик. Вы преднамеренно или же просто исходили из того, что это все нам известно?

Ю.П. Шаранов: То, что вы говорите, это было известно, но мне хотелось привлечь внимание к такому живому свидетельству, которое было высказано в декабре 1960 г., не верить которому, во всяком случае многим из присутствующих, тогда не было оснований. Тогда тоже было противостояние мнений. И тоже раздавались такие же точки зрения, которые высказал Леонид Михайлович. Леонид Михайлович понимает, что Ленин не бездействовал, что-то делал, но от этого вообще ничего не осталось. Так я вас понял? (*Из зала:* Примерно.)

Из зала: Есть же статьи, написанные в это время, датированные, из которых ясно, что он делал?

Ю.П. Шаранов: Датироваться начинают с 1929 г.

П.В. Волобуев: Сейчас слово предоставляется почетному председателю нашего Научного совета академику И.И. Минцу.

И.И. Минц: Прежде всего, позвольте поблагодарить за то, что вы меня пригласили на это заседание. Во-первых, приятно встретиться с товарищами, с которыми я больше 30 лет совместно работал. Это придает больше бодрости, уверенности, сознательности. Ну а во-вторых, четвертый год перестройки закончился. И очень хотелось знать, что наши товарищи на местах за это время обсудили, придумали, выдвинули.

Я хочу остановиться только на одном вопросе по докладу Ю.И. Кораблева. Интересный доклад. Должен сказать, что в последние годы у меня было такое чувство, как будто бы меньшевики, эсеры не успели всего сказать против нас, и теперь их работу дополняют невежественные литераторы (*смех в зале*), ищущие сенсации историки. (*Из зала:* Bravo, bravo.)

Я это слышал 70 с лишним лет тому назад: война гражданская — братоубийственная, несправедливая, стоила жертв ненужных и т.д. и т.д. Но разве мы могли забыть слова Ленина, обращенные к нам, молодым солдатам, в августе 1918 г.? Что мы ведем гражданскую войну — самую святую, самую священную из всех войн. Войну бедноты против богатей. Войну эксплуатированных против эксплуататоров и т.д.

Поэтому я поддерживаю предложение Юрия Ивановича и дальше резко выступать против попыток опоганить, извратить точку зрения Ленина. Тем более что наш генеральный секретарь не пропускает ни одного своего выступления, чтобы не высказаться против экстремистов, против болтунов, против тех, кто требует невозможного, против авантюристов. (Я дословно привожу его выражения.) Повторяю, эту точку зрения Юрия Ивановича я поддерживаю.

Но есть у меня одно замечание. У нас складывается (а может быть, и сложилось уже) представление, будто бы культ личности был предопределен статьей Ворошилова «Сталин и Красная армия», вышедшей в 1929 г., к 50-летию Сталина. Это абсолютно не верно! Нельзя поддерживать эту точку зрения. Почему?

Вы вспомните: Сталин, по выражению Ленина, сосредоточил в своих руках необычайную силу. Это было в 1922 г. А меньше чем через год Ленин написал свое знаменитое письмо съезду партии, которое вошло в историю под названием «Завещание Ленина» и в котором Ленин призвал к решению вопроса о передвижке Сталина, о снятии его с поста. На основании чего? На основании результатов только года работы Сталина? Да нет, конечно. На основании тех данных, тех сведений, которые имелись на этот счет у Ленина в продолжение периода гражданской войны. Так что, повторяю, говорить о том, что культ личности складывался только с 1929 г., абсолютно неверно!

Я позволю себе напомнить, что мы знали две концепции гражданской войны — тогда же, не теперь только. Одна концепция — это концепция Ленина, который говорил, что всемирный империализм — вот кто виноват в гражданской войне и затягивании ее. Вторая концепция складывалась постепенно и особенно резко была выражена, когда Ленин заболел. Это концепция о том, что гражданская война состояла из трех комбинированных походов Антанты: Колчак, Деникин — 1919 г.; Пилсудский с Врангелем — 1920 г. Эта схема прямо противоположна тому, что говорил Ленин.

Во-первых, из нее выпал 1918 г. Полностью! А ведь восстание чехословаков положило начало интервенции в нашей стране в июле 1918 г. Нет упоминания об июньском кризисе, сложившемся в 1918 г., когда у нас еще

не было Красной армии. Ленин, в 1919 г. вспоминая этот период, подчеркивал, что вот теперь у нас появилась Красная армия, окрыленная победами, и нам теперь никакие кризисы не страшны. Этого же нет! Поэтому к тому, о чем говорил Юрий Иванович, мне кажется, надо добавить проблему постановки вопроса — проблему концепции самой гражданской войны.

Во-вторых, разве такое величественное событие, как гражданская война, обошлось без научного изучения? Вовсе нет. Писали о гражданской войне и в 1921, и в 1922, и в 1923 гг., писали многие: писали командиры, политработники, писали об отдельных периодах. И, наконец, в 1928 г. (я прошу запомнить эту дату) появился двухтомный труд, во главе которого стояли главнокомандующий Красной армией С.С. Каменев, А.С. Бубнов, Р.П. Эйдеман. Сотни людей принимали участие. Откройте вы труд под названием «Гражданская война. 1918–1921 гг.», там ни слова нет о величественных победах Сталина, не упоминается даже его имя. Ни слова нет о Южном фронте, которым он так гордился и хвастал, командующим которого был Егоров.

Могло ли это пройти незамеченным? Разумеется, нет. И Сталин отреагировал тем, что заставил наркомвоена выступить со своей концепцией в 1929 г. Как прореагировали тогда деятели Красной армии на эту концепцию? Промолчали. Не было никаких выступлений в печати. Но в разговорах друг с другом говорили командующие: почему Сталин является одним-единственным руководителем побед? А мы где были, а мы чем занимались?

Более того, через год, в 1930 г., вышел 3-й том этой книги под той же редакцией, с привлечением М.Н. Тухачевского. Это тоже огромный том, в котором участвовали и старые руководители фронтов, и командующие отдельных армий, которые не могли пройти мимо выступления Ворошилова. И вот этот том поместил у себя примечание такого характера (я помню даже страницу — 271). Труд был сверстан, когда вышла работа Ворошилова «Сталин и Красная армия», рассказывающая об успехах в разгроме Деникина. Дальше почти на трех страницах идет выдержка из Ворошилова. И все. Никакой своей оценки там не было. Но фактически оценка состояла в том, что отказались переверстывать книгу, хотя включение трех страниц из Ворошилова уже было переверсткой. Сталин воспринял это как активную борьбу против себя. И он понял, что одного Ворошилова уже недостаточно, что нужны другие. И, по его собственному выражению, которое приводил покойный Хрущев в своем выступлении против культа Сталина, в 1937 г. впервые была применена физическая мера против привлеченных. Из них вышибали представление о том, что Сталин никакого отношения

к гражданской войне не имеет. И это известно было всему старшему командному составу. Все знали о том, что идет внутренняя борьба между Сталиным и его группами и между фактически всем руководством Красной армии. Поэтому последовал новый удар, а именно: через сталинскую мясорубку прошел уже весь высший комсостав, из них только единицы были освобождены, вроде Рокоссовского и т.д.

Поэтому неверно сказать, что только статья Ворошилова положила начало культу личности. Он на наших глазах складывался, он встречал сопротивление, он имел выступления против себя. И был суд, где всех членов редколлегии и десяток-другой авторов этой работы подвергли незаконным репрессиям. Поэтому, мне кажется, мы должны и на это обратить больше внимания, показать, что культ личности складывался не по приказу: руки вверх! и все подчинялись. Шла борьба. Нужно эту борьбу раскрыть. И она падает как раз на те времена, которыми так удачно занимался т. Кораблев.

Вот замечание, которое мне хотелось сделать для того, чтобы подчеркнуть значение продолжения, углубления борьбы за выкорчевывание культа личности. Нельзя ограничиваться только постановочными вопросами. Надо использовать новые материалы, новые свидетельства. И таким образом общими усилиями выкорчевать эту зловредную концепцию.

П.В. Волобуев: Спасибо. Профессор Историко-архивного института Бурганов²⁸.

А.Х. Бурганов: Я с большим интересом выслушал доклад В.П. Буддакова, и мне очень понравилась постановка вопроса о роли народных масс. Сам я этой проблемой занимаюсь давно, правда, ничего серьезного опубликовать пока не удалось, кроме отдельных отрывков. По этой проблеме нет понимания и до сегодняшнего дня. Особенно характерно это было для застойного периода, когда всякие голосования, всякие аплодисменты, «верной дорогой идете, товарищи!» или плакатный Ленин — всё это привело в значительной мере к тому, что мы имеем и сегодня.

Мне думается, что прошедшая предвыборная кампания, вся выборная кампания еще раз подтвердила, что и сегодня понимания этой проблемы нет. В той кампании, которую вела партия, она рассчитывала и в ряде случаев получила очень ощутимые удары.

П.В. Волобуев: Сегодня их анализом занимается пленум ЦК КПСС.

А.Х. Бурганов: Сегодня проблема отрыва партии от масс весьма реальна, и никто по-настоящему предвидеть последствия этого отрыва не мо-

²⁸ *Азгас Хусаинович Бурганов* (1920–?) — кандидат исторических наук, Московский историко-архивный институт.

жет. Они могут быть плачевными. Поэтому я приветствую этот тезис тов. Булдакова.

Второй вопрос, на котором я бы хотел остановить свое внимание, это на последнем сообщении Ю.П. Шарапова. Я согласен с таким тезисом о том, что это проблема не арифметическая и даже не алгебраическая, это по-настоящему проблема методологическая. Причем меня не смущают, как некоторых, даты: 27-го или 29-го, есть 3-го, даже 7-го, пусть он даже 9-го или 10-го прямо на это заседание ЦК приехал. Дело тут не в датах, а в том, что Ленин вернулся самовольно. Вот где корень проблемы. И вернулся самовольно потому, что без него Октябрьская революция была бы провалена. И вот эта самовольщина ленинская продолжается ведь до ночи 24 октября включительно, когда он опять самовольно идет в ЦК. Вот насколько важные были разногласия в ЦК и кто собственно был инициатором преодоления этих разногласий.

В связи с вопросом Ефима Наумовича у меня есть такое суждение. Дело в том, несколько предвосхищая события, у меня с 1972 г., т.е. в течение 17 лет, выходит статья в «Вопросах истории КПСС» на тему по записке Ленина от 7 июля 1921 г. на III конгрессе Коминтерна венгерской делегации. Эта статья в 5-м номере выходит. Да, это 17-летний юбилей, причем уже после того, как она принята, она два года из номера в номер переносится. Но, говорят, уже теперь, когда я сказал, что я статью забираю, тогда сказали, что нет, она в 5-м номере пойдет. Будем надеяться, что они на сей раз проявят элементарную честность.

Товарищи, речь вот о чем идет. Сталин на юбилейном торжественном заседании Моссовета выступает в 1920 г. и приводит то, о чем Ефим Наумович говорит, — о том, что Ленин-де похвалил нас за то, что мы не подчинились его «левацкому» предложению, и мы довели восстание до II съезда Советов и таким образом победили. Ленин же, будучи таким героем — ну, он же гений, он титан, великан, что ему обходить ухабы, ямы? Он прямо говорит: вставайте и идите на вооруженное восстание. Мы же, практики, исходили из того, что так нельзя делать, надо ямы и ухабы обходить, и вот мы, обходя эти ямы и ухабы, привели народ к победе в октябре 1917 г. Причем начинается эта его речь с того, что очень важно правильно выделять момент выступления. А вот было такое предложение, которое не считалось, не проявляло этого искусства. Мы же — Сталин и члены ЦК — проявили такое искусство и выбрали такой момент, который оказался самым подходящим для победы.

Речь-то идет о том, товарищи, что до сих пор по вопросу о записке 1921 г. в исторической литературе нет точек над «i». В Полном собрании

сочинений сказано в примечании: о чем идет речь — установить не удалось, хотя я глубоко убежден, что в этом, очевидно, заинтересованы товарищи, которые придерживаются определенной концепции. А концепция состоит в следующем. Ленин в своей записке говорит, как бы успокаивая венгерских товарищей, которые на него обиделись за его выступление накануне с критикой их за левизну, за неправильную тактику. Я сам был в эмиграции несколько раз, говорит Ленин, я сам вносил ЦК такое предложение, слишком левое, которое было не принято, и к счастью было не принято. Действительно не нужно было принимать его предложение.

О чем, собственно, речь идет? О том, что в августе, как раз накануне корниловщины, в связи со статьей «Слухи о заговоре» в «Новой жизни», и со всеми вытекающими отсюда обстоятельствами, Ленин предложил изгнать всех, кто допускал какое бы то ни было соглашательство с меньшевиками и эсерами в Москве, и членов ЦК отстранить, и Московский комитет отстранить и т.д. и т.п., т.е. он предложил очень суровые меры.

Сама обстановка, вся ситуация историческая, товарищи... Мы же, в конце концов, должны руководствоваться принципом историзма! Ленин же не мог на III конгрессе говорить такие вещи, которые не имеют непосредственного отношения к проблемам III конгресса. Тем более оправдываясь перед венгерскими коммунистами, которых он очень уважает, он это подчеркивает. Спасибо за внимание. (*Перерыв*)

Вечернее заседание

П.В. Волобуев: Продолжаем работу. Время для выступления предлагается предоставлять в пределах 10–15 минут. Слово для выступления предоставляется проф. Попову²⁹ из Уральского государственного университета.

Н.Н. Попов: Уважаемые товарищи! Урал находится далеко, но проблемами формирования исторического сознания мы занимаемся так же активно, как и коллеги в центре. И не заниматься этим не можем, поскольку в широких слоях общественности процесс этот идет независимо от историков. И идет с такой быстротой, что если бы мы успевали за ним, то была бы нам честь и хвала. Но во всяком случае мы стараемся не отставать и участвуем практически во всех мероприятиях, которые так

²⁹ Николай Назарович Попов (1946–2009) — доктор исторических наук, Уральский государственный университет, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

или иначе связаны с этой проблемой — формированием нового исторического сознания.

И действительно, проблемы эти обсуждаются у нас и «неформалами», в мероприятиях которых мы принимаем участие, и на телевидении, радио; в газетах и в журнале «Урал» периодически появляются у нас материалы. Вплоть до мероприятий городского, областного, регионального масштаба, до семинара обкома партии, где тоже изучают эти проблемы, причем на самом серьезном уровне. Будем надеяться, что и польза от этого будет.

Наша Уральская секция три недели назад провела конференцию «Вклад большевиков-ленинцев в революционное движение и социалистическое строительство на Урале». Приняли в ней участие представители не только всех крупных городов Урала, но и Москвы, Киева, Днепропетровска, Казани. Мы сами удивились, когда начали эту конференцию собирать. Вдруг выяснилось, что интерес к этой проблеме — к личностному фактору — исключительно велик. Оказывается, такой конференции не только на Урале, но и вообще в России никогда не проводилось. Мы вынуждены даже были конкурсный отбор этих материалов провести, поскольку биографических материалов оказалось очень много.

Еще больше мы удивились, когда выяснили, кто же представлен у нас из фигур, которые в разное время, и особенно в период Октября и гражданской войны, действовали на Урале. Оказалось, что две трети этих деятелей были репрессированы, так что биографии их практически неизвестны. Большинство тех, кто был представлен на нашей конференции, прозвучали фактически впервые. Интерес к таким материалам исключительно велик.

В последнее время снова увеличивается число исследователей, которые занимаются проблемами Октября и гражданской войны. Насколько мне известно, в других регионах (И.М. Ионенко³⁰, например, жаловался) сокращается число таких исследователей. У нас же занимаются молодые исследователи, в аспирантуре, этими проблемами и в Свердловске, и в Перми, и в Челябинске. Во всяком случае, у нас Ученый совет и вообще руководство аспирантуры в Уральском университете перестали ориентировать исследователей только на современность, как это было в 1970-х гг. Согласились, что современность — это политика, еще не история, для того чтобы рассмотреть эти проблемы, нужно, чтобы они на какое-то расстояние были отнесены.

³⁰ Иван Михайлович Ионенко (1913–1989) — доктор исторических наук, Казанский государственный университет, председатель Поволжской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

У нас сейчас довольно активно занимаются такими проблемами, как непролетарские партии, проблемы, связанные с периодической печатью, подготовка партийных кадров и партийные советские органы на Урале в период Октября и гражданской войны, до ревкома включительно.

Когда после кончины Н.К. Лисовского³¹ мы в Свердловске создавали фактически новую секцию под руководством проф. Плотникова³², мы составили план научных изданий по Уральской региональной секции Научного совета «Исторический опыт Великого Октября». У нас по Октябрю и гражданской войне до середины 1990-х гг. должно выйти около трех десятков крупных изданий, не считая кандидатских диссертаций, которые в этот план не включены. То есть эти проблемы у нас являются действительно ключевыми. Сюда мы включаем и проблемы, связанные с буржуазно-демократическим этапом революции, ибо нельзя рассматривать проблемы Октября, не рассматривая предшествующие процессы.

Далее, о тех проблемах, которые у нас существуют. Это прежде всего сократившиеся возможности Уральского университета в проведении различных научных мероприятий. Гораздо сложнее стало их организовывать по ряду причин: и добиться разрешения очень непросто, и обеспечить материально проведение таких конференций сложно. Поэтому, хотя у нас в плане проведение таких конференций раз в два года (одну мы уже провели в этом году), но все-таки мы не уверены, что этот план выполним, ибо в университете, в частности на кафедре у Плотникова, реально обеспечить проведение этих конференций некому.

Мы объединим усилия нескольких вузов, чтобы проводить такие мероприятия. Но нам нужна и помощь Научного совета. Хотелось бы, чтобы Научный совет обратился, может быть, к ректорату Уральского университета с просьбой каким-то образом помочь нам в этом, тем более что у университета есть договор с Уральским отделением Академии наук о сотрудничестве, о подготовке кадров для Уральского отделения. Там открыт наш Уральский институт истории и археологии.

У нас расширились возможности издавать книги, монографии по нашим проблемам. Историки имеют влияние на составление планов изда-

³¹ Николай Кузьмич Лисовский (1914–1987) — доктор исторических наук, Челябинский государственный педагогический институт, председатель Уральской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

³² Иван Федорович Плотников (1925–?) — доктор исторических наук, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

тельств, однако решающее, последнее слово остается не за ними. Это касается нашего Средне-Уральского издательства и остальных издательств везде. Сами работники издательств определяют, что выпускать, не историки это решают, а решают те, кто издает эти книги. Несмотря на это хотя бы раз в два года, практически ежегодно в наших издательствах выходят наши книги по Октябрю и по гражданской войне.

Есть проблема, которая волнует сейчас всех, не только уральцев, связанная с расстрелом царской семьи в 1918 г. Сейчас стала об этом уже писать центральная печать, в частности «Московские новости». Г.З. Иоффе организовал публикацию воспоминаний К.А. Мячина-Яковлева в журнале «Урал». Там освещается перевозка царя. С прекрасным предисловием, с заключением. Это для уральцев подарок. Но самая история расстрела и всё, что с этим связано, остается для нас закрытой темой. Мы неоднократно ставили этот вопрос на разных конференциях и т.д., и на самом высоком уровне, однако к этим материалам нас близко не подпускают.

П.В. Волобуев: А как же Рябов³³?

Н.Н. Попов: Он получил допуск по линии МВД, а историки-профессионалы получить допуск не могут. Я эти материалы смотрел в 1960-е гг., тогда разрешалось, правда, нельзя было ссылаться и публиковать, но мы могли смотреть и ориентироваться и т.д. Жаль, я тогда кое-что написал, но мало, а вот теперь и это не выдают. Как работать? А с нас, сами знаете, спрашивают на различных встречах с общественностью об этом. Мы, конечно, рассказываем, говорим, но источники, к сожалению, назвать не можем, а если и называем, то заявляем, что сами этих документов или не видели или комплексных исследований по этой проблеме не проведено.

П.В. Волобуев: Речь идет о допуске в архиве к материалам?

Н.Н. Попов: Совершенно верно. Дело в том, что архив партийный имеет эти документы в значительной степени. Но есть и в других архивах, где мы даже не ставим вопрос, чтобы туда попасть, потому что это дело безнадежное.

Реплика: Вы не ставите, а королева Елизавета ставит.

Н.Н. Попов: Это надо, товарищи, в масштабах всей страны решать. Многие материалы в архиве КГБ для нас, к сожалению, недоступны. И отсюда вывод: мы полной исторической правды сказать, конечно, не можем. У нас связаны руки. Хотя наш партийный архив, наш Свердловский партийный

³³ Гелий Трофимович Рябов (1932–2015) — советский и российский писатель, кинорежиссер, сценарист.

архив, считается еще и либеральным даже. Он для подготовки конференций по личностному фактору даже подпустил нас к личным делам, хотя это делается только с разрешения секретариата обкома. Только в плане подготовки конференции для нас такое исключение сделали. Но в другой раз будет гораздо сложнее. Вот так мы работаем.

П.В. Волобуев: Относительно интереса к убийству семьи Романовых, расстрела семьи Романовых. Скажите, среди молодежи, в частности студенческой, в научных институтах, наблюдается ли рост роялистских настроений и симпатий? Или хотят просто знать правду, как это было?

Н.Н. Попов: Пожалуй, делятся на тех и на других. И еще на третьих, которые вообще не хотят ничего знать. Подавляющее большинство осуждает сам факт расстрела. Но нельзя сказать, что мы закрываем на это глаза. Вот у нас был «круглый стол» в связи с 70-летием кончины Свердлова. Мы этот вопрос затронули и осветили его, как нам представляется, основательно. Корреспондент областной газеты там присутствовал; прошел уже месяц, а газета этот материал пока не опубликовала. Они все еще взвешивают, можно ли, нужно ли, так ли, не так ли. Но все-таки мы надеемся и работаем над тем, чтобы этот материал был опубликован. И наконец готовим на телевидении на май «круглый стол» в связи с приближающейся годовщиной расстрела семьи Романовых.

П.В. Волобуев: В прошлом году у вас не было каких-то мероприятий? По случаю круглой даты?

Н.Н. Попов: Нет, не было. Я помню, в 1970-е гг., когда мы протестовали против сноса дома Ипатьева, председатель нынешней Уральской секции нашей Иван Федорович, помню, в присутствии секретарей обкома говорил: ну, что же вы делаете, товарищи, это же наше национальное достояние, а может быть, и мировое. Потом наши областные руководители это признали, но с большим опозданием. И, кстати, Б.Н. Ельцин принимал тоже в этом участие. Ни слова не сказал в защиту этого дома, ничего не сделал абсолютно.

П.В. Волобуев: Вот не знали-то москвичи на выборах... *(Смех в зале.)*

Н.Н. Попов: Но зато 22-этажный огромный «дом Советов» — здание облисполкома и обкома партии — он все-таки построил.

П.В. Волобуев: На этом месте?

Н.Н. Попов: Нет, не на этом месте, но как раз напротив. Река Исеть их разделяет: с одной стороны — снесенный дом Ипатьева, а с другой — 22-этажный дом, копия здания ЦК Союза коммунистов Югославии.

Ю.И. Кораблев: А собор-то рядом не снесли?

Н.Н. Попов: Нет, но его уже десять лет реставрируют!

Ю.И. Кораблев: Николай Назарович, будьте добры, скажите. В 1973 г. в Свердловске один из оставшихся в живых участников расстрела (я забыл его фамилию) подробнейшим образом рассказывал мне, как это происходило. Возил на место, где их сожгли. Вы не можете сказать, кто это мог быть? Жив ли кто-нибудь из непосредственных участников расстрела?

Н.Н. Попов: Я знаю, что в 1970 г. умер последний участник этой акции — А.И. Парамонов, который тогда был в числе руководителей облисполкома и городского Совета. Может быть, встреча, которую вы вспоминаете, была до 1970 г.?

Ю.И. Кораблев: Да, вы правы, это было действительно в 1970 г.

Н.Н. Попов: Он был последним, кто имел к этому отношение.

Ю.И. Кораблев: Значит, это был он. А воспоминания его есть?

Н.Н. Попов: Есть.

Ю.И. Кораблев: И их тоже не дают?

Н.Н. Попов: Да воспоминания-то там всякие есть. Их тоже нужно проверять, — понаписано и такое!.. Ермаков, например (я его воспоминания читал), расписывал все прямо-таки садистски: кто как хрипел, как стреляли, и все прочее, и т.п. Все это есть там. Но это тоже, в общем-то, не выдается. У одних — специальное описание, как, например, у Ермакова, а у других, у Парамонова, например, — как эпизод. Вот если как эпизод, то можно. Если как специальное описание, то нельзя.

П.В. Волобуев: У Парамонова какие инициалы?

Н.Н. Попов: Он Анатолий Иванович.

П.В. Волобуев: По-моему, Парамонова среди тех, кто из членов исполкома подписали, нет. Он там не значится. И среди 11 расстреливавших его тоже нет.

Н.Н. Попов: Но он был в числе организаторов этого дела. Как один из руководителей городского и областного Советов имел к этому прямое отношение. Это совершенно точно.

П.В. Волобуев: Спасибо.

Из зала: Вы сказали об архивах, которые недоступны. Вы имеете в виду свердловские архивы?

Н.Н. Попов: Да, свердловские.

Из зала: А каков, по-вашему, характер этих документов (если возможно на этот вопрос ответить)? Это воспоминания, и еще что-нибудь есть?

П.В. Волобуев: Скажем, докладная записка Юровского может там быть?

Н.Н. Попов: Может быть и это, и телеграфная лента с записью переговоров, и кое-что другое.

П.В. Волобуев: Телеграфная лента в Москве есть.

Н.Н. Попов: Ну, копии там могут быть или какие-то ленты.

Из зала: Насколько известно, большое количество документов было вывезено...

Н.Н. Попов: Какие там есть материалы, я не могу вам точно сказать. Я-то смотрел только воспоминания. Но есть, есть там и другие материалы, которые нам не выдаются, как не выдавались и в 1960-е гг. Это совершенно точно! Нам это заявляют официально.

Из зала: Простите, но ведь Екатеринбург был захвачен. Я смотрела документы областного Совета в ЦГАОР. Что, часть их обратно вернули?

Н.Н. Попов: Часть документов была эвакуирована до Вятки, когда Красная армия отступала, потом назад вернули. Урал потом собрал все это вместе.

П.В. Волобуев: Товарищи! Мы сегодня договорились, что будем обсуждать проблемы, поставленные в трех научных докладах. А вопросы организационные, о работе секций мы будем обсуждать завтра. Сегодня мы хотели бы иметь научную дискуссию. Слово имеет проф. И.Р. Тагиров³⁴.

И.Р. Тагиров: Мы заслушали интересные доклады. Юрием Ивановичем интересно поставлен вопрос о гражданской войне в плане того, можно ли было ее избежать. Но я думаю, что не все с ним согласятся — с тем, что можно в принципе избежать, в российских условиях нельзя было. Наверное, столь категорично нельзя говорить. Рассматривая возможность избежать гражданскую войну, надо, видимо, смотреть не только с начала самой гражданской войны, а с апреля 1917 г. Ведь главным условием этого является возможность политического компромисса, важно, чтобы эта возможность была, т.е. иная альтернатива, и чтобы эта альтернатива была в качестве компромисса предложена другим политическим силам. Я думаю, что уже в апрельских тезисах Ленин предлагает этот компромисс. Если бы этот компромисс был принят, тогда, я думаю, что у нас в дальнейшем могла сложиться многопартийная советская система. Была такая возможность. По существу, Ленин предложил в апрельских тезисах в качестве компромисса однородное социалистическое правительство, которое предлагалось вплоть до Октября, и оно было отвергнуто. Затем к этой идее возвращаются меньшевики с эсерами. Они тоже со своей стороны предлагают компромисс — уже в условиях победившей революции. Теперь этот компромисс не принимается большевиками. Если бы в том или ином случае этот ком-

³⁴ *Индус Ризакович Тагиров* (р. 1936) — доктор исторических наук, Казанский государственный университет, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

промисс был принят, могло быть иное развитие событий, боевые схватки не носили бы столь острого характера, поскольку на стороне революции было бы гораздо больше сил. А может быть, контрреволюция вообще не имела бы возможности для сопротивления.

Думается, эти возможности должны быть изучены более основательно с учетом местных материалов. Почему местных материалов? Потому что при абстрактном рассмотрении, исключаящем документы и материалы национальных организаций, национальные аспекты революции не учитываются. А между тем, как известно, Россия стояла перед развалом как единое государство, но не развалилась. Здесь национальный элемент, конечно, сыграл свою роль. Возьмите Кавказ, грузинских меньшевиков, азербайджанских федералистов — с ними компромисс был возможен. Нам нужно изучать эти проблемы.

Очень интересный тут разговор идет об историческом сознании. Действительно, кризис есть. Но чего кризис, какой кризис? Нужно говорить очень конкретно. Конечно, мы переживаем определенный кризис всего общества, кризис определенных политических институтов и традиций и, как составная часть этого, кризис проявляется и в исторической науке. Это производное. Нельзя рассматривать это как с неба свалившееся самостоятельное явление.

Но есть историки, которые считают, что никакого кризиса у нас нет. Если нас не понимают, это их дело, но кризиса нет. И то, что мы пишем и писали — это правда. Я не говорю, сколько их, но они есть. Другие считают, что мы в полном кризисе, может быть, даже в безвыходном, ничего у нас не осталось из исторической науки, надо всё писать по-новому. Это определенное настроение, товарищи, у тех, кто формирует историческое сознание. Это разные вещи.

Дальше идет группа потребителей исторических знаний — интеллигенция с определенными представлениями об историческом прошлом, об Октябре, о социалистическом строительстве, сформированными школой и вузом, т.е. официальной наукой. Вот это историческое сознание переживает, конечно, кризис. Но это не кризис исторического знания. Надо назвать это так: кризис доверия к истории как нашей науке. С одной стороны, кризис самой науки, с другой стороны, кризис доверия к тому, что мы делаем.

И это нам необходимо осознать и работать дальше так. Прежде всего должно быть вылечено общество. И вместе с обществом, может быть, несколько отставая, в результате перестройки — сама историческая наука. И позже всего, потому что раз потерял доверие, другой раз завоевать его очень и очень трудно. И в связи с этим нам не надо бояться четко постав-

ленных, острых проблем. Необязательно, чтобы мы все пришли к одному мнению, могут быть разные мнения по одному и тому же вопросу. Надо, чтобы у нас были альтернативные учебники, книги. Приходишь в издательство — говорят, что на такую тему уже книга вышла и не надо больше. А может, я напишу другую, и пусть читатель сравнит, что я напишу и что было написано. Когда появится возможность посмотреть несколько исторических вариантов, вот тогда будет развиваться как надо историческое сознание.

Б.И. Кантелов: Уважаемые товарищи, коллеги! Нельзя представить себе, чтобы раньше мы так собрались и так свободно разговаривали на тему Октября, упоминая до недавнего времени запретные имена Л.Д. Троцкого и пр. Сегодня, в апреле 1989 г., мы разговариваем свободно.

У каждого свои задачи, трудности. У меня как у директора ЦГАОР СССР задача — привлечь моих соотечественников-историков работать в архиве. Мы можем много говорить, много спорить, но задача историков, насколько я понимаю как историк-архивист, в наших спорах, размышлениях базироваться на исторических источниках. Должен вам, Павел Васильевич, сказать, что у советских историков вкус к историческому источниковедению (могу это сказать за много лет работы в архивах) сходит на нет.

Я с удовольствием прослушал сегодня все доклады. Они несут в себе новизну взглядов и постановку вопросов в новом аспекте. Но если бы авторы, кроме последнего доклада, пришли к нам в Архив Октябрьской революции и по-новому прочитали те документы фондов, которые все время были открыты и никогда не были даже ограничены, такие, как фонд Совета Народных Комиссаров СССР, ВЦИК, ЦИК, НКВД, который всех пугает почему-то. Вы ассоциируете НКВД с 1930-ми гг., но НКВД до 1930-х гг. занимался другими вопросами — задачами национально-государственного строительства, он создавал Советы, комбеды, территориальное деление и пр. Это был гуманный орган. А теми вопросами, которых мы все боимся, занимался другой орган. Если бы вы, уважаемые товарищи, прочитали те документы по-новому, с сегодняшней точки зрения, то вы бы на многое посмотрели по-новому.

Мне довольно часто приходится со своими коллегами выступать на «круглых» и «квадратных» столах, которые популярны и среди общественности, и у партийных функционеров. Я всегда говорю правду, так нас учили в застойные времена, так я воспитан. И в то же время мы — надо откровенно сказать, о чем Михаил Сергеевич нам напомнил — мы все дети своего времени, мы его пережили, и должны это помнить.

Если вы сейчас, по-новому, прочитаете протоколы Совета Народных Комиссаров, а раньше мы их читали по-другому, потому что в каждом протоколе фигурировала до недавнего времени страшная фамилия Троцкого, вам, наверное, как и моим коллегам, станет яснее, откуда появились троцкизм и сталинизм. Корни всего восходят к началу Октября.

Я вам приведу один пример: вы знаете, что первые протоколы Совнаркома не стенографировались. Как вы думаете, в первых 37 протоколах, которые начиная с 15 ноября, на 37 заседаниях Совнаркома, кроме Ленина, кто больше всех присутствует? Троцкий и Сталин. Остальные значительно меньше. Еще пример: с 25 по 28 декабря 1918 г. Ленин уезжает отдыхать в Финляндию на четыре дня. Кто остается за него выполнять обязанности председателя СНК? Сталин.

Из зала: Почему?

Б.И. Кантелов: А вот это, товарищи-профессионалы, вы должны решить. Почему Сталин? Где в это время был Троцкий? Вот и надо решить, почему. А он занимался Брестом. Но все-таки Сталин остался.

П.В. Волобуев: Этого даже Волкогонов не знает.

Б.И. Кантелов: Он слишком поздно к нам пришел. Он работал в других организациях. Когда он к нам пришел, уже практически прошла верстка его двухтомника, и он теперь не знает, куда это вставить. (*Смех в зале.*)

Б.И. Кантелов: Сегодня шла речь о декрете Совнаркома о вождях контрреволюции, об их аресте. Единственный человек, проголосовавший против принятия этого декрета, кто был? Теперь, конечно, ясно — Сталин. Но, проголосовав на заседании СНК против декрета, сам декрет он подписал.

Материалы ВЦИК позволяют массу вопросов рассматривать с новым взглядом, даже строительство Союза ССР. Советские историки практически не работали над материалами Чрезвычайной государственной комиссии, которая собрала сведения об ущербе, нанесенном интервенцией. Почему? Трудно сказать. Мы начали эту работу и как-то притормозили, если не прекратили совсем.

П.В. Волобуев: А когда готовилась Генуэзская конференция и для нее работали эксперты и подсчитывали убытки, они использовали это?

Б.И. Кантелов: Они использовали.

П.В. Волобуев: В.А. Шишкин³⁵ вроде смотрел эти материалы?

Б.И. Кантелов: Давно. Может быть, кто-то и использовал, но совсем мало. Сейчас, как вы знаете, мы накануне пленума по международным

³⁵ Валерий Александрович Шишкин (1931–2006) — доктор исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

отношениям. Скажите, уважаемые товарищи, кто из историков пришел посмотреть материалы ЦИК, ВЦИК и прочие? А я разговаривал с американскими коллегами, около 70 человек приходят, с каждым я беседую.

Из зала: Больше, чем наших историков, да?

Б.И. Кантелов: Ну, нет, через этот читальный зал проходят около 1000 человек. Не Р. Пайпс, о котором все знают, другой американец мне сказал: Борис Иванович, как же получается? Только не обижайтесь. Ваши историки ждут, когда концепцию спустят сверху, а потом начинают цитаты под концепцию подводить.

Из зала: И документы искать.

Б.И. Кантелов: Вот сейчас готовится пленум по межнациональным вопросам. Мы получили огромное задание от ЦК. Историки, наверное, должны помочь? Я вижу только теоретические выкладки по национальному строительству, в академических журналах. А опыта, основанного на нашей истории, как все это делалось, как создавались территориальные объединения, союзные республики, национальные края, округа, в каком котле мы все это «варили», я не нахожу.

Сегодня мы слышали о том, что публицисты якобы опережают историков, публикуют не совсем правильные концепции, не так освещают нашу историю. Сейчас велик интерес к истории, каждый факт обсуждается. Люди стали больше читать, а публицисты публикуют часто совсем не то, даже фальшивки выдают за подлинники, хранящиеся в архивах. Или: кто-то что-то сказал, кому-то передал, «я слышал», «говорили»... Но разве так историю пишут? Или переписывают? Ведь вы смотрите, что делается. Одних героев меняют на других, одних загоняют в угол, как бильярдные шарики, других поднимают. А ведь документы лежат! Придет время, когда все выяснится, время — лучший судья.

Я не согласен с выдвинутым сегодня здесь тезисом о том, что, мол, идет накопление, и настанет время, когда люди поймут, где правда, а где кривда. Нет: исказить, перегнуть события — легко. Вот поправить историю, отразить правильно, реалистично, такой, какой она на самом деле была, хотя бы это было не очень приятно для нас, — это трудно.

Я выступаю перед молодежной аудиторией, знаю: у молодежи голова кругом идет! Она не знает, чему верить. Сейчас «жареные» факты получают все большее и большее распространение. И чем «жаренее» факты, чем больше «клубнички», тем больший резонанс.

Взять ту публикацию, которая была в «Московской правде» 30 марта, — «Перед судом истории», результат безответственности редакции «Московской правды». Мы дали объяснительную записку, направили ее некоторым

членам Политбюро, в том числе Зайкову, Смирнову, главному редактору «Правды» Афанасьеву и редактору «Московской правды» Лысенко. Был порядок, он не отменен, уважаемые товарищи, что все в академические журналы и редакции газет, когда дают сноски или цитируют архивные документы, верстку приносят к директору или заместителю директора, удостоверить правильность цитирования и использования этих документов. Я за плюрализм мнений, за демократию, за гласность. Но после апреля 1985 г. журналы и газеты публикуют статьи, а я ни одной верстки у себя не видел, вот и «Московская правда» не сочла нужным позвонить и спросить. Я просто удивлен. О каком обмене мнений можем мы говорить? Какой это плюрализм?

Ю.И. Кораблев: Тут подают реплику, что это на совести автора.

Б.И. Каптелов: Совесть автора — это, товарищи, понятие растяжимое. Я вам скажу, почему. Писатель, публицист имеет право на домысел, на какие-то художественные приемы.

П.В. Волобуев: Писатель — да, публицист — нет.

Б.И. Каптелов: Публицисты защищают свою прерогативу, что они имеют право на домысел, вымысел так же, как и писатели. Но тут профессиональные историки, для меня как-то странно, как можно. Тут только чистая правда, основанная на документальных источниках, и никаких вымыслов не может быть.

Из зала: Искажены документы или это авторская ошибка?

Б.И. Каптелов: В этой газете фальшивка, выданная за оригинал, а второй документ сфальсифицировали сами авторы и выдали как оригинал. Ни одна ссылка, данная Арутюновым³⁶ и Волковым³⁷, не подтвердилась. Если такие публикации будут появляться, а я чувствую стремление некоторых тоже пойти по этому пути, как же тогда верить исторической науке? Одно опровержение профессиональных историков, второе опровержение... что будет?

Поэтому я хочу призвать вас прийти к нам в Архив Октябрьской революции, у нас сейчас все открыто, кроме маленькой толики секретных материалов, которые во все времена, пока существует государственность, во всех странах мира, будут находиться на секретном хранении. Но при соответствующем оформлении историки также будут иметь возможность с ними ознакомиться. Мы открыли большой комплекс документов: Русский заграничный исторический архив, где хранятся белогвардейские и бело-

³⁶ Георгий Анастасович Арутюнов (1913—?) — доктор исторических наук.

³⁷ Федор Дмитриевич Волков (1916—2007) — доктор исторических наук, МГИМО.

эмигрантские документы. Там и белогвардейщина, и антисоветщина. Он теперь доступен, пожалуйста, изучайте, комментируйте. Добро пожаловать.

З.А. Серебрякова³⁸: Скажите, а вы так же боролись за правдивость того, что публиковалось раньше о Бухарине, о Троцком? Так же ли вы требовали, чтобы это соответствовало тому, что есть в архивах, как вы сейчас требуете в отношении Сталина?

Б.И. Кантелов: Даже в застойные времена у нас материалы каталога, в которых были Троцкий, Бухарин, — всё, что носило неприличное название, все были на открытом хранении. Может быть, вам показалось, что я реабилитирую Сталина в своей публикации в № 4 «Вопросы истории КПСС». Нет, Сталину, по моему глубокому убеждению, не отмыться, грех его слишком велик. Но пользоваться теми приемами, которыми пользовался он, в наше время, в конце 1980-х гг., так же недостойно, как и в его время. Мы осуждаем эти приемы, и мы не должны ими пользоваться в наше время. Я много потратил времени, беседуя на эту тему с докторами исторических наук Аругюновым и Волковым, но мои доводы ни к чему не привели. Они пошли по самому легкому пути, они решили, что если опубликовать материалы о том, что Сталин был агентом охранки, тогда все поймут, почему он пришел к кровавому диктату, почему он истребил ленинскую гвардию. Но, по моему мнению, это не объясняет истоков сталинизма, если бы даже Сталин и был агентом охранки. Но мои убеждения, как и моего соавтора, тоже потратившего несколько дней на разъяснение, ни к чему не привели. Я осуждаю те приемы, которыми пользовались в 1930–1950-х гг. и которые сейчас переносятся на наше время. Нельзя этого допустить.

П.К. Баишко³⁹: В материалах фонда 1235 и других в микрофильмах вырезаны страницы, например, идет стр. 35, потом 52. Как в данном случае, эти материалы будут восстановлены или нет?

Б.И. Кантелов: Здесь, видимо, дело было с технической стороны. Мы фонд микрофильмируем полностью, как дело сформировано, так каждый лист и идет, и никакого изъятия не может быть.

П.К. Баишко: Это, наверное, сейчас?

Б.И. Кантелов: Нет, так и раньше было. Мы не можем такие вещи делать. (С места: Пропуски в делах были, мы ведь работали в ваших архивах.)

³⁸ Зоря Леонидовна Серебрякова (р. 1923) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

³⁹ Петр Кузьмич Баишко (1945–1993) — кандидат исторических наук, Институт истории Белорусской АН ССР.

Что вы, товарищи! Не может этого быть. У нас все листы пронумерованы, изъятия в делах не производится. (*С места:* Целые фонды изымаются.) Это другое дело. Если фонды были закрыты, это не значит, что изымались. А вы говорите так, как будто они изымались. Уважаемые товарищи коллеги, за всю историю ЦГАОР СССР, начиная с 1920 г., когда он был образован, и до сегодняшнего дня, не только дело, а лист не исчез. Ни Сталин, ни Берия, ни его окружение по ЦГАОР СССР не проходили. Со всей ответственностью говорю.

П.К. Баишко: И второй вопрос: чем вы можете помочь институтам истории, региональным организациям в плане пополнения материалов? Известно, что, например, в архиве Белоруссии многие архивы и источники просто погибли. Мощности у них очень слабые и финансовые возможности. А сюда приехал, тут дадут 10 дней, и то через 3 дня теребят, чтобы гостиницу не занимал.

Б.И. Каптелов: У нас мощности тоже не очень большие, хотя мы и в Москве, но мы им помогаем, мы сами микрофильмируем дела и пересылаем. Есть и такой порядок: если исследователь не может приехать, то тот же ЦГАОР Белорусской ССР присылает нам письмо с просьбой выслать для такого-то исследования микрофильм. Дела мы не высылаем, потому что они оригиналы в единственном числе, но если даже у нас эти материалы не промикрофильмированы, мы делаем специально для этого исследователя микрофильм всех дел, которые ему нужны, и высылаем.

П.К. Баишко: После 1921-го, 1922 г. собирались газетные материалы по всей стране. Они попали сейчас в ЦГАОР. Были раньше попытки у меня эти материалы посмотреть, но не дали. Как сейчас с этим?

Б.И. Каптелов: Сейчас эти газетные фонды мы передали в Научную библиотеку. Она расположена там же, на Большой Пироговской, 17. И доступ к ней открыт.

*Ю.М. Гамрецкий*⁴⁰: У нас на Украине вышла небольшая статья с фотодокументами о том, что Сталин был агентом. (*Реплика:* У нас тоже появляются такие публикации.)

Б.И. Каптелов: А где эта публикация?

Ю.М. Гамрецкий: «Трибуна лектора», № 3 за этот год.

Б.И. Каптелов: Это все очень легко, товарищи дорогие. Все это из «Лайфа», это фальшивка.

⁴⁰ Юрий Маркович Гамрецкий (1930—?) — доктор исторических наук, Институт истории АН Украинской ССР, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции». С 1992 г. в США.

Ю.И. *Кораблев*: Ваше личное мнение: вы не исключаете возможность находки новых документов? Или начисто исключаете версию о том, что Сталин мог быть провокатором?

Б.И. *Кантелов*: Товарищи, прежде чем написать эту статью и поставить свою подпись, я запросил все архивы Советского Союза, где могла быть хоть малейшая зацепка... (Из зала: Уничтожили...) Не надо! Вы знаете, придерживаться этой версии, что уничтожили, что Сталин все уничтожил, — это самый легкий путь. Все архивы мне на запрос ответили, что изъятия документов не было, что документов, подтверждающих этот факт, нет. И даже в «Лайф» Исаак Дон Левин, который ошибся, выдал фальшивку за оригинал, счел нужным отметить: версия о том, что Сталин был агентом охраны, ходила много-много лет, но даже злейший враг Сталина — Троцкий не верил в ее подлинность. Есть документы, которые мы имеем и которые нам навязывают: Сталин, проезжая с Пражской конференции, встретился в Москве с Портным и рассказал ему о заседании в ЦК...

Ю.И. *Кораблев*: Значит, такой документ есть?

Б.И. *Кантелов*: Такой документ есть. Он давно известен. Но кто такой был Портной? Портной — Роман Малиновский, член ЦК, депутат Госдумы, который выполнял многие личные поручения В.И. Ленина... (Из зала: И провокатором.) И одновременно провокатором. И этого никто не знал. А когда это выяснилось, даже Ленин был поражен и не мог в это поверить. И Сталин, наверное, был обязан, проезжая через Москву, приехать к нему, рассказать ему о заседании ЦК и Пражской конференции. Но начальник Московского ГЖУ пишет дальше, что брат Сталина не надо ни в Москве, ни в дороге, а возьмите его через несколько дней в Питере. А Сталин опять ушел.

П.В. *Волобуев*: Слово имеет А.И. Козлов.

А.И. *Козлов*: Товарищи! Мне хотелось бы прежде всего подчеркнуть совершенно непреложное обстоятельство: мы находимся в стадии кризиса исторического сознания. Отрицать это — значит ломиться в открытую дверь. Но мы дети своего времени и не можем в этой ситуации не искать козлов отпущения. Публицисты, писатели, журналисты видят этих козлов отпущения в историках. Конечно, историки безгрешны, многие поработали в области тиражирования лжи, но ведь далеко не все. И опять же надо исторически воспринимать это. Кто оказался в числе первых, кто попал в молотилку, по которым прошелся этот сталинский утюг? Вот методология, принцип, в обстановке которого работали историки. Как историкам ломали сознание, как их заставляли — это неизвестно, может быть, публицистам, но нам-то известно, и об этом нам надо говорить. И теперь очень странно слышать: историки виноваты.

Уважаемый Борис Иванович говорил о том, что американские историки приезжают, работают, а советские историки плохо работают, они еще накапливают материал. Ну, куда же деваться советским историкам? Ведь у нас и другого выхода нет, мы работаем такими методами, как в свое время работал Карамзин. Так у него-то были крепостные, а у нас крепостных нет. Вы посмотрите, у меня мозоли не сходят. Да разве мы можем соревноваться с теми же американскими историками? Они приезжают к нам, им все — пожалуйста, ксерокопия — пожалуйста. А как вы нам помогаете? Установлено 50 копий за год. Это же смешная доза. Что можно 50-ю вашими фотокопиями сделать? Разве это серьезная постановка вопроса? Давайте же трезво, честно смотреть в глаза реальности. И не надо бросать в историков камни. Позаботьтесь об историках, чтобы они сумели конкурировать, у нас найдутся люди. Потом, опять же американские историки свои концепции выдвигают. Но мы-то ведь знаем, как оборачивались малейшие попытки выдвигать свои концепции. Сколько били по головам советских историков. Вы думаете, они сразу воспрянут? Нет, время нужно.

Теперь мне хотелось бы сказать о гражданской войне, о ее начале. У нас эта проблема запутана до бесконечности, хотя причина запутанности ясна. Исходили из того, что где появлялся товарищ Сталин, там начиналась новая эпоха. Сталин появился на фронтах гражданской войны в начале июня 1918 г. С этого времени началась гражданская война. А до этого ничего не было. Вот подноготная всей этой концепции. И ведь эта концепция не умерла, она еще существует до сегодняшнего времени, она в полном противоречии с действительностью. Надо исходить из реальности. А что было 25 октября 1917 г., скажем, в Новочеркасске, кто объявил мятеж, откуда начался этот мятеж? Он ведь начался сразу. И вслед за Калединым последовали мятежи по всему югу и распространились на восток. Вот ведь в чем дело. Конкретика.

Возьмите 35-й том Полного собрания сочинений Ленина. Ленин характеризует весь этот период с 25 октября до конца «триумфального шествия» как обстановку гражданской войны, нет сомнения: она началась 25 октября. А тут уже легче разбираться, кто виноват, откуда истоки. Я сейчас не говорю: закономерность это или не закономерность, но то, что в условиях России эта классовая борьба, которая обострялась после февраля 1917 г., должна была вылиться в крайние формы, это совершенно очевидно. Сейчас тоже поставлен вопрос о привилегиях, и смотрите, как на него реагируют современные носители этих привилегий. А тогда революция ребром поставила вопрос о власти и привилегиях, которыми пользовались носители

власти. Могли ли отвергаемые не сопротивляться, и могла ли не обостриться классовая борьба и вылиться в самые крайние формы? И она вылилась. Другое дело, что на первом этапе гражданская война не носила такого разрушительного, ожесточенного характера, как потом, когда вмешались внешние силы в нашу внутреннюю борьбу.

В этой связи мне хотелось бы акцентировать внимание на этой стороне дела. Ведь революция рассматривалась организаторами ее как начало мировой пролетарской революции. И смотрели на нее так не только левые коммунисты или троцкисты. Да ничего подобного! Ленин в том числе. Вот в только что в вышедших номерах «Известий ЦК КПСС» (2-м, 3-м) опубликованы новые документы, они блестяще подтверждают это. Это обстоятельство, то, что революция и все происходившее в нашей стране, рассматривалось как начало мирового пожара, оно ведь не могло не наложить печати на общий ход событий.

И вообще, ведь у нас так называемая ленинская теория социалистической революции, все эти писания на этот счет, они ведь безбожно запутали все дело. Все извращено. И в этой связи, товарищи, о Троцком. Если мы в действительности хотим разобраться в том, как было, мы должны воздать каждому свое, не оправдывая, не обеляя никого, но не надо же очернять. Тогда мы поймем, чем объясняется и этот жупел, который висит и когда он появился — троцкизм? Почему при Ленине об этом как-то не слышно было? А ведь это началось с того момента, как Лев Давидович опубликовал статью «Уроки Октября», в которой он вывернул наружу грехопадение властей предержащих того времени — Каменева и Зиновьева; Сталина он не называет, но в контексте там читается, что за всем этим стоит генеральный секретарь. Вот тогда-то и появилась книжка «Ленинизм или троцкизм». Кто эти клише, догматические установки формировал? Каменев, Зиновьев, Сталин, Молотов, Ярославский. (*Из зала: Каганович.*) Нет, нет, это позднее. Вот с чего началось.

Может быть, нам, Совету, надо выступить инициатором, поставить вопрос о реабилитации Троцкого по государственной линии. Ну до коих же пор! Ведь если вину Троцкого и Сталина бросить на весы — ну сравнимые это вещи? А Сталин, тем не менее, у Кремля лежит, памятник ему поставлен и стоит по-прежнему. А Троцкий, с точки зрения допущенной им вины, — ягненок ведь по сравнению с ним! Но он по-прежнему предается нами анафеме. Вот за передачу вчерашнюю ленинградских товарищей спасибо им! (*Ю.И. Кораблев: Ну, тоже не обошлось без экивоков.*) Прямо, без экивоков еще нельзя говорить об этом. (*Ю.И. Кораблев: Хотя в целом хорошая концепция.*) Да, в целом хорошая.

До каких же пор, товарищи, мы будем так? Надо эти вопросы ставить. Может быть, тех же писателей привлечь к этому делу. Председатель РВСР, от которого зависело чрезвычайно много, он у нас ходит во врагах. В то время как Ленин (и это очень хорошо показано в двухтомнике бумаг Троцкого)... (Ю.И. Кораблев: Делаем вид, что их не существует.) ...А там ведь опубликованы телеграммы Ленина, свидетельствующие о трогательной заботливости, проявляемой Лениным к Троцкому. Так были такие телеграммы или не было их? Если их не было, так давайте скажем, что это фальшивка. А если были, то давайте исходить из комплекса этих документов. Правду познать с помощью полуправды невозможно.

И в заключение — о казачестве. Среди писателей есть талантливые, но безграмотные. Талантливые как художники слова, но безграмотные в общекультурном отношении люди. И, совершенно не умея объяснить, что к чему, почему произошла трагедия с казачеством, все сводят к чему? К проискам Троцкого! Вот Знаменский, например. Роман — это одно. А ведь он в 11-м номере альманаха «Кубань» за прошлый год опубликовал пресловутую «Донскую альтернативу» — исторический очерк. Это же ужас, средоточие всех фантастических домыслов, которые гуляют в стране. А его роман тиражирует «Роман-газета». Да разве наши статьи могут с этим конкурировать? Тираж там — несколько миллионов экземпляров. А наши статьи? Многие ли о них знают? Был как-то разговор о том, что при Совете должен быть какой-то вестник, хотя бы годичный, как трибуна научного истолкования исторической действительности. Ведь это же формирование общественного сознания.

Ю.И. Кораблев: Академики и председатели других Советов дружно торпедировали в прошлом году.

И.И. Минц: Проблемы эти, и казачества, и Троцкого, ставить надо. С этим я согласен. Возьмите проблему казачества: казачья Вандея в 1917 г. и казачья Вандея в 1918—1919 гг. Чем их различают? Самое главное то, что в первый период казачьей Вандеи империалисты не вмешивались, они только разговаривали. А во второй период немцы поддерживали Краснова, а через него Деникина. Вот эту сторону надо показывать, а не наши зверства. А что касается проблемы Троцкого, она, конечно, сложна. Я хотел бы вам задать вопрос: вы видели когда-нибудь Троцкого?

А.И. Козлов: Нет, не видел, только в кино видел.

И.И. Минц: А я не только видел, а много раз разговаривал. И поэтому могу добавить то, что не составляет предвзятого мнения. Известно ли вам, что он ездил по фронтам всегда с духовым оркестром? Духовой оркестр приезжал раньше, ждал поезда Троцкого, встречал его торжественно и торжественно провожал. У Ленина этого никогда не было.

А.И. Козлов: Надо все это показывать. Надо показывать и зверства белогвардейцев. У нас же все это выпало из поля зрения. А красный террор был ответом на эти зверства.

П.В. Волобуев: Товарищи, давайте подведем итоги. К вопросу о Троцком, насчет духового оркестра. Это человек, который любил почести. Но это не значит, что мы не должны давать ему объективной исторической оценки.

Я ни в коем случае не претендую на то, чтобы подводить итоги. Действительно, в вопросе о начале гражданской войны уже дело дошло до того, что большевики, политические комиссары выглядят страшными злодеями и виновниками гражданской войны. Я думаю, что мы, историки, можем ответить вполне обоснованно на вопрос о том, кто же сделал первые залпы в гражданской войне. После победы Октябрьского вооруженного восстания первые залпы были сделаны в Москве. Вы знаете: это расстрел двинцев, а затем солдат в Кремле. Здесь Александр Иванович напомнил о событиях в Новочеркасске, затем мятеж Краснова, Керенского. Это также то, что можно отнести к первым залпам гражданской войны.

Большой сложный вопрос о возможности предотвращения гражданской войны. Его исследовать нужно.

Еще один неизученный сюжет — история с конференцией на Принцевых островах. Она у нас изложена очень кратко и схематично и, по сути, не исследована. В январе 1919 г. президент Вильсон при поддержке Ллойда Джорджа на Парижской мирной конференции предложил воюющим сторонам в России прекратить военные действия, собраться на Принцевых островах в Мраморном море и вести переговоры о прекращении гражданской войны. Чем интересна эта попытка? У нас ее, конечно, изображают как одностороннюю. Свои расчеты были, естественно, у западных империалистов, но иначе как обманный маневр это не рассматривается. Вероятно, все-таки надо посмотреть более объективно. Советское правительство во главе с Лениным сразу же (Исаак Израилевич в свое время писал по этому поводу в «Истории дипломатии») откликнулось, дало согласие на участие в этих мирных переговорах, чтобы прекратить гражданскую войну. Ленин в 1919 г., выступая на VIII съезде партии, говорил о том, какие уроки партия и народ извлекли из Брестского мира; усталость от войны и, самое главное — горький урок Брестского мира пошел впрок. Почему я говорю о массовой печати? Большевики цеплялись за всякую возможность положить конец гражданской войне. Но Колчак и Деникин и другие белые генералы отвергли категорически предложение Вильсона, и переговоры не состоялись.

Здесь Александр Иванович говорил о том, что сейчас публицисты сосредоточивают внимание только на красном терроре, на том озверении, которое было неизбежно в ходе ожесточенной массовой борьбы, и всю вину возлагают на советское правительство и на большевиков. Надо нам все-таки вернуться к публикации документов из лагеря белогвардейцев. Известно, как характеризовались самими белогвардейцами в эмиграции и денкинская армия, особенно такие ее части, как Покровского, Мамонтова и Шкуро — как грабьярмия. Можно было бы на эту тему говорить больше. И если мы эту тему не показываем в массовой печати, то это наша вина. В общем, сейчас историки все-таки уже активнее выступают, чем два-три года назад, когда авансцену заполняли журналисты и публицисты, писатели. Теперь слышен и голос историков, но еще слабо. Тут и мы сами несем вину за это, есть известный элемент раскачки и, прямо скажем, страха, ибо, проученные опытом застойного и более раннего периода, не все решаются взяться за перо и смело воспроизводить историческую правду.

Доклад Ю.П. Шарапова мне тоже понравился, я считаю, что вопрос о дате приезда Ленина — это действительно принципиальный, методологический и большой исторический вопрос. Я помню наши споры по этому вопросу, когда готовился третий том многотомной истории партии и группа воинствующих догматиков настойчиво пыталась навязать свою точку зрения о том, что Ленин не мог приехать раньше 5 или 7 октября, подвергая всяческому осмеянию точку зрения Фофановой о приезде Ленина 22 сентября.

Думаю, что 22 сентября — не очень точная дата хотя бы вот почему. Хотя у Владимира Ильича в целях конспирации и могло быть такое, но я всё думаю: ну не мог он! Мне кажется, по логике, более убедительна дата 29 сентября. Поэтому я не могу согласиться с Бургановым, что дело не в дате, а в самовольном возвращении Ленина. Хотя имеет, действительно, значение тот факт, что Ленин, будучи дисциплинированнейшим большевиком, тем не менее дважды, сознавая свою ответственность перед партией и революцией, не дождавшись решения ЦК, возвратился в Петроград и занял положенное ему историей место.

Теперь об историческом сознании. Я с основными выводами В.П. Булдакова согласен. Действительно, все, кто выступает перед массовой аудиторией (я, правда, уже года полтора как не выступаю), знает, что нынешнее историческое сознание — это такая мешанина из разных мифов, легенд, путаных представлений, обрывков, полуправды, лжи и вообще неизвестно откуда взявшихся сведений. И сейчас историческое сознание пребывает пока в таком запутанном состоянии. А общественное сознание — это одна из движущих сил. Какая же это движущая сила?

Сейчас запутанное историческое сознание выступает одним из факторов торможения. И хотя верно утверждение, что время — лучший судья, что народ затоскует по подлинно научным знаниям, все-таки приближать это время, наверное, нам, историкам, нужно. Верно говорилось о трудных условиях, в которых работают историки, начиная с 1927–1928 гг. Это все правильно. Но не секрет, что целые отряды наших историков выступали трубадурами культа личности и составляли идейно-историческую основу периода застоя. Это и объясняет трудность перестройки на историческом фронте.

И последнее. Здесь была поставлена проблема идеи исторического компромисса в апрельских тезисах Ленина. Это правильно. Именно тогда и была поставлена эта идея на условиях мирного перехода власти к Советам. И больше того, потом она еще не раз возобновлялась. Но тут я хотел бы уточнить: все-таки идея социалистического однородного правительства, в общем-то, никогда большевиками не разделялась. Даже при первом правительственном кризисе, как известно, эту идею поддерживали представители ЦК Каменев, Рязанов и другие, но они нарушили директиву ЦК. Но уже и после взятия власти ЦК заявлял, что в дальнейшем смена правительства может вестись путем мирной борьбы партии внутри Советов, советским голосованием. С тех пор, как я стал сообщать, я всегда, по правде сказать, сомневался уже в искренности этого заявления. Мне кажется, что большевики, когда взяли власть, взяли ее всерьез и надолго. Я не уверен, что они бы подчинились голосу советской демократии. Я не утверждаю этого, но сомнения у меня с давних пор есть.

Надо показать, что раскол среди пролетарской, крестьянской демократии, сыгравший роковую роль, был внесен все-таки в основном по вине меньшевиков-эсеров. Но и большевики своей непримиримостью тоже к этому приложили руку. Правда, у них для этого были основания, потому что все время меньшевики и эсеры, за исключением левых эсеров и части интернационалистов, косили вправо, на соглашательство с буржуазией. А это подрывало самую политическую основу всякого единства революционной демократии.

Здесь высказывались товарищи весьма горячо о Троцком. Я их понимаю. К сожалению, мое интервью по материалам «круглого стола» еще лежит в «Московских новостях», хотя все время, из номера в номер, обещали его опубликовать. Там я касаюсь вопроса о Троцком. О том, что без его решения мы не в состоянии воссоздать историю революции и гражданской войны, первого десятилетия социалистического строительства. Это не значит, что надо впадать в апологетику. Идейная борьба имела место,

но она осложнялась и личным соперничеством, и борьбой за власть. А в ней были повинны не только один Сталин, Зиновьев, Каменев, но и, конечно, Троцкий. Поэтому здесь нужен один критерий — историческая правда, объективность.

Ю.И. Кораблев: Павел Васильевич, без изучения наследия самого Троцкого этот вопрос не решить.

П.В. Волобуев: Совершенно верно. Сейчас, я вижу, в спецхране несколько историков усиленно штудируют работы Троцкого и говорят: как же мы могли изучать так односторонне историю нашей революции. Действительно, мы обречены были на такой подход, поскольку десятилетиями широкий круг историков лишался допуска к подлинным документам.

И последнее — о термидоре. Вы знаете, этот вопрос обсуждается в нашей среде среди обществоведов. Часть философов, в частности Ципко, категорически отвергают термидор. Я уже высказывал свое мнение в печати, в статье «Общественные науки и современность» № 3, который должен выйти, я попытался обосновать, почему Сталин был могильщиком Октябрьской революции, т.е. социалистическим, если угодно, термидорианцем. Думаю, что исследования в этом направлении могут быть плодотворными, и они в состоянии показать трагические судьбы нашей страны в период сталинщины.

Товарищи ставили вопрос о ежегоднике. Мы озабочены этим делом. Здесь Юрий Иванович давал справку, к этому вопросу мы вернемся. Я собираюсь нанести визит вице-президенту по этому вопросу, ибо, в сущности, Октябрьская революция, не будем обманывать себя, после того, как сданы позиции с нашим реальным социализмом, это тот последний бастион, который можем еще отстоять и должны это сделать. И ежегодник тут мог бы быть научным подспорьем для широких кругов историков, в том числе для их публицистических выступлений. Но вы должны учесть, что ежегодник, по крайней мере, первые номера, надо сделать на солидном научном и теоретическом уровне и интересным. Это можно сделать только коллективно.

Я согласен с Борисом Ивановичем в том, что сейчас все-таки представилась впервые за многие десятилетия возможность сберечь авторитет и честь профессионального историка. Это то, о чем мы не задумывались в прошлые годы. Хотя уже XX съезд такую возможность предоставил, но не все воспользовались этой возможностью. Сейчас если мы хотим снискать доверие у читающей публики, то надо позаботиться именно о чести нас, как профессиональных историков. Благодарю за внимание. На этом мы сегодня закончим.

26 апреля 1989 г.

В.Д. Поликарпов: Я хочу остановиться на некоторых моментах нашей историографии Октября и гражданской войны, на некоторых факторах, условиях, которые влияют на нашу историографическую работу. В прошлом такими резко отрицательными факторами являлись всякого рода выступления Сталина, например, письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция», затем, естественно, «Краткий курс», затем, в брежневские времена, всякие выступления бюрократического, административного трапезниковского свойства, указания, которые вели к погромам в области идеологии и истории. Когда мы говорим о прошлых временах и раскрываем вредоносное действие этих факторов в общественных науках в целом, то мы вполне сознаем, что мы получили возможность об этом говорить лишь после того, как были провозглашены основные принципы перестройки.

Но я хочу напомнить, что совсем недавно, в конце октября, М.С. Горбачев, излагая политику партии в области изучения прошлого, сказал о том, насколько важно изучать прошлое, и тем самым он ответил на те домогательства некоторых идеологических чиновников, которые хотели бы свернуть сейчас гласность под видом недопущения очернительства и пр. М.С. Горбачев тогда сказал, что пора изучать не только прошлое, трагическое, героическое, но пора уже изучать и историю перестройки.

Мы сейчас уже имеем факты, явления, напоминающие те самые старые окрики, которые были в те времена, но давайте не будем ждать, когда нам кто-то позволит критиковать и давать отпор и нынешним проявлениям такого же рода.

Совместный пленум ленинградских обкома и горкома партии. Это было уникальное явление в нынешней нашей жизни. Здесь мы видим повторение как раз тех приемов глушения гласности в изучении прошлого. Опять те же самые заклинания о будто бы начавшемся очернительстве нашей истории, об антисоветских выступлениях историков. Причем за антисоветские и очернительские выдаются выступления вовсе не историков, и не против советской власти или партии, как это преподносилось на пленуме, а против бюрократического партийного руководства Ленинграда и Ленинградской области, которое, собственно говоря, получило должную оценку на выборах в Верховный Совет. Первый секретарь Ленинградского обкома Соловьев, он же — кандидат в члены Политбюро; второй секретарь обкома; первый секретарь горкома; председатели облисполкома и горисполкома. Они все свои беды, то, что народ выразил им недоверие, как раз и сваливают на то, что вот, мол, здесь, в Ленинграде, побывал «московский десант», и

перечисляют тех историков, которые входят в этот «десант». Они-то, мол, и очерняют все прошлое, всю нашу 70-летнюю историю.

П.В. Волобуев: Василий Дмитриевич, простите. Интересно то, о чем вы говорите, но прошу все-таки быть ближе к теме сегодняшнего обсуждения, иначе мы в регламент не уложимся.

В.Д. Поликарпов: Да, понимаю, буду более краток. Мы в этом видим повторение идей антиперестроечного манифеста Нины Андреевой, которые поддерживались некоторыми партийными комитетами Ленинграда. Я был в составе этого «десанта», на который пеняют нынешние руководители Ленинграда, и хочу обратить внимание на способы истолкования влияния этого «десанта». Вот как он оценивается на этом пленуме: «В настежь распахнутые шлюзы гласности и правды хлынул мощный поток сенсационных дилетантских публикаций на темы, о которых раньше не принято было даже вслух говорить. Потому что одним из главных специалистов по истории КПСС стал никогда не пользовавшийся архивами Р. Медведев, однако сумевший в годы застоя опубликовать на Западе 26 книг. Специалист по Французской революции Ю. Афанасьев стал специализироваться на публикации заявлений, мягко говоря, порочащих советский строй, чем вызвал даже за границей, куда он часто ездит, я так полагаю, не на личные сбережения, недоумение. Антонов-Овсенко постоянно опровергает свидетелей событий полувековой давности. Основным биографом Николая Бухарина стал американец Стивен Коэн...»

Дальше я не могу в силу регламента зачитывать. Очень интересные своего рода выступления, должен сказать. Я не попал в этот перечень почему-то, не попал в этот перечень также один хороший историк партии из Высшей партийной школы Старков⁴¹, который также вместе с нами выступал, не попали в этот список и некоторые товарищи из ЛОИИ, которые также участвовали в этих выступлениях. Но вот что самое характерное в этом выступлении: я читал вам выдержку из выступления проректора ленинградской Высшей партийной школы Сидоренко. Как видите, он всех тут объявляет некомпетентными и, очевидно, только себя считает компетентным. Он кандидат экономических наук, специалист по взаимоотношениям кораблестроителей Советского Союза и ГДР, тем не менее он определял идеологическую политику партийной организации Ленинграда. Находясь в идеологическом отделе Ленинградского обкома, он потом был спущен

⁴¹ Борис Анатольевич Старков (р. 1948) — доктор исторических наук, Ленинградский финансово-экономический институт, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

аппаратом на Высшую партийную школу, для того, чтобы, очевидно, там навести идеологический глянец. Самое главное, что здесь все эти выступления по-прежнему сопоставляются с идеями западных буржуазных так называемых фальсификаторов. Как же иначе: чем мог руководствоваться Афанасьев, специализируясь на публикации заявлений, порочащих советский строй, т.е. та самая ст. 190, отмененная недавно. И за границу он часто ездит, понятно, не на личные сбережения. Такие вещи мы уже слышали. И вывод: в такой обстановке кое-кто из ленинградских коммунистов занял выжидательную позицию, а некоторые откровенно подыгрывают людям, заимствующим чуждые идеи.

Ну, бог с ним, с этим Сидоренко. Но это его заявление было в основных идеях поддержано на пленуме другими и никакого даже замечания эти пассажи не вызвали и со стороны главного руководителя Ленинградской областной партийной организации. В заключительном слове он вот какие вещи, подытоживая, произнес — в лучших традициях минувших времен. Сначала он как бы дал конспект статьи Андреевой. Насчет того, что идет сплошное очернительство, якобы и этот «десант» тоже занимался очернительством, упорно замалчивая героические свершения советского народа: «И вот уже на авансцене появляется целый сонм новых героев. Не стану называть их поименно. Ленинградцы хорошо знают о них по массированным десантам в наш город представителей некоторых популярных центральных изданий, социологов и экономистов новой формации, встречи с которыми имели, по большей части, одну и совершенно определенную направленность. Такими методами осуществлялись попытки активного воздействия на формирование общественного мнения в молодежной среде, которая, в конечном счете, наложила свой отпечаток и на результаты выборов».

Я считаю, что эта последняя фраза служит комплиментом в адрес этих самых «десантников». Если такие высокопоставленные партийные руководители считают, что работа этих «десантников», наша работа, способствовала повышению политического, исторического сознания ленинградцев, то это нужно считать просто большой заслугой этих историков! Материалы этого пленума как раз показывают, насколько верно ленинградцы оценили идеологический облик этих руководителей, провалив их на выборах.

Вот в каких условиях, особенно сейчас, после этого пленума, придется работать нашим ленинградским товарищам. А мы все удивлялись, приезжая туда: почему они не очень активно пропагандируют идеи перестройки в истории? Мы просто не думали, что на них оказывается столь сильное давление. Теперь-то это зафиксировано в четырех номерах «Ленинградской правды» за 6, 7, 8 и 9 апреля. Там дан стенографический отчет с пленума,

откуда я и беру эти данные. (Ю.И. Кораблев: Однако, Василий Дмитриевич, у них есть «Пятое колесо», которое и мы смотрим.) Это касается и «Пятого колеса». Как раз на этом самом пленуме была дана такая запретительная оценка выступлениям средств массовой информации! И поставлена задача «взять их в руки». Ведь они способствовали тому, чтобы бюрократическая партийная и советская верхушка была провалена на выборах. И кого же они чернят и обвиняют в антисоветизме? Именно тех людей, которые, в отличие от них, теперь уже облечены доверием народа. Тот же Медведев избран народным депутатом. Афанасьев, несмотря на все потуги местного партийного и советского аппарата дискредитировать его, также избран. Подвергнутый поношению на том же пленуме главный редактор журнала «Нева» Никольский после этого пленума также был избран.

Мы должны обратиться к ленинградскому партийному руководству с открытым письмом, которое должно быть опубликовано в печати, той самой, которую оно собирается «брать в руки». Выступления против этих руководителей лично они выставляют как выступления против партии и советской власти. (П.В. Волобуев: Проверенный прием!) Мы должны это сделать, и это будет как раз реальная историографическая работа и выполнение призыва нашей партии, высказанного М.С. Горбачевым, о том, что мы должны сейчас уже изучать и историю перестройки. (П.В. Волобуев: Василий Дмитриевич, если вы такое обращение подготовите...) Я подготовлю.

П.В. Волобуев: Ладно. Я должен сказать, что Василий Дмитриевич, как и некоторые другие популярные ораторы, с апреля 1985 г. привыкли выступать вообще без регламента. (Смех и оживление в зале.)

В.Д. Поликарпов: Я виноват. Я прошу прощения.

П.В. Волобуев: Слово предоставляется члену Научного совета В.Д. Оскоцкому.

В.Д. Оскоцкий: Дорогие товарищи! Я осуществляю небольшой литературный «десант» на нашем сегодняшнем обсуждении. Одно из ключевых понятий, которое прозвучало вчера, — понятие кризиса исторического сознания. Он проявляется как мифологизация истории на основе демонстративного полужнания, программного, культивируемого незнания и полужнания. Единственное оружие против этой мифологизации — историческая правда. Но, как показывает опыт, историческую правду мало сказать. Важно, чтобы она была услышана и, главное, чтобы было желание ее услышать. К сожалению, опыт показывает, что достаточно влиятельны те силы, которые не желают слышать правду и мешают слышать ее другим. Вот конкретный пример. Вчера в докладе Ю.И. Кораблева совершенно правильно было сказано о том, как преобладают исключительно черные краски в освещении

фигуры Троцкого. В.П. Буддаков сказал, что до тех пор, пока не реабилитируем Троцкого, объективной картины не будет. Но дело-то в том, что многие не хотят этой объективной картины. Совсем недавно довелось прочесть со страниц газеты «Московский комсомолец» о том, что если бы не Сталин, то нас с вами сегодня не было бы в живых. Потому что мы были бы принесены Троцким в жертву идее мировой революции, которая равнозначна гитлеровской идее Третьего рейха. А возьмите, скажем, ту свистопляску, которая продолжается вокруг фигуры Бухарина. В упомянутой вчера Юрием Ивановичем беседе писателя В. Пикуля, опубликованной в журнале «Наш современник», Бухарин назван одним из фанатиков массовых убийств, список которых демонстративно составлен из одних еврейских фамилий. Бухарин туда затесался, видимо, по невежеству Пикуля, который счел, что Бухарин тоже «инородец». Совсем свежая другая утка. Последний номер «Литературной России» сообщает о том, что Есенин не совершил самоубийство, а был убит и, будучи уже убитым, повешен. Намек на сионистский заговор, намек на масонов, названы фамилии А. Мариенгофа, В. Эрлиха и упомянут Бухарин. Опять Бухарин оказался в компании «инородцев», причем автора совершенно не волнует, что «Злые заметки» Бухарина опубликованы три года спустя после смерти Есенина. Это и не важно. Чем фантастичнее концепция, тем лучше. Но так ли уж безобидны такого рода сенсационные утки? Разумеется, они помогают отключить внимание общественности от больных и трагических проблем, таких, как, скажем, трагедия, происшедшая в Тбилиси...

В споры о советской истории, о прошлом нас втягивают наши идеологические противники, которым выгодно отвлечь наше внимание от решения новых проблем, и мы идем на эту удочку: вместо того чтобы решать проблемы современные, спорим о Сталине и сталинизме. Здесь уместно напомнить строки из поэмы Твардовского «По праву памяти». (*Читает стихи.*)

Стереотип заключительный, который очень ярко выразил А. Иванов, главный редактор журнала «Молодая гвардия». Найдется ли еще такой народ, который клеветал бы на свою историю так, как мы, русские. Под рубрикой клеветы у него и роман Рыбакова, и пьесы Шатрова, но вполне могли бы подойти и наши вчерашняя и сегодняшняя дискуссии. В последнее время появился стереотип, восходящий к имперскому мышлению с его жупелом русофобии.

Защита сталинизма, иногда откровенная, иногда замаскированная, проходит красной нитью через историческую публицистику и литературную критику журналов «Молодая гвардия», «Наш современник», «Москва». Критик А. Ланшиков в журнале «Наш современник» прямо представляет

Сталина великим государственным деятелем: если бы не он, то не была бы совершена индустриализация и мы бы не победили в войне с фашизмом. В этой же статье проходит идея двух вождей революции: Ленин поручил Сталину руководство большевистским подпольем России. Здесь же приписаны Сталину победы в решающих сражениях гражданской войны.

А в журнале «Молодая гвардия» с целью апологии его в статье В. Кожина создана нарочитая путаница цифр в сопоставлении жертв гражданской войны, 1929-го и 1930-х гг. (в этом его уличил журнал «Огонек» с помощью демографа). При этом жертвы 1937 г. рассматриваются под лозунгом «получили то, что хотели». И преподносится это не как народная трагедия, а как интеллигентские страсти-мордасти. Такого рода манипуляции с историей облачаются в форму политических манифестов. В 3-м номере «Молодой гвардии» опубликовано стихотворение И. Савельева «Историку», причем «историку» поставлено в кавычках, поскольку автор его историком не считает. А кому оно посвящено, явствует из эпиграфа: «...я не считаю созданное у нас общество социалистическим, хотя бы и “деформированным”». — Ю.Н. Афанасьев («Правда», 26.07.1986 г.). Это как бы диалог сына, нашего современника, с уже умершим отцом, который строил социализм. В том же номере — тенденциозно составленная подборка читательской почты. В ней вы прочтете письмо читателя из Киевской области, который, вспоминая суд А. Адамовича и И. Шеховцова, утверждает, что суд завершился моральной победой Шеховцова и поражением Адамовича, а также и В.Д. Поликарпова, выступавшего на том суде свидетелем. В частности, автор этого письма оценивает пытки в ежовских и бериевских застенках. «Насколько пытки были оправданны морально?» — задается он вопросом. И вещает: «Об этом можно спорить. Но не забывая притом, что у каждого времени свои законы. Наверное, В. Поликарпову и другим присутствовавшим на суде известно, что развединформацию у пленных фашистских солдат, диверсантов и разведчиков “добывали” не только гуманными методами, не говоря уж об угрозе смертной казни. И дезертиров во время войны расстреливали, а ведь они всего лишь спасали свою шкуру».

Вот так. Многомиллионная армия ГУЛАГа приравнена к немецким военнопленным и к дезертирам. И тут же — о том, что «расхожий теперь термин “сталинизм” пущен в обиход западными буржуазными историками и идеологами» и что когда ныне произносится слово «сталинизм», то прежде всего имеется в виду «борьба с ленинизмом, большевизмом и социализмом. Таким образом ее до поры до времени маскируют различные ревизионисты и ренегаты внутри страны». И, наконец, еще один тезис. «У нас предоставлена широкая возможность пропаганды буржуазных и мелкобуржу-

азных взглядов и в то же время часто перекрыт доступ для высказывания большевистских и пролетарских воззрений...»

В том же ряду демонстративно антиисторических публикаций статья Н. Федя в 4-м номере «Нашего современника» с призывом противопоставить нигилизму в отношении к отечественной истории — единение здоровых патриотических сил. А как воплощение антипатриотизма фигурирует М. Шатров с его пьесой «Дальше... дальше... дальше...», которого на этот раз обвиняют в плагиате, поскольку в пьесе использованы и включены в сюжет некоторые факты, которые фигурируют в буржуазной историографии. Тут же статья критика В. Бушина, которая построена сплошь на фальсификациях. Ключевой тезис — что Шатров, историки Афанасьев и Ю. Борисов⁴² относятся к тем людям, у которых при одном имени Сталина отшибает разум.

Так вот, что касается разума, который отшибают, это надо адресовать самому критику. Вот, скажем, как трактует он ленинское письмо к съезду в этой статье. О ленинском письме Сталин узнал, заявляет Бушин, «не в январе 1923 года, не в дни болезни Ленина, а лишь в мае 1924 года, через четыре месяца спустя после смерти Ильича, когда Н.К. Крупская передала его “Письмо к съезду” в ЦК партии». Но в недавно опубликованной «Московскими новостями» записи беседы А. Бека с Фотиевой и Володичевой они откровенно признают, что передали Сталину эту стенограмму сразу же после того, как они ее отстенографировали.

Затем рассуждение о том, что знаменитый тост Сталина в Кремле за здоровье русского народа навсегда породил лютую ненависть к Сталину всех русофобов. Вот тут я возвращаюсь к мифу русофобии и к этому жупелу. Ну, разумеется, Шатров с его пьесой — тоже русофоб, а причина этого — национальное пристрастие автора. Намек понятен. И я согласен со вчерашним докладчиком В.П. Булдаковым, который как раз говорил об этом мифе сионизма, масонского заговора и т.д.

Проблема национальных взаимоотношений, включенная в Комплексный план Совета, приобретает небывалую в нашей истории остроту в силу инерции имперской великодержавной идеологии. Не случайно на последнем пленуме Союза писателей РСФСР прозвучал в устах одного из секретарей характерный тезис: империя распадается.

В Комплексной программе непосредственно национальной проблемы касается 9-я тема II раздела. Но в этом разделе недостает такой темы, которую я бы обозначил так: «Опыт революции и национальное самосознание».

⁴² Юрий Степанович Борисов (1929–1998) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР.

13-я тема III раздела. В этом разделе недостает такой темы, которую я бы определил так: «Гражданская война на национальных окраинах России». 10-я тема 7-го раздела: здесь недостает исследований о соотношении ленинской идеи Союза как федерации союзных республик и ее фактической подмены сталинским принципом автономизации.

Завершу я выступление одним конкретным предложением организационного порядка. Как известно, в недрах Союза писателей СССР образовалось движение писателей в пользу перестройки под названием «Апрель» (я подчеркиваю, это не какой-то новый союз, а это организация внутри Союза писателей). Так вот, от этой организации «Апрель» я уполномочен обратиться с предложением провести совместными усилиями «круглый стол» по проблемам современной исторической публицистики. Здесь есть о чем поговорить совместно писателям и историкам. Мы бы просили наметить его на конец сентября — начало октября. Обсуждение проблем исторической публицистики общими усилиями принесло бы пользу.

П.В. Волобуев: Прекрасная идея. Товарищи, я сейчас предоставляю слово Ю.И. Кораблеву для доклада об итогах работы Научного совета за прошлый год и о перспективах.

Ю.И. Кораблев: Я расскажу о деятельности Научного совета за 1988 г. и истекшую часть 1989 г., а также тех мероприятиях, что намечены на 1989 и 1990 гг.

В 1987 г. произошли существенные организационные изменения. Во-первых, наш Научный совет «Исторический опыт Великого Октября» снова стал Научным советом «История Великой Октябрьской социалистической революции». Председателем его стал П.В. Волобуев. И.И. Минц, возглавлявший Научный совет с момента его основания, президиум Академии назначил почетным председателем Научного совета. Бюро Отделения утвердило трех заместителей председателя. Это ваш покорный слуга, К.В. Гусев⁴³ и К.Ф. Шацилло⁴⁴. В новом составе нашего бюро основное ядро — старые, испытанные кадры, но привлечены к работе и молодые кадры. Обновлен состав руководства секциями и самих секций. Сейчас у нас 22 секции — республиканские и региональные.

Мы предложили секциям, вице-президентам, идя навстречу демократическим переменам, вновь избрать бюро и руководителей секций. Причем сделать

⁴³ Кирилл Владимирович Гусев (1922–2001) — доктор исторических наук, Академия общественных наук при ЦК КПСС, заместитель председателя Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

⁴⁴ Корнелий Федорович Шацилло (1924–1998) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, заместитель председателя Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

это не так, чтобы этот состав навязывали, рекомендовали «сверху», а чтобы он был выдвинут коллективом ученых, историками-октябристами и специалистами по гражданской войне региона, и соответствующим Отделением истории.

При обсуждении нового состава Научного совета на заседании Бюро Отделения образовалась оппозиция в отношении молодежи, часть товарищей считали, что в Совете должны быть маститые ученые. Наше мнение с этим не совпало, и когда мы будем представлять обновленный состав Совета, видимо, возникнут такого же плана дискуссии.

Основным делом Научного совета за это время была разработка Комплексной программы исследований по истории Октябрьской революции и гражданской войны. Эта работа коснулась всех без исключения общественных наук. По отделениям идет разработка 16 программ, и в их числе — по истории Октябрьской революции и гражданской войны.

Программа эта давалась очень трудно. Первый вариант мы разослали очень оперативно по секциям и получили на него отклики, но вскоре поняли, что он отстает от жизни, что в нем очень много традиционного. Короче говоря, Бюро Научного совета предложен уже, пожалуй, четвертый вариант Комплексной программы. Он был одобрен и издается отдельной книжкой в 11 печатных листов вместе со стенограммой «круглого стола»: «Россия, 1917 год: выбор исторического пути». Обещали сегодня нам доставить в киоск, не знаю, доставят ли. Мы это считаем некоторым коллективным достижением исторической мысли, потому что участвовали не только члены Научного совета, мы получили замечания и от секций. Последний вариант мы также послали в секции, и я сейчас от имени Бюро обращаюсь к товарищам, представителям всех секций дать свои замечания к этому последнему варианту: хотя он и одобрен, но, конечно, будет непрерывно совершенствоваться.

В разработке программы большую роль сыграли два «круглых стола»: один — проведенный в конце 1987 г. вместе с журналом «Вопросы истории» и опубликованный им полностью, и второй, основной, всесоюзный «круглый стол» в феврале 1988 г., в нем участвовало до 60 ученых, представители 24 городов, 33 научных и учебно-научных заведений. Товарищи будут читать стенограмму. На наш взгляд, получилась весьма острая, плотворная, не только с точки зрения критики, картина.

Мне хотелось бы заметить, что В.И. Бовыкин⁴⁵, выступая на «круглом столе», сделал такое критическое замечание, что, по его мнению, руковод-

⁴⁵ Валерий Иванович Бовыкин (1927–1998) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

ство Научного совета мало приняло мер для того, чтобы в заседании «круглого стола» приняли участие представители других точек зрения. Надо сказать, что мы приглашали всех, и было вывешено объявление, и персонально, но беда в том, что представители других точек зрения сейчас почему-то очень туго идут на сближение, на совместное обсуждение, предпочитают обсуждать порознь. Представителей противоположных точек зрения приходится просто агитировать участвовать. Но я, пожалуй, согласился бы с критикой, что не все меры к тому, чтобы завлечь, кроме Валерия Ивановича, еще и других товарищей, были приняты.

В 1988 г. проведены две международные научные конференции Научным советом и Комиссией многостороннего сотрудничества — свежая, интересная с привлечением историков, философов, социологов конференция: «Великий Октябрь и современный этап борьбы за социальный прогресс». Жаль только, что она носила характер симпозиума специалистов, докладчики были прекрасные, но мы ограничились узким составом. Международная конференция традиционная у нас по Научному совету — «Великий Октябрь и последующие социалистические революции в новейшей исторической литературе». И там тоже в докладах и выступлениях обозначены новые подходы. Мы запланировали сборник конференции в издательстве «Наука».

В начале года при Научном совете была сформирована творческая группа «Земля и ее хозяева» под руководством известного аграрника Анфимова⁴⁶, она объединяет аграрников многих городов.

Мы предприняли командировки в республики, региональные секции с докладами, оказывая помощь в обсуждении Комплексной программы. Но мы сумели охватить только 8 секций. Члены Научного совета выступали с лекциями, статьями, участвовали в «круглых столах».

В 1988 г. у нас вышел сборник документов о солдатских массах в Октябрьской революции и две книги из серии, предпринятой по инициативе академика Минца, о военной интервенции в России. Готовы работы в Белорусской секции. По плану идет работа в Украинской секции. Большие проблемы с тремя закавказскими секциями, и вчера мы бурно обсуждали. Впереди Армянская секция, они подготовили труд при участии грузинских и азербайджанских ученых. Нет нужды говорить, насколько актуальна сейчас эта серия об интервенции.

⁴⁶ Андрей Матвеевич Анфимов (1916–1995) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

Раньше у нас Научный отчет содержал историографический анализ литературы за прошедшие год-два. Впервые мы этой задачи не выполнили, не сумели справиться: аппарат Научного совета был занят Комплексной программой.

За 1988-й и начало 1989 г. вышли несколько книг, часть из них уже в плане перестройки. Хочу отметить только некоторые. Вышли монография О.Н. Знаменского⁴⁷, которую задерживали в застойные времена; Н.Н. Смирнова⁴⁸, ученого секретаря Ленинградской секции, — первая книжка о III Всероссийском съезде Советов в издании Ленинградского университета.

Ленинградская секция подготовила 1-й том протоколов Петроградского совета. Протоколы эти давно известны, но вплоть до последнего времени они были под запретом из-за Троцкого, из-за того, что меньшевики и эсеры главенствовали в Петроградском совете. Ленинградская секция это «пробила» и мы должны ей помочь издать все три тома протоколов в ближайшее время. (П.В. Волобуев: Уже до пяти томов намечается подготовить.) Ну, это еще лучше. Из книг «Политиздата» я отметил бы «Переписку с читателями на исторические темы» и «Историки спорят», в чем участвовали члены Научного совета. Вышел учебник по истории СССР (Кораблев, Федосов⁴⁹ и Борисов), написанный больше чем наполовину заново (главы «Октябрьская революция» и «Гражданская война»). И даже в изложении для школьников те вопросы, о которых вчера говорил Ю.П. Шарапов (вопросы восстания), здесь удалось отразить.

Сейчас мы особенно приветствуем появление историографических работ. Они должны быть у нас по каждой секции. В Поволжской секции вышла работа А.А. Литвина⁵⁰ «Советская историография гражданской войны в Поволжье». Издана брошюра Е.Г. Гимпельсона⁵¹ «Сквозь бури гражданской войны — по пути к социализму» — об экономической политике советской власти в годы гражданской войны, проблемах военного коммунизма. Ряд сборников вышел о персоналиях.

⁴⁷ Олег Николаевич Знаменский (1927–1993) — доктор исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

⁴⁸ Николай Николаевич Смирнов (р. 1952) — кандидат исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР.

⁴⁹ Иван Антонович Федосов (1921–2001) — доктор исторических наук, МГУ.

⁵⁰ Алтер Львович Литвин (р. 1931) — доктор исторических наук, Казанский государственный университет, член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

⁵¹ Ефим Григорьевич (Гилевич) Гимпельсон (1921–2005) — доктор исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

Как отрицательный пример, каким-то образом мимо нашего внимания прошла книга, единственная, пожалуй, в своем роде (и я очень рад, что больше такого не было), — Тепляшиной «Октябрьская Лениниана: научные исследования, поиски, задачи». Просто удивляться приходится, что издательство «Мысль» в 1988 г. выпускает историографию, написанную со старых позиций, с позиций «Краткого курса истории партии». Судите сами. Автор утверждает, что именно в 1930-е гг. и в начале 1940-х, в двух томах «Истории Гражданской войны» и особенно в 7-й главе «Краткого курса» обобщена и изложена ленинская концепция Октябрьской революции, в чем и состоит основная заслуга историографии этого периода. Для того чтобы восстановить ленинскую концепцию, надо, оказывается, возвращаться к 7-й главе «Краткого курса» истории партии. Восхваляются сталинские работы, которые, по мнению автора, послужили примером использования ленинских произведений и партийных документов в исследовательской работе, популяризации их. Работа Сталина «О некоторых вопросах истории большевизма» якобы оказала положительное влияние на историческую науку, помогла окончательному преодолению троцкистских идей. Правда, отмечаются там и недостатки сталинских работ. Но это уже второй план, план совсем не яркий, а на первом плане положительные оценки.

Я бы мог цитировать и другие высказывания, суть их в том, что именно 1930—1940-е гг. ознаменовались большими достижениями в области историко-партийной науки, ленинианы. По-моему, все было как раз наоборот. В результате стремления автора поставить равнозначную Ленину фигуру Сталина произошло принижение роли Ленина в свершении победоносной революции. Эта книга Е.И. Тепляшиной еще раз подтверждает острейшую актуальность задачи историографического анализа всей литературы, с 1917 г. и по сегодняшний период. Это не значит, что мы всю ее отбрасываем, но ориентирами оценки она для нас уже не будет.

Нельзя, конечно, утверждать, что аппарат Научного совета за эти два года работал в полную силу, без недостатков, недоработок было много, особенно по части научно-организационной. В аппарате Научного совета у нас сейчас 7 человек, каждому из нас необходимо повысить уровень научной работы.

Но главный недостаток в том, что за последние годы стала замирать работа секций. Может быть, она кипит, но вот вам факты: в переписке секций за 1988 и 1989 гг. Половина — наши документы и лишь несколько ответов на наши письма со стороны секций. Многие товарищи поняли борьбу с бюрократизмом и демократизацию как возможность вообще не заниматься бумагами, не отвечать на наши письма, которых не так уж много и не такие они ди-

рективные, но у нас теряется связь с секциями, представление, что в них происходит. Секции Азербайджанская, Средней Азии — работают очень слабо. Активно работают Ленинградская, Поволжская, Центрально-Черноземная, Верхне-Волжская; активизировалась с новым председателем секция в Узбекистане, но, по мнению бюро, руководству секций необходимо активизировать свою работу. И очень просим откликаться все-таки на наши письма и предложения. От имени бюро еще раз обращаюсь ко всем товарищам с просьбой самим заполнить эти анкеты, обеспечить анкетирование по республике, по региону. Без этих данных мы не можем судить о состоянии и перспективах в подготовке научных кадров. Плохо с молодежью особенно: пополнения почти нет, аспирантов, работающих над темой Октября и гражданской войны, единицы. Мы продолжим командировки в секции для оказания научно-методической помощи в реализации Комплексной программы.

За 15 последних лет и мы подвергались в этом отношении критике. Но есть сдвиги в активизации работы Бюро Научного совета как коллективного органа. В 1989 г. бюро уже собиралось два раза по важным вопросам, и сейчас задача — разработать план работы бюро, заседаний, чтобы вопросы были и масштабные, и актуальные.

В деле издания ежегодника мы, видимо, не проявили необходимой настойчивости. Я вчера сказал, что на начало прошлого года академики других Советов торпедировали уже принятое Редакционно-издательским советом решение о ежегоднике «Октябрьская революция» — под тем предлогом, что вопрос будет решаться тогда, когда он возникнет в отношении всех Советов. Сейчас наш новый академсекретарь посоветовал, грубо говоря, не дразнить гусей, а подготовить один, а лучше два номера ежегодника и поставить Бюро Отделения перед фактом, и перед вопросом об утверждении к печати.

Несмотря на нашу многочисленную сеть, мы еще не сумели объединить ряд научных центров и городов. Выпал, например, Горький. А там не менее 10 ученых, занимающихся нашей проблематикой. Они недавно выпустили сборник «Субъективный фактор социалистической революции». Там многое есть из того, о чем говорилось на нашем Годичном собрании. Ярославль, Архангельск. В Архангельске в 1990 г. будет юбилейная конференция, посвященная 70-летию гражданской войны.

В 1988 г. мы предприняли анкетирование историков Октября и гражданской войны, разослали около 600 анкет, но до сих пор получили немногим более ста. Хотя очень просили, писали о том, какое это имеет важное значение. В 1967 г. насчитывалось 700 октябристов. Сейчас едва ли 450 человек, но эти данные должно дать анкетирование.

О плане на 1989–1990 гг. Во-первых, нам надо продолжить совершенствование нашего Научного совета и бюро, сокращая его до работающего, и активизировать секции, о чем я вам доложил. Предстоят в 1989 г. две научные конференции. Одна, основная, — всесоюзная «Социалистическая революция в России. Теоретический и психологический аспект» (Москва, октябрь) и другая — «Национальные и интернациональные формирования в России» (в Казани в середине мая). Третье мероприятие — научный международный симпозиум (Одесса, сентябрь—октябрь). Есть еще заявка — научная конференция «Народные массы России и формы их организации в переломные периоды истории». В 1990 г. планируется всесоюзная конференция в Архангельске.

Важный объект в плане подготовки к 75-летию Октябрьской революции — подготовка к изданию в 1992 г. биографического словаря под условным названием «Великий Октябрь в лицах». Поручение и просьба к секциям — в кратчайший срок представить списки кандидатов к участию в работе над этим словарем и заняться практической подготовкой необходимых справок.

В 1989 г. выходят уже сборники «Непролетарские партии России в трех революциях», «Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году» (готовила Ленинградская секция); работа Поликарпова «Военная контрреволюция в России» (тоже многострадальная монография, товарищи ее историю знают); материалы «круглого стола» — «Великий Октябрь: поиск новых интерпретаций»; «Классы и политические партии в Октябрьской революции» (ротапринт); «Большевики и их политические противники в борьбе за массы трудящихся национальных районов России» (сб. ст., отв. редактор А.А. Дризул⁵²). В редакционной подготовке к 1990 г. работа А.И. Козлова «Октябрь и казачество»; сборник статей «Социалистическая революция в России» (по материалам конференции); видимо, очередной сборник документов Петроградского совета и ряд других работ. Таковы основные позиции нашего плана мероприятий на 1989–1990 гг.

П.В. Волобуев: Благодарю вас. Вопросы к Юрию Ивановичу есть?

Б.И. Кантелов: Одно время большое внимание уделялось теме интервенции. Какое место занимает в работе Совета эта тема сейчас?

Ю.И. Кораблев: Мы надеемся серию работ по этой теме осуществить. И.И. Минц, оставляя руководство Научным советом, закрепил за собой как раз этот объект — «Интервенция и интервенты в России».

⁵² Александр Арвидович Дризул (1920–2006) — академик АН Латвийской ССР, председатель Латвийской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

П.В. Волобуев: Слово предоставляется Г.З. Иоффе.

Г.З. Иоффе: Я должен внести некоторые предложения по изданию ряда работ. Мы вели переговоры с издательствами. Собственно, я говорю по их инициативе и их предложению. Сначала очень кратко по организационным вопросам. Я, наверное, выступаю здесь не в очень выгодном свете, но все-таки думаю, что критика работы Научного совета в выступлении Юрия Ивановича была ограниченной, поверхностной и даже уклончивой. Следует больше сказать. Многое осталось по-старому, перестройка глубоко не коснулась работы Научного совета. Она есть, конечно, но глубоко внутрь не проникла. Самое главное, мы не стали центром исторической мысли по новому осмыслению истории Октябрьской революции, о которой так горячо и взволнованно говорили сегодня разные ораторы.

Для того чтобы было понятно, о чем я говорю, приведу пример. Историко-архивный институт, которым руководит Ю.Н. Афанасьев, сегодня центр исследовательской мысли, там сегодня все бурлит. Может быть, там много неверного и много противоречивого, много перехлестов публицистических, о которых говорилось вчера, что там бегают в кроссовках по истории, и это плохо. Но когда мы ходили в сапогах с подковами по истории, об этом никто и ничего не говорили. Нам надо решительно менять свою работу, свой курс, сделать так, чтобы именно Научный совет стал таким центром, ибо мы отстаем, и это очевидно, и многое мы еще не готовы сказать.

Ю.И. Кораблев: Если у вас есть свои практические соображения, это хорошо было бы высказать.

Г.З. Иоффе: Это очень важный вопрос — дать конкретные предложения, они есть, но сейчас я просто указываю на такие негативные обстоятельства.

Второй момент — мы не стали сегодня, в дни такой гласности и демократичности достаточно открытым Научным советом. Сегодня бюро Научного совета по-прежнему как бы назначалось аппаратом Научного совета. Оно утверждалось потом Отделением и т.д. Но Отделение в основном штампует то, что мы предлагаем. Пора сократить Бюро Научного совета, оно сегодня малоработоспособно. А Годичное собрание, которое является пленумом, правомочно избирать и бюро этого Научного совета.

Остро стоит вопрос аппарата. Сегодня говорили о ежегоднике, что Отделение нам сорвало издание его, но дело не только в этом. Если бы нам и разрешили — у нас нет кадров, способных подготовить это трудное издание — вообще нет. На энтузиазм отдельных людей рассчитывать трудно. Время энтузиазма уже кончилось. Я знаю, что тут на меня возлагают

какие-то надежды в смысле ежегодника, что я откомандирован для написания очерков (я постараюсь их оправдать), я даже знаю, что уже планируются и заграничные поездки наших сотрудников для обеспечения откомандированных для обеспечения очерков какими-то зарубежными материалами. Надо было сперва обсудить этот вопрос открыто. Мы в своем аппарате не полностью избавились от келейности в своей работе.

Все это приводит вот к чему. Мы сегодня говорили о том, что пишется в разных журналах, в «Нашем современнике», в «Москве» и т.д., и критиковали даже Васильева за его какие-то ошибки и просчеты. Но где же наши ответы? (Из зала: А их не печатают.) А вы писали? (Из зала: Да.) Так вот, одно из предложений сводится к тому, что мы сегодня должны разработать план таких собраний и заседаний, где могли бы оперативно обсуждать все вопросы. И эту интересную встречу, которую вы предложили, не откладывать на осень, а провести ее в мае. Мы готовы (думаю, что писатели — тоже) сделать это немедленно. Вообще это откладывание, оттягивание нежелательно: время идет быстро. Пока-то мы соберемся... А в сентябре уже, может быть, можно и опоздать.

Мы, видимо, не очень еще ясно понимаем, что все-таки происходит у нас в обществе. Противопоставление публицистов и историков неверно вообще. Разделение идет по другой линии. Оно идет между теми, кто хотел бы сохранить старое в том или ином виде, и теми, кто хочет освободиться от лжи и лицемерия. И по ту, и по другую сторону этой линии есть как публицисты, так и историки. Так что не нужно пытаться вести эту линию в таком направлении, как мы это делаем.

В обществе происходят сейчас невероятно сложные и ответственные процессы. От состояния рабства мы переходим к состоянию свободы. Это очень напряженный и ответственный процесс, таящий в себе, может быть, и непредсказуемые последствия.

Мы сегодня можем спорить о том, когда началась гражданская война, каков был ее характер, когда она кончилась. Эти споры, может быть, нас ни к чему и не приведут, и это нестрашно. Это нормальное историческое сознание — разные точки зрения. Но одно совершенно ясно: главный урок гражданской войны, как мне кажется, заключается в том, что второй такой войны быть не должно. Страна этого больше не выдержит. И поэтому вклад со стороны историков состоит в том, что мы должны всячески содействовать процессу общественного примирения. Общество наше сегодня расколото. Это очевидно. Долг историков — вносить умиротворение в общество и способствовать процессу примирения. И то, что я сейчас выскажу в качестве предложения об издании ряда книг по истории Октябрьской

революции и гражданской войны, — это будет вкладом, пусть маленьким, в этот важный процесс.

Мы набросали такой небольшой план, чтобы предложить издательству. Я его сейчас прочту (здесь не много работ), с тем чтобы потом все участники дополнили его своими предложениями. Это просьба издательств. Мы этот перечень предлагаемых работ направим в издательства, и после обсуждения вопрос этот будет решаться.

Мы сегодня должны смело опубликовать ряд произведений, исходящих из контрреволюционного лагеря (закрытых в последние годы), и из белогвардейского, и меньшевистского лагерей. Пусть читатель сам составит свое представление о правде, вынесет свое понимание революции. О наших наметках я сейчас скажу, может быть, мы потом все это систематизируем. Можно было бы издать Родзянко «Крушение империи», Милюкова «Россия на переломе», Набокова «Временное правительство», Оболенского «Моя жизнь. Мои современники», Керенского «Дело Корнилова». Издаются же записки Суханова о революции, и мы должны это поддержать. Интересны воспоминания Церетели, вышедшие в Париже и США, Чернова, Верховского «Россия на Голгофе». Издание двухтомной «Истории русской революции» Троцкого способствовало бы более глубокому марксистскому пониманию истории Октябрьской революции. Я бы предложил переиздать работы белогвардейских лидеров Деникина, Врангеля и других, эмигрантского историка С.П. Мельгунова, автора серии работ по истории нашей революции, Февральской революции, Октябрьской революции, гражданской войны. Конечно, все эти работы потребуют больших комментариев, предисловия и т.д. Но все это способствовало бы изменению нашего понимания великой революции и окончательного слома «потемкинской» деревни, которую мы соорудили.

Б.И. Кантелов: Вы перечислили авторов только белогвардейского лагеря. А красный лагерь?

Г.З. Иоффе: Я сказал, что я хуже знаю работы, исходящие из революционного лагеря. И поэтому просьба ко всем присутствующим оставить свои предложения. Это будет нам большой помощью и поддержкой.

П.В. Волобуев: Я хотел бы пояснить, что издательства вновь обратились с просьбой именно по литературе, документам, исходящим с той стороны баррикад и промежуточных сил, потому что материалы революционные они сами более или менее знают и издают. Будет выходить 10-томное собрание воспоминаний о Ленине. «Политиздатом» и «Мыслью» будут издавать мемуары деятелей революций.

Г.З. Иоффе: Может быть, если мы совсем осмелеем, взять такое потрясающее издание, как «Архив русской революции». Оттуда можно было бы не все, но многое взять. Это работы, в которых в большинстве ничего оголтело-антисоветского нет, сегодня советский читатель может прочитать их с полным пониманием, и ничего от этого с ним не случится.

П.В. Волобуев: Слово для следующего выступления имеет А.А. Дризул.

А.А. Дризул: В условиях революционной перестройки от нас требуется переосмысление фактических данных, работа в архивных фондах, которые долгие годы оставались для историков закрытыми. В условиях Прибалтики, в частности Латвии, эта обстановка еще более остра, сложна, нежели здесь, в Москве. Противники Октябрьской революции, партии, противники Ленина делают попытки оскорбить, унижить эти великие события, великих деятелей нашей страны, В.И. Ленина; в этих трудных условиях наши сотрудники, члены республиканской секции участвуют в «круглых столах», выступают в печати, зачастую подвергаясь после этого массированным атакам экстремистов различного толка, не скрывающих того, что их основная цель — ликвидация советской власти как таковой, выход Латвии из состава Советского Союза.

В этих условиях наша республиканская секция продолжала координацию усилий по истории Октябрьской революции и гражданской войны, которая проводится в научных учреждениях, Педагогическом институте, Университете Латвийской ССР. Она по мере возможности объединила усилия ученых в этой проблеме.

За 1988 г. нами были опубликованы различные монографические исследования, научные статьи, сборники документов — помимо публикации воспоминаний, помимо участия в «круглых столах». К числу деяний нашей секции относится и то, что из нашей республики Трейс⁵³ был удостоен Ленинской премии за монографию, опубликованную на русском и латышском языках, по истории Октября в республике. Он там впервые использует те документы, которые раньше мы не могли пропустить, там показан широкий круг участников не только со стороны лагеря революции, но и противников ее, контрреволюционного лагеря, воспоминания, письма одного из руководителей ультра-масонства, будущего дипломата Латвии.

В этом году издана монография «Уроки из прошлого» о революционных событиях в 1905–1907 гг. Вышел коллективный труд, книга памяти революционеров-борцов Латвии — с биографическими данными участ-

⁵³ Рихард Эрнестович Трейс (1931–2013) — доктор исторических наук. Речь идет о его книге «Девятнадцатый год в Латвии» (Рига, 1988) (на латышском языке).

ников Октябрьской революции в Латвии, около 50 листов. Это издание на местном латвийском материале будет известным подспорьем в работе над всесоюзным биографическим сборником об участниках Октябрьской революции.

В условиях острой борьбы об оценке роли буржуазии в революции сыграл свою роль сборник документов, базирующийся на документах наших классовых врагов, о том, как латышская буржуазия пришла к власти в 1917–1920 гг. Опубликован ряд документов, которые даже в годы известной оттепели, в 1960-е гг., мы не имели возможности печатать. Секция подготовила сборник, посвященный интервенции в Прибалтике в 1918–1920 гг. Совсем недавно этот сборник вышел, и мы ждем на него отклик нашей общественности. В № 6 журнала «История СССР» в обзоре Ненарокова⁵⁴, ранее выпущенная нашей секцией с участием московских и других коллег книга «Советы национальных районов России. 1917–1920 гг.» также получила положительную оценку. Находится в издательстве сборник «Борьба большевиков против непролетарских партий России за массы...», также созданный на основе проведенной нами научной конференции. Готовится 4-й том книги памяти революционных борцов Латвии. Он должен охватывать период гражданской войны. Это работа ведется вместе с Институтом истории партии.

Научная конференция «Год 1919-й. Советская социалистическая республика Латвии», проходившая в Доме политического просвещения республики, привлекла более 2000 участников. Проводили ее Институт истории АН Латвийской ССР, наша Латвийская секция Научного совета и Институт истории партии.

Сотрудники нашей секции занимаются повышением своей научной квалификации. В крайне сложных условиях пересмотра ряда концептуальных вопросов, на основе новых архивных материалов у нас написаны две докторские диссертации, одна из них — диссертация Рониса⁵⁵ на тему «Либерально-буржуазный лагерь в Латвии в период буржуазно-демократических революций 1905–1917 годов» принята к защите в Таллине. Вторая диссертация на тему «Предпосылки победы Великой Октябрьской социалистической революции в Латвии и образование социалистической советской республики Латвии» намечена к защите в конце года. Кроме того, идет работа по ряду кандидатских диссертаций.

⁵⁴ Альберт Павлович Ненароков (р. 1935) — кандидат исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

⁵⁵ Индулис Ронис (1943–2016) — доктор исторических наук, Институт истории АН Латвийской ССР.

Таковы небольшие, скромные успехи нашей Латвийской секции.

П.В. Волобуев: Слово О.Н. Знаменскому.

О.Н. Знаменский: Скажу несколько слов о планах на ближайшее время. Первая задача, которая перед нами стоит, это издание протоколов Петроградского совета, чрезвычайно трудоемкая работа. Объем — примерно 200 печатных листов. Работа по дешифровке протоколов Петроградского совета еще продолжается, и количество справок, которыми они будут снабжаться, увеличивается. Это очень сложная задача, потому что в настоящее время лимит печатных листов по Ленинградскому отделению Института сократили с 180 до 140 листов. И это очень болезненная проблема для всего личного состава нашего Ленинградского отделения. Проблемный совет в лице Павла Васильевича любезно предоставил еще 40 листов за свой счет. Спасибо. И если в будущем возникнет такая же возможность (мало ли что может возникнуть), покорнейшая просьба — подстраховать нас, оказать нам помощь.

Вторая работа связана с темой о прессе 1917 г. Если исходить из реальных возможностей, то речь можно вести о переиздании лишь «Правды». Номера газеты того периода стали библиографической редкостью. Но ведь есть и масса других газет, органов крупнейших политических партий 1917 г. Издать все это, конечно, совершенно невозможно. Но есть возможность восполнить этот пробел путем издания коллективной монографии историко-ведческого характера по ленинградской главной политической прессе 1917 г. — о политической жизни города в 1917 г., об его экономической жизни, о культуре и, наконец, о повседневной жизни и быте населения Петрограда в 1917 г. Такую работу мы запланировали начиная с 1991 г., она поможет восполнить пробелы и даст толчок в разработке газет — одного из важнейших источников 1917 г.

Тут Василий Дмитриевич говорил о том, какая ужасная обстановка у нас в Ленинграде. Скажу, что эта обстановка не является специфически ленинградской, я со всей ответственностью должен заверить, что такая же обстановка и в Москве, а уж о периферийных городах и говорить нечего. Делать из этого что-то такое особое, специальное ленинградское, я бы не стал. Например, что касается издания моих книг последних по Учредительному собранию и по интеллигенции 1917 г.: где лежала главная причина стопорения? «Учредительное собрание» полтора года лежало в верстке, потому что московская, подчеркиваю, научная бюрократия это сделала.

П.В. Волобуев: Вас подозревали в принадлежности к «новому направлению», поэтому так и было.

О.Н. Знаменский: Как бы там ни было, а 13 рецензий написали, сколько мне это сил стоило, я затрудняюсь сейчас об этом сказать.

И другая работа, связанная с интеллигенцией. Непосредственная причина была в издательстве «Наука», которое сейчас очень прогрессивно настроено. Что касается Октябрьской революции, так они на шаг, на два вперед даже выступают, чем мы, — в духе публицистики. А тогда, в период доперестроечный, в период застоя, завалили мою работу с помощью московского так называемого черного рецензента. Мне кажется, что нужно поставить вопрос о том, чтобы в будущем это безобразие в виде «черных рецензентов», которые не подписывают свою рецензию и делают все, что хотят, — чтобы эта проблема была снята и чтобы в дальнейшем ничего подобного не повторялось.

И еще — вопрос о нашей горячности, что мы очень страстно спорим, и в этом отношении нам делаются упреки. А как же иначе? Ведь если мы говорим, что идет революционная перестройка, что встают не просто академические проблемы, а касающиеся всей нашей жизни, то и не может не быть здесь яростных споров. Так никогда не было в революционное время, и так не будет в наше время, все будет идти в процессе, может быть, даже яростной полемики и даже перегибов.

К.К. Сийливаск⁵⁶: Эстонская секция в основном занималась подготовкой обобщающего труда «Революция, гражданская война и иностранная интервенция в Эстонии. 1917–1920 гг.». Мы издали в начале 1980-х гг. такой труд на эстонском языке, а в конце прошлого года переиздали его на русском языке, в какой-то мере дополнив, но и значительно сократив. Мы не совсем удовлетворены этой работой, поскольку перестройка обгоняет нас, и тут не освещены некоторые важные проблемы — аграрный вопрос, национальный вопрос. Мы обратили большее внимание на деятельность Эстляндской трудовой коммуны. Деятельности Эстонской республики мы уделили мало внимания, как и национальному вопросу в целом. И это нам надо восполнить исследованиями по вопросу как о буржуазной аграрной реформе, так и об аграрной политике эстонских большевиков. И, конечно, по национальному вопросу.

В прошлом году на эстонском языке издана монография «Тартуский мир» Э. Маттизена — основательная книга о борьбе Коммунистической партии Эстонии за мир с Советской Россией. В ней хорошо освещено изменение позиции буржуазной республики по отношению к миру с Советской Россией. Монография эта вышла тиражом в 5 тысяч экземпляров и сразу

⁵⁶ Карл Карлович Сийливаск (1927–2017) — академик АН Эстонской ССР, Институт истории АН Эстонской ССР, председатель Эстонской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

же была расхватаана. Наверное, ее нужно переиздать, 10 тысяч экземпляров прибавить, издать ее и на русском языке тоже.

Мы принимали участие и в издании книги об интервенции в Прибалтике⁵⁷. Книга получила положительную оценку в республике. Но я как автор хочу сделать одно замечание редакторам. Не знаю, кто занимался редактированием этой части моей рукописи, но на странице 141 получился текст, противоположный по смыслу той мысли, которую я хотел выразить.

Речь идет об Эстонском Учредительном собрании, о выборах его в апреле 1919 г. Результаты выборов показывали, что эстонский рабочий класс в тот период гражданской войны проиграл. Народ перешел на сторону буржуазии, в основном на сторону мелкобуржуазных партий, и эстонское буржуазное правительство действительно получило мандат большинства народа. Однако при редактировании конкретный материал сократили, убрали, в частности, данные относительно партий; данные о том, что в голосовании приняло участие 80% народа, и т.д. И создается такое резюме: «...итоги выборов не отражали действительных настроений эстонского народа и резко отличались от итогов выборов в Эстонии летом 1917 г. В результате выборов в Учредительное собрание “узаконили” свое господство в стране буржуазные и мелкобуржуазные партии».

Тут три ошибки. Во-первых, выборы действительно отразили настроения большинства народа. Эстонская компартия бойкотировала эти выборы, но это не дало результата, поскольку буржуазные партии обещали все имения разделить после Учредительного собрания, если они получают там большинство. И ряд других вопросов они поставили, народ пошел за ними, особенно крестьянство. Значит, выборы все-таки выражали настроение большинства народа. Тут отмечается, что летом 1917 г. получились иные итоги выборов, но летом 1917 г. были только муниципальные выборы, ничего другого не было, и там только в двух городах большевики получили большинство голосов (Таллин и Нарва), в других победили буржуазные партии. Так что это ничего не означает. Наверное, имели в виду выборы Всероссийского Учредительного, но это было в ноябре, а не летом 1917-го, там, действительно, 40% гражданского населения и около 60% в войсках Балтийской и 12-й армии подали голоса за большевиков в Эстонии, но летом таких выборов не было. А тут поставлено неправильно.

И вообще, теперь мы должны учитывать критику, что мы, эстонские советские историки, слишком негативно относились к буржуазным и мел-

⁵⁷ Иностранная военная интервенция в Прибалтике. 1917–1920 гг. / Отв. ред. И.И. Минц. М., 1988.

кобуржуазным деятелям, а также к истории буржуазной республики в 1920–1930-е гг. Надо признать, что, действительно, эти самостоятельные республики сыграли известную положительную роль в развитии экономики, соответствующей местным условиям, а что особенно важно, в этот период был большой скачок вперед в развитии эстонской, латышской и литовской литературы, так что нам кое-что надо пересмотреть в истории этих республик.

П.В. Волобуев: Слово имеет Ю.Ю. Фигатнер⁵⁸.

Ю.Ю. Фигатнер: Я бы хотел сказать об энциклопедическом издании Биографического словаря Великой Октябрьской социалистической революции. Для того чтобы оно вышло в 1992 г., т.е. к 75-летию, у нас с вами остается 1,5 года работы. Ориентировочно мы имеем 120 листов, из них 20 листов — это портреты. Если мы возьмем примерно по тысяче знаков на персоналию (в предыдущем издании в среднем 500–600 знаков), то это 4 тысячи лиц. Это много, и здесь предстоит большая работа. Персоналии строились так. Грубо говоря, две-три строчки — что было, скажем, до Февральской революции, т.е. откуда взялся этот деятель, и условные наши границы — гражданская война. Соответственно, заключается справка парой строчек, что с ним было после того. А весь основной материал — наш период. Представляем мы себе эту книгу так, чтобы она показывала всю палитру политических сил того времени, от монархистов до большевиков. Кого сюда мы отнесли? Председатели ВРК, комиссары Временного правительства, председатели комитетов общественных организаций, комитетов общественной безопасности, комитетов спасения родины и революции, местные лидеры общероссийских политических партий, организаций и союзов. Я не уверен, что нужны все члены ЦК национальных партий, но наиболее активные, кто выделялся, они должны быть. Так же и члены национальных местных правительств, там, где они были. По своему опыту я знаю, что всех все равно не получится. А кто наиболее ярок, надо взять. Могут быть религиозные деятели, особенно в Татарии, Башкирии и т.д. Не надо только их искусственно искать. Ну, нет своего попа, и бог с ним. Но если есть, то не пропускать.

Точно так же лидеры национальных организаций. Организаторы и командиры красногвардейских отрядов, первых частей Красной армии, общественные деятели, писатели, публицисты, деятели науки и культуры, в

⁵⁸ Юрий Юрьевич Фигатнер (1921–1993) — кандидат исторических наук, издательство «Большая Советская Энциклопедия», член Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

зависимости от того, вели ли они какую-то политическую деятельность. Например Короленко.

Эту работу важно проделать в течение мая, чтобы свои предложения с мест вы нам к 1 июня сюда прислали, если мы собираемся издать эту книгу. То есть, допустим, Сидоров Иван Иванович. И в двух словах: кто он и что он. Мне думается, идти нужно по тому пути, по какому мы шли и в предыдущем издании, где представлены 100 губерний бывшей Российской империи. Местные товарищи сами должны дать нам фамилии. Материал желательно получить в объеме одной страницы машинописного текста. Это 1800 знаков. Заверяю вас, это не так просто — набрать. (А.И. Козлов: По нашей Северо-Кавказской секции собрать до июня такие материалы невозможно. Ведь Северо-Кавказская секция — от моря до моря. Пока напишут, пока материал дойдет... До июня собрать реалистичные предложения невозможно.) Но иначе мы не успеем!

П.В. Волобуев: Александр Иванович, обзванивайте товарищей на местах, каким-то образом связывайтесь. Речь идет о словнике.

Ю.И. Кораблев: Речь идет о том, чтобы не забыть тех, кого нельзя забывать. В среднем на губернию — 25–30 человек, ориентировочно. Чтобы огромных списков не получилось. Где-то будет больше, где-то и этого количества не наберется.

П.В. Волобуев: Слово имеет Ю.М. Гамрецкий.

Ю.М. Гамрецкий: Здесь выступал В.Д. Поликарпов, и интересная мысль прозвучала у него, что вроде бы в результате их поездки произошли те изменения, которым мы свидетели. Хотелось бы, чтобы такая десантная группа приехала к нам на Украину, может быть, там бы скорее сдвинулись те процессы, которые очень медленно идут. (Из зала: У вас там, я думаю, консервативные силы посильнее, чем в Ленинграде.) Ну, может быть, увеличить группу «десантников». (Реплика: Афганцев еще попросите.)

После определенного подъема у нас в республике, после тех книг, энциклопедических справочников, которые вышли к 70-летию Октябрьской революции, был естественный спад, который всегда бывает после юбилеев, но он совпал с теми процессами, которые происходят во всей стране. Среди историков наблюдается растерянность, это, естественно, отражается на работе, на подготовке к публикации монографий и статей. Однако за последнее время к публицистам и литераторам присоединились историки. Ряд их статей в журналах и газетах. В оценке тех лиц, которые долгие годы не упоминались, наблюдается определенный перехлест — исключительно положительная оценка, я в этом ничего не вижу плохого, это первоначальный этап, нужно прежде всего восстановить их доброе имя, а уж впослед-

ствии, когда будут написаны серьезные работы о них, тогда будет дана серьезная всесторонняя оценка. Появились статьи о Грушевском, о Винниченко, о Махно (большая статья о Махно в журнале «Украина»). «Украинский исторический журнал» думает печатать большую работу о нем.

В прошлом году было 70-летие I съезда КП(б)У, и издали малым тиражом протоколы, которые никогда не издавались. На всевозможных заседаниях и собраниях они в киосках были, но практически в магазины не попали. К 70-летию вышел энциклопедический словарь «Октябрьская революция и гражданская война». Это 120 листов, 3000 статей, из них половина статей персональных. Мы его переводим, и в следующем году он выйдет на русском языке. Выбрать для тов. Фигатнера пару сотен фамилий не составит труда.

Тяжело идет дело с интервенцией. Все подготовили. Но когда прочитали этот 50-листный труд, то увидели, что он не отвечает сегодняшнему дню, и наше руководство вместо этой работы решило подготовить книгу о гражданской войне в том плане, как предлагает Комплексная программа — «Трагедия и подвиг народа», 70 листов, уже совершенно иного подхода, с иными оценками, с участием лиц, о которых говорится. Я думаю, что за 4—5 лет такая серьезная работа выйдет.

У нас защищаются докторские диссертации. У нас три аспиранта, которым мы дали темы о гражданской войне 1918 г. и о Киевском совете рабочих депутатов.

В следующем году запланировали провести конференцию, посвященную 70-летию гражданской войны. Такое предложение одобрено Ученым советом, и мы обратились в директивные органы, ждем ответа. (Ю.И. Кораблев: А какое время вы предложили?) Мы предложили ноябрь 1990 г.

Ю.И. Кораблев: Спасибо. Слово предоставляется профессору А.М. Ментешавили.

А.М. Ментешавили: Небольшая поправка: я не профессор и представляю Грузинскую секцию.

П.В. Волобуев: Работаем по «международным стандартам»: все — профессора!

А.М. Ментешавили: Секция обновлена. К нам приехали заместитель председателя Научного совета К.В. Гусев и Т.Ф. Кузьмина. Произошла реорганизация, и секция пополнилась новыми членами. Большие надежды мы возлагаем на привлечение молодежи к работе по тематике Октября. Стимулом является то, что появилась возможность работать над новыми архивными материалами. Архив грузинского меньшевистского правительства в конце концов передан нам парижскими грузинами. Сейчас идет

обработка. Мы располагаем теперь многими новыми данными для того, чтобы ликвидировать «белые пятна» в истории Грузии периода Октября и гражданской войны, которые пока еще существуют.

Проблемы на данном этапе работы у нас следующие. В связи с перестройкой, переходом к новому мышлению, демократизацией и гласностью пересматриваются те старые догмы и стереотипы, которые были характерны для 1960–1970-х гг. — начала 1980-х, не говоря уже о годах 1930–1940-х. Большое влияние на их формирование оказал не только «Краткий курс истории партии», но и работа Берии о большевистских организациях Закавказья, тут был двойной пресс на историков. Сейчас последствия этого влияния преодолеваются.

По-новому ставится вопрос о возрождении грузинской государственности в мае 1918 г. Раньше считалось, что Грузинская демократическая республика — это была реакционная республика, зачисляли ее в контрреволюцию и забывали говорить о том, что за время ее существования были проведены всеобщие выборы (март 1919 г.) в Учредительное собрание республики, и при этом из 500 тысяч голосовавших 400 тысяч отдали свои голоса за Социал-демократическую партию меньшевиков Грузии. В Грузии существовало тогда 15 политических партий. Большевики, так же как и в Эстонии, бойкотировали эти выборы, а меньшевики получили подавляющее большинство голосов и стали правящей партией. Те демократические преобразования, которые в республике произошли, не освещались в полном объеме. В данный момент грузинские историки уделяют внимание этому вопросу.

Появляются, к сожалению, пока что только в публицистике, политические портреты таких деятелей, как Чхеидзе, Церетели, Жордания, Авалишвили-Авалов, Чхенкели и др. Интерес к ним усиливается.

В секции идет работа над монографией «Иностранная интервенция в Грузии». Ряд авторов уже выполнил работу. Но так быстро течет время, что на сегодняшний день уже устарело сделанное, скажем, в 1987–1988 гг. Так что придется пересмотреть сделанное в эти годы с учетом информации из тех меньшевистских архивов, которые мы получили.

Однако сколько мы ни говорим о нынешней революционной перестройке, демократизации и гласности, все еще велики сложности с получением документов, работой над архивными фондами. Я за эти два дня, что нахожусь в Москве, побывав в Центральном партийном архиве, в этом еще раз убедился. Если центральный Научный совет руководит координацией и заинтересован в новых разработках, то какие-то шаги должны быть им предприняты по демократизации доступа к документам.

Под каким соусом отказывают? Под соусом того, что существует специальная партийная комиссия, которая сейчас готовит очерки истории партии (один из представителей этой комиссии тоже здесь сидит). А что же получается? На местах мы не имеем права прийти и работать над этими фондами. Почему только московские товарищи должны работать? И только представители этой комиссии? По-моему, тут надо демократично. Приходится клянчить и доказывать, что тебе нужно работать над фондом Сталина, не говоря уже о фонде Политбюро или пленумов ЦК. Это невозможно. Этот вопрос Научный совет должен поставить.

Что касается заграникомандировок. Местные товарищи тоже должны поехать за границу, там есть что посмотреть. Я лично был по линии Госкомобра в США, в Гарварде, там специальный Русский исследовательский центр и хранится архив грузинского правительства, и там же есть архив Троцкого. Меня интересовали взаимоотношения Троцкого с грузинскими троцкистами, с его грузинскими поклонниками, я просмотрел огромный архив, там же работы Троцкого о Сталине, двухтомник, я читал, и надо сказать, что сегодняшние публикации повторяют то же самое, что в 1935 г. было написано Троцким. Но у Троцкого больше эмоций, чем объективной оценки. Я ознакомился и с эмигрантской литературой, и с советологической литературой на русском языке, там очень много выходит в Гарвардском университете, их терминология и оценки повторяются сегодня в публицистике. Ничего такого я здесь не прочел, чего не было бы за рубежом, так что это не ново, а надо как-то по-новому это раскрывать.

В наших планах работа над проблемами интервенции, члены нашего Совета готовят очерки истории Грузии на русском языке. Следующий том как раз посвящен проблеме Октября, Февральской революции и гражданской войны, и надо будет заново осмыслить и осветить эти проблемы.

Из зала: Восстановлен ли Буду Мдивани в партийном отношении уже и есть ли о нем публикации? Имя его часто сейчас встречается, а что есть, мы не знаем.

А.М. Ментешаивили: У нас сейчас идут дискуссии, была проведена дискуссия по вопросу о создании Закавказской федерации. Буду Мдивани — один из членов группы так называемых национал-уклонистов, которые были подвергнуты критике на XII партийном съезде, а впоследствии репрессированы. Но они были репрессированы не как национал-уклонисты, а как троцкисты. Как национал-уклонисты никто не был репрессирован в тот период, власть Сталина еще не настолько была сильна. А Буду Мдивани реабилитирован как государственный деятель, по партийной линии — тоже, по-моему, это было в прессе, по вопросу о Закавказской федерации часть

грузинских историков считает, что она не нужна была вообще, как излишний бюрократический аппарат, и Закавказская федерация не была нужна. Другая часть считает, что, в свете сегодняшних событий в Закавказье, особенно в Нагорном Карабахе, Закавказская федерация все-таки выполнила какую-то роль в установлении национального мира. Карабахский вопрос появился только сейчас, в 1980-х гг. А в 1930-х гг. этот вопрос не стоял. Иные историки считают, что это результат административно-командной системы Сталина, который, сея страх, насаждал и решал национальный вопрос. Я считаю, что должен быть «круглый стол» всех закавказских историков, может быть, с участием московских историков, чтобы это не было односторонним решением грузинских историков. Ведь Закавказская федерация касается всех трех республик. Поэтому участвовать должны историки всех трех республик.

В начале апреля должен был быть «круглый стол» по вопросу об установлении советской власти в Грузии. Его отложили ввиду абхазских событий и событий, которые произошли у нас. Здесь тоже происходит поляризация мнений по поводу установления советской власти. Существует мнение, что установление советской власти в феврале 1921 г. было нарушением договора 7 мая 1920 г. и наступление Красной армии считают агрессией сталинской России против демократической республики Грузии, так как внутри страны не было никакого восстания. По этому вопросу сейчас идут дебаты в кулуарах, а позже будет проведен «круглый стол».

Здесь В.Д. Поликарпов с возмущением говорил о событиях, которые происходили в Ленинграде по поводу так называемого «идеологического десанта» из Москвы. А у нас в Грузии произошел настоящий парашютный десант спецвойск, которые разогнали мирную, в общем-то, демонстрацию в начале апреля. Вы знаете об этом из прессы. К сожалению, союзная пресса в искаженном виде подала эти события, по-моему, лишь в «Московских новостях» было недавно кое-что опубликовано. Эта трагедия — урок для всех, в том числе и для нас, историков, думающих, как пойдет перестройка. Нельзя действовать методами силового давления. Убито было 20 человек, из них 18 женщин, среди них 70-летняя женщина, две девочки 15-летние и одна беременная женщина. Отравлено газом 400 с чем-то человек, и до сих пор не знают состав этого газового вещества, чтобы лечить больных. Вот такие у нас происходят события на местах. Это для информации историков. Знаю из собственного опыта, часто на всесоюзных конференциях элементарных вещей мы не знаем друг о друге, некоторые историки считают, что аджарцы — это отдельная нация, и не разбираются во взаимоотношениях Абхазии, Грузии и

т.д. Мы должны все знать друг о друге, получать как можно больше информации.

Вопрос: Вы когда дошли до темы интервенции, отметили, что проведена большая работа и в этой работе вы зашли в тупик, но не объяснили, по каким именно вопросам.

А.М. Ментешаишвили: Во-первых, произошел организационный раскол среди закавказских историков. Обострение взаимоотношений между армянами и азербайджанцами тотчас отразилось на интеллигенции, и историки отказались от сотрудничества. Это раз. Потом, нам предложили делать отдельную монографию. Я уже сказал, что архив грузинского правительства, который сейчас имеется в наших руках, показал, что надо по-новому подойти к этой проблеме, по-новому осветить, пересмотреть многие положения и факты.

Б.И. Кантелов: Вы не могли бы остановиться на противоречиях между абхазцами и грузинами?

А.М. Ментешаишвили: Если Научный совет меня поддержит, у меня есть специальная статья, и я могу представить ее в этом году, чтобы напечатать ее в «Вопросах истории» или в «Истории СССР», о взаимоотношениях абхазцев и грузин в 1917 и 1922 гг. Дело в том, что когда была установлена советская власть в Грузии, в Абхазии проживало 35 тысяч абхазцев. Между Орджоникидзе и Эшбой, руководителем Абхазской комиссии в Москве, было оговорено, что Абхазия будет на автономных началах входить в состав Грузии, а Абхазская, Сухумская организация на правах областной организации — в состав Коммунистической партии Грузии. 25 февраля в Грузии была установлена советская власть, туда вступили Орджоникидзе и Эшба. Эшба потом приехал в Абхазию, а уже 18 марта в телефонограмме к Орджоникидзе он потребовал, чтобы Абхазия была объявлена независимой советской республикой или была присоединена к РСФСР. Эта телефонограмма опубликована. Вопрос был поставлен ультимативно: или присоединение к РСФСР, или объявление Абхазии независимой Советской Социалистической Республикой. Орджоникидзе в ответ удивляется и говорит, что это было по-другому намечено. Присоединение к РСФСР может быть воспринято на Западе как аннексия Абхазии Москвой. Отложили решение вопроса до съезда Советов.

Чем руководствовался Эшба, выдвигая такое требование? Он руководствовался тем, что до падения меньшевистского режима, которое произошло 25 февраля, Учредительное собрание Грузии приняло Конституцию Грузинской Демократической Республики, где было написано, что Абхазии предоставляется автономия в пределах Грузии. Видимо, Эшба считал, что

с установлением советской власти Абхазия должна получить больше, чем автономию, ее надо объявить независимой советской республикой. Орджоникидзе потом (наверное, с согласия центра) дал на это санкцию, и была создана независимая социалистическая республика Абхазия, которая на договорных началах была включена в состав Грузии. А затем она становится автономной республикой, как это есть сейчас.

Каждый по-своему понимает перестройку. В Грузии идет борьба за то, чтобы добиться независимости. В Абхазии — то же самое. Созданная в Абхазии в конце 1920-х — начале 1930-х гг. командно-бюрократическая система сделала то, что Абхазия потеряла статус независимой советской республики. А теперь в Абхазии решили, что с возвращением к ленинским принципам должен быть восстановлен ее статус независимой советской республики. В настоящий момент в Абхазии проживают 85 тысяч абхазцев и 242 тысячи грузин. Есть также армяне, греки, даже эстонцы есть, эстонская коммуна. Абхазцы составляют 17% жителей этой автономной республики.

Ю.И. Кораблев: Слово предоставляется тов. Башко — полномочному здесь представителю нашей Белорусской секции. Академик Игнатенко⁵⁹ на заседание приехать не смог.

П.К. Башко: Мы, историки, в теоретическом плане и даже при исследовании фактического материала во многом отстаем от публицистов. Взять, скажем, проблему контрреволюции. Она требует специальной работы теоретического плана, о том, что такое контрреволюция вообще. В годы культа личности Сталина, в застойные годы понятие контрреволюции трактовалось в расширительном плане, туда записывали и меньшевиков, и бундовцев, и эсеров и т.д. Потом эта тенденция распространилась и на большевиков, делали их контрреволюционерами, шпионами, диверсантами и т.д., т.е. само понятие на разных этапах менялось, поэтому надо бы эту проблему обсудить. Тем более что все-таки в годы гражданской войны перегибы были, скажем, в Белоруссии. Все эти вопросы надо исследовать.

Мне думается, что подготовка гражданской войны шла уже после Февральской революции. Взять кризисы — апрельский, июльский, подготовка второй корниловщины — это же и есть подготовка к гражданской войне.

Многие работы об установлении советской власти на местах устарели, появляются новые материалы, нужны новые подходы. Я занялся изучением обстоятельств установления советской власти в Белоруссии, и у меня

⁵⁹ Илларион Мефодьевич Игнатенко (1919–2002) — доктор исторических наук, Институт истории АН Белорусской ССР, председатель Белорусской секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

сложилось впечатление, что после Октябрьской революции в ряде городов создавалось двоевластие. По некоторым позициям можно прийти к совершенно новым выводам.

Чем занимается наша секция? Обстановка в Белоруссии тоже не простая, как и везде, идут острые дискуссии. В прошлом году было 70-летие образования Белорусской ССР, проводились «круглые столы», публиковались юбилейные статьи. В этом году завершается работа над рядом тем. Подготовлена работа «Великий Октябрь в самоопределении белорусского народа». Готовится к изданию «Организационное строительство Советов Белоруссии». В этом году вышла книга Жмуровского⁶⁰ «В борьбе за советскую власть». На перспективу планируем работы «Участие Белоруссии в защите завоеваний Октября», «Интеллигенция и культурное строительство», «Завоевания Великого Октября в кривом зеркале вульгарных фальсификаторов».

П.В. Волобуев: Слово имеет В.И. Голдин⁶¹.

В.И. Голдин: Тема моего выступления — чисто информационная. Мы выступили с предложением о проведении вместе с Проблемным советом в конце мая — начале июня следующего года всесоюзной конференции в Архангельске. Ориентировочное ее название — «Гражданская война в советской России: поиски новых подходов». Готовится информационное письмо, в июне мы его разошлем. Планируем принять до 70 иногородних участников. Так что милости просим! Если есть ко мне вопросы, то пожалуйста.

П.В. Волобуев: Слово — профессору Копанскому⁶².

Я.М. Копанский: Вчера мы были слушателями интересных выступлений. Направляясь сюда, мы ждали не каких-то особых сенсаций (мы к ним привыкли), а именно делового разговора специалистов. Идет сложный, особенно для историков старшего поколения, процесс пересмотра многих позиций, главное — мы видим стремление к этому пересмотру.

Но ежегодник — издание для специалистов. Публицистика будоражит мысль, заставляет историков думать, отвечать на вопросы, но вместе с тем нельзя не видеть перехлестов, когда эта публицистика имеет выход на ши-

⁶⁰ *Дмитрий Петрович Жмуровский* (1918–2010) — доктор исторических наук, Белорусский государственный университет.

⁶¹ *Владислав Иванович Голдин* (р.1951) — кандидат исторических наук, Архангельский государственный педагогический институт; после Годичного собрания председатель Северо-Западной секции Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

⁶² *Яков Михайлович Копанский* (1930–2006) — доктор исторических наук, Институт истории АН Молдавской ССР.

рочайшего читателя, а работы историков выходят тысячами экземпляров. Может быть, предложить издательствам серию популярных работ, собрать эти самые вопросы по прессе, по неформальным митингам, собраниям, по разговорам, которые ведутся на Пушкинской площади в Москве, на площадях в других городах, и дать в максимально короткие сроки краткие, там, где можно уже, ответы на эти вопросы, как следует их правильно трактовать. Это был бы реальный вклад в формирование сегодняшнего исторического сознания. Насчет того, кто начал гражданскую войну, кстати, в этих экспресс-изданиях нужно кратко ответить.

Для нас особенно важен вопрос, который нас всегда смущал, и мы всегда настаивали на том, чтобы в Молдавии в литературе была ясность, когда началась интервенция, когда началась гражданская война. Потому что, если интервенция началась не в декабре 1917-го — начале января 1918 г., когда Бессарабия была оккупирована, тогда как это сочетать с ленинской цитатой периода советско-польской войны, о том, что Румыния в удобный для себя момент не напала на Советскую страну? Таким образом это трактуется нашими братскими, соседними историками уже много лет в литературе, и это дает возможность говорить о том, что Ленин не считал оккупацию Бессарабии оккупацией, хотя есть достаточно документов, и мы об этих вопросах говорим.

Контрреволюционный мятеж на Румынском фронте — одна из тех точек, где началась гражданская война, когда пришли члены ВРК Румынского фронта на переговоры и говорят: большевики были непримиримы, они не хотели. Большевики пришли на переговоры с Комитетом национальных комиссаров, их заманили туда, арестовали, а потом Рошаля убили. Уже тогда было сплетение внутренней контрреволюции с контрреволюцией внешней, потому что целую ночь заседал Совет министров Румынии в Яссах для того, чтобы решить вопрос, включиться ли в этот конфликт, не разоружить ли революционный гарнизон в Соколах. Причем для нас это политически важный вопрос. Надо, чтобы здесь факты не были передернуты, натянуты, факты сами за себя говорят.

П.В. Волобуев: Значит, когда же это было?

Я.М. Копанский: Это было 8 декабря, были арестованы члены ВРК, а 9-го по старому стилю был разоружен гарнизон в Соколах. Это важнейшая дата. И когда говорят, что гражданская война началась летом 1918 г., и, значит, интервенция началась гораздо позже, встает вопрос: а как же наши трактовки этих проблем? Должна быть очень четкая трактовка.

Это интересная проблема и в научном и в политическом плане. Традиционно секция Молдавии наряду с проблемами истории Октября занима-

ется революционным процессом 1918 г., процессом становления советской власти в Молдавии. В этой Комплексной программе, которая намечена Советом, проблема революционного процесса на западных территориях страны должна бы быть взята под крылышко Совета. Надо найти какие-то формы, которые позволили бы ею заниматься не только на местах, но и в общесоюзном плане.

На нынешней сессии меньше, чем в прошлый раз, говорили об издании документов. Больше говорили об издании литературы. Но издание документов по Октябрю и гражданской войне остается актуальнейшей задачей. Мы не можем похвастаться новыми изданиями, вряд ли в ближайшее время это получится, у нас мало документов. Мы подозреваем, что значительная часть документов, освещающих 17-й год в Молдавии, хранится в каких-то архивах Румынии, но, к сожалению, на неоднократные наши обращения по этому вопросу, официальные и неофициальные, нам говорят, что таких документов нет.

Может быть, архивы Москвы откроют нам новые возможности, может быть, допустят наших историков к архивам буржуазных партий. Мы в принципе взяли сейчас курс на индивидуальные монографические исследования. Не только для истории Октября, это должно стать законом, чтобы приоритет был дан индивидуальным изданиям. Не нужно создавать коллективные, как у нас называют, «гробы».

Из зала: У вас гробы, а у нас братские могилы.

Я.М. Копанский: Сейчас идет такой процесс смены поколений историков. Сказать, что мы в свое время позаботились о подготовке молодой смены, я не могу. Это наша беда. Но сейчас включается группа молодых специалистов. Не знаю, почему сегодня не прозвучала статья П.В. Волобуева, которая была в «Коммунисте». Наверное, все ее читали и обсуждали у себя. Она дает ориентиры и для местных секций. В свое время недостаточно внимания в непромышленных регионах уделялось средним слоям. А они имеют значение во всех регионах. У нас сейчас делается последний вариант работы по средним слоям. Подготовлена диссертация об интеллигенции, монография по Кишиневскому совету.

Молдавия богата героями гражданской войны. Некоторым из них «повезло»: они успели умереть до массовых репрессий. Есть литература о них, но сборников документов о них нет. Будет издана серия таких сборников.

П.В. Волобуев: Слово профессору Лейберову.

И.П. Лейберов: Если, товарищи, честно посмотреть друг другу в глаза (да и наши седины не позволят нам здесь sluкавить), то мы должны признать: мы работаем с вами в максимально закрытой аудитории, работа-

ем только на самих себя. Вот и сегодняшнее наше с вами собрание — ведь можно сказать, что волнения Г. Иоффе, О. Знаменского, других наших коллег по разным проблемам объясняются тем, что нет достойного пополнения наших рядов. Ну, почему бы, скажем, П.В. Волобуеву не привести сюда пяток студентов или аспирантов из Московского университета? Ю.И. Кораблеву — из Института имени Ленина, где он преподает? О.Н. Знаменскому из Ленинградского университета, — почему сюда пятерку студентов не привезти?

Мы с вами, в отличие, скажем, от философов, социологов, имеем ассоциацию историков? Нет. Мы с вами имеем встречи историков любого поколения с руководящими деятелями прессы нашей партии, правительства, даже профсоюзов? Не имеем. На кого же мы сегодня с вами работаем? Опять же, на самих себя. Наши товарищи теперь говорят, что мы не успеваем за публицистами, за журналистами, даже за неформалами.

А вы знаете, до чего иногда в Ленинграде дело доходит? Вот Олег Николаевич правильно мне говорит: «Слишком не драматизируй события, подумай о своем здоровье». Ведь когда группа историков, опытных ли, молодых ли, идет на «круглый стол», даже в «Ленинградской правде» или «Ленинградском рабочем», то я, например, беру с собой пяток или даже десяток студентов своих, которые, скажем, армию, флот прошли, а то и афганский фронт: вот, ребятки, поддерживайте президиум, пятерка — с левого фланга, пятерка — с правого фланга. Чтобы потом морду не набили, при выходе с «круглого»-то стола... Вот до чего дело доходит! Не только трехцветные императорские флаги выбрасывают у Казанского собора. Хотя и пусть выбрасывают.

И это не только ленинградская ситуация. Знаменский правильно сказал: это ситуация всей страны. Всей страны! Прежде всего, конечно, ведущих центров. Но не только их. В глубокой провинции «застойное» время прослеживается более четко, бюрократия на местах более четко себя проявляет.

Нашему Научному совету надо, наверное, создать информационный центр по связи с печатью, с неформальными организациями. Создать надо и молодежный лекторий при Институте истории СССР. Почему мы боимся собрать молодежную аудиторию? Да потому, что мы не умеем собирать ее. А она должна нас «обкатывать» в таких, условно говоря, лекторско-агитационных «боях», какие большевики проводили в 1917 г.

О «московском десанте» в Ленинграде. Да, товарищи, ленинградские историки очень внимательно следят за «московским десантом» в Ленинграде, они будоражат нашу общественную мысль и наше партийное и совет-

ское руководство, но я хотел бы отметить такую немаловажную деталь, что в Ленинграде создан кооператив «Собеседник», в котором билет, скажем, на Антонова-Овсеенко, Серго Микояна или Сергея Хрущева стоит 2–3 рубля. Этот кооператив проводит «десант» не только в студенческих аудиториях, но и во многих кинотеатрах, аптеках и даже жилищных управлениях. Это, может быть, хорошее мероприятие — мы должны доходить до широких трудящихся масс. Но некоторые «десантники» производят нападения на прямолинейных большевиков-ленинцев, в частности на Н.И. Подвойского. Ставится вопрос: а почему он остался в живых? Потому что, дескать, он был сталинским холуем. Ну кто это сказал? Ничего подобного и никогда этого не было. Я хочу вас познакомить с одним документом из личного архива Н.И. Подвойского. Его дневниковая запись 18 марта 1928 г.: «Сталину как горцу приходилось все время расценивать каждую вещь, каждое явление, эпизод, событие, случай с жизненно прикладной точки зрения: полезно или вредно, враг или друг. Эта примитивная диалектическая мерка, все кажется или в свою пользу или против тебя, эта выработанная бухгалтерская способность все время подводить балансы, выработанная способностью гибкой, коварной восточной стратегии, тактика азиатской дипломатии является весьма действенной ключевой энергией для разрушения ненужного, они, эти люди, отличаются полной последовательностью, решительностью, бесстрашием, с одной стороны, и беспощадностью к врагам, вообще, к людям, с другой стороны». Я хочу отметить дату — 18 марта 1928 г. Это, с моей точки зрения, возможно, вторая после В.И. Ленина развернутая характеристика некоторых, так сказать, морально-психологических качеств Сталина и людей его типа. В личном, семейном архиве Н.И. Подвойского, не в ИМЛ, и не в архиве Советской армии, обнаружены уникальные письма Троцкому, Сталину, Ворошилову, Кагановичу, Молотову, Жданову, вот эти письма за последние месяцы пришлось поднять, кое-что опубликовать.

Что творилось с этой группой большевиков, которая осталась в живых? Морально-психологическая изоляция, морально-психологическая казнь. Я понимаю, у В.Д. Поликарпова есть своя точка зрения, но я хочу вам заметить, что, по последним данным, когда бериевские и ежовские молодчики пытались в своих подвалах Я. Берзиня, они выколачивали из него сведения и свидетельства, чтобы взять за горло не только М. Литвинова, не только Е. Стасову, но, в частности, Н. Подвойского. Если подходить с такой прямолинейной точки зрения, что если человек был расстрелян или погиб в лагерях, это верные большевики-ленинцы, а вот те, кто остался по случайности в живых, это, дескать, сталинские холуи, извините меня, эта точка зрения не пройдет. Она адресуется к тем неформалам, путаникам и, хотите знать,

даже антисоветчикам, которые пытаются все в нашей истории перехлестнуть и пересмотреть,

Московские и ленинградские историки, занятые глобальными проблемами Октябрьской революции, гражданской войны, мало уделяют внимания окраинам. Долгие годы мне приходится заниматься, помимо проблем своего родного Петербурга, кавказоведением, в частности, грузиноведением. Все основатели компартии в Грузии, Армении, Азербайджане, руководители установления советской власти в этих республиках, практически все учились в петербургских высших учебных заведениях. А что мы с вами знаем о петербургском кавказском землячестве? Я по пальцам могу перечислить, кто учился в Петербурге. Это С. Шаумян, М. Орахелашвили, Ш. Элиава, М. Азизбеков и т.д.

Благодаря Проблемному совету Октябрьской революции, благодаря поддержке академика И.И. Минца, П.В. Волобуева, Ю.И. Кораблева, О.Н. Знаменского удалось «раскачать» прежде всего российскую общественность, затем грузинскую, абхазскую общественность и создать в далеком абхазском селе Цебельда историко-революционный мемориальный музей «Ясочка». Я бы хотел, чтобы вы когда-нибудь этот музей посетили. Он создан по решению Бюро ЦК Компартии Грузии, проявившего высочайший интернационализм в духе перестройки.

Там семейство сохранило 4 тысячи писем за 150 лет, 16 ленинских прижизненных произведений, полный комплект ленинской «Искры», уникальную коллекцию большевистских листовок на русском, грузинском, абхазском, армянском, персидском языках. 20 лет мы эту коллекцию изучаем. И вот сейчас стоит вопрос о том, чтобы Абхазии дать возможность на 20 печатных листах издать сборник документов — письма, мемуары этого семейства, фотографии. Без поддержки московских и грузинских историков-коммунистов это дело до логического конца не довести бы.

Как представитель вузовской исторической науки хочу подчеркнуть, что Проблемный совет всегда поддерживал гибкую, оперативную связь с вузовской исторической наукой. А за последние 5—8 лет эта связь резко ослабла, в частности в Ленинграде. Надо эту связь постепенно восстанавливать. Вузовские ученые испытывают огромные муки с опубликованием своих пусть даже 7, 12, 16-страничных исследований. Приходится «пробивать» это своими локтями, энергией, нервами.

Относительно вопроса статуса города Ленинграда. Сейчас «Советская энциклопедия» подготовила к печати энциклопедию города Ленинграда (120 печатных листов). Но старый, «застойный» подход сказывается и в отношении к Ленинграду, его творческой интеллигенции, в частности к исто-

рикам. Проявляются старые тенденции. Ряд статей, связанных по тематике с Петербургом, столицей Российской империи, снимается; снимается все, что относится к Государственному совету; ряд статей о центральных учреждениях Российской империи, которые территориально базировались в Петербурге. Понятно, зачем — чтобы уравнивать Петербург с Новгородом, с Псковом — пусть не обижаются на меня новгородцы и псковичи. Но, товарищи, это же прямая фальсификация истории!

Можно приглашать на такие совещания, как наше, отдельных ленинградских ученых. Дело не в именах, не в именитости. Много талантливых ученых, и их надо приглашать. Ведь это огромная школа! Слушать товарищей — и москвичей, и ленинградцев, и с национальных окраин — это целая школа «обкатки» молодых историков. Павел Васильевич, Юрий Иванович, надо решать эти проблемы.

Юрий Иванович, огромное вам спасибо за приезд в Ленинград. Дело в том, что Ю.И. Кораблев нашел силы, время и нервы выступить в Высшей школе ВЦСПС в Ленинграде на тему «Лев Давидович Троцкий и проблемы гражданской войны в СССР», мы его персонально пригласили выступить в нашем вузе, и это было великолепное выступление.

А что касается выступления Будакова, то надо оперативно с такими, как его вчерашний, докладами выходить в большую печать. Вот если бы нам Союз журналистов, Союз писателей помогли такие выступления оперативно публиковать! Даже об этом нашем «круглом столе» отозваться. И неформалов надо приглашать, тогда бы мы оперативно действовали и не тратили нашу энергию, нервы только для самих себя.

А.И. Козлов: Северо-Кавказская секция — своеобразная секция, очень сложное объединение, и это должно находить отражение и в составе нашего союзного Совета. У нас масса автономных республик, областей, краев, и как-то это надо учитывать. Конечно, трудности у Совета большие, бюрократия нас по-прежнему давит и не позволяет нам пригласить людей, каких надо бы пригласить: вот от нашей секции еще два члена в Совете, но приглашен один я, а двое других нет, потому что нет в гостинице номеров. Нужно как-то разяснять Президиуму Академии, чтобы они понимали, как это важно для освещения перестройки. Поприсутствовали люди, посидели, послушали, они там рассказали бы в подсекциях, иначе невозможно управлять и руководить секцией.

Мы уже давно уделяли внимание подготовке молодых специалистов, и у нас молодежь в секции появилась, специалисты по революции и гражданской войне, за последние 5—7 лет мы человек 10 подготовили. Сложная ситуация сейчас в Дагестане и Ставропольском крае: там сейчас специали-

стов нет. Когда вы будете реформировывать Совет, надо нашей секции предоставить мест пять. Предложения я потом внесу. Скажем, директор института в Кабардино-Балкарии — известный специалист по революции и гражданской войне, он может быть представлен в нашем Совете.

Секция готовит две конференции. В конце сентября конференция будет посвящена 70-летию 1-й и 2-й конных армий. Это не значит, что мы будем посвящать доклады только лишь им, мы ставим проблему шире, проблемы гражданской войны на юге России. Я хотел бы призвать присутствующих: кто хочет, кто имеет желание сказать свое слово, дайте заявку.

Вторая конференция намечается на апрель будущего года, будет проходить в Нальчике на базе Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института истории языка и экономики.

Давно уже есть договоренность с Советом о проведении всесоюзной конференции по истории казачества. Две всесоюзные конференции по теме казачества в период Октябрьской революции и гражданской войны мы уже провели. Теперь необходимо посмотреть на всю историю казачества — как оно возникло, через какие этапы прошло оно и во что все это вылилось. Поэтому за хронологические рамки конференции мы принимаем XVI—XX вв. Надо однажды собраться всем и поговорить об этой большой и сейчас внезапно обострившейся проблеме — и не только в научном плане, но и в плане общеполитическом.

Сейчас на Дону, Кубани, Тереке нет таких сложных событий, которые протекают, скажем, в Ленинграде, других местах. Но это лишь «раскачка»! На Дону, на Кубани всплеск казакоманства очень большой, удивительное дело! Причем идет это по линии раздувания национализма. И опять та же проблема, извините меня: жидомасонство и казачество. Так прямо она и ставится. Это ведь не я придумываю. Этот всплеск, этот «взрыв» — на Кубани! Знаменский опубликовал пресловутую «Донскую альтернативу», ее подхватила газета «Молот», растиражировала. В период предвыборной кампании, когда каждую строчку было трудно опубликовать, эта газета не постеснялась напечатать этот большущий очерк примерно в 10 номерах газеты. Это сплошная реакция! И на все это надо реагировать. Конференция, которую мы планируем провести в апреле 1990 г., должна сыграть большую идейно-политическую роль, поможет ответить на те вопросы, которые поставлены практикой жизни. Зоря Леонидовна от Совета будет заниматься этим. Заявки уже можно посылать.

З.А. Серебрякова: Товарищи, вы, вероятно, уже получили вместе с приглашением извещение, которое мы во все секции посылали, о том, что 22–26 октября этого года в Москве будет проходить всесоюзная конферен-

ция на тему «Социалистическая революция в России: теоретические и методологические проблемы». В этом письме мы просили до 1 мая сообщить предполагаемые темы выступлений. 50 товарищей мы ждем с мест. Это кроме тех, кто будет от Москвы. Естественно, мы ждем новых интересных подходов, чтобы эта конференция обогатила нашу историографию.

Доклады, которые уже определились, это доклад П.В. Волобуева «Революция и народ: теоретические и методологические аспекты». Второй доклад — В.П. Наумов⁶³: «Творцы Октября. К вопросу о роли личности в истории». Третий — В.П. Буддаков: «Национальный фактор в Октябрьской революции». Ю.И. Кораблев, четвертый, еще не сформулировал тему, но очевидно, это проблемы, связанные с гражданской войной. Секций не будет, планируйте сразу, просим вас указать темы. Срок — 15 мая.

*В.И. Миллер*⁶⁴: Здесь нет калининцев, которые попросили меня сказать несколько слов о конференции, которую упомянул Юрий Иванович. После долгих дискуссий остановились на теме «Политическая система России в 1917–1918 гг.». И первую конференцию из этой серии решено посвятить теме «Общественные организации в политической системе России», имея в виду посмотреть весь срез общественных организаций, включая и те, о которых не говорилось в течение длительного времени. Это, например, Комитеты общественной безопасности и т.д. Были организации, которые в процессе революции превращались в учреждения. Самый яркий пример — это Советы. Но вместе с ними этот же путь проделали и профсоюзы, а также фабзавкомы, на каком-то этапе это были солдатские и крестьянские организации.

Мы обращаемся от имени оргкомитета конференции, чтобы товарищи подумали над тем, как они могли бы в этом участвовать.

Далее. Более полутора лет назад вышел из печати исторический атлас «Великий Октябрь». Но сегодня мы смотрим на сделанное уже другими глазами (хотя отзывы, полученные тогда, были вполне приличные). Мы приступаем к подготовке нового такого атласа. В основе его будут те карты, которые выдержали испытание временем. Но готовятся и новые карты, посвященные установлению советской власти на местах. Здесь, конечно, без помощи историков, работающих в регионах, республиках, сделать следующий шаг будет невозможно. Поэтому второе поручение, которое я вы-

⁶³ Владимир Павлович Наумов (1925–?) — доктор исторических наук, Академия общественных наук при ЦК КПСС.

⁶⁴ Виктор Иосифович Миллер (1930–1995) — кандидат исторических наук, Институт истории СССР АН СССР, член Бюро Научного совета АН СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской революции».

полняю, — это обращение к вам, связанное с помощью нам по подготовке такого атласа.

Теперь — по поводу тех проблем, которые подняты в докладах Ю.И. Корблева и В.П. Буддакова.

Вопрос о том, можно ли было предотвратить гражданскую войну, в последнее время поднимается все чаще. И понятно, почему. Дело в том, что если мы смотрим на развитие событий с точки зрения опасности войны и возможности ее предотвращения, то, естественно, встает и вопрос о ее оценке. Когда товарищи занимаются этими проблемами, они, естественно, привлекают то место из статьи Ленина «Русская революция и гражданская война», где сказано, что гражданскую войну можно предотвратить при выполнении двух условий: если власть перейдет к Советам и если будет заключен союз большевиков с меньшевиками и эсерами. А так как власть к Советам перешла, получается, что гражданская война развернулась только потому, что не был достигнут этот союз. На этом люди ставят точку и говорят, что вот, мол, виноваты большевики, которые не сумели договориться с меньшевиками и эсерами. Отвечать на этот вопрос нам приходится и на «круглых столах», и на встречах с молодежью, о которых здесь говорилось. И ответ здесь может быть двоякий. Чаще всего указывают на то, что меньшевики и эсеры отказались пойти на союз с большевиками на платформе советской власти, на платформе II съезда Советов, и выдвинули свою платформу — платформу однородного социалистического правительства под руководством Чернова или кого-нибудь еще из лидеров этой же когорты. А тогда можно было бы втянуть большевиков в парламентские махинации и заставить их отказаться от Октябрьской революции, от ее лозунгов и идей, от декретов, которые, как довольно убедительно вчера говорил Буддаков, имели общечеловеческую ценность.

Таков краткий ответ. Но если мы говорим об этом в своем научном круге, то мы должны иметь в виду еще одну сторону и не ограничиваться цитатами, а внимательно посмотреть эту статью. И тогда мы придем к выводу, что Ленин говорит не о той гражданской войне, которой еще не было и которая развернулась лишь через несколько месяцев, а об элементах гражданской войны, которые он видел в апрельских событиях, в июльских, в корниловщине. Он говорил о том, что эту самую малую гражданскую войну (элементы ее) можно предотвратить с помощью союза с меньшевиками и эсерами, и тут же отвечал на вопрос, почему. Да потому, говорил он, что у буржуазии нет сил бороться против Советов и поэтому она не может связать гражданскую войну, а у меньшевиков и эсеров были силы и поэтому

для того, чтобы предотвратить гражданскую войну, нужен был этот союз. Это половина дела.

Вторая половина заключается в том, когда задают следующий вопрос: ну а Ленин предвидел возможность большой гражданской войны? И в той же статье он прямо признает, что такая возможность существует, и он связывал ее уже тогда с опасностью интервенции. Но, правда, он говорил, что само географическое положение России вроде исключает такую интервенцию. Так вот, сбилось то, о чем Ленин писал, но во что он не верил, потому что действительно большая гражданская война началась в связи с интервенцией. Но интервенция началась парадоксально, не с окраин, т.е. и с окраин, но опасность представил тот этап гражданской войны, который развернулся в связи с чехословацким мятежом. Когда мы говорим о возможности предотвращения гражданской войны, мы эти факты не должны забывать.

И, наконец, вторая часть в связи с докладом В.П. Булдакова. Он говорил о кризисе исторического сознания, имея в виду общий кризис. Мне представляется, что нужно поставить вопрос немножко по-другому. Кризис исторического сознания в нашем обществе нельзя рассматривать изолированно от того глубокого идейного кризиса, который сейчас переживает наше общество. В известном смысле он глубже и опаснее подобного же кризиса, который переживала наша страна в начале 1920-х гг. У них есть общая основа: ломка традиционных представлений о социализме и о путях движения к нему. Но есть и существенное различие. Первое такое отличие заключается в том, что тогда кризисные явления охватили сравнительно небольшую часть общества: членов партии, да и то не всех, и определенные круги интеллигенции, стоявшие близко к партии. Сейчас положение изменилось, за десятилетие школа, средства массовой информации сделали то, что социалистический идеал, не просто абстрактный социалистический идеал, а представление о конкретном обществе, сложившемся в 1920–1930-е гг., как о социалистическом стало достоянием миллионов людей и поэтому кризис этих представлений поразил очень широкие слои общества и сделал кризис крайне тяжелым.

Второй момент заключается в том, что современный кризис происходит в условиях, когда у нас в данный момент отсутствует объективное и четкое научное представление о том, что такое социализм и отсюда, естественно, какие были и есть пути для его построения. Должен сказать, что первая попытка была сделана больше одного года назад Смирновым, а затем более чем на год публикации на эту тему исчезли, и они стали появляться только в течение последних месяцев, я имею в виду речь В.А. Медведева на заседании, посвященном 119-й годовщине со дня рождения В.И. Ленина, я имею

в виду публикацию в «Коммунисте» и «Аргументах и фактах», но это все публикации свидетельствуют о том, что стремление обеспечить продвижение есть, но реальных результатов нет. А между тем только определение этих позиций, этих наших социальных и политических ориентиров может обеспечить реальное преодоление этого кризиса.

И наконец, третье. Третья особенность заключается в том, что существует очень активная публицистическая историография. Я бы не хотел обрушиваться на нее в целом и не говорить отдельно о публицистах, потому что в этой публицистике участвуют и историки. В.Д. Оскоцкий говорил здесь о мифологии, которую распространяет эта публицистика. Я хотел бы сказать резко: во многих публикациях идет прямая фальсификация истории. Это проявляется и в московских, и в ленинградских, и в закавказских, и в прибалтийских публикациях. Помимо того, что мы должны честно говорить о том, что происходило в те периоды, о которых мы хорошо знаем; помимо того, что мы должны добиваться выхода этих публикаций, я думаю, мы должны поставить и еще один вопрос — вопрос о том, чтобы поставить преграды на пути этим фальсификациям.

Сейчас идет подготовка закона о печати. И я считаю, что в законе о печати должны быть оговорены, прежде всего, определенные правовые санкции против главных редакторов изданий, которые печатают фальсификаторские материалы. Думаю, что только таким образом на данном этапе мы сможем преодолеть (ну или в какой-то степени преодолеть) эти негативные явления. И я думаю, что согласиться с Владимиром Прохоровичем, который вчера говорил о том, что эта публицистика работает на нас и с ней не нужно бороться, мы не можем. (Из зала: А плюрализм мнений?) Плюрализм мнений — да. Но факты, однако, должны быть фактами. В данном случае речь идет не о мнениях, а о прямых фальсификациях фактов, которые есть даже в центральных газетах.

П.В. Волобуев: Правильно. Плюрализм в качестве предварительного условия предполагает доказательность и обоснованность точки зрения, профессионализм подхода. Какой же это плюрализм, если налицо безответственность? (Из зала: Но объективная истина не сразу постигается!) Это, конечно, правильно. Но постигается все-таки на путях поиска этой объективной истины!

Ю.И. Кораблев: В данном случае речь идет о прямом перевираании, об искажении фактов, о фальсификации, а не о ступенях постижения истины.

П.В. Волобуев: Товарищи, список выступающих у нас исчерпан. Слово для заключения и информации о проекте решения предоставляется Ю.И. Кораблеву.

«Круглый стол» «Правды»: академик П.В. Волобуев, доктор исторических наук Г.З. Иоффе, кандидаты исторических наук В.П. Будаков, В.И. Миллер, Ю.В. Аксютин, заместитель главного редактора «Правды» А.А. Ильин. «Правда». 7 ноября 1991 г.

Ю.И. Кораблев: Товарищи, я отказываюсь от заключительного слова. Отмечу только два момента — позитивный и негативный. Я в спешке забыл упомянуть две наши очень активно работающие секции. Это наша Латвийская секция, руководимая академиком Дризулом, и огромная действительно Северо-Кавказская секция, руководимая Козловым. Я считаю нужным сказать, что эти две секции были у нас и есть на хорошем счету. Но это, конечно, не значит, что у них нет недостатков и им не надо совершенствовать работу. (А.И. Козлов: Нет, конечно, совершенно не значит!..)

Второе. Я как докладчик вполне согласен с критическими замечаниями, которые были здесь высказаны. В частности с тем, что говорил о стиле деятельности аппарата Научного совета его сотрудник Г.З. Иоффе. Вопросы эти у нас встают, мы будем их решать и изживать.

Теперь, подготовлен проект постановления пленарного заседания Научного совета, товарищам роздан. Это проект. Все, что говорилось, позвольте вас заверить, все, что говорилось в выступлениях, стенограмма имеется, будет включено, дополнено и затем уже разослано в качестве постановления.

У всех представителей секций проект имеется, надо ли его читать? Не надо. Есть ли кроме высказанных предложений и замечаний еще замечания? Замечаний нет. Всем секциям до 1 июня представить в Научный совет предложения о списках деятелей Октября по регионам. Как мы договаривались.

П.В. Волобуев: Товарищи! Круг вынесенных на обсуждение Годичного собрания вопросов исчерпан. Я сожалею, что не все секции получили возможность высказаться в полном объеме, ну что ж, мы собираемся не в последний раз, будут научные сессии и надо будет их использовать. Я хотел бы призвать всех здесь присутствующих историков активизировать свое участие в той полемике по вопросам истории Октябрьской революции и гражданской войны, которая развернулась на страницах нашей печати, на «круглых столах», на всякого рода митингах и без нашего активного участия историческая правда сама по себе не восторжествует. Вот позвольте этим закончить и пожелать вам всяческих успехов.

Вступительная статья, подготовка текста и комментарии:

 Исхаков Салават Мидхатович

доктор исторических наук,
заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных
реформ, движений и революций

М.Ф. Прайс

«МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»¹

6. Первый этап аграрной революции

В этой главе я намереваюсь дать освещение русской аграрной проблемы. Необходимость этого станет ясной, если учесть, что подавляющее большинство русского народа состоит из крестьян. Вот почему в высшей степени важно осветить их отношение к революции. Было ли вообще возможно для кучки рабочих промышленных центров осуществить большие социальные преобразования, не будучи, по меньшей мере, уверенной в молчаливом согласии сельского населения? Более близкое знакомство с русским аграрным вопросом покажет нам, что сельское население России не только не противостояло революционному движению как сила ему враждебная, а скорее само составляло одну из главных сил, на которые революция опиралась. Чтобы, однако, иметь возможность понять, какие силы действуют и действовали в русской деревне, нужно окинуть взором ушедшие страницы русской истории.

Аграрной революции в России непосредственно не предшествовал, как это было во Франции, целый ряд крестьянских восстаний. Распростране-

¹ Начало см.: Воспоминания британского журналиста М.Ф. Прайса о 1917 году в России // Исторический вестник. 2017. № 21. С. 154–236.

ние социального конфликта затормозилось войной, происками капиталистов-финансистов и военных миссий западноевропейских государств. Во время войны цены на сельскохозяйственные продукты, правда, поднялись, что принесло барыши той небольшой части крестьян, которые были в состоянии производить излишки, но в то же время на все остальное сельское население пала главная тяжесть содержания 15-миллионной армии; война потребовала от него неисчислимых жертв убитыми и искалеченными, обрекла на разорительные реквизиции. Крестьяне смутно сознавали, что первым условием улучшения их экономического положения является прекращение войны. В период, непосредственно предшествовавший революции, больших крестьянских восстаний не было, но происходило массовое дезертирство с фронта в деревню, куда молодые солдаты уносили с собой оружие. За этим следовали местные волнения, которые сопровождались насильственным захватом помещичьих усадеб, отказом вносить арендную плату за помещичьи земли. Движение это не носило, правда, единообразного характера и не имело общего руководства. Свержение царского правительства было делом рук не этих крестьян-дезертиров, а рабочих городов и населения центра страны. Тем временем крестьяне использовали в первые мартовские дни 1917 г. крушение центральной власти, чтобы арестовать земских начальников в деревнях и провозгласить свои собственные местные самоуправления в виде политических советов сел и деревень. Четырьмя или шестью неделями позже, поскольку Московский и Петроградский советы находились под влиянием меньшевиков и эсеров, уполномоченные коалиционного правительства запретили сельским общинам всякого рода политическую деятельность. Вслед за тем вскоре были проведены, под наблюдением этих уполномоченных, выборы в местные земства или выборы уездных присутствий. Но крестьяне мало доверяли этим земствам, состав которых определялся искусственно подобранным кругом избирателей; крестьяне инстинктивно чувствовали, что их интересы будут лучше обеспечены небольшими общинными Советами в каждой отдельной деревне. Так крестьянские Советы превратились в местные хозяйственные органы, преследующие как политические, так и экономические цели. Они бдительно следили за тем, что делали крупные земства, которые благодаря большому масштабу своей деятельности и своей неповоротливости скорее попадали в руки крупных помещиков и их доверенных лиц.

В этот момент аграрной революции классовые различия, имевшиеся внутри сельской общины, были оттеснены на второй план стремлением создать единый антидворянский фронт и закрепить за сельской общиной помещичьи имения. Но это сплочение односельчан в некую единую

политическую и экономическую силу было непродолжительным. Вместе с вопросом о разделе помещичьих земель всплывала и затаенная классовая вражда внутри сельской общины. Формы, в которых она находила выражение, менялись в зависимости от места и обстоятельств. В лесистой зоне Севера, в густонаселенной черноземной полосе Центра и Юга полупролетарские элементы и безземельные крестьяне отделялись от остальных членов общины и создавали так называемые артели или маленькие производственные союзы, работавшие на собственный страх и риск. В тех районах Севера, где помещичьи земли, подлежащие разделу, были невелики, худшего качества, полупролетарские элементы подумывали о переселении в богатые губернии юго-востока и Поволжья, где начинался раздел огромных имений, оставался еще излишек для новых поселенцев. С другой стороны, в общинах этих последних областей обнаруживались признаки внутреннего раздора. Богатые кулацкие элементы стремились сохранить прочность этих общин и пытались, используя крестьянское самоуправление, помешать пришельцам со стороны закрепиться на новом месте.

Эта тенденция — решить аграрный вопрос на анархистский лад импровизированным, не единообразным способом, обострилась уже летом 1917 г. В то время большевики еще совершенно не пользовались влиянием в деревне и вообще были почти неизвестны за пределами городов. Единственной политической партией, которая поначалу оказывала известное влияние на крестьянство, была партия эсеров, лидером которой являлся Виктор Чернов². Осознав опасность, которая заключалась в таком разрешении аграрного конфликта, которое не отвечало бы общенародным интересам, Чернов в качестве министра земледелия приступил к созданию земельных комитетов в каждой волости. Задача этих комитетов состояла в том, чтобы установить контроль над имениями дворян и, вплоть до окончательного разрешения вопроса Учредительным собранием, взять обработку помещичьих земель в собственные руки. Таким способом надеялись привлечь крестьянство к непосредственному контакту с правительственными органами, заручиться его поддержкой в общенациональном решении аграрного вопроса и помешать раздроблению высокоценных образцовых имений.

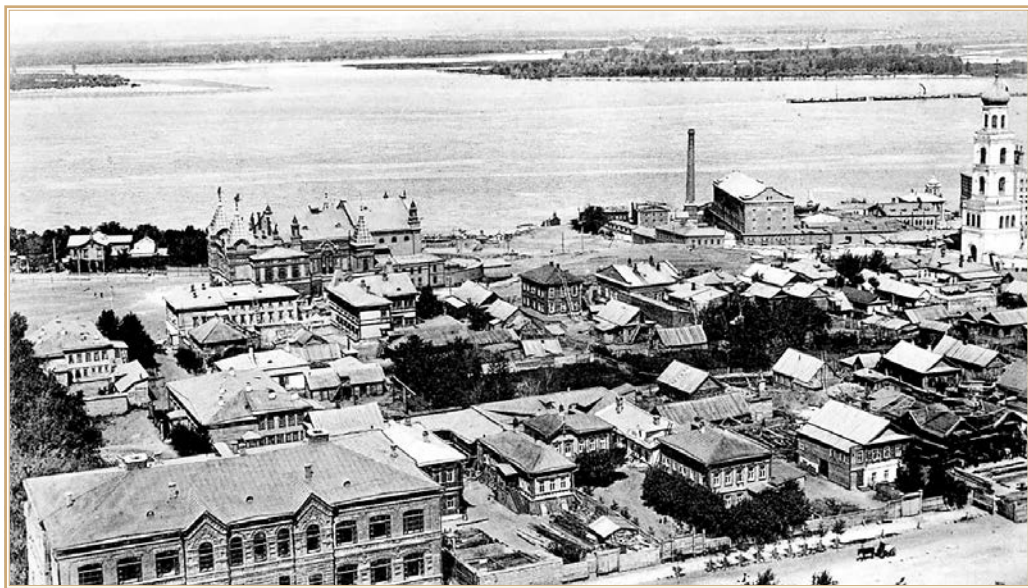
Но план Чернова был обречен на неудачу. Едва только он снабдил земельные комитеты указанными полномочиями, как начался направленный против них всеобщий поход буржуазных партий и, прежде всего, кадетов. Последние выступали в качестве защитников «незыблемых прав частной

² В.М. Чернов (1873–1953) — один из основателей Партии социалистов-революционеров.

В.М. Чернов

собственности» и очень резко нападали на Чернова, поскольку он запретил помещикам продажу их земель. Одновременно они вернулись к своему старому плану — превратить крестьян в собственников, предоставив им государственную помощь для покупки земель. В результате нажима, оказанного ими на коалиционное правительство, Чернову пришлось уйти в отставку, кадеты выдвинули на пост министра земледелия «умеренного», которому было дано указание не предпринимать существенных мер до тех пор, пока Учредительное собрание не перейдет к решению аграрного вопроса. В этот период революции кадеты стремились помешать тому, чтобы Учредительное собрание приступило к работе до того, как «кончится война». Всероссийский исполнительный комитет Советов, в котором преобладали меньшевики и эсеры, дал кадетам возможность спокойно действовать, в результате чего последние скоро осмелели и развернули открытый поход против земельных комитетов. Члены земельных комитетов стали подвергаться всевозможным преследованиям. Во многих местах помещики, опираясь на казацкие части и офицерство, перешли к их аресту. Прямым следствием этого было усиление анархистских тенденций в среде крестьянства, которое увидело в попытке кадетов уничтожить земельные комитеты лишь доказательство того, что коалиционное правительство находится под влиянием буржуазии и помещиков. Этих последних заподозрили в том, что они имеют связь с англо-французским крупным капиталом и готовят заклад своих имений в иностранных банках, чтобы обвести таким путем крестьян вокруг пальца. В то же время эсеры не вдохнули в Чернова смелости, необходимой для того, чтобы решиться на применение резких и решитель-

Самара. Общий вид. Начало XX в.

ных методов в защиту крестьян. Они удовлетворились согласием отложить решение аграрного вопроса до того момента, когда соберется Учредительное собрание. Это, разумеется, не могло успокоить крестьян, которые вообще видели в политике кадетов покушение на завоевания революции.

Разочарование крестьян в Чернове и его партии проявилось осенью 1917 г. в анархическом захвате помещичьих имений. В восточных, юго-восточных, части центральных губерний крестьянские общины перешли в августе 1917 г. к захвату латифундий и их присоединению к собственным наделам. Во множестве случаев латифундии уже находились в руках членов общин; при этом новая черта состояла только в том, что помещик уже не получал более от крестьян от 30 до 40% урожая. В некоторых уездах ликвидация имений прошла без всяких происшествий. Так, в Самарской губернии, например, где эсеры еще пользовались значительным влиянием на зажиточные слои крестьянства, латифундии и усадебные земли помещиков перешли без всякого выкупа в руки земельных комитетов, и притом еще до открытия Учредительного собрания. Так решила организация эсеров на губернской конференции, состоявшейся в Самаре в июле 1917 г. В августе в Самарской губернии уже не осталось ни одного имения в частном владении, и общины получили помещичьи латифундии в свое безраздельное владение. Таким образом, аграрная революция произошла в этой губернии без кровопролития еще до октября 1917 г. В Пензенской и Тамбовской губерниях крестьянские общины добились осуществления своих целей в гораздо менее упорядоченных формах. В сентябре и октябре 1917 г. многие

ценные имения стали в этих и других центральных губерниях жертвой широко распространившихся аграрных волнений. Сопровождавшие их разрушения представляли собой, разумеется, месть со стороны общин за то, что помещики и кадеты привели к крушению план Чернова, который должен был уладить аграрный вопрос. Они были вызваны всеобщим разочарованием и ощущением, что Февральская революция не идет по пути, способному разрешить острейший аграрный вопрос в интересах масс, нуждавшихся в земле. Самый тяжелый из погромов произошел в Козлове в конце сентября. Здесь были сожжены различные постройки, убиты и ранены несколько человек. Все движение возникло стихийно, без какой-либо связи с политическими партиями и меньше всего — с большевиками, к которым крестьяне все еще относились с большим недоверием в результате кампаний, которые буржуазная пресса в течение всего лета вела против них.

В северной лесистой зоне Европейской России общины находились зимой 1917 г. по большей части в руках средних или даже беднейших слоев крестьянства, занимавшихся чаще всего домашним промыслом. Невзирая на протесты, заявленные комиссарами коалиционного правительства, они перешли к захвату помещичьих имений, а также конфискации имущества у мелких кулаков и мелкой крестьянской собственности в деревнях; прежних обладателей этого имущества принуждали, таким образом, жить на одном уровне с остальными членами общины. В то же время многие из беднейших слоев населения этих губерний, там, где шансы на увеличение надела были невелики, присоединялись к группам переселенцев, направлявшихся в такие области на востоке, где обширные массивы господской земли ждали раздела.

Это внезапно возникшее переселенческое движение встревожило не только крестьян восточных и юго-восточных губерний, но и, пожалуй, в еще большей мере — казацкие и другие села, имевшие большие участки свободных земель на границе с Азией. По ту сторону пограничной линии, которая проходит от северного побережья Черного моря, по нижнему течению Волги вплоть до Восточной Сибири, лежит небольшая область, принадлежащая казакам. Она включает в себя часть Донецкого бассейна и северокавказских степей. В центре она сужается у Астрахани, в устье Волги, расширяясь затем вплоть до Южного Урала и до степей оренбургских казаков и проходя, с различными изгибами, через южную оконечность черноземной полосы Западной и Центральной Сибири, вплоть до Амурской области. Земельный надел казачьей семьи в среднем значительно больше, чем надел русской крестьянской семьи. Даже в наиболее благоприятно расположенных юго-восточных губерниях и в Поволжье в 1913 г. в сред-

нем на одну крестьянскую семью приходился в общине надел размером в 3 десятины. В области донских и кубанских казаков в том же году средний надел на одну казачью семью составлял в станице (или казачьей общине) 15 десятин. У оренбургских казаков приходилось по 20 десятин, у сибирских казаков — по 20 десятин, а у амурских казаков — по 35 десятин.

Итак, с точки зрения земельных владений, казачьей общине жилось особенно хорошо, и потомки тех людей, которые когда-то бежали от рабской доли, выпавшей им под властью московских царей, превратились ныне в особо привилегированную касту. Политика царизма во второй половине XIX в. была направлена к тому, чтобы использовать ее против революционных крестьянских движений в центральных губерниях. К началу XX в. казацкие вожаки стали выказывать нежелание быть орудием такой политики, защищать интересы крупных родовитых помещиков, близких к царскому двору, и не скрывали своего нежелания заниматься восстановлением порядка за пределами своих собственных, казачьих, областей. Соответственной была и позиция казачьих лидеров в дни Февральской революции и в течение последующих месяцев. В июне 1917 г. военные вожди казачества собрались в Петрограде и создали первый Всероссийский казачий совет. Председателем этого Совета был генерал Каледин³, атаман донских казаков, который, заняв этот пост, продолжал и дальше вести линию, направленную к тому, чтобы охранительная деятельность казаков была ограничена пределами их собственных областей. Эта политика встречала сильную поддержку со стороны самих казацких масс, которые были весьма заинтересованы в том, чтобы их области оставались в стороне как от революционных попыток социализации, так и от потока переселенцев — крестьянской бедноты из перенаселенных районов центральных губерний. Правда, московские и петроградские контрреволюционеры, группировавшиеся вокруг Корнилова⁴, предприняли в августе 1917 г. и позже попытку использовать казаков для особых целей за пределами их собственной области, но эти попытки потерпели неудачу, натолкнувшись на негативную позицию казачьих масс. Более того, революция не могла не оказать влияния и на самих казаков. Так, например, в Донской области многие станичники начали работать в угольных шахтах и стали, таким образом, полупролетариями, психология которых приближалась к психологии наемных рабочих. Среди этих элементов отчетливо обнаруживалось

³ А.М. Каледин (1861–1918) — генерал от кавалерии, с 1 июля 1917 г. Донской войсковой атаман.

⁴ А.Г. Корнилов (1870–1918) — Верховный главнокомандующий Русской армией в июле — августе 1917 г.

Казаки 1-го ОКП в родной станице

одно стремление — освободиться от военных тягот, навязанных им казачьей офицерской кастой. Эта последняя сумела в течение последних десяти лет получить преобладающее положение в казачьих областях и обеспечить там существенным образом личное землевладение. Так, различные местные Круги или казачьи Советы на Дону требовали осенью 1917 г. отставки генерала Каледина в случае, если правила отбывания воинской службы и характер дисциплины не будут повсеместно существенным образом изменены. Влияние офицерской касты на казацкие массы еще сохранялось в течение известного времени, благодаря ее готовности защищать казачьи области от всякого вмешательства извне, независимо от того, будет ли оно исходить от контрреволюционера в Петрограде или революционера, действующего среди бедных, обреченных на переселение крестьян и вдохновляемого лозунгом социализации земли.

Примерно в таком же положении находились и оседлые татары Нижнего Поволжья и Южного Урала. Занимали преобладающее положение среди них башкиры, которым принадлежал обширный район в Оренбургской и Уфимской губерниях. Их местные Советы или крестьянские общины стояли в начале аграрной революции перед той же опасностью, что и казачьи — попасть под власть зажиточных элементов, стремившихся преградить доступ бедным крестьянам-переселенцам с Запада. Чтобы еще более действенно защитить свою землю, они выступили с требованием территориальной автономии для Башкирии. Казанские татары выдвинули сходные требования. Поскольку, однако, они жили в Среднем Поволжье

впережку с русскими крестьянами, их требования не заходили тогда дальше культурной автономии.

Восточнее областей казаков и оседлых татар находились области кочевых татар⁵ Средней Азии и горных народов Северного Кавказа. Во время мировой войны (летом 1916 г.) царское правительство возложило бремя повинностей для нужд фронта в тыловых районах на мусульманское население Средней Азии. Это бремя обрушилось с особой тяжестью и жестокостью на кочевников, согнанных со своих мест обитания, и вызвало их возмущение. Подавление этого восстания привело к ужасному истреблению киргизов осенью 1916 г. казаками Семиречья, в ходе которого 50% киргизского населения было перебито. Гражданская война между кочевниками и казаками Средней Азии шла в более или менее острых формах в течение всего 1917 г. и явилась лишь своеобразной формой проявления классовой борьбы, пересаженной на азиатскую почву. Если аграрная революция в европейских губерниях лишила помещиков власти и положила начало эпохе борьбы в деревне между бедными и богатыми крестьянами, то в степных районах Азии ее действие было другого рода. Здесь дворянство не имело столь прочной почвы под ногами, и революция с самого начала приняла форму борьбы, часто национального характера, между привилегированными общинами, имевшими большие площади земли, и бедными общинами кочевников, у которых отняли пастбища, принадлежавшие их предкам. Это противоречие вылилось в гражданскую войну, которая вспыхнула между киргизами-кочевниками и казаками Оренбурга, Сибири и Семиречья, равно как и между горными народами Кавказа и казаками Терека и Кубани, летом 1916 г. (стало быть, до Февральской революции и до свержения царизма). В этой борьбе здесь обратились к тому же революционному оружию. Юрт, или Совет стойбища, у киргизов в степях Средней Азии и аул, или Совет горных поселков, на Северном Кавказе представляли собой азиатскую форму крестьянского Совета. Они проявили целенаправленные революционные устремления уже осенью 1917 г. и направляли после Октябрьской революции приветственные резолюции большевикам, прося о поддержке их попыток отобрать обратно у казаков свои наследственные земли. Иногда эти движения принимали также религиозный характер, но растущее классовое сознание поработанного азиатского кочевника имело все же достаточно глубокие корни, и этот кочевник скоро понял значение лозунга русских эсеров: «Равный земельный надел — для всех!»

⁵ Имеется в виду местное кочевое население.

Окрестности Оренбурга. Казахи в праздник около юрты

В самом сердце русской Средней Азии, где жители по большей части обрабатывали лишь оазисы, разбросанные в пустыне, аграрная революция, происходившая в европейской России, также не осталась без отклика. Сначала власть помещиков-дворян и ханов, которые правили в Хиве и Бухаре под покровительством царизма, оставалась в неприкосновенности. Но летом 1917 г. туземцам, жителям оазисов, удалось с помощью русских гарнизонов, которые состояли из прогрессивных элементов, существенно ограничить политические права ханов и помещиков. Источником благополучия для жителей оазисов была, по сути дела, не столько земля, сколько вода. При распределении воды чиновники царской администрации в Туркестане, вкупе с ханами и помещиками, добились для себя специальных прав и преимуществ. Местные кули, жители клочков земли в оазисах, подвергались грубой эксплуатации посредством навязанных им водных податей, и одной из первых целей мелких пахарей и кули была отмена, с помощью русского гарнизона, привилегий, связанных с распределением воды. Движение, развернувшееся в первый период аграрной революции в русской Средней Азии, не ставило перед собой более далекой цели.

Итак, первая фаза русской аграрной революции была результатом взаимодействия сил, стремившихся к уничтожению привилегированного, дворянского землевладения. Нужда крестьян Европейской России в земле и недовольство кочевников степных областей Азии были одним из важнейших факторов революционного движения, руководство которым выпало на долю городского пролетариата Северной России. В европейских

районах России выгоды от господствующей системы землевладения извлекало феодальное дворянство, а расплачивались за них неимущие слои крестьянства. Стиснутые на своих клочках земли, они не видели никакой возможности прозябать дальше, даже на таком скудном уровне жизни. В азиатских губерниях кочевники видели, что привилегированные классы захватывают их пастбища. Вот почему требование сломить власть феодального дворянства, уничтожить его поместья и добиться равного владения землей стало требованием тех социальных сил, которые привели в действие аграрную революцию. Когда большевики в октябре 1917 г. добились власти при непосредственной поддержке городского пролетариата, они застали аграрную революцию в губерниях уже достигшей значительной стадии развития. Их задача состояла в том, чтобы овладеть теми стихийными движущими силами, которые, действуя из глубины, пробили себе путь и вылились в это массовое движение, направить его по организованному и целеустремленному руслу.

7. Первая поездка по приволжским губерниям

Чтобы дать читателю представление о том, как разворачивались события в России к началу аграрной революции лета 1917 г., я хочу описать в следующих двух главах впечатления, сложившиеся у меня во время предпринятой мной осенью того года поездки по центральным, юго-восточным и приволжским губерниям. 4 сентября (22 августа) я покинул Москву и прибыл в Ярославль, старинный город в верхнем течении Волги. После двухдневного пребывания там я снова отправился в путь, на этот раз в обществе одного рабочего из Центрального кооперативного союза, который, будучи выходцем из крестьян, хотел посетить свою родную деревню в северо-восточной части Ярославской губернии.

Мы сели на маленький волжский пароход, проплыли вниз по реке примерно 20 верст и остановились в маленькой деревушке на левом берегу большой реки. Когда мы взобрались на высокий берег, перед нами открылся широкий кругозор. Вдали, на горизонте, виднелась белая точка, обозначавшая сельскую церковь. На юго-востоке причудливо извивалась серебристая нить, то исчезая за цепями холмов и перелесков, то вновь появляясь, уходя вдаль и теряясь в лугах.

Это была матушка-Волга, главная артерия, по которой течет жизненная кровь России. Дул влажный ветер, деревья уже начали принимать осеннюю окраску. Небо было сумрачным и обложено облаками. Казалось, что сам дух

Девочки в повседневной одежде. Ярославская губ., Пошехонский уезд, Софроновская вол., д. Овинчищи. 1915 г.

безбрежной русской равнины шептал нам: «Идет зима, наступает время погрузиться в сон растениям, птицам и зверью».

Мы пересекли деревню с ее деревянными, одноэтажными домишками, украшенными наличниками. В воротах одной из хат сидела старая женщина, занятая просеиванием семян льна. «Мамаша! — спросил мой спутник. — Как дела?» «Как всегда, — последовал ответ, — кое-как справляемся. Мой старик поехал вниз по реке, чтобы достать несколько рыбных бочек. Сын все еще солдат, воюет где-то на Кавказе, 8 месяцев о нем ничего не слышно; я одна здесь и живу, чтобы обработать наш надел. А ты из города? Тогда скажи, когда кончится война?» «Ах, один бог знает, когда, — последовал ответ. — Одни газеты говорят о конференции в Стокгольме, а другие ее не хотят». «Не верь газетам, — сказала старуха, — одни болтают одно, другие — иное. Все то говорят, чего барин хочет, а баре никогда не стоворятся между собой. Все — бестолочь. Хорошо, что я читать не умею!» «Этой зимой плохо, видно, будет с питанием!» — сказал мой спутник. «Не удивительно! — ответила старуха. — Никто не умеет в России править. Кто-то там в Петрограде приказывает одно, другой в Москве запрещает это. Советы в одном городе говорят одно, а в другом — опять другое». «Говорят, за границей тоже не лучше», — сказал мой спутник. «Весь мир трещит по швам, — сказала старуха. — Божья мельница мелет, голубчик, какая-нибудь мука да получится». Размышляя и думая над этим выразительным примером философии русского крестьянина, мы двинулись дальше, вдоль околицы.

Мы подошли к дому двоюродного брата моего спутника, маленькому деревянному строению на окраине деревни. Зернохранилище, стойла

для лошадей и рабочего скота находились тут же около жилья, под той же крышей. Жилое помещение было очень чисто убрано, украшено иконами и фотографиями родственников. Владельцем избы был крестьянин, который получил от общины небольшой надел, но из-за отсутствия своих лошадей был вынужден нанять лошадь у богатого крестьянина, который требовал за это определенный процент с урожая. Крестьянин, кроме того, работал еще плотником, чтобы подзаработать. Со своего надела он мог питаться только четыре месяца в году, так как климат был слишком холодным, чтобы пшеница могла созреть. В течение всех остальных месяцев года он был вынужден жить на то, что сможет купить в богатых зерном губерниях, лежащих вниз по течению Волги. Временами ему удавалось найти работу на кожевенном заводе, но завод теперь находился накануне закрытия из-за войны и недостатка сырья. Как раз в этот день, как он мне сказал, он высчитал, что если бы завод поработал еще два месяца, то у него хватило бы хлеба, чтобы прокормить семью, давая каждому по четверть фунта ежедневно до нового урожая. Что касается прочих продуктов, то он вынужден был обходиться картофелем и рыбой, какую ему удастся наловить в Волге.

Недалеко от его дома, на окраине деревни, стояла ветряная мельница. На следующее утро я случайно зашел туда и столкнулся с ее владельцем, всемогущим повелителем этого местечка. У него был такой же по размеру надел, что и у других жителей деревни, но он обрабатывал наделы пяти других крестьян, слишком бедных, чтобы добыть капитал, нужный для их обработки. Кроме того, ему принадлежала мельница и в его руках находилась монополия на скупку зерна в этой местности. Когда мы сидели на ступеньках его мельницы, он громко высказывал свое негодование по поводу монополии на зерно, введенной правительством Керенского⁶, которая, как он сказал, ввергнет страну в пропасть. Только такие люди, как он, сказал он, кое-что смыслят в закупке зерна и в том, как доставить его по наименьшей цене в город. Жернова мельницы скрипели, а ее большие крылья вращались. На лице этого сельского именитого хозяина отражались удовлетворение и благополучие.

На следующий день кооператор, с которым я прибыл из Ярославля, хотел посетить некоторые соседние деревни. Мы рано поднялись и вскоре поехали на тарантасе (русском крестьянском экипаже) то мимо широких полей, засеянных рожью и засаженных картофелем, то сквозь березовые и сосновые леса. Проехав 10 верст, мы прибыли в деревню, где

⁶ А. Ф. Керенский (1881–1970) — председатель Временного правительства в 1917 г.

Русская крестьянская семья. Начало XX в.

остановились в доме местного кузнеца. Этот человек получил свое поле от общины на основании столыпинского указа еще при царском правительстве и стал маленьким землевладельцем. Он был крайне возмущен местным сельским Советом, который со времени революции по своей собственной инициативе объявил столыпинский закон утратившим силу и отобрал у него землю без компенсации, чтобы присоединить ее к общинной земле. Он рассказал, как он встречался с соседним помещиком, которому угрожало то же самое, и как они оба обратились к коалиционному правительству с просьбой о присылке войск, чтобы положить конец этой анархии. Но войска не пришли и от председателя местного крестьянского Совета я услышал, что войска и не придут, так как гарнизон в Ярославле стоит на их стороне, а железнодорожники Ярославля решили не пропускать никаких составов с войсками, присланными извне. Кроме того, в деревне находилось несколько молодых крестьянских парней, которые дезертировали из части. Они принесли с собой с фронта оружие и горели нетерпением покончить с деревенскими заправщиками, которые приобрели при царизме земельные владения. Но на мой вопрос, есть ли вообще в деревне большевики, я получил отрицательный ответ. «Эти люди вызывают только беспорядки в городе. Мы принадлежим к эсеровской партии, и Виктор Чернов — наш человек», — сказали они. В следующей деревне, куда мы прибыли, не было ни помещиков, ни старост. Обрабатываемых земель было тут немного и большинство крестьян состояли на государственной службе: они работали в лесу. Но обширные луга служили общинными пастбищами. Община нанимала па-

стуха и платила ему из общинных денег. Некоторые крестьяне создали кооперативные товарищества или маленькие артели, обычно, если в лесу не было работы, спускались вниз по Волге, чтобы порыбачить. Затем весь улов делили между собой.

К вечеру мы прибыли в другую деревню и остановились в доме секретаря местного потребительского общества. На следующее утро все живые в этом доме вышли на улицу, чтобы молотить зерно, вышел и я с ними, но вскоре выяснилась моя неспособность держать в руках цеп и мне поручили убирать мякину. Если в Северной России система распределения земли примитивна, то система сельскохозяйственного производства является, пожалуй, еще более отсталой. Когда урожай собран, зерно молотят ручными цепями, причем потребуется, может быть, неделя, чтобы вчетвером обмолотить урожай с надела величиной в 2 десятины. Процедура эта очень медленная. Связку колосьев бьют цепями. Зерно и мякину затем подбрасывают кверху, чтобы ветер отделил их друг от друга. С нами работал один австрийский военнопленный, русин из Галиции. Он говорил по-украински, но понимал и по-русски. Он жил на положении члена семьи и, казалось, был очень доволен. Я спросил его, вернется ли он после войны в Австрию, на что он ответил, что совершенно доволен своей теперешней жизнью. Он объяснил, что собирается жениться на крестьянской девушке и община пообещала выделить ему земельный надел.

9 сентября (27 августа) я возвратился в Ярославль, чтобы продолжить отсюда путь вниз по Волге. Из Рыбинска пришел пассажирский пароход. Я сел на пароход и отправился на переднюю палубу корабля, где находились пассажиры 3-го класса. Кучки крестьян, рыбаков, солдат, торговцев и плотогонов собрались вокруг двух цыган, которые под звуки гармошки пели степную песнь. В ней рассказывалось о двух черных конях с горящими глазами. Песня заканчивалась припевом:

«Эх, распошел...

Эх, да распошел,
хорошая моя!»

«Эх, распошел!» — подхватывала группа пассажиров. «Кому дыни, кому дыни?» — кричал бродячий торговец фруктами. «А почему?» — «Два рубля за штуку». «Пройдись-ка два-три раза по кораблю с этой же ценой, ты рад будешь их по полтиннику отдать!» Раздался свисток с капитанского мостика и грубый возглас: «Освободить проход!» Началась всеобщая суматоха, причем канаты, мешки, дети, женщины — все смешалось. Когда опять настала тишина, я услышал жалобную мелодию цыган, раздававшуюся под аккомпанемент волн:

«Ямщик, не гони лошадей,
Мне некуда больше спешить,
Мне некого больше любить».

Ш-ш! — шуршали, переливались волны Волги за кормой.

«Вижу плот у борта!» — раздался возглас на носу. «Хорошо», — ответил голос с командирского мостика. Черный предмет показался из темноты и опять исчез за кораблем.

«Я сказал Петру Николаевичу, что этой зимой комитет не разрешит вывозить семена из уезда», — сказал кто-то из крестьян, сидевших плотной группой и лузгавших подсолнух. «Всюду эти комитеты заводят нынешний год одно беспокойство», — промолвил другой.

«Я вам говорю, цены не станут ниже, пока война не кончится, — сказал третий, — дела так плохи, что я нынешний год своих двух десятин не запашу, не хватает семян, да и лошадь осталась только одна, вторая пала прошлый месяц». «Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его!» — прозвучало откуда-то из темного угла позади нас. Это был татарин, разостлавший свой молитвенный коврик и устремивший к Мекке свои надежды. «Не на что нам надеяться, пока помещики и капиталисты не уберутся прочь!» — проворчал кто-то. «Что за толк от революции, если на место Николая Романова просто сел кто-то другой?» «Аллах велик, нет Бога, кроме Аллаха», — пробормотал татарин и склонился головой к земле. «Старина Ахмед утешается молитвами, — сказал молодой солдат своему товарищу, — жаль, что он за нас помолиться не может». «Может быть, и может, но разве это нам чем-нибудь поможет, Коля?» — сказал второй. «Кабы я знал, что молитва спасет этой зимой от голода, я бы целый день простоял на коленях», — возразил первый. «Вместо святой молитвы вы ходите в Совет на собрания, — обронил старый крестьянин. — Вы, как татары, безбожники, вот что я про вас всех скажу...»

Сколько еще длился этот разговор, я не знаю. Часов в 11 я прилег на тюк рогож и заснул. С рассветом я поднялся и внес доплату, давшую мне право проникнуть в салон 1-го класса. Как здесь все было спокойно и чинно! Как тут все были исполнены сознания своего превосходства над палубным «сбродом»! «На мой взгляд, Россию может спасти только диктатор, который покончит с этой гольтьбой и положит конец всей этой анархии», — сказал господин в генеральской форме своему соседу, хорошо одетому штатскому. Оба сидели за столиком из красного дерева и пили кофе с булочками. «О да, это чистая правда!» — ответил штатский. «До революции крестьяне охотно работали в нашем поместье, а теперь нужно все время стоять у них над душой и подгонять их угрозами. В армии с солдатами, наверное, та же

история?» — «Конечно, конечно, они должны чувствовать кулак над собой. Они блуждают в потемках, как и крестьяне, и не знают, что им делать. Это народ темный и невежественный. С ними может справиться только сильный человек. У Керенского, правда, хорошие замыслы, но он слаб. Сейчас Алексеев⁷ и Корнилов — это единственные подходящие люди для России, и я думаю, что их примут с распростертыми объятиями. Я недавно говорил об этом также секретарю французского посольства в Петрограде». «Россия будет беспомощна, если иностранцы не возьмутся управлять ее судьбой, — сказал хорошо одетый штатский, — пришли бы только англичане, французы и немцы и положили конец этому беспорядку, а мы поехали бы в Париж и Лондон», — добавил он, смеясь. «Посмотри, дорогой, — сказала нарядная дама с подкрашенными ресницами и губами, подходя к генералу. — Я обещала показать тебе это украшение еще вчера, но оно было запаковано. Я купила эти драгоценности в Москве по 600 руб. за штуку, а до войны каждая стоила 50 руб.».

Мы прибыли в Нижний Новгород. Я провел там на берегу напряженный день, посвятив его выяснению того влияния, какое оказало на массы известие о Корниловском мятеже. Вернувшись поздно вечером на пароход, я зашел поужинать в ресторан 1-го класса. Большая часть публики находилась в явно приподнятом настроении. Генерал прослеживал по карте передвижения Корнилова и его «дикой дивизии» к Петрограду. Он беспрестанно восклицал, что должен сойти с парохода на ближайшей же пристани и поспешить в штаб Корнилова. Ему гораздо больше по душе находиться там, чем инспектировать внутренние гарнизоны и посылать Керенскому докладные записки, — как видно, сейчас на нем лежала именно эта обязанность. Хорошо одетый штатский выразил надежду, что Корнилов по прибытии в Петроград объявит диктатуру сроком на год и перейдет к организации армии, которая смогла бы весной пойти в наступление против немцев. Разумеется, дело при этом не обойдется без английских и французских частей, они должны будут составить костяк армии и выследить большевиков в городах и эсеров черновского направления в деревне; тогда все будет приведено в порядок. Один из присутствовавших молодых людей с ним не согласился. Это был один из назначенных Керенским и принадлежавших к правым эсерам комиссаров полиции в Москве. Он высказал опасение, что Корнилов добивается полного восстановления царизма и заключения сепаратного мира с Германией.

⁷ М.В. Алексеев (1857–1918) — начальник штаба Верховного главнокомандующего в 1915–1917 гг.

Уральская казачка. Оренбургская губ., Троицкий уезд. 1911 г.

Наутро я вернулся на кормовую палубу. Цыгане исчезли, но фокусник-магометанин из Средней Азии показывал различные фокусы. Пронзительно кричал ребенок, вчерашний торговец овощами опять предлагал купить дыню. Молодой солдат яростно спорил с оренбургским казаком, который отстаивал мнение, что Корнилов не мятежник и не помышляет выступать против Керенского. Он скорее стремится освободить Петроград от преступного сброда, после чего сразу же вернется на фронт. «Как это может быть? — воскликнул солдат. — Что ж, ты думаешь, Керенский сам не мог бы справиться с преступниками в Петрограде? Кроме того, раз фронтовой генерал начинает вмешиваться в политику, то на стороне Керенского выступит и Совет. Или ты, чего доброго, думаешь, что в Совете сидят одни преступники?» Казак ничего не ответил. Он явно не хотел, чтобы его сбили с позиции. «Если Корнилов думает, что он опять добьется наступления на фронте, как в июне, то он жестоко обманется», — сухо заметил один солдат, подняв голову от куска дыни. «Если такие господа, как Корнилов, не будут глядеть в оба, они все кончат на виселице», — сказал молодой рыбак.

Волга простиралась теперь широкой водной поверхностью, перерезанной длинными и узкими отмелями. Буксирные пароходы, которые тянули за собой громадные баржи с зерном и нефтью для промышленных центров Севера, с большим трудом прокладывали себе путь вверх по реке и мимо мелей. То там, то тут мы проплывали по фарватеру, где стояли на якоре вдоль деревянной пристани корабли и лодки. Там были видны группы рабо-

чих, которые вбивали сваи. Они пели старую волжскую песню «Дубинушка» о стволе зеленого дуба, которую поют и поныне на берегах реки, вбивая сваи. Каждый раз, когда они поднимали чугунную гирю вверх, чтобы вновь ударить ею по свае, они ритмично пели:

Много песен слышал я в родной стороне,
В них про радость, про горе мне пели,
Но из песен одна в память врезалась мне —
Это песня рабочей артели.
Хор: Эх, дубинушка, ухнем!
Эх, зеленая сама пойдет!
Подернем, подернем,
Да ухнем!
Англичан-мудрен, чтоб работе помочь,
Изобрел за машиной машину,
А наш русский мужик, коль работать невмочь,
Так затянет родную «Дубину»!
Хор: Эх, дубинушка, ухнем! ... и т.д.

После нескольких коротких остановок мы прибыли в расположенную на склоне большую деревню. Здесь ожидала толпа крестьян, отчасти для того, чтобы сесть на пароход и поехать дальше к местам, расположенным вдоль течения реки, а отчасти для того, чтобы продать нам продукты. Как только пароход причалил к пристани, мы бросились на берег, где сразу же поднялся адский шум, раздались крики, возгласы: «Почем яйца?» «Быстрее с обменом, пароход отходит!» «Этот цыпленок слишком дорого стоит». Мы уже начали ощущать близость Востока, ибо то там, то тут можно было заметить в толпе узкие глаза чуваша или черемиса, сыновей племен финского происхождения, говорящих на языке того же происхождения. В этой местности они живут в своих деревнях попеременно с русскими. Мы также все чаще встречали выдающиеся скулы и бритый череп казанского татарина, который торговался из-за 5 копеек как раз тогда, когда наш пароход поднимал якорь. Теория была, конечно, такая: чем ближе момент отплытия, тем выше цены! Второй гудок парохода означал надбавку в цене на 50%, третий — еще на 50%. Революция совсем не повлияла на этих людей в том смысле, что не внушила им представление о кооперативной торговле. Да, нехватка продуктов делала их только более алчными.

Эти жители берега Волги в обстоятельствах, возникших при революции, выродились в паразитов на теле общества. Этого нельзя было сказать о тех, кто проводил свою жизнь на воде. Когда я стоял в этот вечер на носу

парохода и смотрел, как солнце бросало свои серебристые лучи на поверхность воды, как проплывали мимо чащи, луга, тополя и заросли тростника, окрашенные в золотые и оранжевые тона, я разговорился с одним молодым сплавщиком. Он пристально смотрел на поверхность воды, как будто ожидая что-то увидеть. Далеко на восток, запад и юг простирались широкие, открытые степи. Только один этот вид заставлял трепетать сердце, вызывая чувство свободы, пробуждая желание бродить без усталости куда глаза глядят. Молодой парень искал глазами плоты, которые, как он сказал, принадлежали ему и его друзьям. Плоты находились где-то на этом отрезке реки, на приколе и ждали его приезда. Он ездил в Нижний, чтобы добыть снасти. Сигналом должны были послужить для него два костра, которые зажгут его товарищи. Тогда он должен будет спрыгнуть и пойти к месту расположения плотов. Его товарищи проводили время за рыбной ловлей и охотой на диких уток. На эту добычу они могли, сказал он, неплохо жить. «И давно ли Вы так живете?» — спросил я его. «После революции 1905 г. полиция зорко следила за нами: нам принадлежала избушка на берегу, где встречались казанские революционеры. Когда это обнаружилось, мы стали плотогонами и полиции стало не так-то уж легко нас поймать, так как мы никогда не причаливаем к пристани, а если полиция непременно хотела нас поймать, ей нужно было посылать специальные лодки. Когда началась война, нас хотели призвать, но у нас был друг в Астрахани, который поручил нам доставить ему, плывя вниз по течению, лес для изготовления рыбных бочек. При каждой такой поездке мы как бы проходим сквозь строй казанской полиции. Но потом пришла революция и все пошло легче». Выяснилось, что он и его друзья сами изготавливают плоты и затем делят между собой доход от сплава. Они действительно образовали маленький рабочий союз на основе общего труда и с целью избежать жестокости царского режима. Они были современными Степанами Разиными, которые в поисках свободы нашли ее, сплавая плоты по водной глади Волги. Как раз в это время кто-то из пассажиров третьего класса стал напевать на корме старую волжскую песню, которая звучала примерно так:

Вниз по матушке, по Волге
Там, за семью отмелями,
Где большие широкие степи
Лежат под небесным шатром,
Гладко струится Волга,
Не видно волны.
Только одно темное пятнышко
На блестящей воде.

Откуда идет одинокий корабль и почему?

За рулем капитан

Молча, строго и пытливо

Стенька Разин обзревает свои владения.

Внезапно мы увидели, стоя на носу, как на берегу вспыхнули два огня и громкий возглас, раздавшийся с темного предмета, видневшегося близ берега, покатился над рекой. Молодой плотогон вскочил, подбежал к корме, прыгнул в свою лодку, которая была к ней привязана, и исчез в темноте.

Наконец пароход причалил к пристани большого города, расположенного наверху, на длинной цепи холмов, с которой открывался широкий вид на Волгу. Я прибыл в Самару, кладовую зерна юго-восточной России. Я сразу убедился в этом, увидев, что на берегу, плотно прижавшись друг к другу, стояли женщины, одетые в живописную крестьянскую одежду; они собирались продавать пассажирам белый хлеб. Это была, поистине, роскошь, которой жители северных губерний были лишены уже много лет.

В соответствии с моим планом посвятить пребывание в Самаре изучению аграрного вопроса, я наметил для себя, в качестве ближайшей цели, связаться с Советом крестьянских депутатов. Бюро этого Совета находилось в доме бывшего царского губернатора; в нем одновременно располагался Совет рабочих и солдатских депутатов. Люди, которые задавали тон в крестьянском Совете, принадлежали все к центру эсеровской партии или к группе Чернова. Среди них были две или три очень интеллигентных женщины, а также молодые солдаты из крестьян, которым принадлежала решающая роль в работе Совета. В разговорах с ними по аграрному вопросу мне бросился в глаза тон некоего самооправдания, в котором они говорили — так, как будто в деревне происходило нечто, за что на них нельзя возложить ответственность. «Нас обвиняют в Петрограде, что мы разбойники и разрушаем помещичьи владения, — сказал один из депутатов. — Но фактом является то, что мы сделали все, чтобы сдержать крестьян, и на последней губернской конференции эсеровской партии был выработан меморандум, содержащий общие указания для местных сельских комитетов. В нем сказано, что поместья дворян должны перейти в общественную собственность». Потом они меня спросили, не хочу ли я сам побывать в деревне, чтобы собственными глазами убедиться в том, что происходит. Один молодой крестьянин направлялся на несколько дней в свою родную деревню и предложил мне сопровождать его. Мы отправились в путь на следующий день.

Деревня была расположена близ линии среднеазиатской железной дороги, примерно в 30 верстах восточнее станции Кинель. Поздно вече-

ром мы были в д. Грачевка. Мы поехали по широкой, немощеной сельской улице, по обеим сторонам которой стояли дома с деревянными наличниками. Улица была почти пуста, один старик возвращался с пахоты, хилый мальчуган пытался тонким хлыстом пригнать с луга большое стадо овец и коров. Повсюду царила безрадостная тишина. Правда, на вершине ветряной мельницы, стоявшей у сельском околицы, развевался оборванный красный флаг, как радостный знак великого освобождения в феврале, но как только я вошел в дом отца моего спутника, старого крестьянина, я почувствовал, что мрак, на время развеянный свержением царизма, вновь стусился, ибо войне не видно было конца. Стены жилой комнаты были еще украшены картинками на религиозные темы, и маленькая лампада горела в углу перед иконой. Несмотря на это, я увидел висящее на красной ткани обращение Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов к пролетариату всего мира с призывом сложить оружие — символ новой религии, влияние которой проникло даже в заброшенные деревни бесконечной русской равнины.

Мы сели на скамьи и подождали. Женщины внесли шумящий самовар и щи с кусочками мяса. Семья уселась за стол и молча занялась едой. Два года назад за этим столом сидели старики — родители, четверо сыновей с их женами и целая куча детей всех возрастов. Только один из сыновей остался в живых, да и он вышел невредимым только потому, что по близорукости был призван на тыловую службу. Из зятьев не было в живых ни одного. Работа по поддержанию хозяйства и обработке надела, выделенного общиной, легла на плечи старика, оставшегося в живых сына и трех вдов. Старший внук, 11-летний мальчик, занимался тем, что пас овец на далеком лугу. Эти семьи жили под одной крышей, вели общее хозяйство, и обрушившиеся на семью в результате войны удары судьбы, казалось, лишь теснее сплачивали ее воедино.

На следующий день я увидел, каким образом эта сельская община в миниатюре — семья — сама являлась только частью более обширного-целого. На сельском выгоне, у общинного амбара собрался сельский сход, ныне переименованный в «сельский Совет». На этой сходке могли присутствовать каждый взрослый мужчина и женщина и принимать участие в обсуждении дел, касающихся благополучия всей этой маленькой сельской общины. Было воскресенье. Днем, после окончания службы в сельской церкви, главы семейств собрались у амбара. Все это напоминало скорее сельскую ярмарку, чем народное собрание, на котором должны были обсуждаться деловые вопросы, и представляло собой живописную картину с сильным азиатским отпечатком. Бородатые старики в меховых шапках стояли группой и тол-

ковали о ценах на хлеб. Странствующий татарин сидел на корточках и торговал персидскими коврами. Две женщины в живописной крестьянской одежде громко жаловались на нехватку сахара в деревне. Группа крестьян в овчинах спорила о Корниловском мятеже. Цыгане продавали мех. Солдаты-отпускники рассказывали о фронтовой жизни. Множество собак носилось туда и сюда. Оборванный нищий подошел к группе сельских богачей, которые обсуждали новые установки эсеровской партии, предназначенные для земельных комитетов, и попросил Христа ради милостыню. А там сельский священник собрал вокруг себя кучу людей звучным голосом и призывал жертвовать на содержание монастырской школы, обучавшей певчих для церковной службы. «Ах, батюшка, — сказал кто-то, — ты нам хочешь указать дорогу на небо, но мы ведь сделали революцию и были бы рады побыть подольше тут, на земле».

Староста общины, который сидел на деревянном ящике и грыз орехи, время от времени кричал: «Тише, товарищи! Давайте перейдем к порядку дня», после чего вновь обращался к орехам. После многих усилий молодому солдату, который доставил меня из Самары, удалось внести некоторый порядок в этот живописный хаос. Он доложил собранию о последнем заседании Совета крестьянских депутатов в Самаре, на котором были приняты важные решения о помещичьих имениях. Центральный совет высказался за временный переход этих земель в руки земельных комитетов, как временную меру вплоть до окончательного решения вопроса Учредительным собранием, когда оно соберется. При этом сообщении со всех сторон слышались возгласы недовольства. «А кто нам поручится, что Учредительное собрание вообще соберется? — сказал один крестьянин. — А тем временем какой-нибудь Корнилов въедет на белом коне и распустит наши земельные комитеты! Эти помещичьи земли мы 15 лет обрабатывали для барина; пора, чтобы они стали нашими собственными». Другой выдвинул требование, чтобы общество, которое так долго обрабатывало эту землю и каждый год отдавало помещику 30% урожая, тогда как последний не проявлял никакой заботы о ее улучшении, заявило о своем праве впредь оставлять при себе эти 30% и употреблять их на общественные нужды. В конце концов сошлись на том, чтобы принять к руководству указания Совета крестьянских депутатов в Самаре и объявить владением сельской общины все земли и угодья здешнего помещика. Кто-то спросил, что станет с живым и мертвым инвентарем усадьбы. Попросту разделить его нельзя ведь. Но об этом никто не подумал. Главное для этих крестьянских голов было в том, чтобы получить землю в собственные руки и тем поставить власти перед совершившимся фактом. Так можно было обойти и жаждущих земли про-

летариев Петрограда и Москвы, с их притязаниями на земельные наделы, а контрреволюционные генералы, если бы кто-нибудь из них в будущем появился, оказались бы перед нелегкой задачей вновь завладеть имениями помещиков. И это решение было в общем единодушным. Состоятельный, осанистый крестьянин в чистой куртке из синей саржи и в остроконечной шапке был согласен, так как он надеялся, что львиная доля этой земли и угодий попадет к нему в руки, поскольку только у него было достаточно лошадей и денег для их запашки. Члены семьи, в которой я жил, думали то же самое, так как, хотя они были бедны, и у них не хватало земли, у них все же не было недостатка в сильных руках, чтобы обработать на будущий год пару лишних десятин. А бедняк, у которого была только одна лошадь, сидевший на ящике из-под мыла напротив амбара, также голосовал «за», так как он надеялся, что если кое-что из живого инвентаря помещика выпадет на его долю, он сможет на будущий год сам обработать свой надел, вместо того чтобы сдавать его в аренду зажиточному крестьянину с жирным пузом, который в сущности почти ничего за это не платил. Таким образом, все слои населения деревни поддерживали решение, хотя и по различным мотивам. Сельский сход представлял собой в этот послеобеденный час воскресенья нечто вроде счастливой семьи. Процесс расслоения еще не наступил, так как хотя среди них и были богатый, бедный и средний слои крестьянства, но они еще преследовали одну общую цель: уничтожение последних пережитков феодализма.

На следующий день старый крестьянин, у которого я жил, и его сын отправились пахать одну из своих полосок земли, расположенную примерно в 10 верстах от деревни. Я пошел с ними. К рассвету мы пришли на место и нашли там кормильцев трех других семей, которые собирались заниматься тем же самым делом. К моему удивлению, мой хозяин и его сын, вместе с другими, принялись вспахивать землю, работая в четыре упряжки на одном клочке земли. Эти четыре семьи объединились в один маленький союз пахарей и условились провести вместе вспашку, косовицу и сбор урожая на своих земельных наделах. Здесь существовал, следовательно, еще один, третий вид общинной организации — группа семей, которые жили под разными крышами, объединяясь для общей обработки земли. Но каждая семья получала для себя урожай со своего надела. Пахали с короткими паузами, вплоть до наступления ночи. Затем лошадей отпустили на луга, а мы пошли в маленькую хижину, построенную из глины и прутьев. На открытом огне готовилась пища, а мы в это время, устроившись для отдыха на полу, покрытом соломой, слушали завывание ночной совы, стрекотание кузнечиков и тихое дыхание мягкого осеннего ветра, доносившегося из степи.

На следующее утро пахота была закончена, и мы отправились для осмотра господской усадьбы, о которой накануне спорили на собрании общества. Я заметил, что как только мы вступили на помещичью землю, чернозем оказался более плодородным и залегал более мощным пластом. На крестьянских наделах, где мы только что были, чернозем лежал лишь тонким слоем, и сразу под пахотным слоем был песок. Эти наделы были предоставлены сельскому населению после освобождения крестьян в 1861 г., но урожаем с этих наделов семьи членов общины могли прокормиться только 5 месяцев в году. Пропитание для остальных 7 месяцев приходилось добывать, работая на помещичьей земле, самой плодородной во всей округе. Царское правительство выделило крестьянам во время освобождения самые плохие земли. Однако за право на обработку своих земель местный помещик до 1917 г. собирал с каждой семьи 40% всего урожая и минимум 100 пудов обмолоченного зерна. «Видишь, друг, — сказал мне старый крестьянин привычным для него доверительным тоном, — нам приходится непрестанно напрягать все силы, чтобы выжать из своего надела все, что можно, и этим постараться покрыть убыль, какую приносит выплата оброка. Мы исправно платили барину его долю. Но в этом году дело пойдет иначе. Теперь, с тех пор как не стало Николая Романова, нет и сельских стражников, а Керенский поостережется послать к нам солдат, чтобы принудить нас платить в этом году эти 40%; солдаты ведь сами — крестьянские сыновья».

На следующий день я направился, чтобы нанести визит человеку, который до последнего времени был помещиком этой округи. Помещичье имение было расположено на привольной черноземной степи. Дом окружала тополевая роща. Господскому дому принадлежало теперь только 20 десятин земли — все, что осталось от поместья, насчитывавшего 3000 десятин. Остальное забрало сельское общество, не обращая внимания на угрозы, доносившиеся от Временного правительства из Петрограда. Что касается этой части России, то было ясно, что здесь аграрная революция началась уже в сентябре 1917 г.

Я шагал между тополями к двухэтажному оштукатуренному господскому дому. На крыше росла трава, а у развалившейся оранжереи корова жевала уцелевшие кусты папоротника. Я позвонил. Появился старый слуга и проводил английского журналиста к хозяину, который как раз занимался в своем рабочем кабинете упаковкой вещей, ибо на следующий день он собирался уезжать. Он был отставным военным в генеральском чине, получил образование в аристократическом учреждении Петрограда царских времен Пажеском корпусе, служил в лейб-гвардии и участвовал в Русско-турецкой

войне под начальством старого великого князя Николая. Какой переворот ему пришлось пережить! «Я намереваюсь навсегда покинуть это место, — сказал он, когда мы уселись, — так как община, как я слышал, приняла решение использовать все пригодные комнаты этого здания для устройства новой школы. Во всяком случае, я надеюсь найти покой в Крыму, даже если эта анархия проникнет и туда. Если же во всей России не останется места, свободного от нее, я буду вынужден просить вашу страну о гостеприимстве». Он сказал, что очень любит англичан, так как лорд Биконсфилд⁸ лишил Россию плодов Плевны и Шипки, а он, будучи молодым офицером, сам принимал участие в этих боях. Но с тех пор политика изменилась, и у него явным образом не возникало никаких сомнений насчет возможности рассчитывать на гостеприимство прежнего врага своей страны в то время, как ему приходилось бороться с гораздо более опасным классовым врагом в собственной стране. Он вздохнул, цитируя строки из поэмы Пушкина «Братья разбойники»:

«Не стая воронов слеталась
На груды тлеющих костей,
За Волгой, ночью, вокруг огней
Удалых шайка собиралась. . .
Здесь цель одна для всех сердец —
Живут без власти, без закона».

Воронами были в его представлении Советы крестьянских депутатов, местные сельские общины, на собрании одной из которых я накануне присутствовал. «Эти люди, — сказал он, — это гибель для России. Здесь жили так спокойно и добропорядочно, мои крестьяне чувствовали себя довольными. Я давал им семена и даже покупал удобрения для них, если у них не хватало денег. Никто не желал перемен. Но вот появились агитаторы из города и ожесточили крестьян. Я должен упрекнуть кадетов за то, что они вообще допустили всю эту болтовню о “демократии”. Им давно уже следовало положить всему этому конец. А теперь уже поздно». Так говорил этот живой памятник старого русского феодального дворянства, представитель того типа дворян, какой предстает перед нами в романах Тургенева. Он стоял накануне собственного уничтожения теми силами простонародья, которые поднялись из ужасающей глубины, того «демоса», который, будучи веками закрепощен, наконец пробудился и начал осознавать собственную силу. И все же можно было почувствовать некую боль в сердце при мысли, что этот человеческий тип должен будет совершенно исчезнуть, ибо на

⁸ Б. Дизраэли (1804–1881) — британский политик, граф Биконсфилд с 1876 г.

этажерке напротив меня лежал томик стихов, которые написал обитатель этого господского дома в свои юношеские годы. Эти стихотворения были всем, что осталось из плодов свободных часов, тех свободных часов, благодаря которым русские подарили миру многие драгоценные произведения искусства, литературы и музыки. Разве не в такой среде жил и работал великий мастер художественного творчества Лев Толстой? Но песок в песочных часах осыпался. Крестьяне требовали права на полное обладание плодами своего труда. До сих пор владельцы господских домов облагали эти плоды пошлинами в свою пользу и приобретали досуг, дававший им возможность заниматься искусством, литературой, художественным творчеством. Но холодный ветер советского уклада жизни неумолимо дул и грубо выметал прочь эти тепличные растения аристократической культуры девятнадцатого столетия.

В следующее воскресенье я посетил вместе с сыном крестьянина монастырь Святой Троицы, который находился в 20 верстах к югу. Мы поехали по широкой степи и затем, довольно долго по березовому и тополевому лесу, который стоял, молчаливо и печально ожидая ледяного дыхания первых зимних бурь. Вдруг мы услышали глухой звук колокола и увидели через просвет леса купол монастырской церкви. Настоятель этого монастыря слыл очень святым человеком и, будучи учеником знаменитого Илиодора⁹, славился как чудотворец. Он понял, что быть святым человеком — выгодное дело. Помещики этой местности дали ему землю, и он сумел использовать свою святость на все 100%. Я надеялся провести беседу с этой важной личностью, но по прибытии в монастырь узнал, что настоятеля больше нет. Как раз за несколько дней до того он исчез и оставил монахов полными хозяевами этих угодий. Что случилось? Объяснение не заставило себя долго ждать. Революция проникла также и в священные покои монастыря; монахи объявили забастовку, указали настоятелю на дверь, и он ушел, захватив с собой столько добра, сколько ему разрешили взять.

Я был принят вожаком монахов, который был чем-то вроде председателя Совета депутатов монастыря (или «Совета монахов», как его можно было бы назвать). Это был коренастый молодой парень, который, казалось, больше был приспособлен идти за плугом, чем находиться в монастыре. Видно было, что земные заботы ему ближе, чем духовные, и урожай с одной десятины картофеля важнее, чем толкование Книги откровения Иоанна. Он рассказал мне, как произошла революция в монастыре. Монастырские

⁹ С.М. Труфанов (в монашестве Илиодор) (1880–1952) — русский духовный и политический деятель.

земли были частично сданы в аренду крестьянам соседних деревень, которые платили за это 40% урожая настоятелю, а часть земли была передана монахам, которые должны были обрабатывать полученные участки для себя и для настоятеля. Урожай, поступавший, таким образом, в монастырь с монастырской земли, распределялся настоятелем по его собственному усмотрению. Он посадил монахов на паек и продавал остальной урожай по ростовщическим ценам, учитывая начинавшийся в городах голод. Чтобы монахи глубже прониклись ощущением полной отрешенности своего настоятеля от всех мирских дел, он велел им каждый день после церковной службы в знак его святости целовать его руку. Тем временем за последний месяц до монастыря доходили сведения о делах Петроградского совета, кронштадтских матросов, транспортных рабочих Царицына на Волге, крестьянских общин в соседней округе, и под влиянием марксизма монахи начали думать, что они представляют собой «монастырский пролетариат», тогда как игумен, несмотря на свою святость, является «буржуа». Так большевизм проник в монастырь Святой Троицы.

Как провел дальше «Совет монастырских депутатов» свою маленькую революцию? Выяснилось, что был заключен договор с соседней сельской общиной. Опять я столкнулся с тем фактом, что, как и в других частях деревенской России, принцип, установленный однажды, строго проводился: никто не должен получать от своей общины земли больше, чем он в состоянии обработать сам или с помощью членов своей семьи. Поэтому монахи уступили соседней общине всю землю, какую не могли обработать, и взялись за обработку оставшейся земли на общественных началах, каждый монах отдавал известное число часов в неделю полевым работам, и каждый получал одинаковую часть урожая. Церковная служба в монастыре продолжалась, однако, в урезанном виде. Я присутствовал в этот вечер на богослужении, затем получил скромный ужин, состоявший из хлеба, сала и картофеля, и нашел приготовленную для меня чистую постель, что было редкостью в большинстве русских монастырей. На следующий день я возвратился в деревню.

8. Что думали о революции казаки и татары

Теперь я решил посетить казаков и татарских кочевников на границе Средней Азии. Моей ближайшей целью был поэтому Оренбург, который находился примерно в одном дне езды по железной дороге от маленькой полевой станции, на которой я находился. Черноземная степь с ее редкими

островками соснового леса постепенно переходила на нашем пути в однообразную цепь гор, покрытых плодородной наносной землей. Реки попадались редко, то там, то здесь пробивала себе дорогу, перерезая ландшафт, река, берущая начало в отрогах Урала. Ее русло обозначалось золотистыми чащами, излюбленным местом фазанов и диких медведей. Лазурно-голубое небо и кристально чистый воздух свидетельствовали о том, что я приближаюсь к порогу Азии.

Поезд прибыл в Оренбург, столицу Оренбургского казачьего войска. Он являлся одновременно и торговым центром, куда тянулся русский колонист, кочевник, и оседлый татарин. Я оказался в полувосточной, в полувосточной обстановке. На одной улице магазины с московскими товарами, красочными витринами и ресторанами, которые посещали местные жители, на другой — базар, где торгуют коврами, а черноглазые татары ведут караваны верблюдов. Где-то посередине между этими двумя крайностями находились казаки. Можно было видеть, как группы казаков ведут косматых низкорослых лошадей к водопою.

На следующий день после приезда я направился к зданию губернского правления, в котором нашел местный Совет рабочих депутатов. Председателем был меньшевик, который принял меня в обществе группы депутатов рабочих оренбургских мельниц в комнате бывшего царского губернатора. Прошло совсем немного времени с момента, когда эти люди пережили Корниловский мятеж и перенесли критическое время, находясь в окружении казаков, стоявших под командованием контрреволюционных офицеров. Я нашел, что и здесь, на границах Азии, произошли события, подобные тем, которые развернулись в Европейской России. Меньшевикский председатель и работники Совета, которые были избраны вскоре после Февральской революции, сотрудничали в мире и дружбе с местной русской буржуазией и казацкими офицерами. В противоположность этому рабочие Оренбурга всегда выступали против компромиссов и выдвинули лозунг «Вся власть Советам!». Известие о Корниловском мятеже прояснило обстановку. Меньшевикские чиновники опасались, что их арестуют реакционные казаки, которые имели сильную поддержку в казармах, находившихся за городом. Им приходилось поэтому со своей стороны искать опоры в среде рабочих, которые в пору опасности незамедлительно поспешили им на помощь, создали Красную гвардию, взяли под свой контроль почту и телеграф, ввели цензуру, бдительно следили за железнодорожным узлом и перевозкой товаров. Со времени корниловского эпизода Совет находился под контролем большинства депутатов, а они были избраны рабочими мельниц и хотя не называли себя так, но, по сути дела, были большевиками. Прежние меньше-

Шествие по Оренбургу «Праздник свободы». Март 1917 г.

вистские функционеры остались на своих местах, но лишь в качестве статистов. Их не удаляли, так как местные рабочие хотели дожидаться заявления Петроградского и Московского советов о их позиции по вопросу о диктатуре пролетариата.

Как отнеслись казаки к этим событиям? В одном государственном здании я нашел весь аппарат управления оренбургскими казаками. Следующий день я посвятил изучению казачьего управления и послал свою визитную карточку атаману, который меня принял. Я тотчас же почувствовал себя в другой атмосфере. У двери стояли часовые, которые отдавали честь всем проходящим офицерам — зрелище совершенно необычное, если иметь в виду обыкновенных солдат русской армии со времен Февральской революции. Меня принял атаман, седовласый, в генеральской форме и с царскими орденами на груди. Я затронул вопрос об отношении казацкой администрации к Советам. Он попытался обойти тему и начал: «Мы, казаки, до мозга костей — демократы, так как мы были свободны тогда, когда русский крестьянин еще был рабом. Все наши учреждения являются демократическими. Я, например, избран казаками этой области. Мы делим нашу землю поровну и справедливо между семьями каждой станицы. Но русские крестьяне из европейских губерний постоянно пытаются переселиться на нашу землю, а теперь партия эсеров утверждает, что они такие же, как и мы, и имеют те же права на земельный надел, что и мы. Мы ничего не имеем против крестьян, которые десятилетиями жили с нами. Мы даже можем принять их в наши станицы, где они живут так же,

как и другие, с условием, конечно, что они будут подчиняться нашим военным установлениям. Но, с другой стороны, мы настаиваем на нашем праве защищать от проникших сюда людей извне, наши владения, доставшиеся нам от предков. Мы не хотим отдавать то, что приобрели наши отцы. Мы выступаем также против такого положения, когда механики и рабочие из городов Центральной России ищут работу здесь на наших мельницах, устанавливают свои Советы, пытаются овладеть этим городом и распространить свои марксистские идеи о классовой борьбе среди наших казаков. Мы находимся здесь для того, чтобы защитить интересы казачьих войск и помещиков, которые составляют большинство населения. Нас непосредственно не касаются ни революции, ни контрреволюции, которые потрясают Центральную Россию».

Через несколько дней после этой беседы я получил приглашение на конференцию делегатов оренбургских казаков, которая как раз тогда заседала в этом городе.

На площади перед управлением выстроился эскадрон кавалерии. Стали собираться депутаты станиц. Офицеры в синих шароварах и адъютанты приближались на лохматых азиатских лошадках. Царившая здесь атмосфера коренным образом отличалась от той, какая господствовала на заседаниях Советов рабочих депутатов или собраниях крестьянских общин. Здесь не было и тени товарищеского духа. Все было проникнуто духом подчинения. На первых скамьях сидели генералы, капитаны и атаман; и все производило такое впечатление, как будто они собрались для парада. На задних скамьях сидели казаки в чине рядовых, тупо смотревшие прямо перед собой, как если бы у них самих не было никаких желаний, и они только ждали слов команды. Позади атамана стояли часовые с обнаженными пашками, а справа и слева от него развевались знамена оренбургских казаков.

Больше половины делегатов конференции составляли офицеры и чиновники казачьего Войскового управления, которые ныне, после того как старая царская петроградская бюрократия была свергнута, представляли собой единственную власть, управляющую казаками. Остальные делегаты, рядовые казаки и бедные крестьяне, явно играли лишь второстепенную роль. Как же случилось, что они, представлявшие основную массу населения станиц, оказались на конференции лишь незначительным меньшинством? Уж не поддались ли они этому преобладанию офицерской касты под давлением воинской дисциплины? Это должно было скоро обнаружиться.

Конференция, открытая приветственной речью атамана, началась. Казаки, сказал он, являются свободными людьми, которые любят демократические учреждения. Среди русского народа только они охвачены чувством

Атаман А.И. Дутов

патриотизма. Казаки поняли с первого дня, что русская революция является национальным движением, которое позволит России улучшить ее военную и экономическую мощь. Поэтому долой всякие разговоры о мире без аннексий и контрибуций! Казаки воины, а не дипломаты. Долой революционные Советы, которые финансируются евреями. Для того чтобы спасти Россию, их надо уничтожить. Из среды генералов и офицеров, сидевших на передних скамьях, прозвучали бурные возгласы одобрения. Но солдаты, находившиеся в глубине зала, тупо озирались по сторонам, как будто ожидая команды.

Следующим на повестке дня был вопрос о выборах нового атамана. Старый генерал хотел уйти в отставку. Офицеры, сидевшие в первых рядах, наострили уши. В качестве преемника было названо имя Дутова¹⁰. «Будут ли какие-нибудь другие кандидатуры?» — спросил заместитель председателя. В зале воцарилось молчание, люди на задних скамьях послушно оставались в роли статистов. Дутов был выбран. Так началась карьера человека, который был предназначен для того, чтобы сыграть значительную роль в последующей истории русской контрреволюции. Ему предстояло стать в будущем «свободно избранным атаманом оренбургских казаков», командующим левым крылом армии Колчака в Сибири, предметом трогательной заботы господ в странах Антанты, которые транжирили деньги британских налогоплательщиков и не скупилась на кровь рабочих Антанты, чтобы поддержать «настоящий русский народ».

¹⁰ А.И. Дутов (1879–1921) — атаман Оренбургского казачества.

Тем временем Дутов занял свой пост атамана без громких звуков фанфар. Время еще не созрело для государственного переворота справа. Союзники были слишком далеки, и их руки были вдобавок заняты борьбой с прусскими империалистами. Но недавно стало известно, что русский гарнизон в Средней Азии арестовал своих офицеров и тут же объявил свои солдатские Советы организацией, обладающей властью. От Керенского была только что получена телеграмма атаману оренбургских казаков с требованием сейчас же послать несколько казачьих дивизий, чтобы призвать к порядку мятежные гарнизоны. Телеграмма лежала на столе, когда Дутов, одетый в форму капитана, опустился в кресло атамана. Телеграмма была зачитана во всеуслышание в полной тишине. Какие решения примет конференция? Быть может, немедленное объявление войны Советам? Последовала долгая пауза. На передних скамьях офицеры оживленно переговаривались. В глубине зала солдаты, как и прежде, сидели без движения. Спустя несколько мгновений Дутов поднялся и в напряженной тишине заявил: «Прежде, чем оренбургские казаки решатся на такой серьезный шаг, как подавление бунта в Средней Азии, им нужно определить, за кого они борются. Разве Керенский действовал таким образом, чтобы оренбургские казаки могли иметь к нему доверие? Разве он сам тогда, когда ему надо было подавить Корнилова, не заключил союз в Петрограде с теми самыми Советами, против которых он сейчас выступает? Может ли нам кто-нибудь поручиться за то, что он установит в России твердую власть, откажется от заигрываний с социалистами и будет соблюдать права казаков? До тех пор, пока он не дал гарантий такого рода, я держусь того мнения, что оренбургские казаки не должны принимать на себя обязательств, выходящих за рамки их области». Резолюция была подготовлена, предложена и принята. В этой резолюции нашла отражение политика офицерской касты, которая господствовала над оренбургскими казаками. Время для контрреволюции во всероссийском масштабе еще не созрело. Все, что офицерская каста в настоящий момент могла сделать — это сконцентрировать свои силы на том, чтобы сохранить свою собственную, опирающуюся на военную организацию, власть и оградить свои привилегии от угрозы со стороны поднимающегося красного потока. Рядовые казаки становились строптивыми, тогда как зажиточные казаки готовы были сохранять нейтралитет.

Но офицерской касте не было суждено беспрекословно повелевать конференцией. На третий день молчаливая масса, заполнявшая последние ряды, наконец дала о себе знать. Очередь дошла, в конце концов, до казаков-земледельцев и до солдат фронтовых казачьих полков, голос которых до сих пор заглушался барабанным боем генералов, сидевших на передних

скамьях. Оратором от Оренбургской казачьей дивизии на Юго-Западном фронте был красивый юноша лет 25 в одежде рядового солдата. Он робко вышел на трибуну и медленно заговорил. В отличие от русских рабочих и солдат регулярной армии, у него не было опыта выражения своих мыслей. «Не допускайте, чтобы казаки отделялись от своих братьев, русских солдат, — сказал он. — Ибо в душе мы с ними едины. Наши товарищи в солдатских шинелях подчас бывают слабы, но у них бьется в груди такое же сердце. Наш долг — помогать им и не ожесточать их против себя. Поэтому нам надо сотрудничать с их Советами. Только тесная связь между казаками и рядовыми солдатами может спасти Россию. Мы, казаки с Юго-Западного фронта, смотрим на русских солдат как на своих братьев, с которыми рядом нам и стоять, и погибать».

Когда оратор умолк, в зале воцарилось молчание. Генералы, сидевшие на передних скамьях, были так ошеломлены, что не могли произнести ни слова. Такой речи никогда еще не держал рядовой оренбургский казак. И он даже не спросил у своего командира разрешения выступить! Но прежде, чем они успели прийти в себя, на трибуну поднялся делегат казачьей секции Совета рабочих депутатов горнопромышленных районов Южного Урала, чтобы обратиться к собранию со следующими словами: «Мы все согласны с тем, — сказал он, — что Россия нуждается в сильном правительстве, способном осуществлять ее волю. Но одни думают создать такое правительство, опираясь на трудящиеся массы и крестьян России, а другие думают, что достигнут своей цели, искусственно пытаясь поддержать привилегированный класс. Мы, рабочие-казаки, предупреждаем вас, господа офицеры, против того, чтобы идти по такому пути. Тот, кто будет пытаться разрушить Советы, тот отравит источник, из которого русские массы черпают надежду и мужество. Попробуйте начать эту безумную игру, если хотите; нас вы за собой не уведете».

Слушать такие речи было для офицеров, сидевших на передних скамьях, невыносимо. «Довольно! Позор! Непослушание!» — раздались возгласы оттуда. Поскольку преступника нельзя было предать военному суду за речь на собрании, которое само себя называло демократическим, первым пришедшим на ум средством было удаление его и его единомышленников с заседания. Для этой цели заявили, что некоторое количество участников собрания имело мандаты неустановленного образца. Случаю было угодно, чтобы теми, к кому относилось это заявление, оказались как раз делегаты казаков-фронтовиков, «отравленные» соприкосновением с революционными солдатскими Советами, и делегаты секций рабочих-казачьих Уральского совета. Эти неудобные люди были поэтому исключены из числа участников

круга. После этого офицеры передних рядов и их свита, состоявшая из станичников-унтер-офицеров, уволенных на пенсию, которым всем уже перевалило за пятьдесят, мирно продолжали заседание, выступая от имени «свободных оренбургских казаков».

Тогда я решил познакомиться с окрестностями Оренбурга. Когда конференция закончилась, я нанял пароконный тарантас и направился, вооруженный картой местности и самоваром, в обширную, малоизвестную местность, простиравшуюся на восток от города. За мной, на Запад и на Север, простиралась черноземная область Самарской губернии с ее сосновыми лесами, где я недавно добывал. По обеим сторонам реки Урал, прорезающей город Оренбург, лежали безлесные, волнистые цепи холмов. Там, где плуг распахал почву, земля была черной как смоль. Мой извозчик ехал с бешеной быстротой по открытой местности, причем своим длинным кнутом он щелкал у самых ушей лошадей. То тут, то там они двигались осторожнее по заболоченной почве мимо озера и заросших камышом извилистых берегов реки Урал, ее берег все время проплывал перед нашими глазами. Так мы добрались до первой казацкой станицы, чистые, хорошо построенные деревянные дома с крышами из белой жести растянулись по обе стороны широкой мощеной улицы. Все являло собой картину строгого порядка. В центре села находилась свободная площадь с турниками для военного обучения казаков. Длинный столб с платформой на конце указывал на старую, сложившуюся столетиями традицию казаков предупреждать соседей станицы путем зажигания сигнальных огней об угрожающем вторжении татар. Но уже в течение многих десятилетий этим станицам никакие татары не угрожали. Казацкая молодежь была мобилизована царем, чтобы бороться далеко в Европе против врагов, национальность которых была им совершенно незнакома, или против бастующих рабочих в Петрограде и Москве. Во внушительном здании, в центре станицы, где находились служебные помещения местного войскового казачьего управления, я повстречал атамана станицы, отставного унтер-офицера. От него я узнал следующее: хотя ничего похожего на большевизм в умонастроениях членов этой общины не было, юное поколение находилось все же в мятежном состоянии духа, отказывалось, например, участвовать в парадах, дезертировало с европейского фронта, чтобы вернуться в родные места, и, в общем, весьма неохотно подчинялось военным обязанностям, которые на нем лежали. Как раз недавно имели место различные случаи неповиновения. Но, с другой стороны, здесь не было таких крестьянских волнений, как в Европейской России, и это происходило по той простой причине, что здесь не существовало помещиков или владеющих землей «сеньоров». Земля была собственностью

общины, а земельные наделы были достаточно обширны — на каждую семью приходилось до 20 десятин. Весь облик деревни свидетельствовал о ее благосостоянии и зажиточной жизни. Сараи были полны и лошади хорошо накормлены. В сравнении с крестьянскими общинами Самарской губернии эта была экономически привилегированная община.

Революция здесь могла принять только форму освобождения от ига офицерской касты. Но если бы голодные крестьяне и бедные рабочие явились сюда из центральноевропейской России с их лозунгами «Равный надел для каждого!» и «Установление государством предельных цен на зерно», то тогда вся станица поднялась бы как один человек, чтобы защитить свои «казацкие права».

После этого за час езды в восточном направлении я достиг конца казацкой области. К Востоку черноземная земля, казалось, исчезла. Мы пересекли реку Урал на пароме близ станицы Гирьял и выбрались теперь на сухие степные просторы, где вместо роскошной зеленой растительности, которую мы только что видели, росла тощая, жесткая трава. Мимо прошел караван верблюдов, который вел татарин. Воздух стал жарче, а ветер сильнее. Дальше на юго-восток на фоне ярко-синего неба виднелся поселок, расположившийся на вершине невысокого холма. Этот поселок, состоявший из группы войлочных палаток или юрт, был первым несомненным признаком того, что мы прибыли в область, населенную кочевниками — татарами или киргизами.

Здесь окончился наш путь, и мы вышли к местечку, расположившемуся посреди открытой степи, где беспорядочно стоявшие юрты и глиняные дома представляли собой живописное зрелище. Это был центр на окраине Тургайской губернии, где шла торговля шерстью и кожами. На Восток тянулись вдаль высохшая степь и овечьи выпасы, в двух тысячах верст от китайской границы.

Два типа жителей обитали в таких торговых центрах. В юртах жили киргизы. Перед дверьми глиняных хижин я видел европейские лица. Русские торговцы и переселенцы прибыли сюда в последние десятилетия из Центральной России и жили в тесных экономических и общественных связях с татарами. Я остановился в хижине одного из этих поселенцев, который был другом моего извозчика. Много лет тому назад его отец прибыл сюда из Украины, спасаясь от голода, который угрожал ему из-за недостатка земли. Здесь, в Азии, он присмотрел себе свободный участок земли, на котором посадил ячмень и гречиху, ибо для чего-нибудь другого климат был слишком суров. Он занимался также овцеводством и завязал с татарами торговые отношения. Его хижина внутри была очень уютной и содер-

жалась в чрезвычайной чистоте. Персидские покрывала висели на стенах, верблюжий помет тлел на полу, а дым уходил через отверстие в крыше. Диван и чистые одеяла окружали очаг с двух сторон. Мы ели овечьи почки, когда вошли киргизы, чтобы поглядеть на пришельца. В хижине, в которой я находился, как раз происходили заседания сельского комитета этой части Тургайской губернии. То были первые плоды русской революции в этой отдаленной части Азии. До марта 1917 г. вся власть находилась здесь в руках станового пристава, т.е. местного политического чиновника, назначенного царским военным губернатором Средней Азии. Множество урядников или сельских жандармов находилось в его распоряжении; все они шпионили за населением, тянули с него налоги и питались за его счет, как клопы. Известие об отречении царя поступило сюда через 6 недель после этого события. В тот же момент исчезли и кровососы. Сломая голову они бежали в близлежащие города, скрылись там в отдаленных уголках. Русские переселенцы и кочевые татары сейчас же отправили джигитов (конников) в соседние деревни, чтобы сообщить им это известие и побудить создать собрания представителей разных племен. В этом собрании приняли участие на совершенно равных правах русские, поселенцы и татары. Первый Совет депутатов кочевников и поселенцев был создан именно в этой части степей Тургая. Царские чиновники убежали, остались только те, кто жил своим трудом.

Теперь возник вопрос, как сложатся отношения этого Совета с соседними общинами. На западе находились станицы казаков, которые владели самой плодородной в округе черноземной землей. Несколько лет тому назад казаки наложили руку и на сухие степи по ту сторону границы их области. Весной они пригоняли свои стада на лучшие, покрытые травой участки, расположенные вокруг озер Тургайской степи. Произошли столкновения между казаками с одной стороны, татарами и русскими колонистами — с другой. Казацкие генералы с удовлетворением наблюдали за этими столкновениями, ибо последние обычно оканчивались увеличением площади земли, подчиненной военным законам казачества. Кочевники, которые были лишены права на пастбища в западном районе черноземной полосы и оттеснены в бесплодную область степей так же, как и русские поселенцы, которые приехали сюда, чтобы избежать голодной смерти в Европейской России, оказались, таким образом, перед опасностью подпасть под военные законы казачества, что означало бы для них воинскую повинность с 19 до 45 лет и поставку коня с седлом. Эта опасность теперь миновала, и первым инстинктивным шагом этого Тургайского совета было образование сельского комитета, задачей которого было взять на себя охрану полей ячменя,

пастбищ кочевников и поселенцев, запретить новую иммиграцию в этот район как казаков, так и переселенцев из Европы.

Рядом со мной у огня сидел старый киргизский аксакал, седобородый старец. Он рассказал мне, как он в юные годы выгонял своих лошадей пастись на те земли, где теперь обосновалась казачья станица. «Если бы только удалось достать нужное количество ружей, то следовало бы, — сказал он, — вновь выдвинуть старые притязания на пастбища и добиться возмещения за область, украденную у киргизов казаками». Вот в какие формы вылилась аграрная революция в Тургайских степях в те осенние дни 1917 г.

Поселенцы поднимались против привилегированных казачьих общин и требовали равных земельных наделов. И все же здесь никто не знал даже понаслышке слова «большевизм».

На следующий день я посетил юрты киргизов. Приблизиться пешком к их жилью всегда предприятие рискованное, если ты не вооружен винтовкой или увесистой палкой. Дикие, похожие на волков собаки бросаются на посетителя сразу, как только они его завидят. После того как я счастливо проделал путь через заслон волкодавов, я переступил порог юрты одного из крупных владельцев табунов этой части Тургайских степей. Старый киргиз в вышитой тунике, в просторных кожаных шароварах и шапочке на голове принял меня сам. Женщины его семьи в белых платках сидели на корточках около очага в центре круглой палатки, наблюдая за тем, как кипятилось молоко. Как только мы, в свою очередь, присели на корточки, женщины поднялись и сняли сначала с киргиза, потом с меня, а затем с русского поселенца, который меня сопровождал, ботинки, обули нас в домашние туфли и налили кумыса в сосуд, который поставили перед нами. У входа в юрту несколько киргизских и русских детей играли с помощью овечьих косточек в лапту. Издалека слышался звон колокольчиков верблюжьих караванов. Старый киргиз проглотил свой напиток и попыхивал длинной китайской трубкой. Атмосфера была чисто патриархальной, и казалось невозможным, что Россия находится в этот самый момент в горниле социальной революции. На ящике около меня лежали газета, напечатанная на киргизском языке, и том стихотворений татарского поэта Байтурсынова¹¹, чьи стихи, как я установил, читали в самых отдаленных поселках кочевников этой бескрайней степи. Несколько стихотворений мне перевели на русский язык. В них рассказывалось о любовных приключениях в степи, о духах озера, которые появляются в образе всадников, о битвах с казаками и о сказочных образах прошлого. «Как давно существует эта литература у киргизов?» — спросил я.

¹¹ А. Байтурсынов (1873–1938) — казахский поэт, публицист.

Она появилась только вместе с Февральской революцией. Раньше царские чиновники запрещали издание литературы на киргизском языке. Стихотворения Байтурсынова заучивались наизусть и переходили из юрты в юрту. Теперь они появились в печати, одновременно с ними появился еженедельник, который издавала группа молодых киргизов в Оренбурге; они вступили в партию эсеров и ратовали за отмену аграрных привилегий казаков.

На следующий день я возвратился в Оренбург, чтобы отправиться в обратное путешествие в Европейскую Россию.

5 октября (22 сентября) я снова был в Самаре, сел там на пароход, идущий в Казань, и прибыл туда через 2 дня. Здесь я оказался в культурном центре волжских татар, которых насчитывалось примерно 8 миллионов. Старый город, расположенный на вытянувшемся хребте холмов с видом на Волгу, весь пропитан духом прошлого. Высокая башня, «Сум башни»¹², напоминает о днях, когда татарские ханы брали дань с Москвы. Стены Кремля, окружающие лес золотых куполов, символизируют времена славянского господства. Прежний губернаторский дом в Кремле был занят Советом рабочих и солдатских депутатов и украшен красным знаменем — знаком новой, проникшей с Запада религии. Как и в Оренбурге, председателем местного Совета был меньшевик, местный журналист, полностью находившийся во власти солдат гарнизона и рабочих кожевенных заводов и мыловаренных фабрик Казани. В то время, когда я сидел с ним в приемном зале бывшего царского губернатора, вошел офицер, чтобы попросить помощи у председателя. Солдаты гарнизона приняли резолюцию о том, что обязанности командующего Казанским военным округом должны перейти в руки солдатского Совета, который впредь должен визировать все новые приказы. Председатель беспомощно пожал плечами. Самое большее, что он мог сделать — это попытаться повлиять на депутатов на предстоявшем в этот вечер заседании. Но, сказал он, все они сейчас если не формально, то по своим взглядам — большевики. Он предполагал уйти в отставку со своего поста. В обществе этого председателя-меньшевика я и принял участие в заседании Совета. Не могло быть сомнения в том, что Совет играл руководящую роль в городе. Вторая революция уже стала фактом. Председатель был совершенно бессилен. Его распоряжения попросту не принимали во внимание. Рабочие депутаты приняли резолюцию об удалении назначенных Керенским контролеров по продовольствию и замене их комиссарами Казанского совета.

¹² Точнее, Сююмбеки — дозорная башня в Казанском кремле.

В части города, расположенной в глубине, у подножия холма, на котором стоял Кремль, находились татарские кварталы. Здесь тесные улицы были плотно уставлены рядами домишек. Местные уроженцы носили маленькие круглые шапочки, обшитые мехом. У них были черные глаза и темная кожа. То там, то тут на фоне неба возвышался минарет мечети. Верблюды шагали, пробиваясь сквозь грязь. В большом здании из красного кирпича находились помещения Национального совета мусульман Поволжья. Здесь собиралась интеллигентная татарская молодежь. Я познакомился с учительской группой Национального совета, члены которой почти все были молодыми людьми, учившимися в русских университетах. Они говорили по-русски и, в некотором отношении, были людьми обрусевшими. Их цель, сказали они, — добиться от любого будущего правительства России самой широкой культурной автономии для Среднего Поволжья и юго-западных губерний Урала, включая Казань, Симбирск, Уфу и часть Самарской и Оренбургской губерний. Хотя они и не помышляли о территориальной автономии или о воссоздании в Азии турецкого государства, они все же с надеждой взирали на Константинополь, как на Мекку своих надежд. Они хотели культурного сближения между всеми, говорящими на туранских языках народами России, Ближнего и Среднего Востока. Они не проявляли никакого интереса к своим единоверцам-магометанам в Афганистане, Персии и Аравии, — только с теми, кто говорил на татарском и турецком языках, они хотели *сблизиться*.

На следующий день я познакомился с другой группой, появившейся среди татар летом 1917 г. Я разыскал издателя «Кызыл байрак» (татарские слова, обозначающие «Красное знамя»). Эта газета издавалась социал-демократической группой рабочих-мусульман Казани и стояла в открытой оппозиции к националистам из волжских татар. Боевой дух, царивший в редакции «Кызыл байрак», был пронизан классовым сознанием. Находившиеся там рабочие не называли себя большевиками, ибо социалистическое движение среди татар было еще очень молодо. «Кызыл байрак» получал поддержку от волжских транспортников-татар. Последние не интересовались татарской историей, не заботились ни о культурной, ни о территориальной автономии, и магометанская религия была для них только термином. Постоянное общение с русскими крестьянами и транспортными рабочими-волгярами научило их быть равнодушными к расовым различиям. Они объединились с русскими в рядах профсоюза транспортных рабочих и послали депутатов в Казанский совет рабочих и солдатских депутатов. Интеллигенты, издававшие магометанскую социалистическую газету, отвергали всякую связь с пантуранским и другими

националистическими движениями. Они сами называли себя марксистами либо также панисламистами. Когда я спрашивал их, совместим ли марксизм, как интернациональное классовое движение, с панисламизмом, представляющим собой религиозное и притом охватывающее лишь одну часть человечества движение, я получил ответ, что, по существу, между этими двумя идеями «нет противоречия», ибо мусульмане являются самыми организованными и самыми сознательными жителями Азии. Религия ислама создала большую духовную общину. Но ее представления ныне устарели и для того, чтобы открыть путь для новой религии, нужно использовать традиции старой религии. Так муллы сами по себе постепенно потеряют свое влияние, а проповедники марксизма займут их место. По мнению панисламистов, опасность туранских, персидских, арабских и афганских национальных течений состояла в присущей им тенденции расколоть рабочие массы Азии на отдельные изолированные группы. Чтобы достичь интернационализма, считали они, совсем не нужно идти через национализм, как переходную ступень. Магометанская религия распространила свое влияние почти на все народы Азии и была, таким образом, организацией интернациональной. Ее нужно будет только прописать новыми идеями. Волжским татарам, которые столетиями жили в тесном соприкосновении с русскими рабочими и крестьянами, предстояло поэтому понести глубоко во внутреннюю Азию те политические и социальные идеи, которые восторжествовали в России. Так говорили магометанские социалисты Казани, но их движение осенью 1917 г. переживало еще младенческое состояние.

Стояла вторая неделя октября. Листья падали с деревьев, и уже чувствовалось первое дыхание зимы. 17 (4) октября я сел на пароход, груженный нефтью, который шел от Казани вверх по реке. После двух дней пути показали старые стены Нижегородского кремля. Утренние газеты, которые я купил на пристани, сообщали, что Новгородский полк¹³ на Северо-Западном фронте принял на заседаниях своих Советов солдатских депутатов резолюцию, которая объявляла, что полк останется в окопах до первого снега, а потом пойдет по домам. Другая газетная полоса сообщала о больших аграрных беспорядках в Пензенской и Тамбовской губерниях. Имена помещиков были сожжены. Были убитые и раненые. Местный эсеровский листок сообщал, что в четырех уездах Новгородской губернии¹⁴ крестьяне, не дожидаясь каких-либо указаний сельского

¹³ Точнее, Нижегородский полк.

¹⁴ Точнее, Нижегородская губерния.

комитета, перешли к захвату пяти помещичьих имений и приступили к разделу земли и ценного инвентаря. Немцы только что заняли Ригу. Морская битва на Балтийском море была в разгаре, стачка железнодорожников остановила движение на многих главных направлениях, и коалиционное правительство поговаривало об эвакуации Петрограда. Дело, казалось, шло к развязке. Нужно было безотлагательно пробираться в Петроград. Каждый инстинктивно чувствовал, что приближается новая фаза революции.

9. Свержение буржуазной коалиции. Вся власть Советам!

После эпизода с Корниловым положение стало опять точно таким же, каким оно было после падения первой коалиции. Буржуазные партии, прежде всего кадеты, были достаточно умелы, чтобы при первом же известии о выступлении Корнилова, направленном против Керенского, выйти из состава правительства. Они избежали этим всякой возможной связи с «революционной демократией», находившейся в Совете, и одновременно изъявили готовность предоставить свои услуги диктатору, как только последний придет к власти. В свете этих фактов было не удивительно, что даже в рядах меньшевиков и эсеров в центральном Совете (особенно среди сторонников Чернова) поднялись голоса, которые требовали образования «подлинно демократического» правительства, без участия кадетов, явно использовавших коалицию как ширму, под прикрытием которой должна была происходить подготовка диктатуры буржуазии. Поэтому решили собрать вновь Государственное совещание, в котором на этот раз не должны были принимать участие представители среднего сословия. Инициатива созыва этого совещания исходила не от Керенского, а от Советов. Приглашения были посланы кооперативным товариществам, союзам лиц свободных профессий, профсоюзам, число членов которых возросло с 300 000 в марте до почти полутора миллионов человек в октябре, и политическим партиям, которые стояли на социалистической (как марксистской, так и немарксистской) платформе. Это совещание, которое собралось в последнюю неделю сентября, объединяло в основном левое крыло того Государственного совещания, которое происходило под руководством Керенского в Москве. Керенский тем временем вел государственные дела с помощью «делового» правительства, составленного из политически обесцвеченных личностей, вплоть до того момента, когда Демократическое совещание примет определенное решение.

С самого начала совещание шло не гладко. Большевики, руководимые Троцким¹⁵, который теперь являлся председателем Петроградского совета, ставшего всецело на большевистские позиции, пришли на Демократическое совещание не с целью помочь созданию второго коалиционного правительства, а для того, чтобы громко, во всеуслышание призвать всю страну становиться под знамена Советов.

После того как они выступили с такого рода воззванием, Троцкий и вся группа делегатов, которая его поддерживала, демонстративно покинули совещание, чтобы доказать, что для них речь идет не только о словах. Для престижа совещания это был серьезный удар, так как большевики стали к тому времени самой влиятельной социалистической партией Северной России, ибо в течение последних двух месяцев они взяли в свои руки целый ряд Советов в городе и деревне. Кроме того, обнаружились разногласия и в рядах самой «революционной демократии», которая господствовала на совещании, так как возник конфликт между эсерами, которые шли за Черновым, и теми, которые шли за Брешко-Брешковской¹⁶ («матерью революции», как ее называли¹⁷). Чернова обвиняли в том, что он, будучи в Швейцарии в качестве эмигранта два года тому назад, якобы принимал участие в пропаганде за Циммервальд¹⁸ и теперь содействовал деятельности нового левого крыла эсеровской партии, которое симпатизировало большевикам. Меншевики, руководимые Церетели¹⁹, хранили, как обычно, молчание подобно сфинксу.

Первая резолюция была предложена эсерами центра, руководимыми Черновым. Эта резолюция требовала, чтобы новое правительство окончательно исключило партии центра, а с ними и всех тех, которые подобно кадетам скомпрометировали себя своим неведением по отношению к корниловской контрреволюции. Эта резолюция была принята, и все, казалось, было направлено к тому, чтобы образовать чисто социалистическое правительство умеренного направления, которое до тех пор, пока не состоятся выборы в Учредительное собрание, обладало бы всей полнотой власти. Но неожиданно выступил Церетели от имени меньшевиков с резолюцией, в которой говорилось, что новое правительство должно состоять «из всех

¹⁵ Л.Д. Троцкий (1879–1940) — в 1917 г. председатель исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

¹⁶ Е.К. Брешко-Брешковская (1844–1934) — одна из основателей Партии социалистов-революционеров.

¹⁷ Правоэсеровские газеты именовали Брешко-Брешковскую «бабушкой русской революции».

¹⁸ Циммервальдская конференция — международная социалистическая конференция, состоявшаяся 5–8 сентября 1915 г. в швейцарской деревне Циммервальд.

¹⁹ И.Г. Церетели (1881–1959) — министр почт и телеграфа Временного правительства.

И.Г. Церетели

живых сил страны, включая и несоциалистические партии, если они готовы добросовестно служить государству». К удивлению зрителей, и эта резолюция была принята. Что же получалось? Участие кадетов в новом правительстве исключалось, но несоциалистические же партии могли вступить в новое правительство. Но поскольку кадеты были единственной несоциалистической партией, имеющей значение, то эти две резолюции, по сути дела, исключали одна другую. Таков был результат трехдневных дебатов. Последующие два дня были также заполнены бесплодными дискуссиями; они не принесли ничего, кроме взаимных обвинений, которыми обменивались центр и правое крыло эсеров, и безуспешных попыток их примирения. После этого должен был выступить Керенский. Он созвал вместе представителей партий и заявил им, что, поскольку они не могут прийти к единому мнению, он хочет принять на себя ответственность за образование нового правительства. И он сделал так, как сказал. Было образовано правительство из сравнительно малоизвестных людей, в котором Терещенко²⁰ занял самый важный пост — министра иностранных дел, поскольку считалось, что его деятельность в Министерстве иностранных дел «сможет внушить доверие нашим благородным союзникам». Далее, Керенский создал с согласия партий центра так называемый предпарламент, своего рода новое издание московского Государственного совещания, который должен был заседать

²⁰ М.И. Терещенко (1886–1956) — министр иностранных дел Временного правительства.

постоянно вплоть до выборов в Учредительное собрание. Так кончилась эта последняя попытка «революционной демократии» создать правительство. Презрение к контрреволюции нарастало. Ее изгоняли из одного местного Совета за другим, вплоть до того, когда настал час, который перед лицом катастрофы взывал к действию, ибо руководство революцией перешло к такой партии, которая умела не только говорить, но и действовать.

Вокруг большевиков сплотились самые политически сознательные и подготовленные элементы рабочего класса. Та часть промышленных рабочих крупных центров, подобных Петрограду, Москве, Нижнему Новгороду и Харькову, которая после Февральской революции предоставила «соглашателям-интеллигентам», меньшевикам и эсерам черновского направления контроль над Советами, теперь, под давлением голода и в страхе перед приближающейся катастрофой, пришла к тому, что поклялась в верности Ленину. Большевистские островки, которые в середине лета ограничивались Кронштадтом, некоторыми петроградскими фабриками, Шлиссельбургом и Царицыном, теперь гигантски выросли и превратились в море. Как произошел этот поворот во мнениях рабочего класса в промышленных центрах в течение осени 1917 г.? Марксист может, по моему мнению, с полным правом указать на экономическое давление, которое вызвало перемену в психологии масс, и все же эта перемена была не таких размеров, чтобы вызвать у рабочего класса чувство безнадежности. Страдания, которые голод и холод причинили трудящимся массам, были к тому времени еще не так велики, как в последующие периоды революции, но все же они были достаточно велики, чтобы разжечь дух мятежа и противодействовать духу апатии. Другими словами, массы, видимо, находились в состоянии самого сильного революционного подъема в тот момент, когда кривая голода дошла еще до половины своего пути к высшей точке.

Каково же было положение русских рабочих промышленных центров в ноябре 1917 г.? Страна была уже наводнена бумажными деньгами, цены росли, самые необходимые товары почти совершенно исчезли, в то время как со стороны чиновников коалиционного правительства и искавшего компромиссы Совета не было сделано серьезной попытки приостановить ни угар спекуляции, которая праздновала оргии, ни дикую распродажу и заклад частных имений и промышленных предприятий иностранному капиталу. Реальный жизненный уровень день за днем все более снижался в результате сохранения пятнадцатимиллионной армии, из которой добрых 5 миллионов солдат уже обретались в числе дезертиров, бродивших по стране и ведущих жизнь полупаразитов, полубандитов. Большие предприятия военной промышленности по-прежнему работали для нужд войны.

Ценность рубля упала до самого низкого уровня, и он при обмене на товары представлял только малую частицу своего золотого содержания. Конечно, это положение создавалось постепенно в течение нескольких лет. В Московском промышленном районе цены на 7 видов товаров, необходимых для удовлетворения самых элементарных жизненных нужд, поднялись на рынке с 1914 по 1915 г. на 23%, с 1915 по 1916 г. — на 79%, с 1916 по 1917 г. — на 124%. Зарботки квалифицированных рабочих поднялись в том же районе с 1914 по 1915 г. в среднем с 221 до 251 руб., т.е. на 10%; с 1915 по 1916 г. — с 251 руб. в месяц до 285 руб., т.е. на 12%; с 1916 по 1917 г. — с 285 руб. в месяц до 429 руб., т.е. на 30%. Таким образом, хотя повышение заработной платы ко времени Февральской революции и было значительным, оно сильно отставало от роста цен. Кроме того, повышение заработной платы стало возможным из-за усиленной деятельности печатного станка правительства, выпускавшего бумажные деньги, что создало изобилие бумажных денег, не покрытых товарной массой. Действительно, владельцы этого богатства, состоявшего из бумажек, которые позже — чтобы обессмертить время Керенского, — получили название «керенок», были совершенно не в состоянии купить на них предметы повседневного спроса, которых, в сущности, почти не было в продаже. Тогда как, с другой стороны, те же бумажки, казалось, воплощали право на богатство страны в будущем. Но в судорожной борьбе за перспективы будущего богатства промышленный пролетариат был оттеснен далеко назад. Все выгоды доставались владельцам фабрик, поместий, рудников, банковских вкладов и их кредиторам за границей. Этот ход событий, который обозначился к началу войны, достиг теперь громадного размаха. В 142 предприятиях хлопчатобумажной и металлургической промышленности Московского уезда средняя прибыль составила в 1914 г. 16,5%, в 1915 г. — 39,7%, в 1916 г. — 53,1%, в первой половине 1917 г. — 75,2%. Эти громадные бумажные прибыли были, главным образом, результатом того, что в надежде на продажу по монопольным ценам предприниматели накапливали запасы сырья и ограничивали производство, прибыли перекочевывали за границу в форме кредитов. Английские и французские банки были, таким образом, все больше и больше заинтересованы в судьбе этих предприятий и по мере того, как финансовый крах надвигался, они в возрастающем масштабе выступали в качестве управляющих делами их русских клиентов, чьи депозитные счета и вклады они хранили. Наблюдалась поэтому возрастающая склонность русских промышленников, владельцев рудников и финансовых воротил по мере того, как в течение 1917 г. становилась все более реальной перспектива взрыва социальной революции, спрятаться за спиной банков

стран Антанты. Уже перед войной иностранный капитал получил в свои руки часть русской промышленности. В январе 1914 г. 537 млн руб. иностранного капитала были официально вложены в русские промышленные предприятия. Но, кроме того, гораздо более значительные иностранные капиталы были записаны в бухгалтерских книгах под видом капитала отечественного, русского. По данным В.С. Зива («Государственное банкротство и иностранные капиталы». Петроград, 1918 г.), они достигли уже в 1914 г. 1,5 млрд руб. Во время войны этот процесс развивался еще более стремительно. Многие из числа крупных горных концернов Урала в 1917 г. стали собственностью английских банков и синдикатов. Так, медный синдикат в Кыштыме, в Западной Сибири, медный и железный синдикат Богословский на Северном Урале с 1917 г. перешли в собственность международного финансового консорциума, в котором участвовал английский капитал и во главе которого стоял господин Уркварт²¹. Донецко-Азовский банк в Петрограде, который провел эту операцию в качестве представителя русских интересов, получил при этом прибыль в размере 1 млн руб., и доход от этой операции был переведен в Лондон. 70% капитала, вложенного в железорудные предприятия и плавильные печи Донецкого бассейна, были бельгийского и французского происхождения, и акции этих предприятий котировались на биржах Парижа и Брюсселя. 95% капитала, вложенного в угольные шахты Донецкой области, были бельгийскими и французскими. 90% добычи платины и меди на Урале и на Кавказе представляли собой монополию британских и американских синдикатов. Трамваи столичных городов принадлежали бельгийским концернам, а 70% электрических обществ — иностранному капиталу, выступавшему под русскими именами. Так квалифицированные рабочие промышленных центров России постепенно превращались по отношению к финансовому капиталу стран Антанты в своего рода налогоплательщиков, которые выплачивали свои обязательства, отдавая этому хозяину свою дешевую рабочую силу.

Русская буржуазия имела возможность избежать катастрофы тем, что переводила свои прибыли и акции за границу, чтобы продать их там иностранным банкам или заложить. Но русские рабочие погружались все глубже и глубже в сети международных работоторговцев.

Это положение вещей, насколько я помню, отчетливо обрисовалось перед моими глазами в один октябрьский день, когда я посетил большой металлообрабатывающий завод на Васильевском острове, незадолго перед тем проданный финансовому синдикату одной из союзных стран. Я уже

²¹ Дж. Л. Уркварт (1874–1933) — шотландский предприниматель.

бывал там в начале лета на заседании только что созданного тогда заводского комитета. В то время люди послушно следовали указанию меньшевистского министра труда и не заботились о делах предпринимателя или об управлении предприятием. Теперь я застал, однако, совсем другую картину. Половина рабочих была уволена, так как, согласно официальному объяснению, не хватало сырья, чтобы дать им работу. Заводской комитет собрался в маленькой комнатке. Один из рабочих провел меня по заводским дворам на склад, где я увидел большие штабеля железных листов и антрацита. «Это было в прошлом году доставлено из Англии, и еще больше сырья, принадлежащего синдикату, лежит в Архангельске, — сказал мне этот человек. — Но оно не используется, так как синдикат может получить большие прибыли, если сократит производство наполовину, уволит половину рабочих, а оставшихся заставит работать сверхурочно. Поэтому мы решили, чтобы Центральный фабрично-заводской комитет взял эти предприятия под свой контроль, распределял сырье, проверял все книги и скреплял своей подписью все распоряжения заводской администрации. Иначе увольнение рабочих с этих предприятий пойдет еще дальше, а прибыли синдикатов не уменьшатся».

С приближением зимы Петроград стал городом, который жил исключительно старыми, давно накопленными запасами. Поезда с продовольствием, которые должны были перейти в ведение государственного продовольственного контроля, грабили на их пути с юга голодные крестьяне и городское население северных губерний. Чем севернее находился город, тем больше вагонов отцепляло население расположенных на пути к нему местечек. Предпарламент и новое правительство Керенского были бессильны и могли лишь заявлять однословные протесты против самоуправства. Между тем в Петроградский совет от одного за другим Советов солдатских депутатов поступали резолюции, которые сообщали о решении солдат оставаться в окопах только до первого снега, а потом, независимо от того, будет ли на это разрешение, складывать оружие.

Правительство действительно потеряло последние остатки авторитета, а «революционная демократия» в старом Центральном исполнительном комитете Совета, избранном в июне, как будто бы представлявшая еще революционных рабочих, крестьян и солдат, предприняла последнюю отчаянную попытку. Она выработала программу мирных условий, которая должна была быть представлена союзникам на конференции в Париже. Государственные деятели союзных стран в качестве некоего утешения, компенсации для русских революционеров за отказ социалистов всех стран явиться в Стокгольм решили собрать в Париже конференцию

союзников, в которой должны были принять участие русское правительство и Центральный исполнительный комитет Совета, чтобы выяснить, на каких условиях мог бы быть заключен мир с Центральными державами. Меншевик Скобелев²² был назначен представителем Совета, а Центральный исполнительный комитет Совета приступил к выработке целого ряда указаний, которыми он должен был руководствоваться на предстоящей конференции. Эти указания были опубликованы меньшевистской и эсеровской прессой на третьей неделе октября. Они были, действительно, неожиданны, тем более что большевики не имели никакого отношения к их составлению. Мир, говорилось в этих указаниях, должен точно соответствовать принципу «никаких аннексий и право на самоопределение». Но, чтобы этого достичь, Россия не должна забирать у немцев ни балтийских провинций, ни Польши, ибо если она выставит такое требование, то немцы могли бы по праву требовать, чтобы война продолжалась до тех пор, пока египтяне не завоюют обратно Египта и Ирландия не обретет своей независимости. По тем же причинам необходимо, говорилось далее, настаивать на обязательном отделении немецких областей от Австрии. Итак, «революционная демократия» в конце концов решилась. Но, увы, она при этом очень сильно наступила кому-то на ногу. Военные кабинеты в Лондоне и Париже не привыкли к такому откровенному языку и не любили выслушивать неприкрытую правду. Было ли поэтому удивительно, что через несколько дней после опубликования «скобелевских указаний» пришло сообщение о том, что французская пресса выступает за то, чтобы на предстоящей Парижской конференции представителем «подлинной России» являлся царский генерал Алексеев, причем не было недостатка и в неопределенных намеках насчет того, что появление на конференции делегатов от «безответственных корпораций» было бы нежелательно. Когда эти намеки не были поняты, пришлось выражаться яснее. Тайные договоры и дележ шкуры немецкого медведя в Европе, Азии и Африке были не такими вопросами, к решению которых можно было допустить русских рабочих и солдат, хотя проливать за это свою кровь они могли. А их кровь и была как раз тем, чего от них требовали. Это они должны были усвоить себе раз и навсегда. Поэтому Бонар Лоу²³ было поручено в британской палате общин разъяснить «революционной демократии» в Петрограде, что цель созыва

²² М.И. Скобелев (1885–1938) — в 1917 г. заместитель председателя ВЦИК Совета рабочих и солдатских депутатов.

²³ Э.Б. Лоу (1858–1923) — британский политический и государственный деятель, лидер партии консерваторов в 1916–1921 гг.

Парижской конференции вообще состоит не в том, чтобы вырабатывать мирные условия, а в том, чтобы обсудить, как продолжать войну «наиболее энергичным образом». Тем самым российская «революционная демократия» устранилась со сцены международной политики!

Агенты финансового капитала союзников стали между тем смелее. Они понимали, что теперь, как никогда, нужно действовать. Ибо уже слышались подземные раскаты грома, множились слухи о большевистских красногвардейцах на фабриках Петрограда, о рабочих, которые к ним присоединялись, и другие, подобные им. Все они носили в высшей степени грозный характер для тех, кто сидел в бархатных креслах в зданиях посольств на набережных Невы.

Сэр Джордж Бьюкенен²⁴ и французский посол предприняли поэтому демарш перед Керенским. Они заявили в настойчивом тоне, не оставлявшем сомнений, что союзники не намерены далее молчаливо наблюдать состояние анархии, что решительные меры, которые так долго откладывались, должны быть, наконец, пущены в ход; в противном случае союзники «не будут в состоянии оказывать России необходимую материальную и финансовую помощь». Для русской буржуазии это означало необходимость внимательно прислушаться, ибо, в противном случае, английские банки перестали бы служить незаменимым приютом для ее военных прибылей, они могли также впредь, приобретая долю в промышленных синдикатах, устанавливать смехотворно низкую цену и воздерживаться от предоставления дальнейших займов. Не удовлетворяясь этим шагом, сэр Джордж Бьюкенен официально принял представителя «военного Совета казаков». Эта организация лишь незадолго до того была создана в качестве автономной политической власти в областях казачьих войск и находилась полностью под влиянием царских генералов и реакционных деятелей четырех Дум, которые несколько месяцев назад собрались там, на юге, поскольку Керенский слыл слишком «революционным». Сэр Джордж Бьюкенен выразил свою симпатию этим «лояльным» казакам, на поддержку которых можно-де рассчитывать при возрождении России и восстановлении «дисциплины» в войсках. Это выглядело примерно так же, как если бы русский посол в Лондоне принял депутацию шинфейнеров и выразил ей свою «симпатию». Одним или двумя днями позже стало известно, что царский генерал Гурко²⁵, который был отстранен Керенским со своего поста и подвергнут

²⁴ Дж.У. Бьюкенен (1854–1924) — британский дипломат, посол Великобритании в России в 1910–1918 гг.

²⁵ В.И. Гурко (1864–1937) — генерал от инфантерии, командующий войсками Западного фронта в 1917 г.

домашнему аресту за участие в монархистских интригах, тайным образом был отпущен из-под ареста и вывезен из Архангельска на борту одного английского военного корабля!

Чтобы сделать обстановку еще более запутанной, немцы начали наступление на балтийском фронте, заняли Ригу и потопили несколько судов Балтийского флота. Русские солдаты массами покидали фронт, заявляя, что они не желают сражаться, пока не знают содержания тайных договоров. В этот момент беспартийному военному министру в суррогатном правительстве Керенского — Верховскому²⁶ — пришла в голову идея. В беседе с представителем одной кадетской газеты он заявил, что Россия не в состоянии и никогда не была в состоянии нести бремя содержания 15-миллионной армии. Необходимо эту армию уменьшить и оставить лишь небольшие вооруженные силы, которые страна могла бы содержать и которые охраняли бы ее от немецкого вторжения. От всяких наступательных планов следует отказаться. Он внес предложение — закрыть глаза на происходящее массовое дезертирство, легализовать его путем официальной демобилизации трех возрастов. На фронте нужно создать надежные части и выпустить призыв к добровольцам.

Через два дня после опубликования этого интервью стало известно, что Верховский ввиду расстроенного здоровья покинул свой пост и находится на пути в монастырь на Ладожском озере, где намеревается «лечиться». Военные миссии союзников выразили свое неодобрение его планам, ибо эти последние не открывали никакой перспективы «большому весеннему наступлению будущего года».

Люди, критиковавшие большевиков за то, что они в октябре 1917 г. взяли в свои руки власть, — в том числе критики из лагеря западноевропейских социалистов и рабочих лидеров, — либо нарочно закрывали глаза, либо, к сожалению, совершенно не знали положения, которое сложилось в России в период «керенщины». Нигде в Западной Европе рабочий класс не был в таких условиях, в каких находился русский рабочий накануне Октябрьской революции. Если бы Россия продолжала войну, она неизбежно превратилась бы в колонию одной из двух противостоящих друг другу воюющих капиталистических коалиций Европы. Этот исход был неизбежным, поскольку Россия оставалась экономически неразвитой, а политически была игрушкой зарубежного империализма. Ибо каково было положение России накануне мировой войны? Значительную часть ее благосостояния составляли отечественные запасы сырья, в то время как промышленность

²⁶ А.И. Верховский (1886–1938) — военный министр Временного правительства в 1917 г.

А.И. Верховский

и транспорт были развиты настолько недостаточно, что Россия не могла отказаться от ввоза в крупных масштабах иностранных капиталов, промышленных товаров и технического оборудования с Запада. Ввоз товаров и оборудования был бы неизбежным при всех условиях — даже при социалистической системе, — и мог бы, если его осуществлять правильно, не вредить народному хозяйству. Ввоз же капитала с Запада, как следствие производства, превышающего спрос, оказывал на социальное и политическое развитие русского народа роковое влияние, ибо иностранный капитал приобретал такое политическое влияние, что Россия низводилась на уровень азиатских и африканских колоний Англии, Франции и Германии, превращалась в резервуар дешевой рабочей силы, действующей подобно штрейк-брехеру, а это помогало капиталистам Запада снижать заработную плату в своих собственных странах. Они стремились превратить Россию в гигантский призывной участок, поставляющий пушечное мясо для враждующих милитаристов Европы. Тем самым русский народ лишали возможности самостоятельного, свободного развития. Иностранные посольства и военные миссии никак не хотели допустить, чтобы в России возникла социальная система, не соответствующая их планам.

В то же время Россия отличалась от чисто азиатских стран тем, что обладала значительной отечественной промышленностью. Русские промышленные предприятия, хотя их было немного, а их продукция могла удовлетворить спрос русского населения лишь частично, были оборудованы новейшими техническими усовершенствованиями. Русский городской пролетариат, хотя и составлял лишь небольшую часть населения, был в то

же время наилучше организованным и наиболее классово-сознательным во всей Восточной Европе.

Он обнаружил выдающиеся способности к политической организации. Гнет, который осуществлялся царским режимом, не давал идейным вождям рабочего движения отрываться от масс и удерживал их в первых рядах революционного движения. В отличие от азиатских стран, таких как Турция и Персия, Россия обладала классово-сознательным пролетариатом, который не строил себе иллюзий о судьбе, ожидающей страну, если война, затеянная иностранным финансовым капиталом, затянется. Затыжка европейской войны создала для городского пролетариата России и той части крестьянства, которая была занята в промышленности, опасность превратиться в галерных гребцов, в рабов зарубежных финансистов, добывавшихся в обмен на военные кредиты неограниченного права на эксплуатацию России. В отличие от жителей азиатских и африканских колоний русский городской пролетариат вполне ясно сознавал, однако, эту угрозу порабощения. Те, кто разделял меньшевистскую точку зрения и отстаивал взгляд, что такой необученный пролетариат, как русский, в котором много неграмотных, не должен осмеливаться на штурм крепости международного капитализма, поскольку он, овладев государственной машиной, не смог бы пустить ее в ход, забыли о том, что русский пролетариат получил лучшее воспитание в мире. Он учился в школе горького опыта в течение долгого времени, живя под двойным гнетом феодального дворянства и растленной отечественной буржуазии, заключившей союз с иностранными финансистами. Насилия, которые являлись следствием творимых финансовым капиталом операций, были очевиднее и чувствовались острее в такой «колониальной области», как Россия, чем в западных странах. Это особенно проявилось в условиях долгой, разрушительной войны, приведшей «колониальную область», в результате реквизиции человеческого пушечного мяса в оплату за полученные займы, в состояние полного истощения. Было поэтому вполне понятно, что готовность подняться против войны и чужеземного финансового рабства, стремление создать новый общественный строй обнаружились, прежде всего, именно в такой стране, как Россия.

С 1916 г. Россия поменяла роль активного участника войны на роль пассивного объекта войны. Действительно определявшие ход войны стороны находились на Западе, где две мировые державы находились друг с другом в смертельной схватке. Этот конфликт уже давно дал о себе знать, его корни уходили в конкурентную борьбу, какую вели между собой немецкий и англо-французский финансовые капиталы. Между 1886 и 1911 гг. добыча угля в Германии выросла на 218%, английская добыча

только на 72%; выплавка чугуна в Германии поднялась на 387%, а в Англии — на 80%; выплавка стали в Германии увеличилась на 1335%, а в Англии — на 154%. Эти цифры убедительно показывают, что английская тяжелая промышленность и стоящий за ней финансовый капитал встретили опасного конкурента, который угрожал вытеснять их с мировых рынков. Для них поэтому все более важным становилось помешать тому, чтобы армия германских предпринимателей получила в свои руки контроль над громадными сырьевыми источниками России. Неудивительно поэтому, что в негласных отчетах английской Торговой палаты за 1915 г. рекомендовалось использовать войну для обратного завоевания русского рынка от «гуннов» и что инспираторы проекта Багдадской железной дороги в Берлине приветствовали объявление кайзером войны в России возгласом: «Боже, накажи Англию!»

Западный капитализм видел в России не только рынок сбыта. Еще важнее Россия была как источник сырья и человеческого пушечного мяса. В этом отношении немецкие капиталисты отставали от своих англо-саксонских и французских конкурентов, так как их промышленная система была моложе, и наибольшая часть прироста капитала выкачивалась из их собственной страны. Страны, в которых капитализм был старше, такие как Англия и Франция, могли со своими наиболее смелыми планами устремляться за моря и океаны. Они могли не только завоевывать рынки сбыта, но и подчинять целые народы своей экономической и военной системе. Самые далеко идущие притязания на подобное военное господство показала французская буржуазия, взоры которой были с особенной жадностью направлены на Россию. В результате войны 1871 г. она потеряла перспективу на эксплуатацию не только угольных и железорудных шахт Эльзас-Лотарингии, но и того источника человеческого материала, при помощи которого можно было, пожалуй, отвоевать утраченные области. Живую силу нужно было, стало быть, купить где-нибудь в другом месте, и со стратегической точки зрения самым благоприятным источником для ее получения была Россия. Но при этом нужно было золото, ибо царские министры не отдали бы эти людские резервы задешево. Накопления французских крестьян перекочевывали поэтому за границу в форме займов. Эти займы употребляли не столько в целях развития промышленности, сколько для военных нужд. Эти последние и создали почву для заключения двойственного союза и подписания франко-русской военной конвенции 1894 г. Это соглашение обеспечивало для французской буржуазии в обмен на золотые займы поставку людей, на случай будущей войны, ради завоевания эльзас-лотарингских угольных и железорудных шахт. Обязательства рус-

ской бюрократии по отношению к Парижской фондовой бирже быстро росли. В 1902 г. французский капитал, инвестированный за границей, достиг суммы в 18 млрд франков, из которых 10 млрд числились за Россией. В 1913 г. явно инспирированная статья в газете «Эко де Пари» сообщила, что Франция дала в долг России 17 млрд франков и готова дать в долг еще 2,5 млрд, с выплатой их по полумиллиарду в год, при условии, что деньги будут частично израсходованы на строительство стратегически важных железнодорожных линий в Польше и отчасти на мобилизационные нужды. К французо-русскому морскому соглашению 1912 г.²⁷ было приложено политическое соглашение, по которому Россия обязалась не заключать никаких договоров, которые затрагивали бы статус-кво, без предварительного обращения к Франции. Англо-французское морское соглашение того же года было в основе своей одновременно англо-русским морским соглашением, которое закрепляло собой Тройственный союз и создавало единый стратегический фронт.

Так, объединенной власти англо-французской тяжелой промышленности, финансового капитала и милитаризма удалось зажать в тиски русские народные массы накануне войны. А обессиленная аграрная аристократия при дворе царя продляла свое существование и свои политические привилегии, закладывая своих подданных в иностранных банках. Тем временем русский государственный долг непрерывно возрастал. В 1916 г. он составил уже 30 млрд руб., и одни лишь проценты с этой суммы составляли больше половины тогдашнего годового дохода страны. По мере того как война продолжалась и поставки военных материалов в Россию возрастали, поток бумажных денег все увеличивался. В октябре 1917 г. общая задолженность составила 70 млрд руб., из которых 15,7 млрд составляли внутренние долгосрочные займы, 26 млрд иностранные долгосрочные займы (из них 15,5 млрд приходились на долю Франции, 7,5 млрд — Англии и 3,25 млрд на другие страны), 28,8 млрд составляли бумажные деньги и краткосрочные займы. Проценты с этой суммы погашения долга составляли 4,5 млрд руб., т.е. больше, чем весь годовой доход 1916 г. Свыше 2 млрд руб. из этой суммы подлежали уплате непосредственно иностранным банкам и правительствам. Казалось, было уже недалеко то время, когда весь русский долг перейдет в качестве залога в руки иностранных банков, как поручительство за дальнейшую финансовую поддержку для продолжения войны. И действительно, процесс передачи отечественной промышленности иностранным банкам осенью 1917 г. зашел уже очень далеко, в то время как русская

²⁷ См. петроградскую «Речь», № 201, 1912 г. (Прим. авт.)

буржуазия постепенно прекращала свое существование как независимый класс и все более открыто выступала в качестве агента союзнического финансового капитала в России. Этим и объясняется ее интерес к войне; отсюда ее мольбы о «войне до последнего».

Неспособность обоих империалистических лагерей в Европе, находившихся в схватке между собой, объединиться для совместного дележа России и других рынков более или менее колониального характера, рассматривалась русскими революционерами всех мастей как одна из основных причин мировой войны. Если бы она не разразилась в 1914 г., то она должна была разразиться, по их оценке, несколько позже. Они поэтому, можно сказать, приветствовали войну как ощутимый признак развала жестокой финансово-капиталистической системы, с ее бесконечной погоней за колониальными сферами, бесплановым вывозом капитала и игрой миллионами человеческих жизней в интересах наживы. Русские колониальные владения, говорили они, были одними из тех участков, из-за которых и шла война между капиталистами союзных стран и Центральных держав с 1914 по 1918 г. В то время как разбойники вцепились друг другу в глотку, можно было возратить себе украденное добро, освободить Россию из когтей иностранного финансового капитала и расчистить путь к образованию независимого народного хозяйства на социалистической основе. Широко распространявшиеся тогда в Англии агентами финансового капитала утверждения, которым в Германии наивно верили социал-пацифисты типа Каутского²⁸, что большевики, уходя с европейского театра войны, тем самым сознательно действуют на руку прусским милитаристам, оказывались в свете фактов вымыслом, сказкой. Напротив, если нужно было избавить Россию от угрозы превращения в колонию той или другой из обеих европейских групп финансового капитала, или их обеих вместе, то ей следовало непременно разорвать те оковы, которые привязывали ее, как раба, к колеснице Антанты, и занять по отношению к Центральным державам нейтральную позицию. Чтобы этого достичь, русский пролетариат попросту был вынужден свергнуть власть русской буржуазии и выступить за мирную политику. Эта политика мира ни в коей мере не была плодом пацифистских идеологий. Она была скорее первым доказательством реальной политики, которую проводила русская революция после февраля 1917 г. Лозунгами Советов были: мир, земля и рабочий контроль. Рабочий контроль над промышленными предприятиями был необходим, если русский пролетариат не хотел превращаться в галерных гребцов-рабов западноевропейских фи-

²⁸ К.И. Каутский (1854–1938) — немецкий экономист, историк, теоретик.

нансовых биржевых фондов. Земля и угодья должны были перейти к рукам общин с тем, чтобы помещики не могли более грабить русских крестьян, прячась за спину иностранных банков. Прежде всего необходим был мир, чтобы обеспечить для нейтральной России возможность экономического развития собственными силами. Октябрьская революция 1917 г. была, действительно, в определенном смысле национальным восстанием против иностранных эксплуататоров.

На третьей неделе октября руководители большевистского ЦК собрались в Петрограде. Вопрос, который перед ними стоял, заключался в следующем: настало ли время, чтобы, опираясь на Советы рабочих, солдат и крестьян, взять в свои руки власть в стране и осуществить народную программу — мир, земля и рабочий контроль? Объективные условия внутри страны были благоприятны для такого рода попытки, но международное положение было непрочным. Удастся ли осуществить, с помощью Советов, восстановление страны на путях социализма, удастся ли увеличить производство или хотя бы уберечь его от падения, если страна будет предоставлена сама себе и даже, быть может, окажется в состоянии войны с Антантой и будет блокирована враждебной Германией? Ибо нейтралитет в империалистической войне, вероятно, удалось бы купить лишь ценой экономической изоляции. Одна лишь мысль об этом страшила большое число большевистских лидеров до такой степени, что они приходили к мысли, что время для взятия власти еще не пришло, что пока что самым лучшим будет подождать немного, пока воюющие империалисты не истощат себя еще больше, и тем временем следить за опасностью появления военной диктатуры Антанты, освященной Учредительным собранием и поддержанной русской буржуазией. С другой стороны, Ленин и его сторонники в большевистском ЦК не считали слишком сложной задачей противостоять обоим капиталистическим военным блокам. Особенно Ленин отстаивал тот взгляд, что взять власть необходимо, чтобы не потерять руководства глубинными силами революции, которые уже стремились активизироваться в анархистских формах. Если власть будет взята, говорил он, то станет возможным демобилизовать старую армию, сохранить какой-то порядок при ликвидации помещичьих имений и, наконец, начать национализацию важнейших отраслей промышленности. Огромная протяженность России затруднит как для немцев, так и для империалистических союзников вторжение и попытку уничтожить советскую власть. Европейский финансовый капитал разделен на два резко очерченных и находящихся в жестокой схватке враждующих лагеря. Это делает их совместное выступление против со-

М.С. Аджемов

К.А. Суханов

ветской революции в России — во всяком случае в настоящее время — в высшей степени маловероятными.

Точка зрения Ленина победила. На тайном заседании ЦК большевистской партии, происходившем в середине октября, было принято решение призвать петроградских рабочих, гарнизон города и кронштадтских матросов арестовать правительство Керенского и провозгласить предстоящий II съезд Советов носителем высшей власти в республике. Жребий был брошен. В следующие дни октября мы узнали, что в Петрограде тайным образом был образован и вышел на арену Военно-революционный комитет, объявивший себя «независимым от правительства Керенского».

4 ноября (22 октября) я присутствовал на заседании предпарламента в Мариинском дворце. Кадеты напали на меньшевиков-интернационалистов и группу «Новая жизнь», которая издавала редактируемую М. Горьким одноименную газету, и обвинили их в проведении в войсках пропаганды в духе лозунгов Циммервальда. Кадет Аджемов²⁹ огласил длинные выдержки из циммервальдских резолюций. В них разбирался вопрос о пропаганде, которую интернационалисты должны вести в войсках. Левое крыло меньшевиков, руководимое Мартовым³⁰, и группа «Новой жизни» под руководством Суханова³¹ приветствовали аплодисментами каждый абзац циммервальдских резолюций, на что кадеты отвечали возгласами: «Смотрите, что

²⁹ М.С. Аджемов (1878–1953) — комиссар Временного правительства в Министерстве юстиции в 1917 г.

³⁰ Ю.О. Мартов (наст. фам. Цедербаум) (1873–1923) — один из лидеров меньшевиков.

³¹ К.А. Суханов (наст. фам. Гиммер) (1894–1918) — большевик, экономист, публицист.

Ф.И. Дан и Ю.О. Мартов зимой 1917–1918 гг.

за предатели здесь сидят!» Вскоре появился Керенский, который выглядел очень озабоченным, и попросил слова. Ему стало известно, сказал он, что организация, называющая себя «Военно-революционным комитетом», образовалась с целью свергнуть его правительство. Этот комитет состоит из закоренелых большевиков, которые ведут предательскую пропаганду, настало время действовать. Из рядов кадетов послышались одобрительные возгласы: «Наконец-то вы начали понимать!» Правительство распорядилось арестовать комитет, а официальный орган большевиков, «Рабочий путь», был закрыт. Далее, — как бы для того, чтобы доказать, что он все еще прежний Керенский, стоящий вне партий, «защищающий страну и революцию от нападков как справа, так и слева», — он сообщил, что он также распорядился закрыть газеты «Наша родина», которая вела монархистскую пропаганду. Эта речь была последним публичным выступлением Керенского перед свержением его власти³². Он остался до последнего верен себе: честно старался преодолеть противоречия, являвшиеся непримиримыми, чтобы в конце концов им пожертвовали оба борющихся лагеря.

В коридоре я встретил одного из ведущих деятелей эсеровской партии, от которого узнал, что по полученной им информации большевистский переворот является лишь вопросом дней. На почте и на телеграфе уже назначены большевистские уполномоченные, и часовые пропускают всех, кто идет с большевистским паролем, хмуро оглядывая чиновников правитель-

³² Керенский выступил еще 24 октября 1917 г.

ства Керенского. Неподалеку я увидел Мартова и Суханова с озабоченными лицами, погруженных в очень серьезную беседу. «Мы не можем принять на себя ответственность за подобный образ действий», — слышал я голос Мартова, сопроводившего эти слова жестом. По-видимому, циммервальдские решения, за которые он выступал еще полчаса тому назад, в его глазах не оправдывали военный переворот. Это было характерно для поведения меньшевиков, которые были революционерами лишь на словах.

Ближе к вечеру я направился в Смольный институт, где помещался исполком старого меньшевистско-эсеровского Совета. Членов исполкома я застал в крайне подавленном настроении. Сообщения из провинции показывали, что большевистская агитация за немедленный созыв второго съезда Советов упала на чрезвычайно благоприятную почву. Советы северных губерний и солдатские советы Северо-Западного фронта назначили своих делегатов, которые уже прибыли. Как заявили члены исполкома, они со своей стороны сделали все возможное, чтобы воспрепятствовать созыву второго съезда Советов, ибо считали его бесцельным. Приближались выборы в Учредительное собрание, и именно это «демократическое» учреждение, а не съезд Советов, должно было все решить. Советам, говорили члены исполкома, придется отступить на задний план и в конечном счете рассматривать себя лишь в качестве органов, выполняющих функции хозяйственных комиссий и дающих советы Учредительному собранию. Уже собираясь покинуть Смольный институт, я услышал громовые рукоплескания, доносившиеся из большого зала. Там происходило заседание Петроградского совета, и Троцкий только что закончил большую речь. Вошли делегаты второго съезда. Шум, давка, на всех лицах была написана уверенность. «Демос» поднялся из глубины, полный грубой силы и готовый к отпору. Председатели «революционной демократии», которые сидели этажом выше, представленные самим себе, оказались явно оторванными от действительности.

На следующее утро я вновь пошел в Смольный институт, где происходило заседание Петроградского совета, на котором предстояло избрать делегатов на второй съезд Советов, который должен был открыться в этот день после полудня. Председательствовал Троцкий, а на трибуне стоял тот же самый коренастый лысый человек, которого я видел за 6 месяцев до того в качестве вождя совсем малочисленной большевистской группы на I съезде Советов. Это был Ленин, без бороды, которую он сбрил, чтобы изменить свою внешность на время, когда ему приходилось скрываться и которое теперь должно было кончиться. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов представлял собой теперь единую фалангу большевистских депутатов, и нескончаемые аплодисменты огласили зал, когда

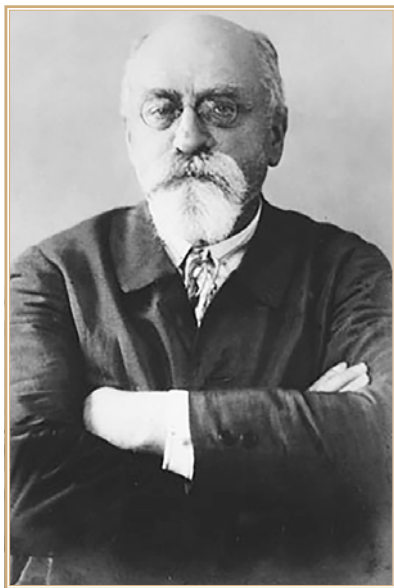
Ленин говорил о предстоящем съезде Советов как единственном органе, способном провести в жизнь революционную программу русских рабочих, солдат и крестьян. Кто-то из сидевших рядом со мной прошептал: только что получено известие о том, что Военно-революционный комитет с помощью красногвардейцев с фабрик и части гарнизона занял Зимний дворец и арестовал всех министров, за исключением Керенского, который скрылся на автомобиле. Я спустился этажом ниже, в бюро большевистской партии. Здесь я нашел своего рода импровизированный революционный генеральный штаб, направлявший во все части города делегатов, снабжаемых инструкциями, которые затем возвращались с новостями и донесениями. Наверху, в центре старого меньшевистско-эсеровского народного комитета господствовала гробовая тишина. Несколько машинок приводили в порядок бумаги, а редактор «Известий» Рязанов³³ все еще пытался сохранять самообладание.

В три часа пополудни большой зал был полон делегатов из всех частей страны, собравшихся на открытие второго съезда Советов. Места для большевиков были переполнены и составляли полных 50% съезда. Рядом с ними, но все же в некотором удалении, сидели левые эсеры, крестьянская партия будущего, которая хотя и не фигурировала по техническим причинам в списках по выборам в Учредительное собрание, но все же завоевала большинство крестьянских Советов Северной России. На трибуне заняли места члены старого исполкома, избранные первым съездом Советов в июне, когда меньшевики и правые эсеры были так же многочисленны, как большевики и их союзники в крестьянской партии — на этом съезде. Меншевик Дан³⁴ председательствовал. «Мы собрались здесь в совершенно исключительной обстановке, — начал он в торжественном тоне. — Накануне выборов в Учредительное собрание правительство было арестовано одной из представленных на этом съезде партий. Как представитель старого исполнительного комитета я объявляю это действие безответственным, исполнительный комитет исполнял свои обязанности, подготовив в течение последних шести месяцев почву для демократического Учредительного собрания. Он слагает с себя полномочия и предоставляет выборы нового президиума второму съезду Советов»³⁵. После этого де-

³³ Д.Б. Рязанов (1870–1938) — революционер, историк, архивист.

³⁴ Ф.И. Дан (1871–1947) — один из лидеров и теоретиков меньшевизма.

³⁵ Ср: «Товарищи. Съезд Советов собирается в такой исключительный момент и при таких исключительных обстоятельствах, что вы, я думаю, поймете, почему ЦИК считает излишним открывать настоящее заседание политической речью. Для вас станет это особенно понятным, если вы вспомните, что я являюсь членом президиума ЦИК, а в

Д.Б. Рязанов

легаты перешли к голосованию, в результате которого председателем³⁶ был избран большевик Свердлов³⁷. После этого член эсеровской партии потребовал слово к порядку ведения собрания. «Мы живем в странные времена, — начал он. — Трое из наших партийных товарищей, члены правительства, посажены в настоящее время в Зимнем дворце и ожидают обстрела орудиями с кораблей, экипаж которых состоит из сторонников большинства данного съезда. Мы требуем их немедленного освобождения!» — прорычал он, ударяя кулаком по столу в то время, как насмешливые возгласы, доносившиеся из компактной массы участников съезда, раздавались все громче. Когда он закончил свою речь, поднялся Троцкий, хладнокровный и, как всегда, готовый к ответу. «Такого рода речь плохо подходит члену эсеровской партии, — начал он, — ибо эта партия несет полную ответственность за правительство, которое в течение последних четырех месяцев заточило в тюрьмы ряд наших партийных товарищей и поставило остальных под наблюдение царских охранников!» В зале воцарилось всеобщее возмущение. Тем временем делегаты-меньшевики и эсеры коллективно покинули съезд, сопровождаемые шиканьем и свистом

это время наши партийные товарищи находятся в Зимнем дворце под обстрелом, самоотверженно выполняя свой долг министров, возложенный на них ЦИК. Без всяких речей объявляю заседание Съезда открытым и предлагаю приступить к выборам президиума. Прошу подать соответствующие предложения» (Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 32).

³⁶ Председательствующим на этом съезде был выбран А.Б. Каменев.

³⁷ Я.М. Свердлов (1885–1919) — председатель ВЦИКа в 1917–1919 гг.

оставшихся. Когда они ушли, то по числу опустевших мест было видно, что они составляли примерно 20% всего съезда. Вот как далеко шагнул вперед революционный подъем духа со времени первого съезда!

На трибуну поднялся Ленин. Его голос, видимо от волнения, был слаб, и в его речи был заметен оттенок неуверенности. Казалось, что он чувствует, что исход еще сомнителен и что нелегко именно здесь и сейчас излагать программу. «Совет народных комиссаров находится в стадии организации, — сказал он, — и список его состава будет представлен съезду. Совет предложит съезду три резолюции, которые послужат основой для трех декретов. Первый гласит о том, что должны быть предприняты шаги к немедленному заключению перемирия на фронте, в качестве предпосылки для мирных переговоров. Соответствующее предложение должно быть направлено союзникам и Центральным державам, и следует выждать их ответа. Второй декрет должен предоставить земельным комитетам сельских общин право брать в свои руки помещичьи имения, впредь до того, как будет выработан закон, определяющий подробности. Третий декрет должен предоставить фабричным рабочим право контроля за всеми операциями фабрикантов и управляющих». «Мы направляем нашим товарищам в Англии, Франции и Германии призыв последовать нашему примеру и протянуть своим братьям-рабочим через головы их капиталистических правительств руку мира», — заключил Ленин. «Мы верим, что народ, который дал миру Карла Маркса, не останется глухим к нашему призыву. Мы верим в то, что наши слова будут услышаны потомками парижских коммунаров и что британский народ не посрамит наследие чартистов».

При взгляде с трибуны на делегатов, находившихся в зале, бросалось в глаза то, что это был съезд молодых людей. Целые ряды скамей были заполнены сильными, здоровыми, молодыми людьми из Балтийского флота и с фронта. Квалифицированные рабочие из Москвы и Петрограда, в своих черных косоворотках без галстуков и меховых шапках, также играли преобладающую роль. Крестьянскими делегатами были большей частью молодые солдаты, вернувшиеся в свои деревни и получившие в свои руки руководство сельскими общинами. Было также видно и некоторое количество интеллигентных лиц, большей частью молодых людей, которые осенью помогали образованию нового левого крыла эсеров в деревнях. Недоумение вызывало отсутствие интеллигентов среднего возраста и типичных старых социалистических партийных лидеров, которые имели за плечами по тридцать лет борьбы и бесчисленные тюремные заключения, а также крестьян с длинными бородами.

Далее, представляло интерес то, что этот съезд преимущественно состоял из делегатов северных и центральных губерний, то есть из таких районов, где можно было встретить больше всего бедных, полупролетаризированных крестьян, где квалифицированные рабочие городов и стремившиеся к земле и дезертировавшие солдаты политически владели деревней. Относительно малочисленными делегациями был представлен плодородный юго-восток, равно как и Сибирь, тогда как делегаты из казацких областей вообще отсутствовали. Украина также не прислала делегатов, так как украинские крестьяне и солдаты группировались тогда вокруг своей национальной Рады или Национального совета в Киеве. Этот Второй Всероссийский съезд Советов олицетворял собой, таким образом, сопротивление со стороны рабочих и бедных крестьян Северной и Центральной России при молчаливом согласии более обеспеченных природными богатствами областей страны, население которых еще не ощутило мук голода, но попросту устало от войны.

Около 10 часов вечера я покинул Смольный. Снаружи, на улице, группа рабочих и матросов Балтийского флота, собравшись вокруг костра, спорила о съезде. «Теперь нам нужно взяться за работу в провинции, там разъяснять и организовывать; ни один из этих делегатов не должен оставаться тут ни на минуту дольше, чем это необходимо», — сказал один из них. Я пошел вдоль набережной Невы, которая в мелких местах против верфей уже начала покрываться ледяной коркой. Суровый ноябрьский туман шел с Финского залива. Против Васильевского острова стояли крейсер «Аврора» и минный заградитель с пулеметами, нацеленными на Зимний дворец. «Стоять!» — прозвучал голос, и я увидел цепь красногвардейцев поперек дороги. Я находился вблизи Зимнего дворца, который являлся ныне местопребыванием Военно-революционного комитета.

«Где министры Керенского?» — просил я одного из часовых. «В сохранности — там, за рекой, в Петропавловской крепости», — гласил лаконичный ответ. «Здесь вы не пройдете», — сказал другой. Но прежде, чем я отошел, я взглянул на след снаряда на стене дворца — единственного выстрела, сделанного крейсером, в знак того, что Зимний дворец должен быть ныне освобожден для новых властителей. Я повернул обратно и повстречался с отрядом женщин, одетых в солдатскую форму. Они были арестованы. Они принадлежали к знаменитому женскому «батальону смерти» — бедные деревенские девушки, которые казались русской буржуазии надежными и потому были использованы в качестве пушечного мяса против большевиков. Не зная, что делать, когда наступил кризис, они оставались перед Зимним дворцом после того, как остальной гарнизон перешел на сторо-

ну Военно-революционного комитета. Сейчас их вели в Петропавловскую крепость, откуда их должны были вскоре выпустить и отправить домой к их матерям.

Я прошел по большому мосту через Неву и приблизился к Петропавловской крепости. Красногвардейцы стояли перед воротами, и красный флаг развевался на башне этой «Бастилии» царизма. Еще вчера правительство Керенского, состоящее из Фомы неверующего и его близнецов, заседа-ло в Зимнем дворце и направляло судьбы распадавшегося общественного строя. Сегодня его члены сидели в этой крепости, куда они еще в недавнем прошлом заключали большевистских вождей. Колесо счастья обернулось, и блаженство тех, кто пробрался к власти благодаря Февральской революции, потонуло во мраке ночи. Русская революция вступила в новую фазу. Советы рабочих, крестьян и солдат обрели свои права.

10. Первые дни нового строя

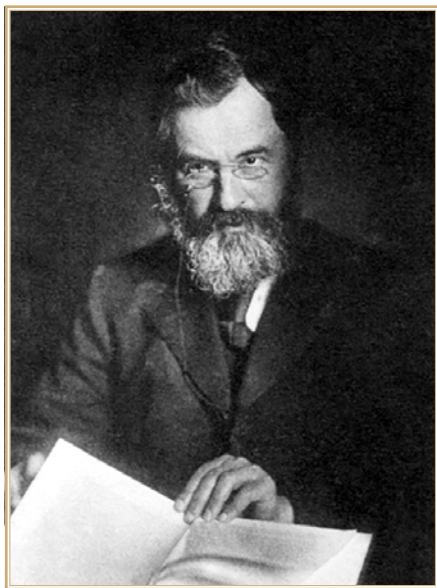
Примерно 9 ноября стало ясно, что власть в настоящее время находится в руках Военно-революционного комитета, действующего от имени Второго Всероссийского съезда Советов. Тогда, когда я думал о событиях последних трех дней, они представлялись мне до крайности комичными. Я еще не привык к революционной атмосфере. Я пытался представить себе, что случилось бы, если бы такой комитет простых солдат и рабочих образовался в Лондоне и объявил себя правительством, которое не признает приказов, поступающих из Уайтхолла в случае, если они им самим не заинтересованы. Я пытался себе представить, каково было бы британскому Кабинету пуститься в переговоры для устранения конфликта с подобным комитетом, в то время как Букингемский дворец бы окружен войсками, а глава правительства, переодетый в прачку, бежал бы через черный ход. И все же нечто подобное случилось тогда в русских условиях. Было почти невозможно представить себе, что вековая русская империя перестала существовать у тебя на глазах, распалась таким удивительным бесславным образом.

Утром 9 ноября я прошел по Невскому проспекту. На улицах продавали буржуазные газеты, как будто ничего не случилось. Правда, тон газет был весьма сдержанным. Кадетская «Речь» была, как видно, до того потрясена событиями, что оказалась в состоянии только вздыхать о судьбах России. На главном телеграфе я встретил человека, который, как я знал, был связан с банковскими кругами. Он также был до крайней степени растерян, но

пытался утешить себя тем, что большевики-де, несмотря на свои нынешние успехи, продержатся у власти не больше чем несколько дней. В Петроградском телеграфном агентстве настроение было, напротив, уверенное. Все старые служащие работали как ни в чем не бывало. Мне показали телеграммы от так называемых комитетов солдат-фронтовиков, которые обещали свою полную поддержку в деле изгнания предателей и узурпаторов. Курьеры сновали между редакциями кадетских газет, в типографии печатали и повсюду раздавали брошюры с антибольшевистской информацией. Было ясно, что часть служащих, с интеллигенцией во главе, уже готовилась к борьбе против новых правителей.

В конце концов, все дело выльется, быть может, подумал я, лишь в своего рода рискованную авантюру. Как могут рабочие и солдатские комитеты, даже при пассивном согласии уставших от войны и голодных масс, победить, если весь технический аппарат бюрократии, все иностранные финансовые агенты стоят против них? Как ни великолепно было это восстание рабов, поскольку оно подтверждало, что надежда и мужество все еще были по-прежнему живы в массах, игра была все же слишком неравна, чтобы попытка не была с самого начала обречена на неудачу. Россия вряд ли могла избежать участи Карфагена. Она была обречена на то, чтобы стать лесорубом и водоносом финансовых магнатов современного западноевропейского Рима. Этот взгляд находил свое выражение даже в тех кругах, которые стояли очень близко к большевикам.

На Садовой улице я встретил знакомого, сотрудника газеты М. Горького «Новая жизнь». «Большевики сделали большую ошибку, захватив власть таким образом, — заявил он. — Вероятно, они не удержат власть, если умеренные демократические партии не придут к ним на помощь». Этот взгляд русского прогрессивного интеллигента в большой степени совпадал с мнением тогдашнего постороннего наблюдателя. «Приблизительно в конце недели, — писал я в своей телеграфной корреспонденции, отправленной в газету «Манчестер гардиан» в один из вечеров, — можно было видеть, что правое крыло большевиков мало согласно с демагогической тактикой Ленина и Троцкого, которые стоят во главе нового Совета народных уполномоченных». Новое революционное правительство сможет достигнуть успеха только в том случае, если умеренные крестьянские партии пошлют своих представителей в его состав и тем самым окажут на него сдерживающее влияние. В рядах большевиков господствует разнобой. Умеренное крыло выступает за образование социалистического коалиционного правительства, но Ленин и Троцкий, по-видимому, намереваются сыграть роль нового удешевленного издания Робеспьера.

П.Б. Аксельрод

На следующий день, 10 ноября (28 октября), в воздухе, однако, повеяло другим настроением. Создавалось впечатление, что впервые за много месяцев в стране появилась политическая власть, которая знала, чего она хочет. Это мнение отчетливо сквозило в обычных уличных разговорах. Перед цирком «Модерн» собралась большая толпа, перед которой должны были, наряду с другими, выступать делегаты съезда Советов. Мелкие собственники, лишенные средств студенты, владельцы мелких лавочек, и вообще те, кого в России называли «мещанами», собравшись группами, беседовали между собой. Никто не осуждал насильственных методов, с помощью которых большевики захватили власть. То, что так затрагивало интеллигентов с их болезненной чувствительностью, нисколько не волновало реально мыслящего в политике человека с улицы. Окажутся ли большевики способны обеспечить города продовольствием и положить конец войне? Вот вопрос, который их интересовал. «Царское правительство с этим не справилось, правительство Керенского — тоже, пусть теперь попытаются эти» — такие слова я слышал повсюду. Мелкие лавочники и значительная часть «пролетариев в крахмальных воротничках», которые на протяжении всего лета проявляли по отношению к большевикам злейшую вражду, заняли сейчас, как видно, позицию благожелательного нейтралитета.

Я отправился в этот день на Васильевский остров, на набережную, куда причаливали пароходы из Кронштадта. Вдоль набережной, на некотором расстоянии один от другого, стояли возле костров патрули из красногвардейцев и из заводских рабочих с красными повязками на рукаве; командовали ими матросы. Толпы любопытных и зевак собрались, чтобы погля-

Ю.М. Стеклов

деть на небольшой крейсер «Аврора» и минный заградитель, поднявшие красные флаги и бросившие якорь на Неве. Кронштадтские матросы и красногвардейцы превратили Балтийский флот в крепость революции. Поскольку они проявили себя как могучая ударная сила нового правительства, петроградский мещанин устремился сюда, чтобы увидеть своих новых хозяев. Некоторое время я наблюдал за тем, как они расспрашивали красногвардейцев и матросов, тогда как еще вчера, под влиянием буржуазной пропаганды, они смотрели на большевиков чуть ли не как на исчадие ада, и теперь, к собственному изумлению, обнаруживали, что последние являются обыкновенными человеческими существами.

Перед вечером я направился в Смольный. Второй Всероссийский съезд как раз только что закончился, и делегаты вновь направились во все концы страны. Они повезли с собой огромные тюки с брошюрами, прокламациями и воззваниями, чтобы распространить их в далеких краях. Степные татары и сибирские охотники за мехами должны были узнать о великом событии в Петрограде — попытке впервые в мире создать рабочее правительство. Наверху комнаты официального органа Советов — газеты «Известия» — уже были взятые большевиками в свои руки. Меншевицкий руководитель редакции уже упаковал свои бумаги и как раз уходил, когда я вошел. Большевицкий лидер Стеклов³⁸ стоял, погруженный в серьезную беседу с кем-то, кого я не знал. Аксельрод³⁹ пытался привести в известный

³⁸ Ю.М. Стеклов (1873–1941) — редактор газеты «Известия» в 1917 г.

³⁹ П.Б. Аксельрод (1849–1928) — член исполкома Петроградского совета в 1917 г.

порядок кучу бумаг. Другой возился с отверткой у ящика письменного стола, ключ от которого, очевидно, спрятали меньшевики, прежде чем покинуть комнату. В глубине комнаты шагал Ленин, погруженный в глубокую задумчивость. Я взглянул на эту сцену беспорядочно-лихорадочной деятельности и спросил себя с сомнением: долго ли это может продлиться? Видал ли я перед собой действительно интеллектуальный центр новой мощи, призванной повелевать миром, или это был только забавный эпизод, так сказать, буря в стакане воды?

«Они только что выпустили прокламацию, в которой призывают народ признавать только их! — воскликнул Стеклов с возмущением. — Видал ли кто-нибудь ее?» — спросил он. Я предположил, что он говорит о воззвании, которое напечатали утром меньшевистские лидеры, ушедшие из Совета. Я случайно подобрал один его экземпляр на улице и подошел к Стеклову, чтобы передать ему ее. Он взглянул на меня. Однажды в начале года я уже беседовал с ним, но в этот момент он меня не узнал. «Этот человек — безусловно контрреволюционный шпион», — я почувствовал, что он именно так обо мне подумал. Но он взял воззвание и крикнул кому-то в соседней комнате: «Иди-ка сюда и напиши передовую об этом воззвании». Появился худощавый человек, схватил листовку и начал строчить статью. Первый номер нового большевистского органа, газеты «Известия», был близок к выходу в свет.

Около 8 часов я покинул Смольный и направился мимо Таврического дворца на Садовую. Там я нашел того же друга из «Новой жизни», с которым встретился накануне. «В городе есть две политические силы, добивающиеся верховной власти», — сказал он мне. Он посоветовал мне посетить городскую управу. Было уже почти 10 часов, но я туда направился. В здании Думы я нашел меньшевистских и эсеровских делегатов недавно закончившегося съезда Советов. Они, однако, явным образом не считали свою роль законченной, несмотря на то, что Второй съезд Советов оставил их в ничтожном меньшинстве, в пропорции один к десяти. Городская дума, избранная примерно полгода тому назад на основе территориального избирательного права, уже объявила о своей готовности сотрудничать с этими меньшевиками и эсерами из старого Совета. Образовался совместный исполнительный орган — Комитет спасения родины и свободы⁴⁰. «Мы можем с полным основанием рассчитывать на то, что уже в ближайшие дни очистим Смольный от большевиков», — заявил мне один из руководящих членов этого комитета. Я знал его раньше, как автора передовых статей эсеровской

⁴⁰ Точнее, Комитет спасения родины и революции.

партийной газеты. «За нами стоят иностранные послы, которые решили признать нас, как единственную законную власть в Петрограде», — добавил он. Большевицкий Совет, находившийся в Смольном, оказался, таким образом, перед лицом первого серьезного и организованного противника. Проба сил должна была начаться со столкновения между находящимися в фабричных комитетах организованными рабочими Петрограда и учреждениями, избранными по территориальному принципу. Большевики сумели завоевать себе позиции в фабричных комитетах, которые в результате постоянно проводившихся перевыборов представляли собой верное отражение соотношения сил различных политических течений внутри организованного рабочего класса. Другая сила находилась, напротив, под влиянием меньшевиков и эсеров, которые еще ранней весной представляли собой наиболее популярные партии. По существу, они попросту извлекали выгоды из революционного настроения, господствовавшего четыре месяца тому назад и ныне давно сменившегося более радикальным. Обе силы опирались на учреждения, созданные революцией. Одна опиралась на гибкие профессиональные органы классово-сознательного пролетариата, а другая — на неподвижные и тяжеловесные учреждения, созданные буржуазной демократией. Какая же из них возьмет верх?

Вокруг Комитета спасения родины и свободы группировалась верхушка средних слоев города. Там непрерывно появлялись журналисты кадетской и капиталистической прессы, кадровые офицеры, присяжные поверенные и студенты технических институтов. Многие печатные произведения начинали отсюда свой путь к общественности. Я увидел отряд казаков-фронтовиков. Совершенно ясно было, что планируется какое-то военное предприятие. В воздухе носились слухи. Около полуночи я вернулся домой.

Утром следующего дня, около 11 часов, меня разбудили ружейные выстрелы. Я оделся и вышел на набережную Фонтанки. Едва я перешагнул ворота, как туманный воздух пронизала бьющая по нервам, беспрестанная трескотня пулеметов. В следующее мгновение глухой звук пули, ударившейся в гипсовые украшения на стене дома, возле которого я стоял, показал мне, что было бы благоразумнее поискать укрытия. Из надежного убежища, у окна швейцара, я окинул затем взором поле битвы. Она началась — эта проба сил между Советами в Смольном и Комитетом спасения родины и свободы. В большом красном здании по эту сторону канала, в Военной академии, укрепился отряд юнкеров и студентов. Пулеметные очереди били из различных окон по направлению к Невскому проспекту. Со стороны Садовой им отвечали пулеметами и отдельными винтовочными выстрелами, и некоторые пули попали в дом, в котором я жил. Осаждаю-

щие не располагали, по-видимому, достаточными силами и вскоре вообще прекратили огонь. Тем временем я покинул свое убежище и осторожно продвинулся вдоль Фонтанки до моста, по которому прошел.

Когда я находился против цирка «Модерн»⁴¹, вновь началась ожесточенная стрельба из окон Военной академии. Пули свистали над головами, и внезапно улица опустела. Я вместе с другими прохожими укрылся в подворотне какого-то дома и стал ждать. Царило подавленное молчание; внутреннее смятение люди пытались скрыть за подчеркнутым наружным спокойствием. Я взвешивал, не ударит ли в нас рикошетом пуля при следующем залпе. Здесь поистине проходила линия фронта — не национального, но классового и, что было даже удивительно, между враждующими силами не было никакой четкой разграничительной линии. Среди людей, вместе с которыми я стоял, были представители буржуазии, а рядом с ними рабочий и два дезертира из ныне быстро распадавшейся царской армии. «Чего вы прячетесь? — сказал хорошо одетый господин, обращаясь к одному из солдат. — Вы же были на войне, и вам нечего бояться пуль!» «Два года испытывал эту радость на войне против немцев и дважды был ранен, — ответил солдат. — С меня хватит, я думаю». — «Почему же вы не идете помогать юнкерам против этих красных разбойников? Или вы один из тех наших храбрых дезертиров, которые продали Россию этим большевикам и немцам?» — сказал опять хорошо одетый господин. «Дайте мне только винтовку, и я сам пойду против этих юнкеров», — ответил солдат. «Я уже позабочусь, чтобы тебе в руки не досталась винтовка!» — prorонил господин, как будто сожалея, что он вообще затеял этот разговор. Очевидно, и он и его коллеги по классу в Петрограде уже тогда горячо желали отобрать у простых людей из народа оружие, точно так же, как тремя годами раньше, когда началась война с Германией, они заботились о том, чтобы вложить им винтовки в руки. Не начиналась ли эпоха гражданской войны?

Когда стрельба опять немного успокоилась, я выполз из моего убежища. Солдаты с красными кокардами на фуражках и кронштадтские матросы выкатили полевое орудие. Подходили отряды красногвардейцев. Кто-то в кожаном пальто, очевидно, член Военно-революционного комитета, крикнул одному из солдат: «Какой части?» «Мы с Путиловского завода», — ответил молодой человек в штатском с винтовкой на плече и с красной повязкой на рукаве. «Кто ваш командир?» — спросил красногвардеец. «Смольный поднял нас сегодня утром в 8 часов по телефону, мы не

⁴¹ На берегу Фонтанки находился цирк Чинизелли. Цирк «Модерн» находился на Петроградской стороне.

нашли никого, кто отдал бы нам приказ, и потому сами заняли эту позицию». Бумм! Прозвучал орудийный выстрел, и несколькими секундами позднее трехдюймовый снаряд ударил в красную стену Военной академии. Я стоял недалеко от цирка, здание которого прикрывало меня от огня из окон академии, откуда юнкера вели свой смертоубийственный пулеметный огонь. Как можно было заставить замолчать этот пулемет? Он поливал огнем три улицы и преграждал путь с трех сторон. Второй пулемет стоял у северного входа. Красногвардейцы явно не рассчитывали на то, что им удастся с помощью артиллерийского огня сровнять с землей здание академии. Но штурм здания был бы связан с большими жертвами. Уже с десятка красногвардейцев лежали на земле перед входом в цирк и стонали. Не было никого, кто мог бы оказать им первую помощь, хотя в Смольный срочно сообщили об этом. Красный Крест обслуживал Комитет защиты родины и свободы, а медицинский персонал частных и городских больниц проводил саботаж. Это привело к тому, что солдаты полка, как будто сочувствовавшие Смольному, опять стали проявлять нерешительность. Они заняли позицию на Марсовом поле, севернее академии. Потеряв 8 человек и не видя способа принудить пулемет к молчанию, они начали терять мужество. Около трех часов я увидел большой отряд матросов, приближавшийся со стороны Невы. С его прибытием обстановка стала еще более напряженной, причем не было недостатка в ругательствах и пинках. Колеблющимся солдатам на Марсовом поле было предложено подготовиться к атаке или убираться по домам, если они не хотят иметь дело с революционным трибуналом. На позицию были поставлены еще два полевых орудия. Без долгих разговоров меня выставили из моего удобного и надежного убежища у стены маленького служебного здания вблизи от канала. Итак, мне не оставалось ничего другого, как поспешить вернуться в свой дом на другой стороне канала. Я отправился в путь, но когда я достиг моста, раздался орудийный выстрел. Бумм! Пушка матросов открыла огонь, и ужасная пулеметная трескотня со стороны академии возобновилась. Пули пронизывали воздух, и когда я обернулся, я увидел штурмовую группу красногвардейцев, продвигавшуюся через закоулки, где я сам только что находился, по направлению к академии. Красногвардейцы забежали во дворы и подъезды, как только начиналась стрельба, я старался избежать пуль и, наконец, благополучно достиг своего дома. Вскоре все замерло. Матросы сделали свое дело. Юнкера капитулировали и были отправлены в Петропавловскую крепость после того, как одна их часть была отделена от других и расстреляна из винтовок. Так кончился злополучный «мятеж юнкеров» 11 ноября (29 октября). Смольный и Комитет спасения роди-

ны и свободы померились силами, и Смольный вышел победителем. Матросам Балтийского флота и петроградским фабричным рабочим удалось выставить достаточно вооруженных сил и технических средств борьбы, чтобы одолеть офицеров и студентов, поспешно мобилизованных против них петроградской буржуазией. Меньшевики и эсеры, которых я еще за день до того видел тесно сотрудничавшими с городской управой, проиграли свою игру. Рабочие, организованные в фабрично-заводских комитетах, доказали, что они обладают мощными источниками силы и, что всего важнее, волей к удержанию власти. С этого момента они стали неоспоримыми хозяевами Петрограда. Колеблющиеся элементы и Фомы неверующие из числа средних слоев снова примкнули к ним. Крупные буржуа и люди с толстыми кошельками перенесли теперь поле своей деятельности в провинцию, где они рассчитывали поднять против «красных бандитов столицы» сельское население, «лояльные элементы фронта» и казаков.

Уже на следующий день, 12 ноября (30 октября), стало ясно, что Смольному угрожает новая опасность, идущая из этого лагеря. Большевистская газета «Известия» вышла со следующим призывом, напечатанным большими буквами: «Контрреволюционная буржуазия поднимает голову. Революционный пролетариат сумеет дать ей ответ». Декрет Петроградского совета обязал все газеты, включая буржуазные, перепечатать это извещение. Редактор или сотрудник одной из этих газет оказался не лишенным чувства юмора, как показала одна «вкравшаяся опечатка». Заголовок здесь гласил: «Контрреволюционный пролетариат поднимает голову. Но революционная буржуазия сумеет дать ему ответ!» Керенский во главе казаков и сохранивших ему верность войск приближался к Петрограду. По слухам, речь шла о 20 тысячах солдат, которые якобы уже заняли Царское Село. Было ясно, что они представляли собой ту внешнюю силу, с которой Комитет спасения родины и свободы поддерживал с самого начала связь. Было условлено, что одновременно с приближением Керенского к Петрограду разразится и мятеж юнкеров. Но последний вспыхнул слишком рано. Тем не менее Комитет надеялся, что Керенский и один овладеет Петроградом. Какой-то полным энтузиазма член кадетской партии, которого я встретил утром, заверял меня, что Керенский безусловно уже к вечеру будет в городе. Я отправился на другой берег Невы, на Выборгскую сторону, где хотел разыскать на металлообрабатывающем заводе одного знакомого. Его там не оказалось, так как заводы были закрыты. Отовсюду поступали заявления добровольцев об их желании идти на фронт против Керенского. На заводском дворе только что закончилось большое собрание, и прибыл грузовик с оружием, которое собирались раздать рабочим. В толпе я наткнулся и на моего

П.Н. Краснов

приятеля. Он был, как и другие, в штатском, но прикрепил к своей меховой шапке красный бант. Как он мне рассказал, транспорт с оружием только что прибыл из Сестрорецка, небольшого городка на финской границе, где находился оружейный завод. Военно-революционный комитет превратил этот город в центральный пункт снабжения оружием петроградских рабочих. Один за другим отправлялись оттуда грузовики на петроградские фабрики и заводы. Стали раздавать и продовольствие. Мой приятель получил буханку хлеба и колбасу, чего должно было хватить на два дня. «Управление тыла, необходимое, чтобы снабжать красногвардейцев продовольствием, еще не создано», — сказал он мне. «А что, если вы за два дня не разобьете Керенского? — спросил я. — Вы же тогда пропадете с голоду». «Если мы его завтра не разобьем, нас все равно повесят, — прозвучал желчный ответ. — На стороне Керенского выступает казачий генерал Краснов⁴²». И, под звуки «Интернационала», рабочие покинули заводской двор и исчезли в тумане зимнего дня.

Улицы Васильевского острова и южного берега Невы были заполнены отрядами вооруженных красногвардейцев с заводов, маршировавших к Царскосельскому вокзалу. Хорошо одетые прохожие из буржуазной среды оглядывали их, когда они проходили по Невскому и Садовой, мысленно посылая им проклятия. Эти буржуа явно надеялись, что, несмотря на неудачу, постигшую накануне мятеж юнкеров, это новое наступление казачков с фронта принесет им спасение. Но зрелище непрерывно изливав-

⁴² П.Н. Краснов (1869–1947) — генерал-майор.

шегося с фабрик и заводов потока красногвардейцев, устремлявшихся на новый фронт, лишало их самообладания. «Хоть бы немцы пришли и уничтожили всю эту нечисть!» — воскликнул кто-то из них. Это был поистине величественный парад сил красных. Солдаты гарнизона — Преображенского, Вольнского и Семеновского полков — по большей части оставались в своих казармах. Для них было важно одно: добраться до своих деревень, в далекие края бесконечной Русской равнины. И, как всегда, главное бремя борьбы взял на себя промышленный пролетариат, заводские рабочие, готовые пожертвовать собой ради революции. Солдаты, принадлежавшие к классу крестьян, помогали революции лишь в том смысле, что соблюдали благожелательный нейтралитет и по возможности не становились у нее на пути. В Смольном я застал сущую революционную суматоху. Пропуск, выданный мне меньшевиками, уже был недостаточен, чтобы войти в здание, и нельзя было найти никого, кто выписал бы мне новый. Вдобавок газета «Манчестер гардиан» рассматривалась как «буржуазный» орган, и меня заподозрили в том, что я являюсь контрреволюционером, состоящим на жалованье у Керенского. К счастью, я встретил у входа своего друга из «Новой жизни», который поручился за то, что я пришел не с целью убить членов Военно-революционного комитета, и меня пропустили. Весь вечер поступали донесения с фронта. Керенский стоит под Пулковом, слышали мы около 5 часов. О казаках Краснова сообщали, что они находятся в нерешительности и хотели бы уклониться от борьбы. На этом участке фронта была необходима масса пропагандистской литературы. Следовало предпринять специальную «бумажную кампанию». С самолетов нужно было совершить бомбовый налет, разбрасывая революционные листовки. Быстро созданный отдел печати «Известий» мобилизовал все свои силы, и через полчаса два грузовика отправились на фронт с затребованным оттуда духовным оружием.

Мне уже было ясно, что большевистский Военно-революционный комитет ни в коем случае не располагает армией в обычном смысле этого слова. Отряды красногвардейцев находились в весьма слабой связи между собой, сами назначали своих командиров и смещали их, когда хотели. Достаточно привести следующий эпизод, который я наблюдал в Смольном, чтобы понять, что я имею в виду. Член Военно-революционного комитета, в прошлом активист большевистской газеты, сказал одному красногвардейцу: «Вы должны доставить своих людей в штаб комитета в Пулково и там ожидать указаний». «Но люди отказываются идти, пока не отдохнут ночь, да и после этого они хотят идти в сторону Красного Села, так как там уже находится один отряд с нашего завода», — ответил красногвар-

деец. «Они грозились избрать другого командира, если с их желанием не посчитаются». «Но, товарищ, — сказал член комитета, — поймите же, что революция поставлена на карту! Вы непременно должны объяснить своим людям, что прогнать Керенского от Петрограда настоятельно необходимо. Пожалуйста, ступайте к ним и скажите, что комитет считает ущербом для революции, если фронт под Пулковом не будет немедленно усилен». Красногвардеец пообещал это сделать и пошел к своим людям. Так обстояло дело с вооруженными силами, которыми Ленину предстояло в те дни руководить и управлять. Хаос, период керенщины и распад капиталистической системы принудили рабочих России создать собственные органы — фабрично-заводские комитеты. В момент опасности эти заводские комитеты создали импровизированные военные части, у которых не было ни связи между собой, ни единого централизованного руководства. Голод и ненависть к наемному рабству были той единственной связью, которая соединяла их друг с другом, но она скрепляла их железной цепью. Дисциплинированной Красной армии не было. Желуди были посеяны вразброс, и молодые побеги в беспорядке пробивали себе дорогу. Могучий королевский дуб еще не взошел.

На следующий день, 13 ноября (31 октября), Смольный мог с триумфом сообщить о беспорядочном отступлении Керенского от Пулкова. Руководителям красногвардейцев, несомненно, удалось побудить своих людей занять позиции, предназначенные им для защиты революции. Наступление с помощью листовок дало ощутимые результаты в среде казаков, которые, как сообщалось, побратались теперь с красногвардейцами и спрашивали лишь о транспортных условиях, которые позволили бы им вернуться домой, на «тихий Дон». Керенский бежал, Краснов взят в плен и отпущен под честное слово, ибо рабочие даже по отношению к наймитам своих классовых врагов проявляли великодушие⁴³. Петроградские рабочие тем самым доказали, что благодаря своим классовым организациям они способны разбить наймитов, брошенных против них — как из глубины страны, так и с фронта. Как обнаружилось, казаки были слишком поглощены собственными аграрными проблемами, чтобы беспокоиться о революции в Петрограде. Солдаты Северного фронта были, однако, настроены столь же революционно, как и Петроградский гарнизон, — даже еще более, ибо им больше, чем другим, пришлось страдать от голода и холода. Керенскому не оставалось поэтому ничего другого, как собрать пару-другую офицеров, армейских делегатов

⁴³ Шестью месяцами позже Краснов заключил союз с немцами и создал враждебное правительство на Дону, чтобы разбить большевиков. (Прим. авт.)

из числа правых эсеров, — тех самых, что, будучи избраны полгода тому назад, тревожились о том, как бы их не сместили на новых выборах. Они пустили в ход все, что могли, силы неба и ада, чтобы побудить своих людей к наступлению на Петроград — но безуспешно. Интересную картину того, как обстояли тогда дела в вооруженном лагере антибольшевистских сил, дала статья Станкевича⁴⁴ в одной русской эмигрантской газете, выходящей в Берлине (от 15 мая 1920 г.). Станкевич принадлежал тогда к кругу людей, близко стоявших к Керенскому. То, что эта статья вышла из антибольшевистских кругов, делает ее еще более интересной. Он называет некоторые причины, обусловившие успех большевиков, и выражается следующим образом: «Почему войска Краснова отступили?» С военно-технической точки зрения тому могли быть, по крайней мере, две причины: нехватка пехоты и недостаточная обеспеченность боеприпасами. Но обе эти причины имеют лишь подчиненное значение по сравнению с третьей — психологией масс. Пехоты было вполне достаточно, и даже больше, чем нужно, в Царском Селе и в Гатчине. Но находившиеся там гарнизоны, хотя они и не перешли на сторону большевиков, отказались выступать на стороне правительства Керенского. Сторонники большевиков устремились со своим оружием в Петроград. Остальные побросали оружие, не оказывая пришельцам никакого сопротивления.

«Для поддержки Краснова удалось собрать из этих пехотных гарнизонов не больше нескольких сотен солдат. Солдаты выслушали терпеливо все причины, которые им изложили, чтобы затем, не высказав своего мнения и не заняв какой-либо позиции, пойти своей дорогой дальше... Примерно такое же настроение царило и среди казаков. Хотя они действительно и выступили против большевиков, но в настоящую борьбу они не ввязывались, и потери у большевиков были после сражения, длившегося целые сутки, до смешного малы. Большевики превосходили своих противников по численности. На их стороне было также больше сплоченности. Кроме того, политически равнодушные люди постепенно склонялись на их сторону. Поэтому Краснов со своими слабыми силами вынужден отступить, чтобы не оказаться окруженным пассивной, нерешительной толпой солдат, какой она тогда была, а также потому, что он мог опасаться дальнейшего разложения солдат. Керенский решил созвать совещание. Присутствовали Краснов, Савинков⁴⁵, начальник Генерального штаба и командир казачьей дивизии. Сразу же начались споры. Савинков настаивал на продолжении

⁴⁴ В.Б. Станкевич (1884–1968) — политик, философ.

⁴⁵ Б.В. Савинков (1879–1925) — один из лидеров эсеров.

борьбы любой ценой и соглашался в лучшем случае лишь на перемирие — для того, чтобы выиграть время. Он рассчитывал на помощь польских дивизий, находившихся под командованием Довбор-Мусницкого⁴⁶. Я стоял на противоположной точке зрения, указывая, что продолжение борьбы приведет к полному поражению на фронте. Краснов мало что понимал в вопросах, относящихся к более или менее крупной политической перспективе. Ему нужно было любой ценой перемирие, чтобы спасти свою казачью дивизию. Керенский склонялся перед неизбежностью и, казалось, разделял мою точку зрения... В тот решительный час события, казалось, зависели от ряда небольших и печальных случайностей. Казалось, что если то или другое не случится, то они примут другой оборот. Теперь, однако, выясняется со всей очевидностью, что вопрос давно уже обстоял не так-то просто. Как могло случиться, что ни Кишкин⁴⁷ и Пальчинский⁴⁸ в Петрограде, ни Керенский в Пскове, ни Духонин⁴⁹ и Дитерихс⁵⁰ в Генеральном штабе, все вместе вдруг не знали, что им делать? Это, несомненно, нельзя приписать ни ряду случайностей, ни отдельным ошибкам, совершенным отдельными лицами».

Но что происходило за пределами Петрограда, на всей территории России? В течение последующих трех дней начали поступать различные известия, доходившие и до меня. Вечером 15 ноября я встретил одного военного врача, который только что вернулся с Юго-Западного фронта. Вечером 14 (1) ноября он проезжал Москву по Окружной железной дороге. Слышались разрывы снарядов тяжелой артиллерии и видны были вспышки огня в направлении Кремля. Юнкера и отряды офицеров, возглавляемые правыми эсерами, укрылись в Кремле, где были целые горы боеприпасов и продовольствия. Московский совет, который теперь, в течение последних недель, имел «левое» большинство, направил юнкерам ультиматум с требованием сложить оружие. Он был отклонен. Московский совет, расположенный в старом правительственном здании на Скобелевской площади, возглавил поэтому военные операции против Кремля. Как и в Петрограде,

⁴⁶ И.Р. Довбор-Мусницкий (1867–1937) — генерал, в 1917 г. командир 1-го Польского корпуса.

⁴⁷ Н.М. Кишкин (1864–1930) — кадет, министр государственного призрения Временного правительства в 1917 г., с 25 октября 1917 г. военный диктатор Петрограда.

⁴⁸ П.И. Пальчинский (1875–1929) — с 25 октября 1917 г. помощник Н.М. Кишкина и начальник обороны Временного правительства и Зимнего дворца.

⁴⁹ Н.Н. Духонин (1876–1917) — генерал-лейтенант, исполнял обязанности Верховного главнокомандующего Русской армией в ноябре—декабре 1917 г.

⁵⁰ М.К. Дитерихс (1874–1937) — генерал-майор, в 1917 г. начальник штаба Особой Петроградской армии, генерал-квартирмейстер Ставки, начальник штаба Н.Н. Духонина.

лишь часть гарнизона была здесь готова взять на себя тяжелые жертвы во имя революции. Остальные колебались и думали только о возвращении в свои деревни. Но здесь не было отрядов матросов, которые могли бы, как в Петрограде, усилить ряды революционеров, подкрепить их с тыла. Главная тяжесть борьбы легла на плечи сравнительно неопытных в боевом отношении фабричных рабочих и на отряды партизан, не получивших регулярной военной подготовки, которые были организованы наспех из новых левых эсеров и анархистов. Отсутствие единства действий было здесь даже заметнее, чем в Петрограде, и только 25 (12) ноября мы услышали, что юнкера и офицерские отряды капитулировали перед силами Московского совета и что на колокольне Ивана Великого развевается красный флаг.

В большинстве городов Центральной России местные Советы рабочих и солдатских депутатов ждали известия о том, что Петроград окончательно находится в руках Военно-революционного комитета, прежде чем самим приступить к изгнанию властей Керенского и открыто взять власть в свои руки. Однако в некоторых пунктах местные Советы опередили Петроградский совет. Так, было, в частности, в Казани и в среднеазиатских городах, где власть уже 5 ноября (23 октября) перешла в руки гарнизонов и красногвардейцев.

Все известия, которые я получал, ясно подтверждали, что действия революционеров в Петрограде отражали лишь то, что в различных формах и при различных условиях происходило по всей России. Военно-революционный комитет в Петрограде ни в коем случае не совершил Октябрьской революции сам. Революция возникла из потребности в известном порядке и дисциплине в стране, которой грозила опасность распада в хаосе и анархии.

У того, кто наблюдал за тогдашними событиями в Петрограде, могло создаться впечатление, что Россия похожа на средневековую Центральную Азию, как ее описал в своих путевых заметках Марко Поло, — каждый город и каждая провинция были сами себе законом. В северных и северо-западных провинциях Советы были завоеваны рабочими, полупролетарскими элементами и мелкими крестьянами деревень, в то время как весь военный фронт от Эстонского побережья до Могилева находился в руках солдатских Советов, которые давно уже перестали подчиняться меньшевистским комитетам, выбранным летом. Было ясно, что Совет народных уполномоченных в Петрограде может рассчитывать на активную поддержку этих местностей, так как большинство тамошнего населения страдало от холода и голода, было крайне утомлено войной. Доказательство этому можно было легко найти. В то время как Керенский маршировал на Петроград, большевистский исполком 5-й армии привлек целую дивизию на свою сто-

рону и намеревался оказать помощь «красной столице». В 12-й армии дело уже дошло до конфликтов между солдатами и старыми меньшевистскими комитетами. Железнодорожные пути были разобраны вдоль всей той линии, по которой предстояло продвигаться вспомогательным войскам, подтянутым Керенским.

От Могилева до побережья Черного моря обстановка была иной. Хотя солдаты, находившиеся здесь, на Юго-Западном фронте, просто устали от войны, но не испытали голода, они тоже начинали выходить из рамок дозволенного и отказываться повиноваться исполнительным комитетам их старых солдатских Советов, которые приняли название «Комитет Юго-Западного фронта», а также «Румчерод». Обоими этими органами руководили меньшевики и правые эсеры, которые по-прежнему цеплялись за идею коалиции с буржуазными партиями и не давали твердого обещания добиваться установления мира до первого снега и разрешения аграрного вопроса, не хотели они допустить и новых выборов в Советы. Но солдаты Юго-Западного фронта вместо того, чтобы избрать комитеты, которые высказались бы за большевиков, как это было на Севере, вовлекались большей частью в национальное движение, которое в украинских городах и деревнях постоянно росло. Это легко объяснялось тем, что на Украине промышленный пролетариат составлял лишь малую часть населения. С другой стороны, имелся большой зажиточный класс крестьян, главным образом, в областях восточнее Днестра, и ему, а также интеллигентам провинциальных городов была предоставлена широкая инициатива в политических движениях. К этому надо прибавить, что как помещики Украины, которые одновременно являлись владельцами сахарных заводов, так и высшее чиновничество были или поляками, или великороссами из северных провинций. Это обстоятельство придавало народному движению определенный национальный оттенок и давало возможность интеллигентам использовать классовый антагонизм в этих местах в интересах их территориально ограниченного, мелкобуржуазного движения. Революционное действие приняло здесь, таким образом, национальный характер, и его органом стала Украинская рада.

Рада состояла из членов следующих партий: правое крыло представляли социалистические самостийники, за которыми стоял класс богатых помещиков и арендаторов. Они преследовали цель ограничить переселение безземельных крестьян из Северной России и помешать батракам или сельскохозяйственным рабочим (они тоже с Севера) освободиться от их зависимого положения. Отсюда происходили их ярко выраженный национализм и их выступление за полную независимость Украины. Они составляли

главную опору гайдамаков или национально-украинских военных формирований. В области социальной политики они были консервативны, хотя и называли себя социалистами. Но на Украине все националистические партии называли себя социалистическими, так как большинство помещиков и крупной буржуазии не были прирожденными украинцами. Все элементы, которые состояли в социальном конфликте с ними, называли себя поэтому национально-украинскими социалистами, даже если они и крепко держались за идею частной собственности и были ярыми противниками контроля над распределением продовольствия или какой-либо формы коммунальной деятельности.

Другой партией в Раде были социалистические федералисты. Она опиралась большей частью на только что поднявшееся мелкое среднее сословие в украинских провинциальных городах. Были люди в годы войны, разбогатевшие благодаря спекуляции, связанные экономически с крупной русской буржуазией. Они выступили против сепаратизма самостийников. Но, с другой стороны, они боялись быть проглоченными крупными финансовыми заграничными трестами, в кильватере которых действовала крупная русская буржуазия; ибо, как все элементы мелкого, среднего сословия, они стремились главным образом к тому, чтобы в будущем самим стать крупными буржуа. Отсюда попытка среднего слоя найти компромисс между идеей федеративной России и автономией Украины. Таким образом, самостийники и федералисты составляли правое крыло Рады.

Центр Рады был представлен самой крупной партией — украинскими эсерами, которые опирались в тот период революции на среднее крестьянство Украины. Но на Украине это были по большей части мелкие крестьяне с небольшим земельным участком и они не состояли членами сельской общины, как это было в Северной России. Украинские эсеры были в общем оппортунистами. То они следовали за богатой крестьянской кастой, то за более прогрессивными элементами. Левое крыло Рады было представлено украинскими социал-демократами, которые составляли маленькую, но прогрессивную группу. Их самую сильную опору составляли интеллигенты украинских городов и члены кооперативных товариществ в деревнях. Они, в свою очередь, подразделялись на правое и левое крыло, но в момент русской революции оба крыла имели общую платформу на следующей основе: федеративная Россия с автономной Украиной, ликвидация крупных имений и мир на основе программы Петроградского совета от апреля 1917 г. В теории украинские социал-демократы и украинские эсеры мало чем отличались от великорусских меньшевиков и эсеров. Но в методах они силь-

Киев, 7 ноября 1917 г.

но расходились, что было связано с условиями, в которых они действовали. В Великороссии не было национальных различий между мелкой и крупной буржуазией, и это обстоятельство облегчило летом 1917 г. создание злополучной коалиции кадетов, меньшевиков и эсеров. Мелкое среднее сословие, которое тогда задавало тон в севернорусских Советах, всецело плыло поэтому в фарватере крупной буржуазии. На Украине, напротив, мелкое среднее сословие находилось с самого начала в оппозиции к крупной буржуазии, которая была другой национальности, и, таким образом, узкий национализм средних слоев этой части России действительно препятствовал созданию коалиции по великорусскому образцу. Это обстоятельство способствовало в период Керенского определенному сотрудничеству между партиями Рады и большевиками Великороссии. Но эти отношения продолжались столько же, сколько и сама коалиция Керенского. С ее свержением наступила перемена в ориентации политических партий Украины.

Когда 7 ноября в Киев пришло известие, что Петроград находится в руках Военно-революционного комитета, Киевский гарнизон, который являлся преимущественно большевистским, взял власть вместе с Радой. Агенты Керенского были удалены со своих постов. Но не прошло и 12 часов, как между Радой и гарнизоном произошло столкновение с тем конечным результатом, что первая быстро одержала верх и разоружила большевистских солдат. Примерно на второй неделе ноября вся Западная Украина находилась в руках крестьянских партий и националистической интеллигенции, исполнительным комитетом которых была Рада в Киеве. В Восточ-

ной Украине, напротив, положение, благодаря другим факторам, оказалось более сложным. Здесь городской пролетариат был сильнее, и батраки составляли довольно значительную часть населения, к тому же нужно еще добавить, что они были не украинцами, а великороссами, переселившимися с Севера. Это относилось особенно к транспортным рабочим Одессы и рабочим угольных шахт Екатеринослава. В первые дни Октября в Одессе организовался так называемый Революционный комитет Херсона. Его выбрали производственные Советы транспортных рабочих этой части побережья Черного моря, рабочие горнорудной и металлургической промышленности более северных областей и несколько сельских Советов батраков. Его члены принадлежали по большей части к левому крылу меньшевиков, так называемым интернационалистам.

Их позиция была примерно такой, какой придерживалось правое крыло великорусских большевиков, которое страшилось методов Ленина. Если бы дело пошло по намеченному ими пути, то Советы должны были бы подчиниться руководству коалиции всех социалистических партий, от правых эсеров до большевиков, благодаря чему период диктатуры пролетариата завершился бы умеренным террором и преобладанием зажиточных слоев крестьянства. Херсонский комитет уже в течение многих недель сумел утвердиться в Одессе и занялся как раз созданием аппарата управления, как вдруг его существованию стала угрожать Рада. Эта последняя, укрепившись в Западной Украине, претендовала теперь и на восточную часть страны. Опираясь на богатый крестьянский класс Екатеринославской, Таврической и Херсонской губерний, Рада вооружила и мобилизовала гайдамаков и двинулась против Одессы. Солдаты тамошнего большевистского гарнизона, большей частью великорусские крестьяне, покинули в это время свои части и возвратились в родные деревни. Рабочие — транспортники и металлисты Одессы, Николаева и Херсона быстро сплотились в рядах Красной гвардии, чтобы защитить Херсонский комитет и его умеренную политику, однако на второй неделе ноября были разбиты в кровавой битве на улицах Одессы. Так Рада стала господствовать над всей Украиной.

Восточнее Украины расположена область донских казаков. Как я уже упоминал в последней главе, Войсковой казачий совет в Петрограде перенес поле своей деятельности на Дон, когда почва под его ногами в «красной столице» стала слишком горяча, и организовал свою штаб-квартиру в Новочеркасске. Отсюда их руководители и командующие планировали провозглашение так называемого Юго-Восточного союза. Главной идеей при этом было объединить сельское население черноземных областей Юго-Востока для политических и экономических мероприятий против большевизма

Севера. Доминирующим элементом при этом были казаки. Я уже писал в другом месте, что они составляли привилегированную касту крестьян и находились под руководством офицерского корпуса. Но как на Украине, так и на Дону был сильно представлен великорусский элемент благодаря переселению с Севера. Он состоял, главным образом, из рабочих угольных шахт, из батраков и крестьян с очень маленькими наделами земли. Эти элементы держались в стороне от Союза и пытались, как только пришло известие о революции в Петрограде, при помощи местных Советов взять власть в своих районах в собственные руки. Казаки — наемные рабочие из горняцких районов присоединились к ним, и на Дону вскоре возникло два движения: одно под руководством казацкой офицерской касты, направляемое против неказачьих, и второе — при участии самих казаков. Союз стал рупором казацких помещиков, Советы — представителем великорусских пролетарских элементов, а также безземельных казаков. Но первые владели оружием и военной организацией, так что Советы в этот период революции не смогли здесь взять власть в свои руки. В областях Кубани и Терека на Северном Кавказе казаки, которые, как и их товарищи на Дону, располагали обширными землями, создали местный казацкий Совет или Раду и вступили в Союз. Кубанская Рада предприняла затем попытку побудить предводителей родов кавказских горских племен присоединиться к ней, но эта попытка потерпела неудачу из-за подозрительной и недоверчивой позиции предводителей, которые боялись казаков, ненавидели их за совершаемые ими разбой и грабежи.

В Закавказье старая царская армия, стоявшая на русско-турецком фронте, подпала с ноября под власть солдатских Советов, которые следовали лозунгам объединенной эсеровской партии (раскол в партии тогда еще не совершился). В Тифлисской, Батумской, Кутаисской, Эриванской, Елизаветпольской и Бакинской губерниях буржуазные интеллигенты, как и на Украине, перешли к созданию национальных Советов и носились с планом создания закавказской республики. В губерниях, расположенных в нижнем течении Волги, безземельные батраки, среднее крестьянство и кулаки объединились, чтобы закрепить достижения, добытые в результате аграрной революции, развернувшейся в течение лета. Их Советы на словах заверяли большевиков в своих симпатиях и клялись верно сотрудничать со Смольным. На узкой полосе черноземной области, которая простирается от Черного моря до Центральной Сибири, казаки Оренбурга, Уральска и Акмолинска, чьи земельные владения были очень обширны, создали под руководством своей офицерской касты независимые Советы с целью воспротивиться декретам советского правительства

и не дать подняться у себя тем элементам, которые симпатизировали Петрограду. Над частью Сибири верховную власть осуществляла провинциальная Дума, которая была избрана по территориальному принципу и защищала интересы, главным образом, зажиточных колонистов и поселенцев. По своей политической окраске Дума была эсеровской и включала в себя оба крыла этой партии; она, как и Херсонский комитет, стремилась к сохранению общего революционного фронта с большевиками. В Туркестане и в оазисах русской Центральной Азии солдаты местных гарнизонов захватили власть на несколько часов раньше, чем их товарищи в Петрограде. Советы Ташкента, Коканда и Самарканда, в которых большевики составляли большинство, приобрели неограниченную власть и удалили агентов Керенского и подкупленных чиновников старого царского правительства с их постов, на которых они оставались, несмотря на февральские события. В некоторых областях они могли опереться на пассивное согласие и даже на активную помощь местных уроженцев мусульманского населения. Такова была картина, которую представляла собой Россия в первые дни нового строя.

Price M.P. My Reminiscences of the Russian Revolution. London, 1921.
Р. 80–164 / Пер. с англ. О.В. Кузнецовой.

Anastasiya A. Sotnikova

«MY REMINISCENCES OF THE RUSSIAN REVOLUTION» BY M. PHILIPS PRICE

the book by the well-known British journalist Morgan Price, which appeared to be sold in England in 1921, had several main goals. First, the author told about his job in the Russian Empire during its revolutionary transformation into a democratic society. Price not only stated his attitude towards the revolution, its leaders and their opponents, but also recorded the course of the reforms, presenting them as gradually staged and multifunctional. Secondly, the author reveals his sympathy to the revolution, the people, who after long years of slavery has spoken up for their rights and freedoms. Depicting the actions of simple serfs, soldiers and workers, Price shows them, not their leaders, as revolution creators. Moreover Price offers a unique portfolio on all the political leaders of the revolutionary Russia, depicting in details their appearance, manners and behavior, having recorded them while officially speaking. This book played an important role in forging the attitude of British society towards the changes in Russia. It helped to eliminate misbeliefs and to estimate the Russian Revolution as a typical course of political changes, which at a certain moment took place in all European countries.

Preparation of the text and comments by Sotnikova Anastasia Alekseevna — Secretary of the Scientific Council of the RAS «The History of Social Reforms, Movements and Revolutions»

Подготовка текста и комментарии:

Сотникова Анастасия Алексеевна

секретарь Научного совета РАН по истории социальных реформ,
движений и революций

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Уважаемые авторы!

Журнал является научным, по тематике — историческим.

В редакцию журнала предоставляются три документа в отдельных файлах:

1. Статья (публикация источника, рецензия).
2. Аннотация к статье (публикации источника, рецензии).
3. Сведения об авторе.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ТРЕБОВАНИЯ

Редакция журнала принимает все материалы (текст статьи, аннотацию, сведения об авторе) только в электронном виде в редакторе Microsoft Word (с расширением «.doc» или «.rtf»), набранные шрифтом Times New Roman без автоматических переносов. В имени файлов обязательно указывается фамилия автора.

СТАТЬЯ

Объем статьи — от 1 до 2 авторских листов (40–80 тысяч знаков с учетом пробелов); кегль — 14, первая строка с отступом, межстрочный интервал полуторный. По согласованию с редакцией принимаются статьи и большего объема. Обязательными компонентами статьи являются:

ФИО автора и заголовок статьи

О.А. Сухова

ГУБЕРНАТОРЫ ПОВОЛЖЬЯ И УРАЛА В НАЧАЛЕ XX В.

Ключевые слова (после статьи указываются 4–6 понятий, терминов, имен собственных, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

Ключевые слова: П.А. Столыпин, И.А. Блок, контроль за губернаторами, крестьянский террор

Сноски

Оформление сносок:

Сноски в статье следует проставлять постранично («внизу страницы»), их нумерация должна быть сквозной (например, с 1-й по 32-ю); шрифт (кегль) — 12.

Иванов И.И. История европейских стран. М., 2002. С. 14.

Иванов И.И. К вопросу о развитии европейских стран // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 1–11.

Для иностранных изданий: *Johnson J. The History of USA. London, 2002. P. 14.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Список использованной в статье литературы следует представить в конце статьи в романском алфавите.
2. Список литературы (References) в романском алфавите для международных баз данных, повторяет все источники литературы, независимо от того, имеются ли среди них иностранные. Если в сносках на русском есть ссылки на иностранные публикации, они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите.

3. Транслитерируются фамилии авторов и русскоязычные названия источников. Переводятся названия статей, монографий, сборников статей, конференций.

Пример:

Кочукова Е.В., Павлова О.В., Рафтопуло Ю.Б. Система экспертных оценок в информационном обеспечении ученых // Информационное обеспечение науки. Новые технологии: Сб. науч. тр. М.: Научный Мир, 2009. С. 190–199.

Kochukova E.V., Pavlova O.V., Raftopulo Yu.B. The system of peer review in scientific information provision // Information Support of Science. New Technologies: Collected papers [Sistema ekspertnykh otsenok v informatsionnom obespechenii uchenykh. Informatsionnoe obespechenie nauki // Novye tekhnologii: Sb. nauch. tr.] Nauchnyi Mir, Moscow. P. 190–199.

4. Список литературы в латинице может готовиться с помощью систем транслитерации свободного доступа (<http://www.translit.ru>) и переводчика Google. Вручную делать транслитерацию не допускается в целях избежания ошибок.

АННОТАЦИЯ

Аннотация с указанием названия статьи и фамилии автора представляется в отдельном файле (.doc или .rtf).

1. Название файла: «Фамилия автора — Аннотация».
2. Объем: 1 500–2 000 знаков с пробелами.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

В отдельном файле (.doc или .rtf) должны содержаться:

1. Фамилия, имя, отчество автора (полностью).
2. Ученая степень, звание, должность и место работы (полное название учреждения, города, страны).
3. Контактная информация: адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы (служебный, мобильный), e-mail.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Публикация в журнале может сопровождаться иллюстрациями.

1. Иллюстрации и фотоснимки в электронном виде высылаются отдельными файлами: формат TIFF или JPG; размер не менее 2 Мб.
2. К иллюстрации необходима подпись с описанием события, объекта и датировкой. Также следует указать привязку иллюстраций к тексту статьи в отдельном документе (.doc или .rtf).
3. Редакция оставляет за собой право подбора или замены иллюстраций к статье.

Члены редколлегии в трехмесячный срок принимают решение о публикации присланного материала.

Материалы высылаются на электронный адрес:
historical.reporter@gmail.com

Материалы журнала включены в систему
Российского индекса научного цитирования.

Для заметок

Для заметок

Для заметок

Компьютерный набор редакции. Дизайн и верстка Ю.В. Филимонова.
Подписано в печать 26.09.2018 г. Формат 70×100 1/16. Усл.-печ. л. 25,5. Заказ № 340

Адрес редакции: 105005, Москва, Аптекарский пер., д. 4, стр. 2, офис 214
Тел.: +7 (495) 737-76-32, факс: +7 (495) 730-61-76
E-mail: info@runivers.ru

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-51055 от 03 сентября 2012 г.

© АНО «Руниверс», 2018

*Материалы, публикуемые в журнале «Исторический вестник», могут не совпадать
с точкой зрения редакции.*

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии Издательского центра РГГУ. Адрес: 125993, Москва, Миусская пл., 6.
Электронная почта: kentavr@rggu.ru. Тел.: +7 (499) 973-42-05

Журнал издается при поддержке ООО «НИКОХИМ».

Очередной выпуск журнала будет носить название «Эллинизм: личность, власть, общество» и посвящен проблемам государственности эллинистического мира. В нем будут рассмотрены вопросы, связанные с монархическим государственным устройством, эволюцией полиса после завоеваний Александра Великого, идеологией и пропагандой, биографиями политических деятелей эпохи эллинизма.

ПРОЕКТ РУНИВЕРС

Свободный доступ к материалам по отечественной истории и культуре

Тысячи дореволюционных книг и журналов

Старинные атласы с уникальными картами
русских земель и городов

Все дореволюционные военные энциклопедии

Полное собрание законов Российской империи

Собрание архивных документов

Это и многое другое вы можете найти на сайте www.runivers.ru

Книжная серия «Наглядная хронология»

Планируется выпуск следующих изданий:

От Руси к России (X–XVI века)

Рождение Российского царства

Россия в эпоху Смуты

Россия при первых Романовых

Россия при Петре Великом

Россия в эпоху дворцовых переворотов

Россия при Екатерине Великой

Россия в первой половине XIX века

Россия во второй половине XIX века

Россия в XX веке